

В. В. Розанов

Последние листья

**Последние листья
1916 год**

**Последние листья
1917 год**

**Война 1914 года
и русское возрождение**

В.В.Розанов

Собрание
сочинений

В. В. Розанов

Последние листья

Последние листья
1916 год

Последние листья
1917 год

Война 1914 года
и русское возрождение

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина

Москва
Издательство «Республика»
2000

УДК I
ББК 87.3
Р64

Составление
и комментарии
А. Н. Николюкина

Расшифровка рукописи "Последних листьев"
А. Н. Николюкина
и *А. А. Ширяевой*

Указатель имен
В. М. Персонова

Федеральная программа
книгоиздания России

Розанов В. В.
Р64 **Собрание сочинений. Последние листья / Под общ. ред.
А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 2000. — 382 с.
ISBN 5—250—02751—2**

В настоящем томе Собрания сочинений В. В. Розанова впервые публикуются по рукописям "Последние листья. 1916 год" и "Последние листья. 1917 год". В него вошла также книга очерков "Война 1914 года и русское возрождение" (1915 г.). Мысли писателя о судьбах России, о проблемах религии и культуры, семьи и пола, с которыми читатели уже познакомились по предыдущим томам, получают в "Последних листьях" дальнейшее развитие.

Издание рассчитано на тех, кто интересуется историей русской философской и социальной мысли.

ББК 87. 3

ISBN 5—250—02751—2

© Издательство "Республика", 2000
© А. Н. Николюкин, составление, 2000

Последние листья. 1916 год

3.I. 1916

Неумная, пошлая, фанфаронская комедия.

Не очень "удавшаяся себе".

Ее "удача" произошла от множества очень удачных, остроумных выражений. От остроумных сопоставлений. И вообще от множества остроумных подробностей.

Но поистине лучше бы их всех не было. Они закрыли собою недостаток "целого", души. Ведь в "Горе от ума" нет никакой души и даже нет мысли. По существу, это глупая комедия, написанная без темы "другом Булгарина" (очень характерно)...

Но она вертлява, игрива, блестит каким-то "заимствованным от французов" серебром ("Альцест и Чацкий" А. Веселовского) и понравилась невежественным русским тех дней и последующих дней.

Через "удачу" она оплоскодонила русских. Милые и глубокомысленные русские стали на 75 лет какими-то балаболками. "Что не удалось Булгарину — удалось мне", — мог бы сказать плоскоголовый Грибоедов.

Милые русские: кто не ел вашу душу. Кто не съедал ее. Винить ли вас, что вы такие глупые сейчас.

Самое лицо его — лицо какого-то корректного чиновника Мин. иностр. дел — в высшей степени противно. И я не понимаю, за что его так любила его Нина.

"Ну, это особое дело, розановское". Разве так.

* * *

5.I. 1916

Поблядовать всем хочется...

Спорьте, порицайте, проклиняйте, отрицайте: но... поблядовать хочется.

Да и в самом деле, метафизика: Гракх старший и Гракх младший родились от матери своей Корнелии, когда она, матушка, отвалившись на спину, "вкусно" поблядовала со своим бесцветным и бездарным мужем. Так "поддала" — что вот и выскочили два таких заядлых мальчишки, с которыми весь Сенат не мог справиться. Сенату было бы нетрудно справиться, если бы в ту минуту ей не было так "вкусно", горячо и сладко. А как было "сладко" — то "ничего не поделаешь".

Да что толковать: детишки рождаются вообще не от "хорошего поведения" наших жен: а оттого, что наши матушки, каждая, была "хорошей блядью" под мужем на тот час; не как эти торговые дуры по улицам, вялые и холодные, а блядью во всем блядовском величии, так что взглянувший сказал бы:

"Ну-ну..."

И Корнелия, и все...

И матери пророков и святых...

Но я не к тому, а обширнее. Моя мысль простирается до дерзости сказать, что целомудреннейшие и чистейшие женщины таят под наружным покровом ледяного спокойствия, формы и величия, — инстинкт к "абсолютной простоте" в этом отношении, инстинкт "пережить минутку", когда все дозволено, и — "со всеми", с множеством, ей-ей — со слоном, с тигром, а уж с *minimum* — с чухонцем, корявою дрянью, с рабом, негром, слугою. "Чем ближе к животному — тем лучше". О, великие ночи, священные ночи, страшные ночи. Они — *есть, есть, есть*. И — извечно.

И вот — сатурналии. У строжайшего в мире народа, где были все сплошь Милюковы (лидеры партий).

"Партия-то партией. А хочется и под землю".

И вот матроны собрались в ночи. В катакомбах. И творили то, от чего Сенат опять смутился.

Эх, Сенат: коротко твое дело. Безносое. Все — законы, *leges*. "Везут ли хлеб в Остию" (гавань Рима, устье Тибра). А ведь кому-то хлеб надо есть, жрать. Ротишкам человеческим. А ведь "ротишка"-то и "не-ма́", если мы... собравшись в ночь, они кружились, крутились, выше подымая ноги, бедра, бесстыдно раздвигая бедра, с этим зовущим:

— Вкушай меня. Или я тебя проглочу.

Разрыв. О, хочется разодрать руками, ногтями. У матрон, "таких милых вчера", сегодня отрастают когти тигриц, и они впиваются, впиваются и пьют кровь человеческую, сок человеческий, тело человеческое.

"Священное тело"...

Как будто оно все теперь из сосков, и все рты припали к соскам и пьют, пьют...

Безумие.

Из которого рождается Разум — Человек.

Будущий коллежский ассессор.

Да. Даже коллежского ассессора нельзя родить, не "поблядовав маленько". И весь вообще мир — из блядовства.

"Священное блядовство".

В сатурналиях было подчеркнуто и "обведено рамкою": что всякий огонь на земле и всякая искра жизни происходит вот "из того", что "мы здесь делаем под землею".

"Подземные боги", "хтонические боги". Ночные, страшные. Страшные и прекрасные. Страшные и необходимые.

”Я строга. Целомудренна и прекрасна. Но одну неделю в году я хочу, чтобы меня никто не видел: и я пойду в ней по улицам и отдамся всякому, старику, гнилому, *противоположному мне*, мальчишке бездомному, нищему... лучше бы негру, лучше бы всего слону: и пусть он войдет в меня, огромный и чудовищный, невиданный и неслыханный, и разорвет меня, *раздерет*: и я с *ах! ах! ах!* умираю!!! умру, чтобы воскреснуть ”в третий день по Писанию” и вообще ”в жизнь Вечную”, ”где ангелы... Где боги. И я буду ангелом и богом”.

Но я отвлекся в сторону от мысли о коллективности, на которой особенно настаиваю.

”Пусть *все* придут и пьют мои груди. И все придут и войдут в **СОКРОВЕННАЯ** меня... Под землею, где не видно. Но все, именно все. О, я хочу быть океаном и напоить всю землю”.

”И пусть пьет мое молоко козел”.

”И пусть топчет мои груди копытами осел”.

”И пусть пантер совокупляется со мною”.

”Вся” и ”для всех”.

(услышав рассказ кн. В-ского, мне и Бурнакину как в одном чрезвычайном собрании особа совершенно неожиданная сказала, обращаясь к мужчинам: "traitez nous en coquottes"¹. И как Бурнакин, муж очень счастливый и счастливой жены, заскакал при этом, весь засветившись улыбками. И закричал: "Это есть, есть, — и во всех женщинах, самых чистых")

* * *

9.I. 1916

Кого любить, тебя, его, весь свет? Но ведь тогда выйдет бл...ство!
Ее, тебя, одну тебя, тебя вечно...

О, тогда было бы хорошо: нам. Одним?

Одним, solo.

О, это хорошо. Забыть весь свет — думать только о себе. Отлично...

Летит планета, кружится, в мировом холоде, и замерзают и отлетают с нее снежинки — люди, сосульки. Люди, замерзшие, обледенелые.

”Которых Бог забыл”.

Забыл?

Если человек забыл, как будет Бог помнить? Бог ”помнит” через человека, — заставляя помнить человека...

Но это ”бл...во”. Всех помнить? О, бл...тво.

Бл...ди, целомудренные, — целомудренные бл...ди, кружатся, мерзнут, оттаивают, улыбаются, умирают... Шабаш, шабаш, круги, круги, свальный грех, ”все вповалку”.

Господи: где же правда, в замерзании или в ночной теплой вони?

(в редакции внезапно)

---

¹”относитесь к нам, как к кокоткам” (фр.).

* * *

9.I. 1916

Дух истории и историчности вытекает из чувства благодарности, и его не может быть у лица с неблагодарным сердцем, и если где некогда не за что благодарить.

Его нет у Терсита и в Монако.

* * *

10.I. 1916

Темный и злой человек, но с ярким до непереносимости лицом, притом совершенно нового в литературе стиля.

(résumé о Некрасове)

В литературу он именно "пришел", был "пришелец" в ней, — как и в Петербург "пришел", с палкою и узелком, где было завязано его имущество. "Пришел" добывать, устроиться, разбогатеть и быть сильным.

Он, собственно, не знал, как это "выйдет", и ему было совершенно все равно, как "выйдет". Книжка его "Мечты и звуки", — сборник жалких и льстивых стихов к лицам и событиям, показывает, до чего он мало думал быть литератором, приносившись "туда и сюда", "туда или сюда". Он мог быть и слугою, рабом или раболепным царедворцем — если бы "вышло", если бы продолжалась линия и традиция людей "в случае":

На куртаге случилось оступиться, —
Изволили смеяться...
Упал он больно, встал здорово.
Был высочайшей пожалован улыбкой.

Все это очень могло бы случиться, если бы Некрасов "пришел" в Петербург лет на 70 ранее. Но уже недаром он назывался не Державиным, а Некрасовым. Есть что-то такое в фамилии. Магия имен...

Внутренних препон "на куртаге оступиться" в нем не было никаких: и в Екатерининскую эпоху, в Елизаветинскую эпоху, а лучше всего — в эпоху Анны и Бирона он в качестве 11-го прихлебателя у "временщика" мог бы на иных путях и иными способами сделать ту "счастливую фортуна", какую лет 70 "после" ему приходилось сделать и он сделал, естественно, уже совершенно другими способами.

Как Бертольд Шварц — черный монах, — делая алхимические опыты, "открыл порох", смешав уголь, селитру и серу, так, марая разный макулатурный вздор, Некрасов написал одно стихотворение "в его насмешливом тоне", — в том знаменитом впоследствии "некрасовском стихосложении", в каком написаны первые и лучшие стихи его: и показал Белинскому, с которым был знаком и обдумывал разные литературные предприятия, отчасти "толкая вперед" приятеля, отчасти думая им "воспользоваться как-нибудь". Жадный до слова, чуткий

к слову, воспитанный на Пушкине и Гофмане, на Купере и Вальтер-Скотте, словесник удивленно воскликнул:

— Какой *талант*. И какой *топор* ваш талант.

Это восклицание Белинского, сказанное в убогой квартирке в Петербурге, было историческим фактом — решительно начавшим новую эру в истории русской литературы.

Некрасов сообразил. Золото, если оно лежит в шкатулке, еще драгоценнее, чем если оно нашито на придворной ливрее. И, главное, в шкатулке может лежать его гораздо больше, чем на ливрее. Времена — иные. Не двор, а улица. И улица мне даст больше, чем двор. А главное или по крайней мере очень важное — что все это гораздо легче, расчет тут вернее, вырасту я "пышнее" и "сам". На куртаге "оступиться" — старое. Время — перелома, время — брожения. Время, когда одно уходит, другое — приходит. Время не Фамусовых и Державиных, а Figaro-çi, Figaro-là¹.

Моментально он "перестроил рояль", вложив в него совершенно новую "клавиатуру". "Топор — это хорошо. Именно топор. Отчего же? Он может быть лирой. Время аркадских пастушков прошло".

Прошло время Пушкина, Державина, Жуковского. О Батюшкове, Веневитинове, Козлове, кн. Одоевском, Подолинском — он едва ли слышал. Но и Пушкина, с которым со временем он начал "тягаться" как властитель дум целой эпохи, — он едва ли читал когда-нибудь с каким-нибудь волнением и знал лишь настолько, чтобы написать параллель ему, вроде:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Но суть в том, что он был совершенно нов и совершенно "пришелец". Пришелец "в литературу" еще более, чем пришелец "в Петербург". Как ему были совершенно чужды "дворцы" князей и вельмож, он в них не входил и ничего там не знал, — так он был чужд и почти не читал русской литературы, и не продолжал в ней никакой традиции. Все эти "Светланы", баллады, "Леноры", "Песнь во стане русских воинов" были чужды ему, вышедшему из разоренной, глубоко расстроенной и никогда не благоустроенной родительской семьи и бедной дворянской вотчины. Сзади — ничего. Но и впереди — ничего. Кто он? Семьянин? Звено дворянского рода (мать — полька)? Обыватель? Чиновник или вообще служитель государства? Купец? Живописец? Промышленник? Некрасов-то? Ха-ха-ха...

Да, "промышленник" на особый лад, "на все руки" и "во всех направлениях". Но все-таки слово "промышленник" в своей жесткой филологии — идет сюда.

---

¹ Фигаро здесь, Фигаро там (*фр.*).

”Промышленник”, у которого вместо топора — перо. Перо как топор (Белинский). Ну, он этим и будет ”промышлять”. Есть промышленность, с ”патентами” от правительства, и есть ”промыслы”, уже без патентов. И есть промыслы великороссийские, а есть промыслы еще и сибирские, на чернобурую лисицу, на горностаю, ну — и на заблудившегося человека.

(перервал, вздумав переделать на фельетон. См. фельетон)

* * *

11. I. 1916

Как при ”обработке голоса” (школа, консерватория) прибавляются ”две ноты сверху” и ”две ноты снизу”, — диапазон расширяется, голос ”вытягивается”, — так точно нельзя усомниться, что, ”обрабатываясь” далее и далее в законе чадородия, евреи ”вытягивали” линию плодоношения, ураня *начало* его и *упоздняя* конец. И это входило в ноуменальную мысль чадородия. ”Жезл Ааронов”, т. е. по идее и факту давно срубленная палка, давно высохшая и обделанная в ”жезл”, т. е. *столярная поделка* — чудесно *прорастает* и выкидывает ветви. Это — упозднение, осеннее ”выкидывание цветов” яблонями и вишнями. Символ говорит, внушает: ”Не взирайте на засохшее чрево и иссохшие сосцы старицы, не смотрите на прекращение менструаций: ваше дело — *продолжать совокупляться*. И вы всегда можете ждать, что над вами совершится чудо”. Замечательно, что ”клима[к]терический период” продолжается иногда года два: регулы то прекращаются, то вновь повторяются, возобновляются. Можно быть уверенным, что женщина в клима[к]терическом периоде, выйдя замуж за юношу, опять бы расцвела и у нее появились ежемесячные. Таковое же замужество с юношею могло бы, я думаю, возобновить вообще не так давно прекратившиеся регулы и даже, может быть — прекратившиеся года 1½. У старцев, во всяком случае при женитьбе на юных, ”силы восстанавливаются”. Этим объясняется неодолимое желание старицами и старцами — юных. ”Убегаю старости и возвращаюсь в юность”. На посмертном портрете К. Маковского (в ”Нов. Вр.”) была напечатана ”Семейная группа” художника: жена его, с тремя младенцами на руках и около плеч, веселая, цветущая — сидит возле художника мужа, который ласково протягивает к ней руки. У знакомого мне ученого художника (В. Влад. Суслов) дети *каждогодно* рождаются, и жена его говорит: ”Во время беременности проходят у меня всякие недомогания”. Она страстно любит мужа, ревнует его (он еще ухаживает), ей 28, ему 58. Она говорит: ”Я счастливее всех моих сестер” (замужних). Она помещица Саратовской губернии. Вообще, к чести и благородству женщин, нужно заметить, до чего оне рады родить именно от стариков. Оне дают жизнь ”засыхающим стволам” и восхищены сыграть свою космологическую роль. Дай Бог, чтобы подобное разыгралось в юношах и они получили желание сосать сосцы

стариц (ничуть не увядающие, — как мне случалось наблюдать). Нужно заметить, что старица, если она правильно рожала всю жизнь и была верна мужу, вообще целомудренна, — стареет *одним лицом*: я знал 40-летнюю, у которой груди, маленькие и полные, были как у девушки 15—17 лет (они не были *очень* маленькие и необыкновенно изящны) и все остальное тело было "как яичко", твердое, юное. Для поцелуев и ласк оно было прелестно. Инстинкт жениться на "старше себя", чаще всего лет на 17, — космологически целесообразен, и он есть. Но его надо культивировать. Оставляя примеры, возвращаюсь к основной мысли. Диапазон растягивается от культуры, от воспитания. И предпосылки ему *есть*. Лет 18 назад я встретил на гулянье свояченицу (сестру жены) Е. А. Е-ва: у него (Е-ва) жена была плотная, красивая, с могучею шеею, нежная и молчаливая. Увидав ее сестру, я удивился, что она "в том же роде", но еще дебелее: настоящая трамбовка (трамбуют мостовую). Застенчиво шла около нее девочка, в коротком платьице, и застенчиво мне протянула руку при словах матери: "Моя дочь". "Сколько же ей лет", — спросил я. "Одиннадцать", — ответила ее мать. Она была не только сформировавшаяся (грудь и проч.), но была крупнее, "обильнее" телом обеих сестер женщин.

От Фед. Ил. Булгакова (ред. "Нов. Вр.") я с удивлением выслушал, что у сестры одного писателя, мне очень неприятного, месячные появились не то на 9-м, не то даже на 8-м году: что-то невероятное. Ему не было никаких причин выдумывать.

Но "месячные" — возможность "родов": при культуре брака несомненно с первыми месячными уже отдавались замуж, ибо "кто может родить — совокупление тому безболезненно" (аксиома), ибо "от чего родят", всегда раз в 7—8 менее объема всякого рождающегося ребенка.

Но "культура растягивала брак": и я думаю нормально в тех странах для замужества отнюдь не дожидались появления регул, рассчитывая основательно, что брак и совокупления помянут вперед месячные, как лопухом травы мы заставляем вытянуть вперед шею — корову. Месячные, которым "прийти бы на 13-м году", появлялись на год, на два раньше этого срока, если девушка вступала в брак лет 11-ти, десяти. В Талмуде записано о случаях брака до того ранних, что стыдно цитировать, и я до сих пор думаю, что это — опечатки (5 лет, 4 и раз $3\frac{1}{2}$ года) (у Переферковича; цитату лень искать, но хорошо помню). По Талмуду — правило: срок вступления в брак определяется появлением *первых трех волос* на соответственном месте. Тогда отрока или отроковицу приводили в храм, покупали жертвенного ягненка, над ним состригали эти три волоса, которые падали в волну жертвенного зверька: и приносили в жертву Богу этого ягненка. По наблюдениям в бане я знаю, что на лице отрока не появляется еще никакой растительности, выражение лица не только гладкое, но и невинного, чистейшего мальчика: между тем как орган совершенно сформирован, "здесь" он — совершенно взрослый мужчина, хоть бы 30-ти лет, и волос не "три",

а — подушка ("хоть набивать подушку"). Присматриваясь к этому — просто поражаешься. Зачем же это космологически? Зачем Космосу — столь раннее? *Да, очевидно, in naturo regum*¹ предусмотрено и предуказано, во-первых, чистейшая невинность, в коей брак должен заключаться. И (моя гипотеза) — что касается отроков, они должны быть утешением старости стариц. Ну, или близящихся к старости, лет 42, 46, 48. Тогда старость для них отодвинется, и они станут "старицами" не в 52 года, а в 62 года. "Сара" здесь уже выглядывает в окошечко и смеется: "Господи... вот Розанов и *меня* не забыл, когда нами пренебрегает весь мир".

* * *

11.I. 1916

Для того чтобы любить отечество — нужно что-нибудь для него *сделать*.

Но эти господа — от декабристов до социалистишек — старались только в чем-нибудь повредить России.

И естественно ее ненавидеть.

(*"как разрешается проблема"*)

* * *

12.I. 1916

Господи, я ничего так не хочу, как Тебя.

Но я Тебя не знаю.

(*глубокая ночь*)

* * *

14.I. 1916

Не возраст и не мой порок, но что-то глубоко истинное шепчет мне, что "разврат есть сущность мира"... В сущности, *так* думают и монахи, отвергая брак, или (что одно и то же) поставив девство, "нетронутость", выше брака. Они как бы говорят, т. е. говорят все святые церкви: "Знаем мы вас..." "Кружевца, тюльчик, бледность мадонны у невесты — но *не в этом дело*..." "Радость родителей об устройении дочери, "пристроилась" и проч., но — тоже не в этом дело..."

Действительно, не в "этом". Никто не признается, все отрицаются, но втайне безусловно каждый, кроме одних маленьких детей, знает, что *не в этом "дело"*...

Дело в 1 1/2—2—3-х минутах, когда "небеса ржут, вселенная угощает молоком, любовники стонут, задыхаются, ничего не помнят, не помнят родителей, не нужно им будущих родов: и наступило великое СЕЙЧАС,

---

¹ В природе вещей (*лат.*).

только СЕЙЧАС, одно СЕЙЧАС, которое поглотило весь мир и проглотило их самих”...

Муж проглотил жену, проглотившую мужа.

И вот опамятовались. ”Мы живы?” — Да: и жив третий — ребенок ваш. Но о нем они не думали, никто не думал. Бабушка и дед его — не думали. Подумал один Бог.

Точнее — как-то и почему-то ”дал младенца — в вечную жизнь” (с потомством уже самого младенца).

Но до последней степени очевидно, что младенец собственно не играет в эти 1 1/2 минуты никакой роли. Он забыт. До бешенства, до искоренения. Собственно, если бы в эти 1 1/2 минуты ”родители” помнили, что они ”зарождают младенца” — то он ни в каком случае бы не родился по убожеству этих 1 1/2 минут, их хладности и притом проклятой хладности. По изуродованности этих 1 1/2 минут. Он родился бы хромым, в насмешку, идиотом. В нем не было бы никакой жизни, и он был бы воистину скорбью мира, посмешищем в миру, тяготился бы собою и всех бы отягощал. Он был бы нищий, самоубийца или преступник, потому что самое его зачатие было бы преступным.

Нет.

Суть в забвении. И сказано — ”небеса ржут” — и больше ничего.

Аскеты правы: не в зефирах дело, а ”вот когда заржут все... все... оба... и им покажется, что ржет весь мир”.

Что же такое, в чем дело? Что в сей минуте, которую никто не описал и изъяснить которую кажется невозможно?

Как известно, она беспамятна. *Dernier moment*¹ — беспамятен. Его не помнят сами участники, сами совершители.

Но около? В приближениях? ”Если нельзя постигнуть зерно, рассмотрим почву, в которой оно лежит”.

Эта почва — минуты ”перед”. Суть их — в снятии ”стыда”, того ”стыда”, о котором и смысле коего столько всемирных споров.

Минуты ”перед” — величайшего бесстыдства. Все, что всегда таилось и всеми утаивается, — обнажается, открывается. И... смотрите внимательнее — это, именно это, только это и исключительно это — обращает к себе, вызывает собою, родит из себя такие ласкания, какие совершенно немыслимы ни в отношении чего в мире, не даются родителям, не даются детям, не даются друзьям, не даются царю, герою, победителю, композитору, Рафаэлю, Бетховену. Удивительнее всего, что подводится это к мраку ночи, когда ничего не видно, лица не видно, когда нет ”милрой жены” и ”почитаемого мужа”, а в тени и мраке и распознается только это, и для распознавания ”это” располагает устроенными космологически признаками. ”Есть цветы, которые благоухают только ночью” — вот подчеркнутость смысла пахучести одних половых органов в мире, или их — преимущественно: т. ч. пахучесть ствола

¹ Последний миг (фр.).

дерева или всего тела у животных — явно имеет корнем себе ("откуда все растет") пахучесть собственно половой сферы. И вот еще знак: когда эти "минуты" по исключению бывают днем — *любовники закрывают глаза.*

Инстинктивно, неодолимо.

"Глаз не нужно, смотреть нельзя".

Потому что это *далеко*. Смотрим *издали*?

Что же это значит? Значит, что космологически запрещено удаление; как бы кто-то велительно прошептал: "сближайтесь".

Сближайтесь через обоняние? Сближайтесь через дыхание?

Что же может сделать бедный человек, когда ароматы гремят. Он (они) сближаются.

Вдыхают, обоняют.

"Вдыхание" тем замечательно, что оно *не матерьяльно и не нематерьяльно*. Вдыхается именно материя, но не втягивается носом никакой предмет, вещь. Вдыхается материя нематерьяльная, невесомая (потому что ведь запах не весит) и входит во вдыхающего, ложась прямо на мозг его, "о котором никто ничего не знает" (т. е. в *сути*), — кроме одного, впрочем, что в мозгу рождаются желания, образы... Посему если "желание" есть, а нет *около* желаемого существа — нос уже "что-то вдыхает", ищет "вдохнуть" и заставляет (в ночи по запаху) искать "подобного себе". Так происходят сближения и животных ночью. "Ночью цветы особенно благоухают", и можно думать, что на ночь падает обострение самой способности обонять, а может быть, в ночи аргюг'но рождаются и влечения к пахучестям, перерождается — против дневного — категория влекущих запахов...

О дальнейшем скажем через Диану Эфесскую: тысячи, смотревшие ее, не обратили внимания, что несколько рядов "грудей", обрамляющих грудную клетку богини, на самом деле вовсе не суть груди по явному и *подчеркнутому* в них отсутствию *сосков*. Пусть, взяв изображение, каждый взглянется: и все ахнут от изумления. "Конечно, это не груди!!! Не только нет соска, но и вовсе другая форма... массивная, тяжеловесная, от которой "ржут небеса" и стонет вся вселенная. Но *помещены они*, — в таком числе!! — *на том месте тела богини*, где предполагаются и должны бы быть соски, к которым (ведь она богиня) "припадает вселенная"...

И она "припадает": действительно припадает в тех ночных беспмятных ласках, о коих ласкающиеся никогда не скажут и всякий их начинает сам, от себя и про себя. Здесь великое "САМ". Никто не учил, "САМ ЗНАЮ". Потому что априория, п. ч. ноумен, "врожденная идея" и мировое повеление гремит...

Что же это значит, что такое в совокупности?

Мрак. Ночь. Ничего не видно. "Скрылись лицо невесты и жениха и мужа и жены". И они, разумные и сознательные, "совершают хождение в Мекку", всю жизнь отрицаемую или всю жизнь скрываемую. Между тем это совершается довольно часто, и нельзя не сказать, что это в конце

концов наполняет их жизнь и составляет стержень жизни, стержень связи, любви, любования. Вот странно: никогда не говорят, а "в сущности, этим связаны". Что же это такое и как понять...

В результате — прекрасный младенец, которого никто не "ждал", не "хотел" и в эти часы (минуты) малейше о нем не думал. "Откуда-то взялся" и поистине "спал с небеси". Потому что ведь как же иначе: о нем не молили, его не просили. "Сам взялся"...

Темное всемирное сознание говорит: "Младенец дан как *дар* любящим", любящие "награждены младенцем". Их любовь "получила награду".

Это — она-то? во тьме? и со всем, что проистекает из Дианы Эфесской и из пахучести цветов?

В чем же дело. Боже, в чем?

Опять обратимся к минутам "перед" — расчленим их и назовем, что в них? Если что не оказывается ниже "герою", ниже "царю", — то может оказываться разве одному только Богу. Что же еще больше и выше за героем, за царем, за спасителем отечества? Человеческое проходит и начинается порядок божественных существ. Не так ли? Из космологического устройства "ласок" (не человек же их придумал, ведь все "само собой" и неодолимо) — совершенно вытекает, что предмет их, объект их выходит за чреду мира, и они потому так ласкаются, что им — и притом одним им, исключительно только им — это приличествует, подобает, должно.

"Так вот что выражает Диана Эфесская".

ДОЛЖНО.

Обратим внимание на уничтожение, на как бы нравственное склонение "идолослужителя". Что он делает — он не понимает, не дает отчета себе. Но всякий, кто прорезая взглянул бы на него как в свете, изрек бы: это все "какие-то знаки благоговения, почитания, покорности" — каких не оказывают ни царю, ни герою, ни завоевателю, а только священному предмету или святому существу.

Но продолжим же: так вот — святые были правы, говоря, что дело не в зефирах, а в этом таинственном "идолослужении", от которого кружится голова и самим любовникам кажется, что всюду "лошадиные морды", "бычачьи рога" и "звериные клювы", которые, кстати, украшают странным образом нижние ярусы, от бедр и колен начиная, Диану Эфесскую. Суть брака, как твердят монахи, "не в браке, а в неистовстве". Не в "хорошем поведении", а именно "в нехорошем поведении".

Но это "нехорошее поведение" — одно во всех "бывающих случаях" и даже в "единичных встречах", отсюда, кажется, и течет глубочайший родник вечно сущей проституции... Даже в том, что "острие" брака, самое его острое острие — ничуть и ни одной капли не отличимо от проституции. И воистину каждая целомудрейшая жена и чистейшая дева

потом в браке — становится в эти, т. е. в самые-то главные, в главнейшие из всех главных минут бытия своего — просто обыкновенной проституткой, или, как ругают ее, — "непотребной женщиной", б....., св.... . Тут голова закружится. Потому что это совершенно несомненно, что нет женщины без "непотребства" в ней, и восхождение ее на самые, на самый престол бытия ее, личного и особенного бытия, "призвания", — есть в то же время нисхождение в "непотребство", б..... . Нужны ли здесь самые грубые слова, грубо-ругательные, грязнящие, хлещущие "по морде женщину", чтобы постигнуть какое-то невероятно быстрое движение в зерне дела — понятия, в этом страшном водовороте, о котором мы говорим. Тут "воронка мира", "глубь мира"... "Ах ты, шельма, б..., прорва, вонь, паскуда: естество твое — омерзительное, и вся ты — вонь и воняешь, топчу тебя ногами"; вдруг из-под ног, ваших и целого мира, подымается она "вся в лучах": "Я исполнила свое назначение, а вот — ребенок мой". Чудо. Загадка. В одной секунде — весь мир. Ибо без "этого" она просто — резиновая, — кукла, и не только не "человек", а просто манекен из "Американской резиновой мануфактуры".

А с "этим" — что-то больше человека. В лучах. Посему греки и изобразили: Диана Эфесская.

Но что же, что же дальше, грязь — фимиамы, паскудство — живое, выше человеческого... Открываются занавесы, скрывавшие древние "проституции" как загадку мира, как вечный вопрос наших ученых. "В самом деле, в паскудстве — все дело". Без него — нигде, без него — ни крупинки живой материи.

В паскудстве — Солнце. Другое солнце, живое солнце. О, тогда понятны и хлысты и их — если он есть — свальный грех? "Испытаемте и сведем солнце в эту избу"... Теплая, парная, вонючая. Мудрые мужики нюхают и говорят: "К нам сюда сегодня бог придет". Бог не бог, а Диана Эфесская явно тут, между ними, также с своеобразными сосками, к которым припадают жадные рты.

И ржут. Хлысты и небеса. Вонько. Скверно. Но они уже знают тайну мира, что "где гадко — там и свято".

Тогда не понятно ли стремление всех людей к разврату? Ах, ведь он есть. Сопоцько писал, что "его и праведники не избежали", что падали "даже архиереи". "Все тут". Вся "юдоль людская". Тогда понятна какая-то неразрывная связанность "святости" с "грехом" и наша хлыстовская и "святая Русь".

Мир, история, сама даже вселенная — вечное "бл...во". Все танцует, движется, родится, (увы) ложится, (ура) встает и даже не обтирается, а продолжает вертеться, танцовать, визжать, петть, хрюкать, всякими голосами, и снова валится. Как в той вонючей избе у хлыстов, блаженствует, поет, взывает: "С нами Бог! с нами Бог..."

Ну, историк тут убежит.

Политик-эконом убежит.

Один Розанов останется.

16.I. 1916

Я не хотел бы читателя, который меня "уважает". И который думал бы, что я талант (да я и не талант). Нет. Нет. Нет. Не этого, другого.

Я хочу любви.

Пусть он не соглашается ни с одной моей мыслью ("все равно"). Думает, что я постоянно ошибаюсь. Что я врала (даже). Но он для меня *не существует вовсе*, если он меня *безумно не любит*.

Не думает только о Розанове. В каждом шаге своем. В каждый час свой.

Не советуется мысленно со мною: "Я поступлю так, как поступил бы Розанов". Я поступлю так, что Розанов, взглянув бы, сказал — *да*".

Как это возможно?

Я для этого и отрекся с самого же начала от "всякого образа мыслей", чтобы это было возможно! (т. е. я оставляю читателю всевозможные образы мыслей). Меня — нет. В сущности. Я только — веяние. К вечной нежности, ласке, снисходительности, прощению. К любви.

Друг мой: ты разве не замечаешь, что я только тень около тебя и никакой "сущности" в Розанове нет? В этом сущность и Providentia¹. Так устроил Бог. Чтобы крылья мои двигались и давали воздух в ваши крылья, а *лица* моего не видно.

И вы все летите, друзья, ко всяким своим целям, и поистине я не отрицаю ни монархии, ни республики, ни семьи, ни монашества, — не отрицаю, *но и не утверждаю*: ибо вы никогда не должны быть связаны.

Ученики мои — не связаны.

Но чуть грубость — *не я*.

Чуть свирепость, жесткость — *тут нет меня*.

Розанов плачет, Розанов скорбит.

"Где же мои ученики?"

И вот они собрались все: в которых только любовь.

И это уже "мои".

Потому-то я и говорю, что мне не нужно "ума", "гения", "значительности"; а чтобы люди "завертывались в Розанова", как встанут поутру, и, играя, шумя, трудясь в день, $\frac{1}{10}$ минутки вспомнили: "Этого всего от нас хотел Розанов".

И как я отрекся "от всего образа мыслей", чтобы ради всегда быть с людьми и ни о чем с ними никогда не спорить, ничем не возражать им, не огорчать их — так "те, которые мои" — пусть дадут мне одну любовь свою, но полную: т. е. мысленно всегда будут *со мною и около меня*.

Вот и все.

Как хорошо.

Да?

¹ провидение (лат.).

16.I. 1916

Вася Баудер (II—III кл. гимназии, Симбирск) приходил обыкновенно ко мне по воскресеньям часов в 11 утра. Он носил гимназическое пальто, сшитое из серого (темного-серого), толстого, необыкновенной красоты сукна, которое стояло "колом" или как туго накрахмаленное, — и это являло такую красоту, что, надевая его только на плечи, — как-то слегка приседал от удовольствия носить такое пальто.

Он был из аристократического семейства и аристократ. Во-первых, — это пальто. Но и самое главное — у них были крашеные полы и отдельно гостиная, небольшая зала, отцов кабинет и спальня. Еще богаче их были только Руне — у них была аптека, и Лахтин. У мальчика Лахтина (Степа) была отдельная, холодная комната с белкой в колесе, а на Рождество приезжала красивая сестра и с нею подруга — Юлья Иванова.

С ними (барышнями) я не смел никогда заговаривать. И когда одна обратилась ко мне, я вспыхнул, заметался и ничего не сказал.

Но мы мечтали о барышнях. Понятно. И когда Вася Баудер приходил ко мне по воскресеньям, то садились спиною друг к другу (чтобы не рассеиваться) за отдельные маленькие столики и писали стихотворение:

К НЕЙ

Никогда и решительно никакой другой темы не было. "Её" мы никакую не знали, потому что ни с одною барышнею не были знакомы. Он, полагаясь на свое великолепное пальто, еще позволял себе идти по тому тротуару, по которому гимназистки шли, высыпая из Мариинской гимназии (после уроков). У меня же пальто было мешком и отвратительное, из дешевенького вялого сукна, которое "мякло" на фигуре. К тому же я был рыжий и красный (цвет лица). Посему он имел вид господства надо мною, в смысле, что "понимает" и "знает" "как" и "что". Даже — возможность. Я же жил чистой иллюзией.

У меня был только друг Кропотов, подписывающийся под записками: *Kropotini italo*, и эти "издали" Руне и Лахтин.

Мы спорили. У меня было ухо, у него — глаз. Он утверждал, насмешливо, что я пишу вовсе не стихи, потому что "без рифмы"; напротив — мне казалось, что скорее он, а не я, пишет прозу, п. ч. хотя у него оканчивалось созвучиями: "коня", "меня", "друг", "вдруг", но самые строки были вовсе без звука, без этих темпов и периодичности, которые волновали мой слух, и впоследствии мы узнали, что это зовется стихосложением. Напр., у меня:

Ароматом утро дышит
Ветерок чуть-чуть колышет...

Но если "дышит" и "колышет" не выходило, то я ставил смело и другое слово, твердя, что это все-таки "стих", п. ч. есть "гармония" (чередующиеся ударения).

У него...

У него были просто строчки, некрасивые, по мне — дурацкие, "совершенная проза": но было зато "созвучие" последних слов, этих *концов строк*, что мне казалось — ничто. Это были и не теперешние белые стихи: это была просто буквальная проза, без звона, без мелодии, без певучести, и только почему-то с "рифмами", на которых он помешался.

Так мы жили.

Я сохранил его письма. Именно, едва перейдя в IV класс, я был взят братом Колею в Нижний, должно быть "быстро развился там" (Нижегородская гимназия была несравнима с Симбирской), "вознесся умом" и написал на "старую родину" (по учению) несколько высокомерных писем, на которые он отвечал мне так:

(сюда поместить непременно, непременно!!! — письма Баудера. См. Румянцевский музей) [позднейшая приписка].

* * *

16.I. 1916

"Я" есть "я", и это "я" никогда не станет — "ты".

И "ты" есть "ты", и это "ты" никогда не сделается как "я".

Чего же разговаривать. Ступайте вы "направо", я — "налево", или вы "налево", я "направо".

Все люди "не по дороге друг другу". И нечего притворяться.

Всякий идет к своей Судьбе.

Все люди — solo.

* * *

17.I. 1916

Есть любовь аналитическая:

или-или.

И есть синтетическая:

и-и.

Первая, если кого выбирает — отвергает всех прочих. Здесь *изменить* — значит забыть, отвернуться, стать равнодушным и даже возненавидеть, презреть.

Вторая, выбирая *еще* — не переменяется ни в чем относительно выбранного раньше или переменяется незаметно, ненадолго ("новобрачие второе"); и вообще здесь не происходит никакой перемены в выбирающем, и лишь очень незначительная перемена в положении выбранного, — перемена и "ограничивающаяся временем собственно новобрачия".

Первая любовь есть любовь лица, индивидуальная, романтическая, христианская, западная, европейская. Она родила моногамию.

Вторая любовь есть любовь существ, животная, "стад человеческих". Она была на Востоке и сложилась сама собою в полигамию.

Как человек есть вообще смешанное существо, то и на Востоке полигамия вечно пререзается лучами личной любви (особенно интересно читать "Шехеразаду"). Наоборот, у европейцев моногамия подпольно вечно переходит в полигамию.

* * *

17.I. 1916

Богатство вообще есть *средство* к существованию: и человек, который "живет", а не "средствует", естественным образом никогда не выберет "целью" жизни заготовление "средств к ней".

Поэтому "буржуи" и "буржуазия" есть совершенно неестественное существование человека и ненатуральный фазис истории.

Его и не было. Например — в средние века. Не было в Риме, у греков. В Халдее не было.

Его нигде не было, кроме нашего века. Воистину отвратительного века.

XIX век есть классический век буржуазии и, м. б., с ним она кончится.

Как она пришла? Откуда пришла?

Ее принесли евреи: и недаром их держали в "гетто", отделении от прочих. Вырвавшись из гетто — они разнесли с собою этот странный, дикий вид существования, который заключается в "заготовлении средств к существованию".

Это — странная, специфически буржуазная нация. Нация, где *все* буржуа, в которой *уже рождаются* буржуями. Адам сотворенный уже нашел *золото* в раю; Товит посылает сына Товию в Экбатаны мидийские получить *долг с процентами*, Иосифа *продают* его братья купцам-измаильтянам, Христос продается за *30 серебряников*.

Есть между *золотом, деньгами и евреями* что-то уроденно-родственное. Они все "золотые", "в золоте", золочёные, "Гольденберги".

Хорошо. Но что́ нам, европейцам, за дело до этого? Мы "выпьём", разнесем "еврейскую лавочку" и устроим "турнир".

Или — "паломничество".

Евреи заразили нас буржуазиею, будем верить — временно. Нам этого просто не надо. Не интересно. Нам интересны миннезингеры, поэзия, "всемирное тяготение".

Буржуазный фазис уродства должен пройти.

Замечательно, что, заразив буржуазией, евреи заразили Европу и социализмом. Естественно и само собою: п. ч. социализм есть только увенчание и завершение буржуазии. То́ исключительное и, в сущности, редкое явление, что "некоторые люди озабочены не самою жизнью, а добыванием средств к жизни", становится "в самую душу цивилизации", и она становится совершенно сумасшедшим спортом добывания средств к жизни — для чего, черт знает. "Скорее, скорее, хлеба, машин,

яиц, хлопка, везите, перевозите, обрабатывайте, ситцы, сахар, яйца, льна, срубайте леса, переделывайте в дрова, переделывайте в паркет, скорее! скорее! скорее!”

— Безголовое чудовище: да зачем тебе все это надо?

Но чудовище давно уже “безголовое” и кричит:

”Скорее, скорее!.. Телефон, машины... Культура, вперед, движемся, летим!”

Совершенно естественно, что та же нация, которая почувствовала золото “уже в раю”, увидела к концу времен — второй и “последний рай”, — тоже в золоте “Гольденберги”.

Для нас это совершенно безумие, для них совершенно естественно.

”Последний страшный суд”... “Грехи”... “Взыскание”...

— Пхе... ничего не будет. Мы будем есть быка — иудейская молитвенная мифология — величиною с гору, величиною до неба.

Бессмысленное съедание быка на том свете, жратва — вот все, чего ожидают и жаждут евреи. Применительно “к теперешним временам”, я думаю, они “быка” заменяют “банком”. “Мы будем и там принимать золото и выдавать золото... Золото, золото...”

Поразительно, что благородная, великодушная и впечатлительная Европа заразилась таким скудным идеалом. Заразилась провалом всех идеалов и постановкой на месте их денежного мешка: *ей, в сущности, не нужно*.

Что́ значит воображение.

”Теория экономического матерьялизма”... “Все явления истории объясняются экономическими состояниями, экономическими явлениями, экономическими процессами”. Это не нужно опровергать, это нужно лечить. “Человек не имеет головы. Я у него ее не вижу. Я всегда смотрю на ноги и вижу только ноги”. Это рассуждение сапожника, казавшееся правдоподобным Писареву, теперь преподается “как наука” в университете.

— Моя дочь вышла замуж за ноги, потому что снизу у ее жениха были сапоги.

— Моя мать вытянула ноги: потому что когда она умерла, то ее положили на стол, и я увидел ее ноги в туфлях.

— У моей жены родились детские ножки: потому что со времени родов она все напоминает мне, что нужно купить “детские башмачки”.

— Лечат мою тещу врачебные ноги: пот. что когда она ожидает д-ра и бывает звонок, — то потом по комнатам “стучат ноги”.

Жизнь и смерть — ноги. Ноги, сапоги, башмаки, кожа, кожевенная торговля, фабрика изготовления сапог под именем “Скороход”.

Вот “экономический матерьялизм”, “теория исторического матерьялизма”, где все осязательно “пахнет кожей и трудом”, где нет цветов, ангелов, Бога, умер царь и убиты все цари, а настала Валпургиева ночь.

— Сгинь, нечистый.

Социализм, однако, продолжает стоять, п. ч. он не слышит, не видит, потому что он деревянный, в сущности, мертвый. Мертвецы не умира-

ют, а их выносят. И социализм не будет никогда "поврежден", но пройдет весь и сразу, как только европейское человечество вернется к нормальной европейской жизни.

С песней и сказкой.

С бедностью и трудом.

С молитвой, подвигом. И не помышляя быть богатым.

* * *

20.I. 1916

Мы ничего бы не знали.

Если бы все не предчувствовали.

(моя "теория познания")

* * *

20.I. 1916

Если "святое" они называют свою микву: то́ тем же было их "Святое Святых"...

И если "прикосновение к свиткам Писания оскверняет руки" (канон талмудистов) — то не поэтому ли в день Очищения, когда первосвященник входил в Святое Святых, — он "7 раз погружался в каменное море" (бассейн воды в громадном сосуде, лежащем на спинах изваянных 12-ти быков).

Господи, что́ мы знаем?

Мы все приноровляем к своим понятиям. Но ведь не имея сами "омовения", мы явно ничего не понимаем в Святое Святых...

Брезжет мысль талмудистов: если прикосновение к "свиткам оскверняет руки", то, *по мысли их же*, не было ли Святое Святых (близко к Писанию) каким-то странным и пугающим помещением для Скверны Скверн.

Ибо — судя по микве — это вообще у них сливается, соединяется, есть одно — с двумя именами.

* * *

20.I. 1916

Как комья снега.

Происходят и растаивают.

Неужели так же люди?

Бррр...

Нет. Нет. Нет. А предчувствия? Идеи? "Бог", "умрет ли моя душа"?
Этого в комьях снега нет.

* * *

23.I. 1916

Любимые писатели?

— Толстой, Нагродская, Лаппо-Данилевская, Вербицкая.

Любимые мыслители?

— Маркс и "Русское Богатство".

Музыка?

— Народная песня. Тоже Чайковский.

Религия?

— Никакой.

Политика?

— Наша сходка.

— Какая же у вас выходит история?

Анекдотическая.

— И государственность?

Оппозиция правительству.

— Чего ждете?

Светопреставления.

(*"наше общество", "все мы"*)

— Любимый напиток?

Денатурат. Прежде водка. Опреж того — чай.

И "История России" — это вовсе не Карамзин, а история водки и недопетой песни.

(Ну, — и крестного знамени).

* * *

23.I. 1916

Так обр., Гоголь вовсе и не был неправ? (Πρωτοξόα¹ русск. действительности), и не в нем дело. Если бы Гоголя благородно восприняло благородное общество: и начало трудиться, "восходить", цивилизовываться, то все было бы спасено. Но ведь произошло совсем не это, и нужно заметить, что в Гоголе было такое, чтобы именно "произошло не это". Он писал вовсе не с "горьким смехом" свою "великую поэму". Он писал ее не как трагедию, трагически, а как комедию, комически. Ему самому было "смешно" на своих Маниловых, Чичиковых и Собакевичей, — смех, "уморушка" чувствуется в каждой строке "М. д.". Тут Гоголь не обманет, сколько ни хитри. Слезы появляются только *в конце*, когда Гоголь увидал сам, какую чудовищность он наворотил. "Finis Russorum"².

И вот подло ("комически") написанную вещь общество восприняло подло: *и в этом заключается все дело*. Чернышевские — Ноздревы и Добролюбовы — Собакевичи загоготали во всю глотку:

— А, так вот она наша стерва. Бей же ее, бей, да убей.

Явилась эра убивания "верноподданными" своего отечества. До 1-го марта и "нас", до Цусимы.

¹ Первооснова (греч.).

² "Конец Руси" (лат.).

* * *

23.I. 1916

Действие "М. д." и было это: что подсмотренное кое-где Гоголем, действительно встретившееся ему, действительно мелькнувшее перед его глазом, глазом, $\tilde{\ominus}$, и в чем гениально, бессмысленно и по наитию он угадал "суть сутей" моральной Сивухи России — через его живопись, образность, через великую схематичность его души — обобщилось и овселенскилось. Дробинки, частицы выросли во всю Русь. "Мертвые души" он не "нашел", а "принес". И вот они "60-е годы", хохочущая "утробушка", вот мерзавцы Благодетеловы и Краевские, которые "почили бы Чичикова". Вот совершенная копия Собакевича — гениальный в ругательствах Щедрин. Через гений Гоголя у нас именно появилось гениальное в мерзостях. Раньше мерзость была бесталанна и бессильна. К тому же ее естественно пороли. Теперь она стала сама пороть ("обличительная литература"). Теперь Чичиковы стали не только обирать, но они стали учителями общества.

— Все побежало за Краевским. К Краевскому.

У него был дом на Литейном. "Павел Иванович уже оперился".

И в трубу "Отеч. Записок" дал "Евангелие общественности".

* * *

23.I. 1916

Священное: НЕ ЗАБЫВАЙ.

О, какое это священное слово.

Не забывают, не забывают, не забывают, люди, друг друга.

И благодарите церковь, которая научила нас вечной памяти.

Она одна. Она только. Первой на земле ей пришло это на ум.

∞
∞
∞

А что, господа: не подумать ли это, что Церковь есть Земля.

Она всегда говорила, что "Небесная", и ее хвалили, что "Небесная".

Но риторика идет в одну сторону, а дело идет в другую сторону.

Рожают, умирают — везде Церковь.

У мамыши, в доме, вытащили в бадье мертвого мышонка из колодца. Смутилась она и весь дом. Воду из бадьи выплеснули. "Что делать, колодец опоганен". Побежали к попу. Он пришел. Раскрыл книгу. Прочел. Что-то еще сделал. И вода "очистилась", "осветилась". Так это помню.

И везде, где беды на земле, зовут попу.

Итак: ГН МНТЕГ. Деметра.

И стелется она, т. е. Церковь, по земле, и везде молит, и везде очищает.

Хорошо.
Хорошо ли?
Лучше Маркса. Он был с.... с... .

* * *

23.I. 1916

Хорошо. Хорошо. Хорошо.
Ругайтесь. Плюйтеся. Смейтесь.

...ВОТ ОН
Дует, плюет на меня.

Все вынесу. Ведь уже все вынес Розанов.

Но не можете же вы отвергнуть, все бесы мира, "кружащиеся в мгле аскетизма", "иде же есть плач и скрежет зубовный", что

Не может произойти РОДОВ, если 9 месяцев назад не было СОВОКУПЛЕНИЯ.

СОВОКУПИЛИСЬ, и она РОДИЛА.

А "не совокупились" — и она не родила, пуста.

В сущности — *она плачет.*

Слезы женщины — ничего они вам не стоят?

Если плачет девушка — вам ничего?

Ну, а Розанову — не ничего.

И он громко говорит:

Дать жизнь человеку, новому человеку в мире, новому духу в истории, новой душе в житейских отношениях — лучше, чем *самому написать книгу* (ибо ее, м. б., еще и не прочтут). А если "человек, м. б., дрянный" (т. е. которому родиться), то ведь "и книга, м. б., дрянная", напр. книга Вербицкой или книга Плеханова.

Посему:

Нет священнее ничего совокупления.

А если так — то ему особый с ней день — ночь. Та священная ночь, в которую совокупаются все в стране, состоящие в возрасте совокуплений. Дабы каждый о каждом радовался. Дабы это был лес, а не одинокое деревцо. Дабы совокуплялся священный лес, а не кой-кто. Одинокий и в дыре. Священные ночи. Священные совокупления. О, как хочу вас. Хочу! как Бог при сотворении мира.

Бог устроил леса. Почему?

Бог устроил стада. Почему?

Бог устроил "вместе". О, наш священный, дорогой Бог.

И мы будем Тебе молиться.

И мы будем Тебе строить храмы.

И мы будем Тебе танцевать.

Ты будешь не "начальник" наш. А ты будешь друг нам.

Как сказал Христос ученикам в прощальной беседе: "Я уже друг ныне вам".

Не надо бояться Бога. О, не надо.
Бояться — *оскорбить Бога*. О, не надо.
Он среди нас...
Он в наших куцах...
Смотрите, он рассеял звезды по небу. Все Бог наш.
Он создал Солнце. И взял Его в символ себе.
Но главное-то, главное — он создал "звездочки", т. е. и "солнцам
быть вместе", вкупе.
О, знаете ли вы: и звезды совокупаются.
Через лучи.
Это они льют свет друг на друга. И обливают им друг друга.
Как мы жен.
И оплодотворяют. Свет. Что такое свет? Ньютон, скажи?
Не можешь. Я скажу:
Свет есть семя мира.
Лейте же, звезды, ваш свет на землю: и мы в священную ночь будем
ответно вам совокупаются.
Один день в неделю. По выбору. Когда не будет облаков и небо все
вызвездится.
На юге не надо выбирать, у нас надо выбрать.
А если туманы — "подождать", "отложить".
И весь народ будет ждать именно звездной ночи.

*(вчера посетил С-лова. У него внучка захворала. Сын женат
и дочь замужем, и у обоих по ребенку. Месяц назад написал мне:
"Я счастливый человек и рад, что так мало написал книг")*

* * *

26.I. 1916

Господи. Как томится мое сердце по Тебе.
Везде.

(бреду в ред.)

* * *

26.I. 1916

Вот ты прошел мимо дерева: смотри, оно уже не то.
Оно приняло от тебя тень кривизны, лукавства, страха. Оно "трясу-
чись" будет расти, как ты растешь. Не вполне — но тенью:
И нельзя дохнуть на дерево и не изменить его.
Дохнуть в цветок — и не исказить его.
И пройти по полю — и не омертвить его.
На этом-то основаны "священные рощи" древности.
В которые никто не входил никогда.
Они были — для народа и страны как хранилища нравственного.
Среди виновной о — они были невинными. И среди грешного — святыми.

Неужели никто не входил?

В историческое время — никто. Но, я думаю, в доисторическое время "Кариатид" и "Данаид"?

Это-то, именно эти рощи были местом зачатий, и через это древнейшими на земле храмами.

Ибо храмы — конечно, возникли из *особого места* для столь *особого*, как зачатия.

Это была первая трансцендентность, встретившаяся человеку (зачатие).

* * *

26.I. 1916

...и я не увижу Тебя, а верю.

...и я не услышу Тебя, и верю.

Господи. Ты моя радость. Как же мне не верить в Тебя?

Радуюсь. Вот Ты.

Ибо я радуюсь только тогда, когда думаю о Тебе.

∞

Господи. Отчего я так Тебя люблю.

Тебя и мою дорогую мамочку.

Которая вечно больна.

(мама засыпает за спиной)

* * *

27.I. 1916

Самое совокупление — кто поверит и даже как возможно? — Но иногда оно было у меня сквозь слезы. Никогда без задумчивости. И никогда, никогда, никогда с сытым самодовольством.

ЭТОГО (ужаса) — никогда.

Всегда это было выражением любви, любования, нежности, чуть-чуть грациозной игры. Всегда и непременно — уважения.

Как бык и собака — никогда.

Впрочем, у них — серьезно, но человек, "ходячая пошлость", воображает, будто повторяет их, когда у него "сытно".

Фу.

Нет. И поэтому, м. б., я решил выдвинуть возможность совсем другого пола, другой половой жизни, углубленного, спиритуалистичного, религиозного [запись оборвана].

* * *

29.I. 1916

О, муки сердца, муки ада...

О, смерть желанная — приходи

Я жду тебя, моя отрада,

Как странник ждет конца пути —

сочинил я в V—VI кл. гимназии и твердил дальше, до университета. В чем же дело было и почему я чувствовал себя так несчастным?

Прежде всего я ненавидел брата Колю, который выгацил меня из Костромы, но имел неосторожность (в 3 кл. гимназии) подать мне 2 пальца и раз написал: "Ты все просишь денег (на карандаши и перья): но как ты сам учишься?" Ненавидел Кострому, которая ни в чем не была виновата, кроме того что "стояла на р. Костроме" (география). Потом ненавидел всех своих учителей, которые правда были плохи, но ведь и я был плохим учеником.

В чем же дело? Отчего "ненавижу"?

Да я ненавидел, оттого что был несчастен. И несчастен был оттого, что ненавидел.

Этого мне в голову не приходило. И понял лишь в Ельце, когда, заглянув "в глубокий колодезь дома Рудневых — Бутягиных" — полюбил их всех. И любя — почувствовал неудержимую, буйную радость: и в тот же момент стал счастлив.

Я отчетливо помню, что тогда мне все хотелось смеяться (до этого — никогда), я готов был сесть и в стуколку, и в преферанс, ну, и пуще всего — поехать бы с милой... к Бибиковым, куда угодно, но с милой.

С грациозной, тихой или чуть-чуть слышно резвой девушкой (впрочем, она была вдова. Все равно).

Она мне нравилась. И стал весь мир нравиться.

Так вот. Секрет в любви.

Причем замечательно, что я не влюбился тем "убойным способом", когда люди теряют голову, сумасшествуют и пр., и пр., и пр. Этого я вообще в жизни не знал. Совсем другое. Я только очень уважал. О — очень, очень, очень. И еще меня уже поразило: что ей я "нравлюсь", что меня она выбрала "другом", что для нее я "кое-что". Это было неожиданно.

Ну, — и нравилась. И ее серое пальто, и скромная шляпа, "с простой лентой", — и тогда эта зеленоватая вуалька (лето). А когда поднимет вуальку, эта ямка на щеке.

И какая-то постоянная ее внутренняя серьезность.

Но возвращаюсь к "истории воспитания".

Злоба всегда течет из худа. Злоба, гнев, отчаяние и наконец желание умереть. "Худо" умирает худою смертью, а добру принадлежит вечная жизнь, и оно входит в вечную радость.

Если отсюда перекинуть вопрос в нашу журналистику, то не объяснится ли "сатира" Щедрина, гнев Добролюбова и Чернышевского и накидывание на Россию вообще "Современника", "Русского дела" и благотворительского журнала. Как и у меня в детстве, это сводится к тому:

— Вы не учитель.

— Вы вообще ведете себя пакостно.

— Вредите России. И естественно ненавидите ее.

— И вам хочется умереть.

"Дурное" вообще сперва убивает, потом убивается.

И вот о его-то "гробе" можно поистине сказать:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

* * *

29.I. 1916

2 недели. И 22 р. выработки. За статью о Волжском. Не пошел получать в контору. Стыдно.

При "11 человек за столом" как прокормиться на 22 р. Пришлось вынуть 200 р. из капитала.

Они отпихиваются от меня и руками и ногами. Едва подаешь статью — смех: "Это опять что-нибудь непонятное?!!!"

В стороне басит: "Вы же пишете для публики. Газета издается для публики. Ваши же какие-то интимные рассуждения кому вообще нужны?"

Лежит фельетон о Дарском (критик Тютчева). Лежит о Третьяковке (гал., Москва). Лежит о Тэне. Все "лежит".

— Когда же ты пойдешь?

— Пойдет, В. В., когда будет место.

А "место" все занято "текущим".

И когда оно истечет, это проклятое "текущее". — Впрочем, тогда и мир остановится. Не хочу.

Но, однако, я хочу печататься.

Не знаю, что делать.

(в ред., раздраженный) (почти всегда так)

* * *

29.I. 1916

Вчера собрались жеребцы. Я так зову сотрудников. Впереди этот славянофил из Галиции, с двумя брюхами и кадыком. Все висит, на нем и у него. Впереди К-лев, который понимает женщин только на конюшне. Еще какой-то посторонний, масляный, толстый, все говорит о "космическом сознании" (чего ему?). Занимается, кажется биржей и вообще финансами. Прелестный Вас. Прокофьяч рассказывает нужную, дельную историю о Г-не, связанную с газетой, нужную газете, интересную для сотрудников её. Я слушаю внимательно. Сашка К-в ржет.

— Да перестань ты ржать (я).

Ещё пуще ржет.

— Ты же мешаешь слушать.

Ржет.

Слушаю. История о том, как Г. дал рабочим депутатам отпечатать прокламацию в газетной типографии.

— Как "дал"?

— Что "дал"-то, это мы знаем. Но вопрос *задаром* ли? Конечно, он слупил с Носаря.

"Свой человек" в кабинете старика. И сам же в газете на 3-й день интереснейше рассказал, "как они печатали". Я всегда его называл "Ленькой"(Леонид), он меня увещательно — "Вася".

Третье слово похабное, у Леньки, Сашки и славянофила.

Я не против похабства, но зачем во время разговора. И говорю Тону, который вошел:

— Вот посмотрите на этих мерзавцев. Россия проваливается (трудная война). Везде трудно. Но эти мерзавцы сыты гонорарами и ржут потому, что собственно они сыты и никому из них никакого дела до того, что всем голодно и холодно, муки нет, сахару нет, жида скупил и не выпускают из кладовых своих банков, выжидая, когда цена "еще повысится".

* * *

30.I. 1916

Вот что́, господа: не спорьте с радикалами.

Я спорил. Ничего не вышло. Вы еще слабее меня (читатели).

А — трудитесь, трудитесь, трудитесь.

Еще трудитесь. Еще, еще.

Опустите голову, — ниже. Молчите. Работайте. Для нашей России. В торговле, в ремесле. В хозяйстве, доме.

Работайте, работайте, работайте.

Флирту не предавайтесь. Не пейте.

И все работайте.

Труд победит. Труд все победит. И если мы будем трудящиеся — мы победим и без слов.

* * *

31.I. 1916

Нельзя побеждать шума шумом.

Шум нужно побеждать тишиной.

Такова казалось бы сущность еврейского вопроса.

Их можно победить только монастырем: *силу их — красотой монастыря.*

Да. Но тут *nota bene*: они просто предоставят нам *умирать* в монастырях, *вымирать* в монастырях.

Разовьются 2 цивилизации: банков и техники; и — обок с нею — "бегунов", "странников", лапотников, попрошайек и нищих.

И, м. б., придет минута, когда иудеи скомандуют всемогущей и тогда полиции, но уже перешедшей под их негласное руководство, да даже и под явную власть:

— Убрать всю эту христианскую гадость с глаз долой.

Печать уже теперь заворачивается к этому: Иегова везде бегает свободно, у него везде "паспорт", в "Русских ведомостях", в "Русском

Богатстве". Он "покумился" с Горьким. А имя Христа молчаливо запрещено в русской литературе.

Не Максим же Ковалевский будет рассуждать о Христе. И не Пешехонов Алексей.

А о Бялике они напишут. Сперва о Бялике и потом об Иегове.

О Бялике — охотно и по своей воле. На то он Максим Ковалевский. А об Иегове русские через 20 лет начнут писать, п. ч. их уже заставят.

Я уже не увижу, но сын мой увидит, как крючковатые пальцы еврея возьмут за горло сына Анастасии Алексеевны, вообще возьмут "свободного русского писателя" и поставят его на почву "трудных денежных обстоятельств" и заставят пропеть все те песни, какие приятно будет выслушать еврею. То-то соловьем залется русская литература.

* * *

1.II. 1916

Господи. Я не вижу Тебя. Я не знаю Тебя. Но я люблю только Тебя.

(засытая)

* * *

2.II. 1916

Говорили о Гоголе, обсуждали разные стороны его, и у него мелькнули две вещи:

— Всякая вещь существует постольку, поскольку ее кто-нибудь любит. И "вещи, которой совершенно никто не любит", — ее и "нет".

Поразительно, универсальный закон.

Только он сказал еще лучше: что "чья-нибудь любовь к вещи" вызывает к бытию самую "вещь"; что, так сказать, вещи рождаются из "любви", какой-то априорной и предмирной. Но это у него было с теплом и дыханием, не как схема.

Удивительно, целая космогония.

И в другом месте, погода:

У Гоголя вещи ничем не пахнут. Он не описал ни одного запаха цветка.

Даже нет имени запаха. Не считая Петрушки, от которого "воняет". Но это уже специально гоголевский жаргон и его манерка. Т. ч. тоже не запах, а литературный запах.

Он также говорит, что Гоголь отвратителен, неинтересен и невыносим. И что у него, кроме выдумки и сочинения, ничего нет.

(С Тиграповым Фаддеем Яковлевичем)

У него мать и прелестная жена, блондинка (кожа) и светлокудрая: бледный, бессильный цвет волос, с переливом в золото. Он сказал, что это древнейший корень Армении, что именно в старейших и захолустных местностях — сплошь рыженькие крестьянки. "Благодарю, не ожидал". Сам он черный жук, небольшого роста, — теоретик и философ.

* * *

2.II. 1916

Вот что, однако, евреи, помните: что все *святое* отойдет от вас и перейдет к нам.

Будет вторая линия пророков, которая опять восстанет на вас: но ее вы уже не избеете. И она восстанет именно за нас, за Русь, тогда "доедаемую".

Вас они спросят: как вы могли убить народ кроткий и ничего вам не сделавший, — изнурить, обобрать, сподить, развратить, растлить и убить.

Это спросят ваши же вас. Ибо между вами на 1000 ротшильдов, поляковых и грузенбергов будет рождаться один все-таки с правдою и справедливостью.

Будут рождаться, которых вы не купите.

Мы не умеем теперь ни говорить, ни делать, ни доказывать. Вы нас задавили, как "угнетенная нация", и задавили именно через то, что об вас как "униженных" нельзя подымать голоса и ничего писать. В этом положении мы не умеем найтись: — "Меня обирает страдалец: и так как он страдалец, то я не сопротивляюсь, ибо тогда прибавлю ему к страданию еще страдание". Он, очистив карманы, втыкает мне в сердце нож и убегает.

Суть юдаизма и Европы.

Жертва с воткнутым ножом — Франция.

Та "богатая Франция", в которой собственно богаты 500 000 евреев, но уже чертовски богаты, и у которой занимает Россия деньги: но она собственно занимает их не у французов, а у евреев-французов.

Итак, эта занимающая Россия — жертва, к которой приближается нож.

И вы, конечно, зарежете нас, как зарезали Францию. Но Франция износилась и о ней не поют даже панихид.

О России запоют и панихиду, ибо она 1000-летний ребенок, а детей нельзя бить.

И запоют — эта $\frac{1}{1000}$ ваших: и вот это будет минута конца Израиля.

* * *

3.II. 1916

Жизнь есть уступчивость. Жизнь есть примиренность. Жизнь есть вообще "кое-что", а не "ничто".

Господи: и Ты уступил материи — *быть*. И человеку ты уступил — *грешни* ("И сына Единородного послал пострадать и умереть за грешный мир"). И мы уступаем свою *свободу*. И если велишь пойти в ад — пойдём в ад, но может Ты позволишь — и мы придем в рай.

Придем и будем с Тобой, Господи: Который был всех сильнее и уступал самым слабым.

И скажешь Ты: "Что делать".

И скажем мы: "Что делать".

* * *

4.II. 1916

Слово— бессилие.

Слово не сила. А молчание.

Слово — кто не может сделать.

* * *

5.II. 1916

И на меня летят "опавшие листья" с моих читателей. Что́ им мое "я"? Никогда не виденный человек и с которым по дальности расстояния (городок Нальчик, на Кавказе) он никогда не увидится.

И сколько отрады они несут мне. За что́? А я думал разве "за что", даря "кому-то", неизвестному, с себя "опавшие листья"? Ибо я дал не публике, а "кому-то вон там".

Так взаимно.

И как рад я, чувствуя, как коснулся лица листок с чужого далекого дерева. И они дали мне жизнь, эти чужие листья. Чужие? Нет. Мои. Свои.

Они вошли в мою душу. Поистине, это зерна. В моей душе они не лежат, а растут.

На расстоянии 2-х недель вот 2 листа:

"18.I. 916. Томск.

"Как понятна мне грусть "Уединенного", близка печаль по опавшим листьям... Их далеко разносит вьюга, кружа над мерзлою землей, навек отделит друг от друга, засыпав снежной пеленой", — пела моя бедная Оля и умолкла в 23 года. Холодно ей жилось! — моя вина, моя боль до самой смерти. Однажды в темную осеннюю ночь пришла ко мне грусть как внезапное предчувствие грядущих несчастий — мне было 5 лет. С тех пор она часто навещала меня, пока не стала постоянным спутником моей жизни. Полюбила Розанова — он чувствует грустных, понимает тоскующих, разделяет нашу печаль. Как Вы метки в определении душевных состояний в зависимости от обстоятельств и возраста — мой метафизический возраст, полный воспоминаний и предчувствий, в счастье я язычница была. Не верить в будущую жизнь значит мало любить. Всю жизнь хоронила — отец, мать, муж, все дети умерли; тоска, отчаяние, боль и отупение владели душой — после смерти последней моей дочери Оли я не могу допустить мысли, что ее нет, не живет ее прекрасная душа. Если прекрасные и нравственные не умирают, не забываются в наших душах, то сами-то по себе неужели они перестают существовать для дальнейшего совершенствования? Какой смысл их жизни? Закрывать трубу, чтобы сохранить тепло, когда дрова сгорят сами, целесообразно, а если огонь еще пылает и от него людям тепло и светло — закройте трубу, получится угар и чад. Кто-то вносил огонь жизни в нас и не определил продолжительности его горения — есть ли право гасить его? Бывает иногда, что дрова сгорят, но остается головня, которая никак не может сгореть, тогда я не выбрасываю ее, но тотчас употребляю на растопку другой печи или заливаю и после тоже как матерьял для топлива употребляю — пусть на тепло идет; моя душа тоже обгорела в огне страданий, но еще не сгорела до конца — она темна и уныла, как эта головня — у нее нет ни красок, ни яркости, нет своей жизни — идет на подтопку, а ваша — теплый светлый огонь — нельзя трубу закрывать.

Спасибо же Вам, родной, хороший, за слезы, которыми я отвела душу, читая "Уединенное" и "Опавшие листья" — они для меня как дождь в пустыне. Ах,

какая жизнь прожита мучительная и полная превратностей, на что она мне была дана, хотелось бы понять.

А. Колилова”.

Другое:

”1-е февраля.

Случайно натолкнулась на случайно неразрезанные страницы в первом коробе ”Опавших листьев”. Обрадовалась, что есть непрочитанное. О Тане. Как Таня прочла вам стих-ие Пушкина ”Когда для смертного умолкнет шумный день”, прочла во время прогулки у моря.

Как хороши эти ваши страницы. Хорошо — все, все — сначала. Какая она у Вас чудесная — Танечка. Разволновалась я. Так понятно и хорошо все, что Вы рассказали. Потом прочла последние строки — мамины слова: ”Не надо на рынок”. Правда. Только ведь не всякая душа — рынок. Василий Васильевич, дорогой мой, ведь $\frac{9}{10}$ ничего, ничего, ну ничего не понимают! Знаете, как о Вас говорят? ”Это тот Розанов, что против евреев?” Или — ”это тот, что в Новом Времени?”

Нужно *громадное мужество*, чтоб писать как Вы, ведь это бóльшая обнаженность, чем Достоевский”.

”Родной мой и любимый Василий Васильевич, я получила Ваше письмо давно, оно дало мне *громадную радость*, сразу хотела писать Вам, да не пришлось, а потом Ириночка¹ заболела, а сейчас, вот 2-ую неделю, Евгений² болен, сама ухаживаю за ним. Замоталась совершенно.

Вчера ожидала людей, а Евгений говорит: ”Спрячь Розанова”. Я поняла и убрала Ваши книги в комод. Не могу им дать. Не могу. Залапают. Обидят. Есть книги, которые никому дать не могу. У Вас есть слова о том, что книги не надо ”давать читать”. Это совершенно совпало с нашим старым, больным вопросом о книгах. За это — нас бранят и обвиняют все кругом. Если книгу не убережешь — увидят — надо дать, только — пускай уже лучше не возвращают совсем — ибо ”потеряла она от чистоты своей”. Люди никак не могут понять, что дать книгу — это в 1000 раз больше, чем дать одеть свое платье.

Но мы иногда даем, даем с нежной мыслью отдать лучшее, последнее, и это никогда, никогда не бывает понято: ведь книга — ”общее достояние” (так говорят). Спасибо, дорогой и милый, за ласку, спасибо, что пожалели меня в Вашем письме, *от Вас* все принимаю с радостью и благодарностью. *Как теперь Ваше здоровье?*

Преданная и любящая вас

Надя³ А.

* * *

8.II. 1916

Между многими причинами, почему нельзя побороть проституцию, лежит и эта: что ”им все равно”.

Что вы сделаете против этого ужасного — ”нам все равно”. А такое есть не у многих, а у $\frac{1}{1000}$ ”их сословия”.

Просто — легче, чем ”с печки слезти”. Ужасно, но факт.

Для чего это? — в космогонии-то для чего? А ведь нет ничего в *Натуре*, *in Natura*, что не отвечало бы какой-то необходимости.

¹ Маленькая дочь, лет 3-х.

² Муж, учитель школы.

³ ”Надей” (как молодую) я ее назвал в первом ответном письме, так как у меня тоже есть дочь Надя 15 лет.

8.II. 1916

Я отыскал Астарту в Израиле.

Это — их *миква*.

О, как она больше волнует, соединяет, чем все эти Венеры, хорошенькие барашки из мрамора.

Мрамор холоден. Да ведь и в микве холодно. Но умные жидаы выбрали холодную воду, п. ч. после погружения в нее — "раз—раз—раз" — *тело горит*.

Горение-то тела им и нужно было. "Все — для субботы".

У жидов есть обыкновение: купив что́ лакомое на неделе, они не съедают это сейчас, а припрятывают и говорят: "Отложим это до субботы".

Тоже намек и воспитание, даже детям, мальчикам, девочкам: "Все лакомое — *в субботу*".

"Не забывайте Мои субботки". Еще бы забыть.

Ехав из Сахарны в Петроград, в первые дни августа, проезжали Рыбницу ("местечко"). Неопишное зрелище. То, что всего больше кинулось в глаза — даже не свечи на окнах: кинулось, что все двери были настежь. Не приоткрыты, а распахнуты. Об этом я вспомнил в Талмуде, и тотчас же догадался, что у жидов есть своеобразная и "на свой вкус" хлыстовщина. Именно в Талмуде есть следующее правило: "Хорошо (благочестиво) приготавливаясь к празднованию субботы, если есть в доме несколько клетей (как бы квартир отдельных семей) или если дома (лачуги? в бедной Иудее) прилегают тесно друг к другу, — то *связывать их в одну клеть, отворяя двери*".

Поразительно. Я сообразил, что в будни, если "кое-что бывает в субботу" — то в таком случае "запах фаршируемой щуки" переносится из клетки в клеть, запахи соединяются, волнуются, сливаются, как "голубой свет и розовый, идя волнами, сливался в старом замке" кругом колдующего колдуна ("Страшная месть"), те невольные выкрики, которых ей-ей не умею сдерживать, — да и в "Тысяче и одной ночи" мне про такое обстоятельство попалось выражение: "Она наполнила криками упоения весь дом". "Всяко бывает", и всякие попадаются. Мудрый Моисей и сказал: "Не запирайте двери, все счастливы", "Если вы не запрете их, упоение даже увеличится". Как это у Пушкина:

Не стая воронов сбиралась...

... *вкруг огней*...

И млад, и стар, и всяк,

И в *длинных локонах еврей*.

Хорошо. Так в Рыбнице, вообразите (был уже 1-й час ночи) все, "кому незачем слушать и видеть" — ушли из домов: и я видел, около вокзала, упоенно флиртующих гимназистов и гимназисток. Так и ухаживают, так и ухаживают. В глазах — ни порошинки сна. Я спросил:

— Что же вы не дома?!!

Мне ответили интеллигентные счастливые лица:

— А зачем же "дома": суббота — праздник — отдых, и мы здесь гуляем.

Да. Но вот "папаши" и "мамаши" не здесь: однако же бесспорно они и дома чувствуют себя "в гульбе".

Зрелище субботы я никогда не видал в жизни; кроме этого случая в Рыбнице. И сказал в сердце своем: "О субботе ничего и незачем читать — ее *надо увидеть*".

Ах, субботу нельзя забыть: как и хлысты не могут забыть и отстать от своих "радений".

— Сюда приходят, но не уходят.

Так "радеют", — но как и свойственно осторожному и мудрому народу, — размеренно, пластично, без безобразных видов, для сокрытия которых надо тушить свет, — евреи, свою "субботу".

* * *

12.II. 1916

Когда родители "расходятся" и даже точно "холодеют друг к другу", или дети узнают, что они "изменяют друг другу" — то обычно они и весь мир вовсе не понимают того, что *происходит в детях*: в них *утрачивается основание* к своему бытию, они буквально "теряют почву под ногами", "повисают в воздухе": п. ч. ведь *рождены-то они из любви*.

Бытие их вдруг становится пустым, ненаполненным.

Пустой мир.

Пустой человек.

Пустое рождение.

— Меня собственно нет, но я так, попусту родился. Балаболка.

Как есть в яицах "болтун": "ничего не вышло".

"Была бы курица: но не вышло. Ибо яйцо оказалось *болтун*".

Так думает о себе мальчик, девушка: и щупая себе ручки, ножки, спрашивает: *неужели это есть?* Это только кажется.

— Я не живу. Мне нечем жить. Собственно, я живу без прав, как "болтун": п. ч. ведь родители-то мои не любят друг друга. И следов. они и не "папаша" и не "мамаша", а — никто мне.

"Никто". "Никто". "Никто". И не будет конца этому вою...

И звезды угаснут, а вой этот все будет продолжаться. Как это страшно.

Страшно.

О, Господи...

О, родители, родители: любите друг друга.

Тяжело — и любите.

Горько — и все-таки любите.

Скучно: и однако любите.

12.II. 1916

Основной тон Библии и "фокус бытия", из коего на все вещи в ней льется свет, откуда идет всему объяснение, оправдание, прощение, обвинение: это — родительский.

Она написана об родителях, для родителей и почти хочется сказать написана или дана каким-то Космическим Родителем.

Дети там только рождаются, но не играют никакой роли. "Раз посмеялись над пророком Елисеем, п. ч. он был лыс: тогда из лесу выбежала медведица и растерзала 40 детей". Вот и все.

Наоборот: родители, жены, любовницы, блудницы. "Пророк посещает блудницу: берет свидетелей, как при браке, и зачинает с нею детей".

Это все — дело. Взрослое дело. Это "мы".

Агарь и Сара. Потом у Авраама были любовницы. Жену отдает "на время фараону", это "бывает": что́ делать. "Взрослые не осуждают взрослых". "Взрослые знают, что такое жизнь".

Стары. 90 лет. И совокупаются. "Это бывает".

Мужу случалось совокупляться... Нельзя выговорить, конфузно... "Ну, вот, дурак: ведь это не классная комната. Рассказывай".

Рассказано.

Все — совокупаются. Бесперывно совокупаются, "взрослая жизнь". "В этом возрасте вообще главным образом совокупаются".

И Библия не безнравственна: как писал Бейль, и у нас, когда кто начинает говорить, подозревать: но она действительно написана не для детей, не для гимназистов, и "учебной Библии" собственно не может быть.

Как детей не подводят к кровати рождающей матери.

Ни — когда родители совокупаются.

У нас же Библию все хотят применить "к закону Божию", да еще "по-министерски" применить: получается слащавый сироп, урезанный рассказ, — недаром (я спрашивал) гимназисты никакого не имеют представления, что́ такое обрезание.

Да и сами ученые, подходя все "бочком" к педагогике, совершенно забыли, что есть обрезание.

Это Гладков (67 лет, написал: "Изложение ветхозаветной истории"), сказал мне в дверях при прощании:

— Я, В. В., оттого не допускаю, чтобы обрезание могло быть действительно дано Богом: что не понимаю, зачем это Богу нужно??!!

Я чуть не присел. Из души рвалось: "Караул".

В самом деле: зачем Богу нужно???. Зачем Богу нужно?

— Господи: зачем же Тебе это было нужно??!!

О, Гладков, Гладков: ты более всех протоиереев просидел над законом Божиим; прилепил к школе и Евангелие, и Библию. Тузов-то 3000 "чистоганом" тебе отсчитывает (его рассказ) за всяк твой труд: до того это пользительно, учебно и все читают.

”Рачинский Закона Божия”.

И ты ВСЁ, ВСЁ, ВСЁ выразил простым вопросом: зачем это (обрезание) было Богу нужно.

А, собака: я тебя подразню из-под забора:

— ”Нужно”. Не только ”нужно”, но единственно это-то одно Богу и было нужно. И Он еще ничего иного не просил у Авраама: как когда родители выдают дочь замуж; то спрашивают (или внутренне думают): ”есть ли у него ТÓ-ТО”...

Господи, Господи: верить ли, что обрезание было заключение брака между Авраамом-женихом и невестою — Богом?

Господи: как страшно!

Господи: отчего я не схожу с ума?

Но я откажусь от всякой мысли, а не от этой, а не от этой: что ”в тот час голый жених, Авраам, долго преследуемый Невестою-”Иеговой”, сказал:

— Хорошо.

И... ”был вечер, и он заснул. И мрак и ужас великий нашел на Авраама”.

И во время сна, — именно ”сна” и совершилось все: Авраам ”познал” Бога...

И с тех пор жиды говорят, что ”они *одни* знают Бога”: но никогда не рассказывают, в чем состоит это ”познание”.

* * *

14.II. 1916

Какое каннибальство... Ведь это *критики*, т. е. во всяком случае, не *средние* образованные люди, а *выдающиеся* образованные люди.

Начиная с Гарриса, который в ”Утре России” через 2—3 дня, как вышла книга (”Уед.”) — торопливо вылез: ”Какой это Передонов; о, если бы не Передонов, ведь у него есть талант” и т. д., от ”Уед.” и ”Оп.л.” одно впечатление: ”Голый Розанов”, ”У-у-у”, ”Цинизм, грязь”.

Между тем, как ясно же для всякого, что в ”Уед.” и ”Оп.л.” больше лиризма, больше трогательного и любящего, чем не только у ваших прохвостов, Добролюбова и Чернышевского, но и чем во всей русской литературе за XIX в. (кроме Дост-го).

Почему же ”Го-го-го”? Отчего? Откуда?

Не я циник, а вы циники. И уже давним 60-летним цинизмом. Среди собак, на псарне, среди волков в лесу — запела птичка.

Лес завыл. ”Го-го-го. Не по-нашему”.

Каннибалы. Вы только каннибалы. И когда вы лезете с революциею, то очень понятно, чего хотите:

— Перекусить горлышко.

И не кричите, что вы хотите перекусить горло только богатым и знатным: вы хотите перекусить *человеку*.

П. ч. я-то, во всяком случае, уж не богат и не знатен. И Достоевский жил в нищете.

Нет, вы золоченая, знатная чернь. У вас довольно сытные завтраки. Вы получаете и из Финляндии, и от Японии. Притворяетесь "бедным пиджачком" (Пешехонов). Вы предаете Россию. Ваша мысль — *убить Россию*, и на ее месте чтобы распространилась Франция "с ее свободными учреждениями", где вам будет свободно мошенничать, п. ч. русский полицейский еще держит вас за фалды.

* * *

14.II. 1916

Это что 42 дм. мортиры: разве они могут сопротивляться красноречию Керенского? Керенского и Милюкова? Не могут. Слишком явно.

Отчего же, однако, Россия терпит? Потеряла Ковну и Вильно? Оттого что не разбежалось русское правительство.

Если бы оно не "застило" немцев от выстрелов Керенского, немцы были бы уже погреблены. "Со своим-то милитаризмом".

В чем же дело?

В том, чтобы Мясоедов, Сухомлинов и вообще русское правительство не защищало немцев. Т. е. попросту убралось. Куда? Все равно куда.

Тогда мы победим. П. ч. речи будет произносить еще и Родичев. Родичев, Керенский, Милюков. Ну, поняли?

— Поняли, Ваше благородие.

Тогда выступит честная русская мысль. Кто может устоять против честной русской мысли? И придет русская девушка. Оне две: Вера Ивановна Фигнер и Екатерина Вячеславовна Брешковская. К сожалению, Софья Ковалевская в могиле. Но и тех двух довольно.

— Как прикажете, Ваше благородие.

Ну. Секрет победы найден. Теперь понимаете, как голосовать, вести себя. Общественные силы.

— Конечно, Ваше благородие.

То-то же. Главное — свалить правительство. Тогда свобода. Разве может свободная Русь не победить.

* * *

19.II. 1916

О "Коробе 2-м" написано втрое больше, чем о 1-м. Сегодня из Хабаровска кто-то. Хорошо. Спасибо.

"Лукоморье" не выставило своей фирмы на издание. Что не "выставило" — об этом Ренников сказал: "Какие они хамы". Гм. Гм... Не будем так прямо. Все-таки они сделали доброе дело: у меня в типографии было уже около 6000 долга; вдруг они предложили "издать за свой счет". Я с радостью. И что увековечился Кор. 2-й, столь мне интимно дорогой — бесконечная благодарность им.

Еще молодые люди. Марк Николаевич (фам. забыл). Показал "Семейный вопрос", весь с пометками. Я удивился и подумал: "Вот кому

издавать меня". Но он молод: все заботился обложку. "Какую мы вам сделаем обложку". Я молчал. Какая же кроме серой!!! Но они пустили виноградные листья.

Ну, Господь с ними. Мих. Ал. и Марк Николаевич — им вечная память за "Короб 2". Без них не увидел бы света.

* * *

19.II. 1916

И вот начнется "течение Розанова" в литературе (знаю, что начнется).

И будут говорить: "Вы знаете: почитав Р-ва, чувствуешь *боль в груди...*"

Господи: дай мне в то время вытащить ногу из "течения Розанова". И остаться — одному.

*

Господи, я не хочу признания множества. Я безумно люблю это "множество": но когда оно есть "оно", когда остается "собой" и в своем роде тоже "одно".

Пусть.

Но и пусть я — "я". О себе я хотел бы 5—7, и не более 100 во всей России, "*истинно помнящих*".

Вот одна мне написала: "Когда молюсь — всегда и о *вас* молюсь, и *ваших*".

Вот.

И ничего — еще.

* * *

20.II. 1916

...дело в том, что "драгоценные металлы" так редки, а грубые — попадаются сплошь. Это и в металлургии, это и в истории.

Почему железа так много, почему золота так редко? Почему за алмазами надо ехать в Индию или Африку, а полевой шпат — везде. Везде — песок, глина. Есть гора железная — "Благодать". Можно ли представить золотую гору? Есть только в сказках.

Почему в сказках, а не в действительности? Не все ли равно Богу сотворить, природе — создать? Кто "все мог", мог бы и "это". Но — нет. Почему — нет? Явно не отвечает какому-то плану мироздания, какой-то мысли в нем.

Так и в истории. Читается ли Грановский? Все предпочитают Карева, Шлоссера, а в смысле "философии истории" — Чернышевского. Никитенко был довольно проницательный человек и выразил личное впечатление от Миртова ("Исторические письма"), что это — Ноздрев. Ноздрев? Но он при Чичикове был бит (или бил — черт их знает),

а в эпоху Соловьева и Кавелина, Пыпина и Дружинина был возведен в степень "преследуемого правительством гения".

Что же это такое?

Да, железа много, а золота мало. И только. Природа.

Что же я все печалюсь? Отчего у меня такое горе на душе, с университета. "Раз Страхова не читают — мир глуп". И я не нахожу себе места.

Но ведь не читают и Жуковского. Карамзина вовсе никто не читает. Грановский нечитаем: Киреевский, кн. [В.] Ф. Одоевский — многие ли их купили? Их печатают благотворители, но напечатанных их все равно никто не читает.

Почему я воображаю, что мир должен быть остроумен, талантлив? Мир должен "плодиться и множиться", а это к остроумию не относится.

В гимназии я раздражался на неизмеримую глупость некоторых учеников и тогда (в VI—VII кл.) говорил им: "Да вам надо жениться, зачем вы поступили в гимназию?" Великий инстинкт подсказывал мне истину. Из человечества громадное большинство, из 10 000—9999 имеют задачу — "дать от себя детей", и только 1 — дать сверх сего "кое-что".

Только "кое-что": видного чиновника, хорошего оратора. Поэт, я думаю, приходится уже 1 на 100 000; Пушкин — 1 на биллион "русского народонаселения".

Вообще золота очень мало, оно очень редко. История идет "краешком", "возле болотца". Она собственно не "идет", а тащится. "Вон-вон ползет туман, а-гро-мадный". Этот "туман", это "вообще" и есть история.

Мы все ищем в ней игры, блеска, остроумия. Почему ищем? История должна "быть" и даже не обязана собственно "идти". Нужно, чтобы все "продолжалось" и даже не продолжалось: а чтобы можно было всегда сказать о человечестве: "а оно все-таки *есть*".

"Есть". И Бог сказал: "Плодитесь и размножьтесь", не прибавив ничего о прогрессе. Я сам — не прогрессист: так почему же я так печалюсь, что все просто "есть" и никуда не ползет. История изнутри себя кричит: "не хочу двигаться", и вот почему читают Кареева и Когана. Господи: мне же в утешение, а я так волнуюсь. Почему волнуюсь?

* * *

23. II. 1916

..для некоторых половой акт не связуем с любовью, совершенно от нее отделен и сладок или "не очень", а — совершенно самостоятелен. И эту *бываемость*, печальную или страшную, мы должны принять во внимание при обсуждении темы. Из этой-то печальной *бываемости* и еще из бóльшей печали, что она бывает присуща и недурным людям, происходят ужасные факты жизни. Из него происходит $\frac{1}{2}$ разврата, сора, легкомыслия, "ветерка". Суворин (старик) однажды сказал мне во время разговора о проституции: "Нет, это — что... Где *граница* проституции? Вы представить себе не можете, до какой степени есть много

женщин общества, семейных, замужних, — и не упрекаемых, — которые тайно и "про себя" зачинаются проституцией". Я даже слова не мог сказать от изумления. Я думал — только мужчины. Ибо о мужчинах мне на одном литературном чтении сказала знаменитая женщина-врач, посвятившая себя уходу за проститутками, посещавшая их в домах терпимости, изучавшая их быт, ну — и при этом их "расспрашивавшая": что эти дома и проститутки-одиночек во множестве посещают и семейные мужчины, *tout-à-fait comme il faut*¹ (это — я, по-французски). Зачем? Почему? Что такое? Любопытство? Женщина-врач не прямо, но сказала мне, что с проститутками, в силу их за деньги "согласия на все", эти мужчины находят такие наслаждения, какие не допустит с собою ни одна жена. Теперь я бы поправил: "и некоторые такие, которые вообще не осуществимы вдвоем, а осуществимы при коллегиальности". Нельзя не обратить внимания, что и *saturnalia* Рима, и "таинства" в Египте и Элевзине, и хлыстовский "свальный грех" — исполняются *толпою*. Значит, есть что-то в поле, требующее "толпы", "множества" участников. Но обратимся к замечанию Суворина: любят проституировать и семейные женщины. И вообще в проституции есть что-то "свое", чего нет в браке и что тоже "ищется".

Саяшен на Кавказе мне определенно писал, что там сектанты "кладут своих жен с гостем", и вообще обычай угощать женою "гостя", странника, зашедшего в дом человека, пришедшего "передохнуть", — распространен. Я даже приблизительно не видал такого человека. Где *мотив*? Очевидно — не плата: ибо Саяшен рассказывал, что в сектантских селах это общий обычай, а какой же Отелло отдаст Дездемону за рубль? Очевидно, там Отелло — "навыворот": "Сделай одолжение, угостись". Ну, жене — сладко, но *ему*? Ибо очевидно, что инициатива идет не от жены, а от "хозяина дома".

Где же тут червь?

Огромное множество "таких картинок", распространенных во все века и у всех народов, не показывает ли, что огромному большинству человеческих индивидуумов "это" нравится не только *для себя*, но — и *для другого*. Иначе зачем я буду смотреть на то, *в чем не участвую*. Явно, неоспоримо. И "толпы" в Египте, Греции, Риме не объясняются ли из всемирного почти инстинкта, почти даже аппетита, жадности — "видеть" или вообще "знать", как-нибудь вообще чувствовать "это" *на другом, у других*. Но если так, если признать бытие этого аппетита — станет понятно дикое посещение домов терпимости или вообще проституток семейными людьми, "гости" Кавказа и также Рим, Греция и Египет. "Косвенное наслаждение". Т. е. какое-то, во всяком случае *не мое*, и, значит, наслаждение не органом и органами, а — умом, душою, воображением; наслаждение спиритуалистическое. Где-то много лет назад передо мною мелькнуло выражение: "развратные француженки предпочитают связь с женатым человеком, нежели связь

---

¹ вполне порядочный (*фр.*).

с холостым". Почему? Явно оттого, что она здесь — третья при двух: ибо в выражении было оговорено, что предпочитают женатых, не разрывая их связи с женою, предпочитают при соблюдении тайны. Явно, что здесь мы имеем случай не "разврата" француженок, но действие общего закона, проявленного в Греции, Риме, Египте, у сектантов.

Ум кружится. Любви нет. Какая же "любовь" с гостем? Но собственно "это" явно увеличивается в интенсивности, раз соучаствует третий. Мне раз случилось выслушать рассказ медика, когда к нему в пору студенчества его ночью входили муж и жена, и муж говорил жене, своей любимой жене: "Обними его, разве ты не чувствуешь, что он *ангел*".

Удивительное выражение.

Он был "в середках", между ними. И ничего не делал от смущения (его слова, м. б., лживые).

А где спиритуализм — там уже нет скончания. Там — многоточия, восклицания, знаки вопроса — а точки нет. Пол, столь понятный в "единичном акте", вытягивается в смычок, положенный на струну, который ведет совершенно нигде не останавливающийся звук.

Если "проститутка" для семейного — то не ясно ли, что она приятнее особенно тем, что "*я после другого*", что "передо мною был *кто-то третий*", самого лица коего я, однако, никогда не видел и даже не интересуюсь видеть. Но если "лицо неинтересно", а хочу быть "после", то что же интересно? Тут только можно ответить тем таинственным "да", которое объясняет безумную влюбчивость в чужих жен, вообще в замужних женщин: кстати "влюбчивость", идущая совершенно параллельно развратному вкусу французских девиц. История сыновей Тарквиния Гордого показывает, до чего древен этот вкус.

Есть вкус к *невинности*.

Да.

Но ему параллелен и другой:

Есть вкус именно к НЕ невинности.

Удивительно. Но объясняет Египет, Грецию и сектантов.

Хочется быть не совершителем, но только издали участником. Издали, но — не очень. Хочется быть ощущающим, воспринимающим. Половой акт, до такой степени вообще субъективный, "*мой и твой*", показывает способность к *объективации*. Он воспринимается вовсе не субъективно только, как дробь моего я, а как *целое и оканчивающееся вне меня*, но что мне доставляет *высшее наслаждение*. Судя по обстоятельствам, в этом случае он доставляет наслаждение высшее, нежели как испытывается *при субъективном восприятии*.

Тогда не гремит ли слово:

— Оплодотворяйтесь!

— Оплодотворяйтесь, множитесь!

— Оплодотворяйтесь, множитесь до *наполнения всей земли!!!*

Слишком много. Всю землю? Целую планету? Тогда понятны и птицы, "наполяющие воздух", и "рыбы в воде", и "гады под землею".

"Мало — землю! Наполните совокуплениями воздух, воды, норы, развалины скал, дупла деревьев!!"

Жучок множится даже в коре дерев: это уж Бог знает что!

— Где бы ты ни был и куда ни пришел: знай и не забудь, что ты там должен излить семя свое в самку.

Это уж куда оставляет позади сектантов с бедными женами. Это почище и сатурналий. Но тогда, если "да", — это объясняет и сатурналии, и сектантов. Ибо человек-то ведь "по подобию".

Ворочается бедный сектант в постели. "Что-то гость не идет". Стук в двери. И он чиркнул на полати, оставив жену одну.

Вошел гость. Не зажег свечи. Знает, ему все уже готово. Разве подаст ему звук женский шепот. Он идет на него. Приблизился. И как поет Мариэтта Шагинян:

— Я опустил пояс и ослабил повязки.
Ласки. Легкие стоны. "Ах!.. ах!..!"

Да это поет Фет:

Шепот. Робкое дыханье.
Треби соловья.
Дальше тихое плесканье
Вон того ручья...

.....

Это если окно отворено и под горой журчит ручей. Но при нем или без него — хорошо гостю, вдвое — жене, а уж муж "совсем забылся в блаженстве", как Сотворивший мир каждые сутки творения говорил к вечеру:

— Как это все *хорошо*.

И люди вторят столько веков:

— Чтó Бог ни делает — *все к лучшему*.

* * *

29. II. 1916

— Так вы продали отечество свое?

— Что делать. Немá денег.

— Но вам отец оставил м...?

— Четыре. На всех.

— Ну?

— Но когда он умирал, у "нас всех" было уже более трех м. долга. Под "надежду на будущее" — брали. И не торговались о процентах.

— Но ведь "отечество"?..

— Чтó же такое "отечество". "Немá денег" — хуже. Тут нет дыхания. Почти нет кровообращения. "Зарывай в могилу". А как же я "зароюсь", если еще жажду бл. и е...?

— Да, "зарыться" нельзя.

— Вы понимаете? И мамаша тоже сказала: тебе еще "зарываться" рано. Надо как-нибудь иначе. И — продали.

(В Алекс. Невск. лавре панихида по Ал. Серг. Суворине; певчие — опять как ангелы; около меня стоит этот страшный Граматинов, жид; и рядом с ним — змейка, квакушка. Я сказал мамочке: "Змейка". Она сказала: "Змейка".)

Как я не годился, когда года 2 назад был в "Вечернем времени": там уже сидели неопределенные жида, Боря "управлял", а Гольштейн, отведя меня в сторону, сказал "по секрету": Боря, из всех братьев, один наследовал талант своего отца".

Я не сомневался. Когда же прощались, Боря выдвинул нижний ящик стола и на мое удивление сказал: "Без этого, В. В., нельзя редактору".

Т. е. для храбрости против правительства.

Там лежали бутылки коньяку, шампанское и вина.

И вот — Граматинов. И Гольштейн, уже "купивший 8000-чную стильную обстановку".

И через 20—30 лет я вижу: этому Боре, где-нибудь в углу, в лакейской, — уже не Гольштейн, а смерд придвигает последнюю рюмку коньяку, Боря берет у смерда "красненькую в долг", благодарит слезливо за "одолжение", и смерд не догадывается сказать ему в утешение:

— Что делать. Судьба. Но зато вы были самым талантливым сыном своего отца.

(на той же панихиде; XL-летие "Нов. Вр.")

Но он милый. Он всегда мил, этот Боря. Какая улыбка и чудный свет глаз. Как ему было объяснить это. Он бы все равно ничего не понял.

* * *

29. II. 1916

Он ведь соловушка — и будет петь свою песню из всякой клетки, в которую его посадят.

Построит ли ему клетку Метерлинк и назовет его "Синей птицей".

Новый Т. Ардов закатит глаза — запоем: "О, ты синяя птица, чудное видение, которое создал нам брюссельский поэт. Кого не манили в юности голубые небеса и далекая незакатная звездочка..."

Или построит им клетку Л. Толстой и назовет ее "Зеленой палочкой".

И скажет *Наживин*:

"Зеленая палочка, волшебный сон детства! Помните ли вы свое детство? О, вы не помните его. Мы тогда лежали у груди своей Матери-природы и не кусали ее.

Это мы теперь, взрослые, кусаем ее. Но опомнитесь. Будем братья. Будем взирать на носы друг друга, закопаем ружья и всякий милитаризм в землю. И будем, коллективно собираясь, вспоминать зеленую палочку".

Русскому поэту с чего бы начать, а уж продолжать он будет.

И это банкиры знают. И скупают. Говоря: "Они продолжать будут. А для начала мы им покажем синюю птицу и бросим Зеленую палочку".

(XL-летний юбилей "Н. Вр.")

* * *

1.III. 1916

Задыхаясь:

— Ах, какое блаженство.

Так и сказано: ублажат тебя все роды от человека и даже от животных.

∞

У грубого человека дотрагиваются и рукой: у мудрых животных исключена самая возможность этого и оставлено единственное справедливое прикосновение через обоняние и язык (спиритуализм).

* * *

1.III. 1916

Естественное или, вернее, *справедливое* отношение к цветку и есть вдыхание его запаха.

Какое же другое? Не мять же его руками.

От этого он портится. Это его губит. Это его безобразит.

Но п. орг. суть цветы в людях.

* * *

1.III. 1916

Цветок есть лицо растения. А плод — ум его.

* * *

1.III. 1916

Да, детей родить не то́, что кашу есть. Отчего "не то́"? Должно быть, напротив, совершенно одно и то же.

Даже говорят — "половой голод". И тоже "функции организма", — прибавляя "в органах менее благородных".

(в давке трамвая; "висят на ступнях")

* * *

2.III. 1916

Что же, день ли открывает истину вещей?

Ночь ли открывает истину вещей?

Весь Запад решил:

— День.

Восток ничего не ответил и таинственно улыбнулся.

.....
.....
.....
.....
.....

Прошли века.

.....
.....
.....

И из Вифлиемской ночи воссиял свет миру.

.....
.....

Так наши дьячки и орут: "Воссиял мирови свет разума". Грамматика, конечно, не понимают (и я).

.....
.....
.....

А те базары — Рим, Греция — прошли.

3.III. 1916

Как отвратительны, как непереносимы медицинские термины: "Раздражается нерв и происходит *наслаждение*..."

Но если "раздражается зубной нерв", то получается отчаянная боль. А если "раздражается желудочный нерв", то происходит расстройство желудка, отвратительнейшая вещь. И как бы нерв вы ни вывели из его *status quo*¹ — получится *худое* и ничего хорошего.

Явно, что если мы находим упоение (а я слышал замирающее — "какое блаженство!!!"), то это происходит не через "раздражение" и "нерв", а, так сказать, из пластики "всего", целой части, отдела человеческого существования. И от чего-то сверхнормального, нормальнейшего.

Status quo, покой — ничего.

Вдруг нарастает счастье. Тогда мы должны думать, что в том, от "покоя" чего — ничего, в *этом* содержится какая-то высшая жизнь, высшая возможность, залогов на высшее существование. И вот реализация высших залогов "переполняет мое существо", и я кричу упоенно.

---

¹ неизменное состояние (*лат.*).

Нельзя иначе объяснить

покоя

.....

боли

.....

блаженства (полового)

.....

3.III. 1916

Как бы много ни было написано газетных статей, из них не выйдет одной выделанной стеариновой свечки.

Стеариновая свечка меня изумила. Кто их выделывает? Немцы, евреи.

И Русь бедна на всю "стеариновую торговлю", которая в руках нерусских.

Ибо немцы перевели "стеариновую торговлю" через банки за границу: куда под старость поехали и сами.

Эта операция именовалась в русской печати "приглашением иностранных капиталов в Россию для пробуждения творческих сил страны" — и везде в печати покровительствовалась параллельно покровительству Ницше, Шопенгауэра, Бергсона и Трейхмюллера.

Так процветала Русь и все восходила в силу.

Министры радовались, и подданные радовались.

Министры богатели, а подданные беднели.

* * *

3.III. 1916

Да, нанюхался я цветов из Елисейских полей.

Колокольчики мои,
Цветики земные,
Что стоите там и сям...

Памятника Розанову не надо ставить. Но надо поставить памятник НОСУ РОЗАНОВА.

"И был мир. Но он был непонят. Пока появился нос Розанова. Который все объяснил.

Который понял, что звенящие лучи Солнца тоже пахнут".

* * *

3.III. 1916

...безумно люблю.

"Существительное" я никогда особенно не любил.

Да. Сыт. Хорошо. И спокойно засыпаешь потом. Сон "после этого", пожалуй, самое лучшее... И глубокое здоровье назавтра и в ближайшие дни.

Поистине, — благословенно спокойным благословением.

Но это кружево понятий и неуловимой мечты, эта смесь возможного и невозможного, явное Небо, мгlistый запах, вздохи и нескончаемая благодарность, эта любовь к человеку, наполняющая ноздри и все поры души...

(на извозчике; еду к Скворцову за гонораром) (приехал)

* * *

4.III. 1916

Боль ж..ы.

Всемирный флирт.

Господи, зачем Ты
меня создал таким?

Забота, чтобы фельетон прошел.

Молитва к Богу.

Господи, как я
живу? Зачем живу?

Бывали случаи (вот сейчас), сижу в .....ре и заливаюсь всемирными слезами.

(клиника; делают вливание)

И еще:

Дожидаешься очередного посетителя (какой-то Ховский, завтра: "приехал из провинции на 2 дня").

И в заботе — написать очередную рецензию
(просили).

Тут мать Евгения Иванова, из Нижнего, о сыне:
— Напишите.

И Ника Гурфузский, о стихах (сын Скворцова):
Напишите

.....

Я так утомлен, что поневоле выскочишь в любовь.

Моя любовь всегда была "сквозь щелочку", и "выскочил". Самодовольства и покоя в ней я не знал.

(в кабинете директора, жду результата вливания)

Вчера Бурнакин и сегодня Скворцов рассказывали чудовищные истории о деньгах у "правых".

(маму провезли в кресле, и она отчетливо и громко сказала мимо — сиделке: "Нисколько не было больно")

6.III. 1916

Я взволновался. У кухарки от 10 ф. телятины за обедом не осталось ни кусочка к ужину и детям на завтрак (понедельник). Стали искать и объяснили: у кухарки ежедневно мужчины на кухне ("запасные"), и она им отдает все "остатки".

Я:

— Да она до того безобразна, что кому же может понравиться?

Тогда наша гостья, изящная женщина и идеальная домоводка — интеллигентка, сказала:

— Ну, разве мужчине *лицо* нужно?

И скривила губы. 30 лет.

В самом деле: Иаков, женясь, *не видел самого лица* ни Рахили, ни Лии. "Проснувшись — увидал, что женился не на той". Иаков, Лаван и Лия, надо думать, понимали "сущность брака" не хуже наших профессоров канонического права: и они давали жениху не лицо, а.....

— Это не *та́*, — воскликнул Иаков, увидя в рассвете лицо жены, с которой уже "преспал".

Но все уже "совершилось", а брак нерасторжим.

Пришлось бедному еще работать семь лет, за сестрицу жены, которая была "покрасивее".

Кстати, этих (у живописцев-иллюстраторов вроде Густава Доре) двух "красавиц" я представляю себе а-громадными телицами, с ручищами, с ножищами, с брюхом, готовым родить и зачать целый полк воинов; а лицо, вероятно, — грубое, мужицкое.

"Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить".

Дело брака — дело ночное, и уже так Господь устроил, что "ночью лица не видно". "Не разбирай особенно и не чихай, а делай то́, что́ тебе указано Мною"...

И делают. Все люди делают. И солдаты с нашею кухаркою.

Любовь... да, это кружево, туман. И песенка, и кокетство. Но раздвиньте туман и внутри его окажется очень просто:

САМЕЦ.

В Талмуде — очень странно читать (и волнует), как служители храма отбирали для жертв непорочных самочек и самчиков. Самый звук этот, самое понятие — "самец", "самка" кружили голову евреям: это видно из частого повторения, из сочного повторения. Мысленно они все должны были делаться от этих "выборов в жертву" почти скотоложцами, и спиритуалистическое скотоложство, конечно, составляет нерв древнего Израиля. В Талмуде есть упоминания и положены наказания за скотоложство с "жертвами вечерними" (вечерняя партия жертвоприношений)

храмовых "дьячков и пономарей", мелких служителей Храма. Как и в книге "Левит" сказаны наказания для граждан и гражданок Иуды за "преспание со скотом". Нужно заметить, что "статья закона" не только угрожает, но и немножко напоминает. "Где закон, там и преступление". Манит. Как не нарушить, если "запрещено". Адам-то и Ева? Может быть, люди пребыли бы невинными, если бы не специальное указание. "Указал" — "поманил".

Ах, Господи! Что тут толковать. "Всякое дыхание да хвалит Господа".

* * *

8.III. 1916

До сих пор со всех изданий, начиная с "Ит. впечатл.", я получил за все годы издательства — 500 с немногим рублей прибыли. А какая гора труда, подбора, корректур. От двух — "Литерат. изгнан." и "Среди художн." (в Сахарне) я захворал: потеря аппетита и через 1/2 года знаменитые "головокружения" (склероз мозга). Об евреях, при третьем годовом расчете, все еще убыток: 1076 р. ("Обон. и осяз."), 70 ("Евр. и евр."), 15 ("В соседстве Содома"), 38 ("Ангел Иеговы"). Как тут издавать? Что делать? Нынешний год "Писем Суворина" ни одна книга не продана, и долг 862 р. (год основания Руси) перенесся в нынешний год; "Русской монархии" продано на 2 р. 60 коп.

* * *

9.III.1916

Я всю жизнь прожил с людьми мне глубоко ненужными. А интересовался — издали.

(за копией с письма Чехова)

Прожил я на монастырских задворках. Смотрел, как звонят в колокола. Не то чтобы интересовался, а все-таки звонят.

Ковырял в носу.

И смотрел вдаль.

Что вышло бы из дружбы с Чеховым? Он ясно (в письме) звал меня, подзывал. На письмо, очень милое, я не ответил. Даже свинство. Почему?

Рок.

Я чувствовал, что он значителен. И не любил сближаться с значительными.

(читал в то время только "Дуэль" его, которая дала на меня отвратительное впечатление; впечатление фанфарона ("фон-Корен", резонер пошлейший, до "удавиться" [от него]) и умственного хвастуна. Потом эта баба, купающаяся перед проезжавшими на лодке мужчинами, легла на спину: отвратительно. Его дивных вещей, как "Бабы", "Душечка", я не читал и не подозревал).

Так я не виделся и с К. Леонтьевым (звал в Оптину) и с Толстым, к которому поехать со Страховым было так естественно и просто, — виделся одни сутки.

За жар (необыкновенный) его речи я почти полюбил его. И мог бы влюбиться (или возненавидеть).

Возненавидел бы, если б увидел хитрость, деланность (возможно). Или — необъятное самолюбие (возможно).

Ведь лучший мой друг (друг-покровитель) Страхов был внутренне неинтересен. Он был прекрасен; но это другое, чем величие.

Величия я за всю жизнь ни разу не видал. Странно.

Шперк был мальчишка (мальчишка-гений). Рцы — весь кривой. Тигранов — любящий муж своей прелестной жены (белокурая армянка. Редкость и диво).

Странно. Странно. Странно. И, м. б., страшно.

Почему? Смиримся на том, что это рок.

Задворочки. Закоулочки. Моя — пассия.

Любил ли я это? Так себе. Но вот вывод: не видя большого интереса вокруг себя, не видя "башен" — я всю жизнь просмотрел на себя самого. Вышла дьявольски субъективная биография, с интересом только к своему носу". Это ничтожно. Да. Но в "носе" тоже открываются миры. "Я знаю только нос, но в моем носу целая география".

* * *

9. III. 1916

Противная. Противная, противная моя жизнь. Добровольский (секретарь редакции) недаром называл меня "дьячком". И еще называл "обсосом" (косточку ягоды обсосали и выплюнули). Очень похоже.

Что-то дьячковское есть во мне. Но поповское — о, нет! Я мотаюсь "около службы Божией". Подаю кадило и ковыряю в носу. Вот моя профессия. Шляюсь к вечеру по задворкам. "Куда ноги занесут". С безразличием. Потом — усну.

Я, в сущности, вечно в мечте. Я прожил потому такую дикую жизнь, что мне было "все равно как жить". Мне бы "свернуться калачиком, притвориться спящим и помечтать".

Ко всему прочему, безусловно ко всему прочему, я был равнодушен.

И вот тут развертывается мой "нос", "Нос— Мир". Царства, история. Тоска, величие. О, много величия: как я любил с гимназического звезды. Я уходил в звезды. Странствовал между звездами. Часто я не верил, что есть земля. О людях — "совершенно невероятно" (что есть, живут). И женщина, и груди, и живот. Я приближался, дышал ею. О, как дышал. И вот нет ее. Нет ее и есть она. Эта женщина уже — мир. Я никогда не представлял девушку, а уже "женатую", т. е. замужнюю. Совокупляющуюся, где-то, с кем-то (не со мной).

И я особенно целовал ее живот.

Лица ее никогда не видел (не интересовало).

А груди, живот и бедра до колен.

Вот это — "Мир". Я так называл. Я чувствовал, что это мир, Вселенная, огромная, вне которого вообще ничего нет.

И она с кем-то совокупляется. С кем — я совершенно не интересовался, мужчины никакого никогда не представлял. Т. е. или — желающая совокупиться (чаще всего) или сейчас после совокупления, не позже как на завтра.

От этого мир мне представлялся в высшей степени динамическим. Вечно "в желании", как эта таинственная женщина — "Caelestis femina"¹. И покоя я не знал. Ни в себе, ни в мире.

Я был, в сущности, вечно волнующийся человек, и ленив был *ради того, чтобы мне ничто не мешало*.

Чему "не мешало"?

Моим особым волнениям и закону этих волнений.

Текут миры, звезды, царства! О, пусть не мешают реальные царства моему этому особенному царству (не любовь политики). Это — прекрасное царство, благое царство, где все благословенно, и тихо, и умиротворено.

Вот моя "суббота". Но она была у меня ей-ей семь дней.

* * *

9.III.1916

И я любил эту женщину и, следовательно, любил весь мир. Я весь мир любил, всегда. И горе его, и радость его, и жизнь его. Я ничего не отрицал в мире. Я — наименее отрицающий из всех рожденных человек.

Только распрю, злобу и боль я отрицал.

Женщина эта не видела меня, не знала, что я *есть*. И касаться ее я не смел (конечно). Я только близко подносил лицо к ее животу, и вот от живота ее дышала теплота мне в лицо. Вот и все. В сущности, все мое отношение к Caelesta femina. Только оно было нежно пахучее. Но это уже и окончательно все: теплый аромат живого тела — вот моя стихия, мой "нос" и, в сущности, вся моя философия.

И звезды пахнут. Господи, и звезды пахнут.

И сады.

Но *оттого* все пахнет, что пахнет эта прекрасная женщина. И, в сущности, пахнет ее запахом.

Тогда мне весь мир усвоился как "человеческий пот". Нет, лучше (или хуже?) — как пот или вчерашнего, или завтрашнего ее совокупления. В сущности, ведь дело-то было в нем. Мне оттого именно живот и бедра и груди ее нравились, что все это уже начало совокупления. Но его я не видел (страшно, запрещено). Однако только *в отношении* его все и нравилось и существовало.

И вот "невидимое совокупление", ради которого существует все "видимое". Странно. Но — и истинно. Вся природа, конечно, и есть

---

¹Небесная женщина (лат.).

”совокупление вещей”, ”совокупность вещей”. Так что, ”возлюбив пот” совокупления, eo ipso¹ я возлюбил весь мир.

И полюбил его не отвлеченно, но страстно.

Господи. Язычник ли я?

Господи, христианин ли я?

Но я не хочу вражды, — о, не хочу, — ни к христианству, ни к язычеству.

* * *

10.III. 1916

Истина — в противоречиях. Истины нет в тезисах, даже если бы для составления их собрать всех мудрецов.

Да и справедливо: тезис есть самоуверенность и, след., нескромность.

(у постели больной мамы, Чернышев пер. Общ. вр. специалистов).

* * *

10.III. 1916

Все это влечет, поскольку скрыто.

А поскольку открыто — вовсе не влечет.

*(говорим об истории с Расп-ным;
”в Москве закрыли из-за него ”Яр”)*

Отсюда мировой инстинкт: не назвать вслух, не произнести имени, — ”не ругаться”, ”не сквернословить” на улице, — ”не оказывать публичного внимания к тому, к чему келейно и у себя дома ведь во всех решительно семьях, и в том числе идеальнейших, оказывается весьма ”много внимания”.

Даже переходит в космогонию и ее устройство: ХВОСТ (половой орган должен быть закрыт), НОЧЬ (половое соединение должно быть сокрыто), начало цивилизации — ОДЕЖДА. Голые люди не начнут, не начинали цивилизаций: невозможно. Цивилизация началась с тряпочки над половым органом. До этого — дикость, первобытность, лес. Первый застыдившийся и положил камень в основу истории.

Вот отчего пугаются люди публичного разврата; но именно — публично-го, названного, увиденного. Ибо все, ну решительно ”все, что хочешь”, существует в каждой решительно семье, где муж ни в чем не отказывает жене и жена ни в чем не отказывает мужу, ”целуются и милуются как хотят”. Боятся ”скандала”, т. е. вдруг ”заговорили и назвали”, произнесли ИМЯ.

Но, Боже: опять-таки — ПОЧЕМУ?!!

Да опять-таки: как я выразился случайно в течение разговора: ”открытое — совершенно не влечет”. Люди и мир стараются сохранить то, чем живут люди и мир. Что их утешает, радует, веселит. Что есть ”вино жизни”.

---

¹ тем самым (лат.).

”Раскупоренное” — портится, киснет, безвкусно, ненужно.

”Закупоренное” — о, хорошо закупоренное, — проливает жизнь во всех. Румянец, смехи, счастье. ”Какое блаженство!” ”Блаженство” все и стараются сохранить; т. е. ”ни гу-гу”.

— А, что?.. Фи, как вам не *стыдно* это называть по имени, говорить вслух.

— Да что ”называть”: ведь все делают, любят?..

— Фи! Фи! — И ”прекрасная дама” отходит от вас в сторону при слухе о том, что она сама делает и даже так любит.

”Любит”, но не называет.

”Делает”, но ”молчит”.

Суть всего.

Сохраним тайну мира, с коей живем. И без коей мир так был бы томителен, скучен, неинтересен, что человек, конечно, не захотел бы жить. Ни человек, ни животные.

Нужно, чтобы мировой ветер (легкомыслие) не задул свечу. И человечество закрыло ее руками. О, как бережет!.. Иначе будет не хотеться. Никому не хотеться. О, какой ужас!!! Муж не хочет жены, и жена не хочет мужа. ”Суфражистки”, ”синие чулки”, не ”дамы”, а Софьи Ковалевские. Сотни Софий Ковалевских, тысячи Софий Ковалевских, миллионы Софий Ковалевских. Всё — Софьи Ковалевские, все — Софьи Ковалевские, задыхаемся, тонем. Ибо это, конечно, есть потопление мира, такой случай есть потопление мира. И мир этого боится. Он боится наступления чудовищной минуты, когда ”опустится” и ”более не встанет”. Ибо всякий, даже и не ученый, понимает, что если ”более никогда не встанет”, то это страшнее мора, чумы, холеры, потопа, огня, пожаров, войн и землетрясений. Это...

Но это ”светопреставление”. ”Конец мира”, † и Вечная ночь.

Ночь: но такая молчаливая, ужасная, пустая...

Когда не несется к небу — ”ах! ах! ах!” из каждого почти уголка земли.

Когда никто не взывает к Богу.

Не молится.

Но все грустны, печальны.

Бродят, взывая — ”он более не стоит”.

”Умер! он умер, любимый”, как взывали об умершем Озирисе в Египте. И в Ханаане — об Адонисе.

И вот, чтобы он ”не умер”, — молчат.

Особенно женщины молчат, которым он ”так нужен”.

Главные стыдницы на свете. И в стыдливости которых суть мира.

”Весталки, — они хранят *огонь*”.

Тот ”огонь”, без которого ничего не испечешь.

”Нет обеда. Пошел к черту” (это — миру). Тогда миру только ”провалиться”.

О, не хочет мир провалиться.

Хочет еще "стоять". Тогда женщины говорят: "Тогда пусть он стоит". Ибо если он "опустится" — мир "погибнет".

И молчат, молчат...

Молчат и делают.

Молчат и улыбаются.

И не называют. Никогда не называют. Того, что одно в мире истинно и глубоко любят.

Для кого одеваются. Наряжаются. И манят тысячами улыбок, и ласкают тысячами ласк.

"Пробудись, мой Озирис!"

"О, как ты велик!.."

"Почему я люблю Тебя? Но я люблю только Тебя, и по примеру этой одной моей любви все на свете любит, согрето, утешено, дышит и продолжается в вечность".

"О, Озирис, вечность — это Ты".

* * *

10.III. 1916

При этом противоречия не нужно примирять: а оставлять именно противоречиями, во всем их пламени и кусательности. Если Гегель заметил, что история все сглаживает, что уже не "язычество" и "христианство", а Renaissance, и не "революция" и "абсолютизм", а "конституционный строй", то он не увидел того, что это, собственно, усталая история, усталость в истории, а не "высший примиряющий принцип", отнюдь — не "истина". Какая же истина в беззубом льве, который, правда, не кусается, но и не доить. Нет: истина, конечно, в льве и корове, ягненке и волке, и — до конца от самого начала: в "альфе" вещей — Бог и Сатана. Но в омеге вещей — Христос и Антихрист.

И признаем Одного, чтобы не пойти за другим. Но не будем Сатану и Антихриста прикрывать любвеобильными ладошками.

Противоречия, пламень и горение. И не надо гасить. Погасишь — мир погаснет. Поэтому, мудрый: никогда не своди к единству и "умозаключению" своих сочинений, оставляй их в хаосе, в брожении, в безобразии. Пусть. Всё — пусть. Пусть "да" лезет на "нет" и "нет" вывертывается из-под него и борет "подножку". Пусть борются, страдают и кипят. Как ведь и бедная душа твоя, мудрый человек, кипела и страдала. Душа твоя не меньше мира. И если ты терпел, пусть и мир потерпит.

Нечего ему морду мазать сметаной (вотяки).

* * *

11.III. 1916

Некрасив, да нежен, — так "два угожья в нем".

От некрасивости все подходят ко мне без страха: и вдруг находят нежность — чего так страшно недостает в мире сем жутком и склочном.

Я всех люблю. Действительно всех люблю. Без притворства. С Никола́й, долгое время с Афанасьевым и еще не менее 10-ти сотрудников в нашей газете я был на "ты", не зная даже их по имени и отчеству. И действительно, их уважал и любил. "А как зовут — мне все равно". Хорошая морда.

Этих "хороших морд" на свете я всегда любил. Что-то милое во взгляде. Милое лицо. Смешное лицо. Голос. Такого всегда полюбишь.

Стукачева мне написала: "Голос Ваш (из Москвы спрашивала) нежный, приятный; обаятельный". Мы не видались еще, а лишь года 2 переписывались. Отвратительно, что я не умею читать лекций. Я бы "взял свое". Образовал бы "свою партию".

Я знаю этот интимный свой голос, которому невольно покоряются; точнее — быстро ко мне привязываются и совершенно доверяют.

Что общего между Шараповым и Мережковским: а оба любили. Между Столпнером и Страховым: любили же.

И я немножко их "проводил". Мережковского я не любил, ничего не понимая в его идеях и не интересуясь лицом. Столпнера — как нерусского.

Они мне всё говорили. Я им ничего не говорил. Не интересовался говорить.

Но и не говорил (никогда): "Люблю". Просто, чай пил с ними.

И я со всем светом чай пил. Оставаясь в стороне от света.

В себе я: угрюмый, печальный. Не знающий, что́ делать. "Близко к отчаянному положению". На людях, при лампе — "чай пью".

Обман ли это? Не очень. Решительно я не лгал им и при них. Никогда. Всегда: "полная реальность". А не говорил всего.

Таким образом, в моей "полной реальности" ничего не было *не так*, ничего не лежало фальшиво. Но ведь во всех вещах есть освещенные части и неосвещенные: "освещенное было *истинно так*", а об неосвещенной я не рассказывал.

"По ту сторону занавески" перешла только мамочка. О, она и сама не знала, что "перешла"; и никто не знал, дети, никто. Это моя таинственная боль, слившаяся с ее болью воедино. И притом она была потаенная.

Прочие люди проходили мимо меня. Эта пошла на меня. И мы соединились, слились. Но она и сама не знает этого.

За всю жизнь я, в сущности, ее одну любил. Как? — Не могу объяснить. "Я ничего не понимаю". Только боль, боль, боль...

Болезни детей не только не производят такого же впечатления, но и ничего подобного. Поэзия других людей не только не производит такого же впечатления, но и ничего приблизительного. "Что? Как? Почему?" — не понимаю.

* * *

11.III. 1916

Метафизика живет не потому, что людям "хочется", а потому, что самая душа метафизична.

Метафизика — жажда.

И поистине она не иссохнет.

Это — голод души. Если бы человек все "до кончика" узнал, он подошел бы к стене (ведения) и сказал: "Там *что-то есть*" (за стеною).

Если бы перед ним все осветили, он сел бы и сказал: "Я буду *ждать*".

Человек беспределен. Самая суть его — беспредельность. И выражением этого и служит метафизика.

"Все ясно". Тогда он скажет: "Ну, так я хочу *неясного*".

Напротив, все темно. Тогда он орет: "Я жажду *света*".

У человека есть жажда "другого". Бессознательно. И из нее родилась метафизика.

"Хочу заглянуть *за край*".

"Хочу дойти *до конца*".

"Умру. Но я хочу знать, что будет *после смерти*".

"Нельзя знать? Тогда я постараюсь *увидеть во сне, сочинить, отгадать*, сказать об этом *стихотворение*".

Да. Вот стихи еще. Они тоже метафизичны. Стихи и *дар сложить их* — оттуда же, откуда метафизика.

Человек говорит. Казалось бы, довольно. "Скажи все, что *нужно*".

Вдруг он *запел*. Это — метафизика, метафизичность.

* * *

11.III. 1916

Но отчего человек хочет "другого"? Отчего "тем, что *есть*", человек никогда не бывает удовлетворен?

Должно быть — из основного факта: что рожден от отца и матери. В это время, в его зачатии, мать хотела *не себя, а мужа*; и отец хотел *не себя, а жены*. Оба "отрицались себя" и "хотели другого". И дитя передало вечное — "желать другого".

Поэтому только "не рожденные от отца и матери" чужды метафизических стремлений, и в них позитивизм есть не претензия, а факт.

* * *

11.III. 1916

Мысль моя, — пожалуй основная или одна из основных для "всего Розанова", — состоит в том, что Россия и русские призваны выразить вечность и высшесть "частного начала" в человеке и человечестве, что они не по судьбе, а по идеалу и желанию останутся вечным "удельным княжеством" Божиим на земле, вечным "уездом" в политической сис-

теме царств, вечно "на вторых ролях" в духовном мире, философии, сознавая, чувствуя и исповедуя, что "Высшее" — Богу, у Бога, что там "Бог сидит" и заглядывать сюда человеку не только не должно, но и опасно, грешно, страшно.

Бог — велик.

А мы — маленькие. И пусть это *будет* (останется вечно).

Так. обр., не "Рим", — первый или четвертый, — а отрицание Рима в самом принципе его, страсти его, воле его. "Не хочу!" "Не хотим". "Страшно". "Грешно".

Мы глупы и *должны оставаться глупыми*, мы по мелочам грешны и дурны и *должны оставаться дрянцо*, мы — воробьи, воробьиная порода, все переводим и ни на чем не стоим ("переводная литература", "романы Эжена Сю").

Это, конечно, содержит в себе и грусть и страх. "Но разве может человек не бояться?" "Гром убьет".

Вот этого "грома" мы должны бояться. "Гром" — "Рим". И он страшен, и место его страшно.

"Не надо. Закрываем глаза". "Вам бы лишь картишки. И то немного".

Конечно, это грустно. Но, позвольте: разве человек не должен быть немного грустен вечно?

В маленьком зародится теплота: а это — и надо. "Рим" холоден, и все "Римы" были холодны и люты. Под "Римом" трещали кости: а если мы "грязь", то каким же образом под нами затрещат кости? Значит, "ура! никого не давим".

Вот это нужно: чтобы никакой человек никакого не давил. И от этого, от отвращения к этому — вековечное отрицание Рима и (это есть *положительная* сторона истории) борьба против всего, что "скачет до Рима". Не надо "Рима" у нас и — *ни у кого*.

Земля, вся планета, "такая маленькая и второстепенная" (уж это-то, конечно, и очевидно), должна быть "царством уездов" без всякого средоточия. Повышения относительные и временные могут быть, но отрицается "абсолютная высота", которая — Богу.

Это глубоко живет в нашем народе, в наших святых (которые — ни один и не вышли в "отцов Церкви", в "учителей Церкви"). И не надо таких особенных "учителей", пусть всякий учится "по-своему". Сыщички пусть будут "кой-какие", — "под Бонч-Бруевича": потому что ему надо же, малому, какое-нибудь занятие. Пусть изменчишки будут, пусть бунтишки: но, пожалуйста, "без принципа", а как факт.

Пусть волнуются. Небольшим волнением. И умрем. И уснем. Сном легким, п. ч. без злодеяния.

Легко ли римлянам теперь на том свете? А, то-то же.

А вечная жизнь "там" — крайнее. Это уже абсолют.

* * *

11.III. 1916

”Добро”, ”добрый поступок”, ”добрая (благожелательная) мысль” — такой же ”атом” ”жизни всех”, как ”атом” физических тел. И его подобным же образом нельзя, глупо и вредно отрицать. Без ”доброго поступка” жизнь всех развалится. Не держа перед собою мысленно ”доброго поступка”, нельзя построить систему государства, общества, экономики. ”Добрый поступок” есть истинный ”столп”, из которого не только практически, но и умозрительно строится все в обществе.

Отсюда ”святой” (пусть даже ”городовой”) — как ”столп общества”: ибо он есть вечный хранитель ”атомов” общества и даже новый родитель их. И мысль — что и жизнь должна быть построена на ”святых”, на ”святцах”. И, наконец, отсюда же: что наша слабая и грешная русская жизнь есть все же высшая на земле, ибо у одних русских есть глубокая вера и убеждение, что ”жизнь должна быть построена на святых”.

* * *

13.III. 1916

У европейских (христ.) наций совокупление есть вещь, которая может *быть* и может *не быть*. Оно не проникает всего человека и всю жизнь его. У еврея оно пропитывает всего человека и всю жизнь.

∞

И восходит это к *да* и *нет* Нового Завета (брак + девство). И только к *да* Завета Ветхого.

∞

Я был поражен, прочитав год назад в еврейском молитвослове: когда произведено обрезание (над *семидневным младенцем!!!*), то читается как бы *обращенная к нему* молитва, оканчивающаяся словами: ”и да даст Бог тебе ввести невесту в хушу” (спальня новобрачных, ”чертог брачный” Евангелия). Следовательно, уже над *семидневным* реет мысль, ожидание, требование общины израильской: ”Ты будешь *обязан* совокупиться”.

* * *

14.III. 1916

Я хотел сказать, что христианин полом не центрально живет, а еврей живет им центрально.

Устремительно, вплотную и с жаром.

У нас эта ”частность биографии”, ”момент быть и не быть”.

У них — стержень биографии.

У нас ”заливом”, полуостровом. У них — океан, материк.

В оттенках-то разницы — и сущность.

* * *

14. III. 1916

Беззвучные слова предшествовали звучащим словам.

Первый разговор — немой.

Как у животных.

Ведь животные поют "романсы без слов", в любовных ласках, в игре.

"Собаки играют на дворе" и все время говорят.

Лай — столь короткий, отрывистый в игре — это выкрик, восклицание.

"Я тебя люблю" — *ам!*..

"Не подходи!" — *ам! ам!*..

Первый же разговор в люльке с ребенком. Бабушка вбегает к родителям и говорит:

— *Он уже подает ручки.*

— *Подает???*

— Я улыбалась ему. И он улыбался мне. Это уж было недели. И протягивала ему старые руки... И тоже — недели. Вдруг сегодня, нате: и он поднял кулачки ко мне. Подал ручки...

Как это произошло. "Как выучилось"?

Бабушка ждала, хотела, просила ручек... Ребенок голоса и зова, и слов не понимал. Но он слышал желание, он почувствовал желание, "что-то в груди у него": и вдруг он "подал ручки"...

Первые речи — без слов. Начальная речь: обнял, улыбнулся, провел рукой по лицу.

Потом это перевелось:

— Я люблю.

* * *

15. III. 1916

Ученики учителей

.....
.....

С наукой случилось то, чего поистине никогда нельзя было ожидать; чего случиться собственно *не могло*, если б не особые обстоятельства...

Дело в следующем: в Германии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Голландии, в Швеции и Норвегии, наконец даже в Болгарии и России, — есть университеты и высшие специальные заведения. В каждом университете около 100 профессоров, часто — больше, и даже гораздо больше (Москва). Каждый профессор "родит из себя" одного-двух учеников, т. е. предлагает университету "оставить его для приготовления к кафедре". Это — будущие профессора. И вот каждый из них стоит перед необходимостью

написать диссертацию.

Казалось бы хорошо: но все это по заказу и непременно, и в определенный срок, в 2—3 года. Таким образом выпячивается огромный угол вперед: *наука по заказу*, никак из существа ее не вытекающий.

Наука по заказу? — Не понимаю. — Наука, потому что заказано и приказано, п. ч. профессор требует, и — "хоть тресни, а — подай".

Совершенно не понимаю. Не поймет никто в свете. А — *есть, существует.*

Что же они подают и чем это отличается от од вельможам XVIII века? Там было искусственное парение, — парение, под которым нет пара, — а здесь?.. По-видимому, здесь будут книги, нимало неинтересные самим авторам. Книги приблизительно "о ни о чем" и в которых есть "ум", как были рифмы в одах XVIII века, но как там не было ни капли поэзии, так здесь будет ум лишь кажущийся, со стороны формы, но на самом деле и в действительности не будет совершенно ничего умного, интересного, живого, занимательного; никакого "волшебства", которое содержится в поэзии и составляет душу ее, и содержалось в науке, и составляло также душу в ней от Пифагора до Ньютона и Паскаля, до Ломоносова, К. Тимирязева и Н. Данилевского.

Но *расти* книги будут совершенно неудержимо: должность, чин, служебное положение и оклад жалованья. Ма-а-а-лень-кий. Но "все-таки".

Они будут расти, как квартиры в городе, который заселяется, "как число жителей в Чикаго". 70 лет назад — пять тысяч жителей, через 70 лет — полтора миллиона.

И во всех — нет духа, мысли, ничего. Собственно — переплет и бумага. И — "что-то напечатано".

Что "напечатано"???

Не спрашивай. Спрашивай: "Почему напечатано". "Потому что он намерен занять должность приват-доцента, потом экстраординарного профессора и наконец ординарного. Через 30 лет умрет в чине действительного статского советника. Жена оплачет, а дети наследуют.

Слишком по-обывательски. Я люблю обывательщину, но на своем месте. Но на месте Паскаля и Ньютона? на месте Пифагора?..

Но даже не в этом деле, а в чем-то бóльшем: именно — в "напечатанном", где, "в сущности, ничего нет". Нет, видимость книги — есть. Есть все-таки страницы и на страницах буквы. Наконец — строки и страницы имеют решительно вид умного, пусть формально: идет рассуждение, чередуются доказательства. Просто — ужасно: п. ч. мысли-то нет, во всей книге ее нет, и она не нужна даже автору, не говоря о каком-нибудь читателе.

Как же она составлена?

Без веры, без вдохновения. Как и стихи XVIII века.

Например:

1) Христа никогда не было.

2) Христианство — не то мифология, не то обыкновенный вздор.

Но:

3) Я подаю диссертацию об отце церкви XI века.

Казалось бы бессмыслица: ему нужно подавать диссертацию о паровых котлах, об уравнениях 4-й степени, о рулетке, о короле Людовике XI. Но "он уже выбрал такую дорогу", "отец его был священник, и он попал в Духовную Академию", — и теперь, естественно, подает диссертацию "по своему предмету" и "любимому профессору".

"Любимый профессор" прочитывает его диссертацию, убеждается, что тот знает всю "литературу предмета", т. е. ему знакомы решительно все книги и тоже диссертации, написанные об этом же отце церкви; что никакого явного вздора в его диссертации не содержится: и тогда представляет совету университета о "допущении его к защите диссертации".

Между тем ни "любимому профессору", ни талантливому ученику нет никакого дела до того "отца церкви", они ему никогда не молились, они вообще ни капли о нем внутренне не думают.

Но "богословие еще возросло", потому что "написана новая диссертация о святом Иринее".

Таким образом, если в XVIII веке "еще не зародилась поэзия", то в XX веке произошло от автономического устройства и действия ученой машины как бы погребение, исчезновение науки, притом решительно всякой, — кроме точных, опытных, физических, натуралистических.

Все великое море собственно гуманистических наук, наук о человеке, об обществе, о морали, о религии, о церкви, о Боге, об искусстве, об эстетике и т. п., и т. п., совершенно исчезло: оставив переплет и внутри зачем-то исписанную, т. е. испорченную, бумагу. В самое бытие этой науки и в бытие предметов этих наук никто не верит. Вообще — самого существа дела здесь нет.

Странно. Ужасно. И вполне истинно.

* * *

16.III. 1916

И в мужчину, и в женщину вложены взаимно притягивающие их фетиши: в мужчину, — который тянет женщину и ей нужен, мужчине же вовсе не нужен "и нисколько неинтересен"; в женщину — который нужен мужчине и его притягивает.

Вот на чем основана связность. И хотя они отделены каждый от каждого, но каждый к каждому тянется.

И любят.

И поклоняются.

Есть грубый термин, но всеобъемлющий, и который в яркости своей позволяет углубиться в анализ вещи: они друг за другом "волочатся". Термин этот кладет пропасть между полом, о коем иногда говорят, что

он "имеет голод", и между физиологическим, положим питательным, "голодом". Пол есть другое, "на другом конце мира стоящее" явление, чем голод. Ибо кто же "волочится" за куском мяса, который ему нужно съесть. Пусть бы умирал "с голоду", — "волочиться не будет".

Далеко до "голода", без всякого "голода" волочатся. Жених "волочится" три года за девушкой, иная "дожидается" 16 лет.

Нет, это фетишизм. Голод тут привходит, но минимальной долей. Наконец, ведь есть странные любви, где муж уже "совершенно ничего не может" (я видал, знаю) и где жена его любит, бесспорно и очевидно любит. Любит и хранит ему половую верность, т. е. питает к такому мужу определенную и ясную половую любовь.

Пот. что, хотя и изнеможенный, старый, "фетиш" все-таки есть у противоположного пола. Это явление поразительное. И как оно ни редко, оно все-таки *есть*, — есть как *чудо*, — и снова пропасть между "голодом" и "полом".

И "фетиш моего мужа" всегда есть лицо. Потому что любовь не бывает "на предъявителя", а она всегда — личная, исключительная. "С истреблением *других* богов".

Сюда особенно применимы этот принцип и мысль: "Да не будет тебе бози инии разве Мене".

.....
.....

Что́ же такое этот фетиш? Пока — слово, заимствованное из этнографии. "Фетиши бывают у дикарей". Тут — у всего человечества, и явно не дикое. Тут закон и вечность, а не случай у народов.

"Фетиш", "фетиш", "фетиш". Господи, что́ такое "фетиш"?

Научи. Вразуми. Не понимаю. Тыкаю пальцем, но не могу объяснить.

* * *

16.III. 1916

— Чтобы постигнуть вещь, надо сперва полюбить ее. Постигнуть умом можно, только предварительно постигнув сердцем.

Так гудят октавы, тенора, альты, — весь христианский мир. Это-то и есть новая точка зрения христианства, до известной степени *фетиш* его.

— Истина открывается только *любви*.

Так вот что, монахи: вы сперва полюбите совокупляться и после того рассуждайте о совокуплении.

Ваши рассуждения будут тогда очень похожи на "розановские". А то вы "не любите" и потому "не понимаете".

Отсутствие в вас любви к полу зачеркивает все ваши рассуждения о поле.

(1001-е опровержение аскетизма)

* * *

16.III. 1916

Любовь относится к половому органу, но — как к лицу, исключительно и единичному в целом мире.

С глубоким отвращением к самой мысли, к предположению, к допущению, — с отвращением искренним и чистосердечным, — чтобы "любящая особа" или "любящий господин" хотели этого органа "для физиологического его употребления".

О, нет!! Да и воистину — нет!! (Любовь к старым.)

Что же это такое?

Половой орган, пожалуй, и есть "орган", но он орган — "во-вторых". Он *делается потом органом*, в браке, в супружестве, в последующих годах. "Когда пойдут дети". До этого и как возбудитель любви, *initium amoris*¹, он есть "что-то, что влечет меня и о чем я не могу забыть". "Он объемлет душу"; и даже для души он скрыт: ибо о нем не думается, он не называется... Если бы применить это к художествам и религиям, то можно бы выразиться, что он играет роль скрытой статуи в открытом святилище, которое именуется "Иваном" и "Марьею". Любят "Ивана", "Марию", но никогда не полюбили бы, если бы он был гладкий, этот Иван, и она — гладкая, эта Мария, без фетишей, взаимно соотносящихся.

И, следовательно, тянет-то все-таки "фетиш". Где нет пола — невозможна любовь.

Увы, "бриллиантов" не любят. Любят, но совсем другой любовью. Не нужною. Холодною.

Фетиш же согревает душу, и это есть суть его. Любовь согревает душу, и это ее сущность, прелесть и необходимость. Потому-то она и нужна. Единственно поэтому. И уже нужна не *мне* и *ей*, а миру.

Так что же такое фетиш этот? Не сказать ли: центр мировой теплоты? Мировое солнце: другое, чем которое плавает в небе.

Вот какие догадки. Но только догадки.

(Солнце с страусом)

* * *

16.III. 1916

Бур-кин рассказал рассказ:

— На Кавказе. Председатель суда, в чине действ. статск. советника, говорит:

— Обвиняемый. Расскажите нам, как было дело.

Персиянин, весь приседая от страха, начал.

— Был сад. И в нэм дэрevo. И длинная, длинная тень от того дэрeva. Тут я увидэл мальчика... такого маленького... И хорошенького... И глазки как у газэли... И волосы — смоль-черные... И животик у него как персик...

---

¹начало любви (лат.).

Присяжные:

— Не виновен.

— Не виновен.

— Не виновен.

. . . . .

. . . . .

* * *

16.III. 1916

И басами, и октавой, и баритоном, и тенором гудят голоса:

— Чтобы вещь постигнуть — для этого надо предварительно полюбить ее.

Это мировое "эврика" христианства. То, что открыло новую эру понимания вещей и отношения к вещам. И об этом особенно гудели славянофилы.

Так вот что, монахи: вы сперва полюбите совокупляться, а потом и рассуждайте о совокуплении. Тогда ваши рассуждения выйдут довольно похожи на "розановские".

* * *

17.III. 1916

(В слезах)

Зачем устроен эгоизм миров?..

"Я", "я", "я"...

— Если не "я", то уж — никто...

"Я", "я", "я"...

— Да не будут тебе бози инии разве Мене...

"Я", "я", "я"...

Ах, ах, ах. Но я люблю весь мир.

Зачем я люблю его?

Но я скоро умру.

Как же мне не любить звездочек, цветов.

Шума улицы.

И эту проходящую девчонку.

Она такая грязная. Босая.

Другая пышная, в декольте.

И обеим нужен любовник.

— Я буду любовником вам обеим.

— Нет. Мне *одной*.

— Ах. Я никогда не могу быть "одной".

Ведь я собака.

Я и не претендую, чтобы меня считали больше собаки.

У собаки хорошее житие: бежит по улице, ко всем подбегает, все обнюхивает, изредка лает, у прохожего облизывает руку.

Потом умрет. Я умру. И на кресте напишут:
"Этой собаке было жития 60 лет".

(в тоске утром)

* * *

17.III. 1916

У настоящей бабы не только две титьки (можно для цензуры: "т...ки"), но и живот на 4-м месяце беременности, да за подол юбки держатся двое мальчишек 3-х и 5-ти лет, да под мышкой — узелки, а на руках — корзины. И за спиной — узел. Так что кажется, у нее не две, а двенадцать титек.

Это добро. И пусть это добро будет русское.

Такую бабу муж любит, деверья любят, свекор-свекровь не нахвалятся, ребятишки слушают и закон чтит.

П. ч. это добрый русский закон.

*(в гостях говорим трое;
все согласились с этим)*

* * *

17.III. 1916

Чем легкомысленнее — тем либеральнее.

Такое уж правило.

Легкомыслие иногда осложняется ученостью, талантом, остроумием. Блеском — слишком часто. Но если в зерне лежит легкомыслие, то все эти таланты склоняются к либерализму.

Что такое легкомыслие?

Человек без тяжести на спине.

Без страдания.

Без вкуса к религии и к государству.

(в трамвае; еду от Герье)

* * *

17.III. 1916

Чтобы постигнуть вещь, надо сперва полюбить ее. Постигнуть умом можно только, предварительно постигнув сердцем.

Удивительно, что истина эта, довольно признанная, широко распространенная и встречаемая всюду как "путь в мглу", — никогда, однако, не была применена к полу. Хотя он связывает всех людей "взаимным фетишизмом", но в христианскую эпоху ни один человек не сказал просто и прямо: "Я люблю эти фетиши-органы". А между тем если не сказать прямо и просто, то как же начать исследовать, и результаты исследования, естественно, "говорить прямо и просто". Таким образом, была сокрыта самая филология, "шрифты", коими могли бы обмениваться мыслители, изыскатели этой темы. Ибо говорить: "Я не люблю" — никто не решался.

И, естественно, никто не мог выразить последствий и результатов "люблю". Тех результатов, какие бы вытекали после "люблю".

А истина: что "мы можем достигнуть постижения не иначе, как постигнув любовь к неведомому" — остается.

Духовенству приятно было думать, что Бог сотворил не мир и прелесть его, а ихние "сочинения" и скуку их. Которых так много и которые ничем не пахнут.

* * *

18.III. 1916

Закон безбрачия навсегда останется попыткой, усилием. И никогда не перейдет в действительность.

Иначе как через импотенцию.

Что́ же: этого хотят люди? Закон? религия?

"Люди"-то не хотят. Ну, а закон, религия...

∞

Безбрачие и монашество — это и есть монофизитство.

Монофизитство в действии — в победе. Когда "доказательства" не удались.

Монашество есть грех *in sua natura*¹, допустимый только по обстоятельствам.

* * *

18.III. 1916

Говорят: "игра". И хотят прибавить: "пустое и не нужно".

Даже — "порочно, преступно и незакономерно".

Но ведь и поэзия — игра: как же вы хотите вынуть игру из того, что есть источник и родник, в сущности, самой поэзии.

А если мы принципиально и охотно, логически и религиозно допустим игру, или полнее — если мы позовем игру, то ведь что́ же это выйдет?!!!

.....
.....
.....

"И дана была *суббота* сынам человеческим".

.....
.....

Нельзя не обратить внимания, что если "суббота" связана с "обрезанием", — то ведь в этом отношении "игра" — т. е. не рабочее и не существенное — является тоже какою-то "субботою", "отдыхом", "ну так себе, теперь праздник и никакого дела нет" в отношении более фундаментальных сторон связующих людей фетишей. До такой степени

---

¹ по своей природе (*лат.*).

она ярче, духовнее, разнообразнее, если и не метафизичней самого "хлеба" здесь.

И еще: содрогаемся удивлением, читая в "Песни песней", — всею семьей прочитываемой у евреев в вечер пятницы, т. е. в самом начале субботнего празднования, что ведь до "хлеба" не доходит там, а все — *около* хлеба, *вблизи* его... какое-то странное "смотрение на хлеб", но до него недотрагивание. В сущности, в "Песни песней" — одна и неоспоримо именно "игра". И первая же строка:

"Да лобзает он меня лобзанием уст своих".

Никто не замечает ничего? Удивительно. Как не заметить. Ведь ожидалось бы:

— Поцелуй меня.

Между тем в "Песне" явно выражено, что лежащая в тьме говорит о *ком-то*, ухо коего к ней вовсе не приближено, а хоть несколько, но удалено, и называет его *удаленно*: "он".

"Пусть он лобзает меня".

Это возможно только, т. е. такой способ речи и выговаривания мыслим только как внутренний про себя шепот, потому что около плеча сказать некому.

На это никто не обратил внимания, ни единый из комментаторов. Даже великий Акиба, если и видел, то промолчал.

И вся "Песнь песней" выражена через "он" и "она": нигде "ты", нигде не говорят "уста к устам".

Уста — далеко. Явно. Иначе было бы "ты".

Странные поцелуи.

.....

И между тем не цветы, но как бы эссенция пахучести цветов, не одного, не десяти, но мириад, как бы сорванных со всего мира, разлита по чудной "Песни": и сила, и красота слова такова, что в самом трении звуков слов как бы "пролегли розовые лепестки" и сделали слова человеческой речи пахучими, — чуть-чуть влажными, даже сырыми. Сухого, — вот уж ничего! Когда сотворялась "Песнь песней" — пустынь не было. Пустыня не смела быть. Самая пустыня поплыла бы в эфире масл ее...

И ныне "ты".

Откуда же и как маслянистость, влага, сырость.

"И мирра капала с рук моих. И с пальцев моих падала мирра на ручку замка".

"Я уже сняла сандалии. И как я, отворю Возлюбленному моему".

"А Возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало".

И она так хорошо говорит о силе ног его. "Как кедры ливанские". А о лице не говорит.

И он — о животе ее. О персиях, о теле. А лицо безмолвно, и как будто нет его.

* * *

18.III. 1916

Да ведь если в каждой клеточке организма есть пол, то как же вы скажете "не желай", хотя бы ему было 60 лет.

Он ответит вам: "Живу. Значит — жажду".

"Развратник. Развращенный", — несутся на меня крики.

"Тебе пристала могила, а ты все еще любишь".

Я:

"Люблю, п. ч. еще не изнемог".

"Люблю. П. ч. еще не в могиле".

(жду трамвая № 18) (Михайловская ул.)

* * *

19.III. 1916

Плачу и говорю: мне нравятся все.

Горько. Страшно.

Кроме порочных. Эти — ни одной.

Но ведь невинных так много.

(вхожу во двор "Лечебницы об-ва врач. спец.")

* * *

20.III. 1916

Жены, страстотерпицы, мученицы... да, да, да... все-таки должны оглянуться на одно обстоятельство:

— иногда они окружают мужей полицейскою стражею и влекут их на ложе...

— забывая, что под полицейским надзором все "ложится плашмя" и ничего в мире не "стоит прямо", "кверху", "к солнцу".

— Что делать, я *не могу*, — говорит в таких случаях муж.

Всемирно-плачевное "не могу", когда это говорит муж или мужчина.

Что́ делать с этим "не могу"? Весь свет не научит. Не научат мудрецы.

Но при "не могу" — она уже не жена и не женщина. Между тем она вооружила стражу, чтобы "побыть женой и женщиной". Но вот стража стоит, а у мужа не... (повторение глагола). Что́ делать? И женщина-жена видит "все цели у себя потерянными".

— Я вдова. Все равно что вдова.

И *résumé* одно: не надо доводить себя до вдовства. Т. е. не нужно никогда приводить стражу.

"По благодати" и "по свободе": если где это применимо, то в алькове.

— Стража, удались...

— И ты, с мечом, не входи сюда...

- Супруг мой, на ложе около меня есть место.
- Но ты придешь, если тебе захочется.
- Хочешь, я спою тебе песню?
- Если "нет" — я подожду.
- Но ты вспомнишь мои песни — и тогда придешь.

(пересчитав деньги на взнос в клинику)

* * *

20.III. 1916

Что вы ищете все вчерашнего дня. Вчерашний день прошел, и вы его не найдете никогда.

"Он умер! Он умер!" — восклицали в Египте и в Финикии. "Возлюбленный — умер!"

И плакали. И тоже посыпали пеплом голову и раздирали одежды на себе.

"Да, — я скажу, — он умер, ваш Возлюбленный".

Будет ли он называться "вчерашний день" или — Озирис, или Христос. И — католичество. И — Москва.

∞

∞

Ах, и я жалею Возлюбленного. О, и для меня он — Возлюбленный. Не менее, чем для вас.

Но я знаю, что Он воистину умер.

∞

∞

И обратим взоры в другую сторону. И будем ждать "Завтра".

* * *

20.III. 1916

Есть люди, которые всю жизнь учатся, "лекции" и все, — и у них самое элементарное отношение к книге. Элементарное отношение к самому малейшему рассуждению, к стихотворению, к книге — которую начали читать.

А 12 лет школы за спиною. И есть "ученье работы", и уже почти начинают сами читать лекции.

Какое-то врожденное недрасположение к книге, неприготовленность к книге.

Отсюда я заключаю, что "книга родилась в мир" совсем особо, что это — "новое чего-то рождение в мире" и далеко не все "способны к книге". Что есть люди, "врожденно к ней неспособные" — и такие, сколько бы ни учились, ни читали, ни старались, к ним "книга" так же не идет, как к корове "горб верблюда".

Я присутствовал раз при разговоре о стихотворениях одной не кончившей курс гимназии, и еще одной лет 20-ти, с молодым ученым, который не только "любит стихи", но и сам пишет стихи, при этом недурные, формально недурные, — "с рифмами" и "остроумные".

И то, что недоучившейся гимназистке было с полуслова понятно, — именно понятны "тени" и "полуоттенки" слов, выражений, синонимов, омонимов, "украшений" — ученому осталось целый вечер непонятным. И он высокомерно спорил. Гимназистка же "взяла глаза в руки от удивления", — почти не веря и видя, что он ничего не понимает.

В спорах, в критике, в журналах — это сплошь и рядом. Редакторам журналов и издателям книг на ум не может прийти, что "ученый молодой человек" или "начинающий критик", приносящий им рукопись или "к изданию — книгу", на самом деле не имел никакого отношения к книге, родился до Эльзевиров, до Альдов и Гутенберга, и есть, собственно, современник Франциска Ассизского, — хотя занимается "естествознанием" и "по убеждениям — позитивист". И вот он написал свою новую статью "по грамматике Грота" и с методами Бэкона и Милля: не догадываясь, что он родился вообще до книгопечатания.

То, что я говорю — очень важно, очень практично. Не было бы и не возникло бы половины споров, если бы люди были все одинаково "после книгопечатания". Но тайна великая "литературы и науки" заключается в том, что % 75—80 "пишущей и ученой братии" родились до Гутенберга и в "породу книжности", в "геологическую породу книжности" — никак не вошли и самого ее "обоняния" не имеют; что они суть еще троглодиты, питающиеся "мясом и костями убитых ими животных", — хотя уже писатели, критики, иногда — философы (тогда — всегда позитивисты), читают лекции и составляют книги.

Я ненавижу книгу. Но я книжен. И передаю это мое таинственное наблюдение.

* * *

20.III. 1916

Когда я служил в Контроле, то приходилось ездить на конке от Бол. проспекта на Петерб. стор. до Синего моста (Контроль). И приходилось платить только "туда" 20 к.

Это было незабвенное время, когда мамочка ходила в меховой кофте (до колен) — в морозы, тогда как извозчики покрывали лошадей шерстяными одеялами (что-то вроде одеяла, — попона?).

20 внизу, наверху 12. Разумеется — 12. И вот кондуктор, обходя пассажиров "верхнего этажа", брал деньги и выдавал билетика.

Было 4 станции. Четыре билетика.

И я учил соседей и сам делал.

На билетиках какие-то цифры. Дурацкие. Но верхнее, очень большое число, выражало № билета. Они шли в каком-то порядке, — очевидно! И чтобы не затруднять контролера, я складывал все 4 билета друг

на друга, чтобы на каждом видна была единственно одна цифра его номера. 4 цифры друг на друге и, немного отступая назад, лежащие — являли контролеру прямо и без затруднения зрелище правильно взятых билетов.

Ему не надо было проверять, копаться, всматриваться.

"Сразу". "Быстро". "П. ч. верноподданный был заботлив и потрудился".

Посему-то и вышел мой афоризм: "Почитаю начальством всякого полицейского, а в конке — даже кондуктора конки".

Это не игра и не шутка, а моя жизнь.

Посему, когда Философов и Мережковский упрекают меня, что я не имею настоящих демократических чувств, я спокоен.

"Демократом" можно быть только из автомобиля (у них теперь свой автомобиль), но кто знает настоящую черноту "народного положения", тот уже не помышляет о партиях, а "быть бы живу" и не столкнули бы с того положения, в котором нахожусь. А ведь "могут".

Отказали. "В вашей работе больше не нуждаемся". "У нас есть свой кандидат на эту работу".

Что возразишь? Даже закричать нельзя. "Нет основания".

В это-то время, когда я подгибал билеты, я попросился к Михайловскому в "Русское богатство".

А билеты были так:

72.463

38.549

44.200

92.164

Контролер "сразу схватывал дело". Но тогда Михайловский, — после если не "любезного", то "так себе" обмена мыслями, ответил высокомерно: "Мил. Госуд., читатели "Русск. Богат." были бы весьма удивлены, если бы рядом с моим именем на страницах журнала они увидели под статьею и подпись вашего имени".

Я ему очень сочувствовал. "Любил читать Михайловского". И — этот сухой, колючий тон. Так в швейцарскую выходят и говорят: "Вы — полотер? Но у нас уже наняты полотеры".

Когда мерзла мамочка, можно было быть и полотером.

Третий назначил 100 руб. жалования. Берг уже переставал платить. Контроль мучил и мешал написать что-нибудь порядочное. "Что делать". Мигом, встретив объявление о скачках лошадей (потом сам раз был на них), я, в муке Контроля (о, какая мука!!) "мыслил" проект (осень всегда только "мыслит").

"Премия — за скорый бег — 1000 руб. Я берусь бежать. Ибо когда мамочке — больной — так холодно: я обязан добежать".

Потом у меня была еще мысль: "Сумерки просвещения" издать: но на обложке книжки выставить танцовщицу, которая "делает полкой так". Бросятся. Купят. И книга хоть окупится, а может, и даст что-нибудь.

Да. Проекты. Но "без совета и друга" и на них не решишься.

О Михайловском же я подумал: "Ты, брат, демократ на 6000-м гонораре. Получай я 11 000 — вышел бы в Клемансо и основал бы Liberté. При 11 000 — "что мне оппозиция". Естественное и красивое положение "независимого".

(в давке трамвая) (придя в банк — записал)

* * *

21.III. 1916

"Было, было, было".

— Ну, что же. Было и прошло.

"Плачь, бранный человек".

— Поплакать и мне хочется. Но утешилось: "будет".

"Но ведь *будет* уже не то и не такое?"

— Да. Новенькое всегда жмет и шершаво около шеи. Но — обносится.

"Господи! — Неужели и ты за *новое*?"

— По правде-то сказать, я "новое" ненавижу. Но — *fatum*.

* * *

21.III. 1916

Музыка тишины?

Лучшее на свете.

∞

Слушайте, слушайте лес!

Слушайте, слушайте поле...

Слушайте землю.

Слушайте Небо.

Больше всего: слушайте свою душу.

(сизжу в банке у Нелькена)

* * *

21.III. 1916

Если бы я не писал, то сошел с ума.

Какое же сомнение?

И писательство — для меня по крайней мере — есть разрешение безумия в вереницы слов.

∞
∞
∞
∞
∞

Слова, слова, слова. Как устал. Где же конец мой?

* * *

21.III. 1916

Идеалы социального строительства разбиваются не о критику подпольного человека ("Записки из подполья" Дост.), а о следующее:

Все органическое — асимметрично.

Между тем все постройки непременно будут симметричны.

"Планировать нельзя иначе, чем *по линейке*". А из живого — ничего по линейке.

Как-то лет 20 назад я читал о поляризации света: и прочел, что кристаллы сахара (?), взятые из сахарного тростника — "отклоняют поляризационный свет *вправо* (положим), тогда как кристаллы, добытые фабричным путем — отклоняют *влево*".

Забыл. Давно очень. Но это что-то элементарно и учебно, так что можно справиться. Помню хорошо только, что дело идет о поляризации света, и надо искать в этом отделе.

Я б. поражен. "Лучи света" точно чувствуют *органичность* и отклоняют вправо или влево, смотря по тому, лежит ли перед ними одна и та же масса — взятая из *растения* или приготовленная на фабрике.

И как-то, — помню в изложении, — это сливалось с асимметричностью. Что-то вроде: "природа любит асимметричное".

Каково же было мое изумление, когда лет через 10 после этого чтения, начав знакомиться с Египтом и читая Бругша, я наткнулся у него на замечание: "Египтяне вообще *избегали* в постройках *симметричного*, их "художественный вкус *избирал* — *асимметричное*".

Обратим внимание, что в фигуре человека ничто из "левого" и "правого", "верхнего" и "нижнего", "переднего" и "заднего" — *не симметрично*, не бывает — *тождеством*.

И вот: социалист — строит. Естественно — симметрично, в "гармонии". Но мировые силы, космогонические силы всегда и непременно это перекосят, растянут и испортят.

* * *

21.III. 1916

— Если перед 12 дюйм. пушкой поставить Суворова и выстрелить...

— Какое же сомнение: Суворов не упадет.

(к "истории вооруженных сил в России")

Все победы Суворова не принесли столько пользы России, сколько ей принесли вреда ссылки "на пример Суворова".

Мы перестали вооружаться, учиться, — но самое главное: вооружаться, — все твердя и тараторя, что "пуля дура, штык молодец", и веря в "быстроту, глазомер и натиск".

В пору огнестрельного оружия мы ("штык — молодец"), в сущности, вернулись к эпохе холодного оружия: колоть и рубить.

Мы потеряли военное искусство.

И вот: едва могли победить Турцию, побеждены Японией и очутились без снарядов перед Германией.

Что́ около этого, в сущности, "падения Державы" такие мелочи, как земская реформа, судебная реформа и хвастливая Госуд. Дума.

Я думаю — цари это знают. И думают: "Не то! не то!" — когда галочье стадо лезет, кричит, взывает и умоляет: "Еще реформу — хотя ма-лю-сень-кую..."

Цари наши видят дальше и лучше, чем общество. Но бессильны поправить дело, слишком запущенное.

* * *

21.III. 1916

Кто же придет на мои похороны?

Одни проститутки (м. б., даже "свои" не придут).

Но ведь они даже не знают, что "есть Розанов"?

Да. Но я о них заботился.

Ну и пусть. Я был недобродетельный, и пусть добродетельные обойдут мои похороны.

"Розанов не заслужил нашего участия". Ну и пусть "не заслужил".

* * *

22.III. 1916

Зерно выпадает...

Самое зерно выпадает и уже выпало из литературы.

Правда, искренность, "нужно".

Нужно иметь немножко уха, чтобы слышать все это в глухих их строках, каких-то мятых, без звука, без музыки. Вот как мятая солома лежит на поле, пустая.

Пустая, пустая, пустая. Как ужасно.

О, как ужасно это опустение литературы. Бедные Карамзин и Димитриев, и Жуковский; с такой надеждой начинавшие.

Теперь жива только библиография. "О прошлом". Верещагин ("Библиофил") — вот он жив и исполнен еще мечты.

"В каком переплете издавали в XVIII в. Кожа. Magoquin¹". А, это — дело.

---

¹Сафьян (фр.).

И вот я люблю, когда копаются эти книжные червячки. В них я нахожу еще какую-то микроскопическую жизнь.

"Как был издан И. И. Димитриев". Его "И мои безделки". Это — я люблю.

Неважно, что он написал в своих "безделках". Но как они были изданы.

Фу, смерть.

"Удовольствуйся этим".

Я умираю.

"Друг мой, не ты умираешь, а мир умирает".

(после кофе, утром)

* * *

22.III. 1916

Бедные девушки томятся замужеством. И никто им не дает ребенка. На протяжении 3-х недель — два письма однородные. Из Тамбова, из Москвы.

Из Тамбова пишет:

"Я пишу Вам, п. ч. верю Вам и знаю, что поймете.

У меня *никого* нет близкого, и я хочу сказать Вам о том, что есть мучащего меня.

Вы хорошо (чисто) понимаете женщину. Вы понимаете чувство материнства.

Послушайте, мне 26 лет, и я сейчас прямо больна жаждой материнства. Не подумайте [скот подумает. — *В. Р.*], что я неуравновешенный человек. Равновесия в жизни у меня было слишком много, а вот тут что-то беспредельное [!!! — *В. Р.*] и ничему не поддающееся. Год тому назад я в первый раз полюбила, сильно полюбила, а у него оказалось был сифилис. Мне прежде всего нужен ребенок. Врачи уверяют, что прошедшая болезнь не опасна для детей. Так ли? И есть около меня другой мужчина, который сильно меня любит, а я его нет. Может ли быть хорошим ребенок при таких условиях?

Что бы Вы посоветовали своей дочери, если бы она оказалась в моем положении?

Я даже не знаю Вашего имени-отчества и все-таки пишу Вам. Написала бы больше, да где-то в глубине души шевелится, а вдруг посмеется.

А.

Адрес мой: г. Спаск Тамб. губ. Варваре Алексеевне Розовой для А."

Я посоветовал — сперва со 2-м (страсть самца образует талант ребенка), а во 2-м письме — с первым (абсолютное излечение сифилиса Завалзатом; 60%).

Другое письмо еще ужаснее. Девушку лечил врач, и она ему понравилась: она это заметила. (Она со средствами). И предложила ему себя. "Несколько дней, греясь на солнце, я дожидалась его". Наконец он

пришел, но сказал, что ему некогда, т. к. сейчас должен ехать на практику. "Не могу же я совокупляться с часами в руках" (она ко мне). Она послала к нему подругу, верную, любящую. Та принесла ответ-наблюдение: "Да, для него совокупление — только *деталь*" (меньше всего на свете).

Самец вырождается, самцы вырождаются. Вырождается мужской пол. Солнце гаснет.

* * *

22.III. 1916

Сидят два голубя. Один там, другой здесь.
Кого согреет Солнце?

(вопрос моногамии)

Поп:

— У кого "с венчанием".

Розанов:

— Обоих.

(закон полигамии)

∞

∞

Теперь, только теперь, после писем этих двух девушек, выясняется нужда ограничить этих тетёх-супруг, которые, уже не совокупляясь больше с мужьями, по причине равнодушия к ним мужей (полное уравнивание обоих организмов, полная их симметрия), имеют претензию требовать от них, чтобы они *ни с кем не совокуплялись*: дабы не было ущерба "их чести".

Но "тебя" он не хочет по полному уравнию организма, а другую по этой же причине "хочет". П. ч. с другой нет равенства и симметрии. Мне писали об этом жены "на 12-й год брака, когда мужу 45 лет, мне 37". "Он живет с кастеляншей, безгрудой, тощей; у меня груди хороши, а он не хочет".

Я расспросил подробности: оказалось, уже года за 3 до кастелянши он прекратил физиологические сношения с женой.

Я расспросил других: сказали: "Да, это обыкновенно бывает году к 12-му брака".

* * *

22.III. 1916

Пошлая риторика "о Мадонне" — омерзительна.

П. ч. ведь это — только риторика. Или — исповедание "скопцов от чрева матери" (люди л. св.).

Но и скопцы, "иже оскопиша себя (наши) нуждаются в "девочках": завели себе "богородиц". "А то́ будет совсем сухо".

То-то же. Не выносит "окончательно сухого" мир: и вы, вырезав груди у женщин, все же их *оставили себе*.

Ослы: не лучше ли было бы, чтоб они были с грудями и вы сосали их.

"44 000 старцев" (мечта скопцов, Апокалипсис), сосущих у девок груди — вот это *дело*. Это покрасивее подлых их кружений и несчастных скаканий.

* * *

22.III. 1916

Более и более я прихожу к мысли, что Б. сотворил *любовь*, а не супружество, "любовников" — а не "двух супругов".

Он просто сотворил соитие, — для чего в каждом единичном случае нужны двое.

"Супружество" и "тайна брака" есть просто сотворение Византии, т. е. западной $\frac{1}{2}$ Римской империи, — и здесь-то именно и произошел разрыв между Западом и Востоком, между Европой и священными странами Сирии, Египта и М. Азии.

"Свет" не "с Востока" вовсе, а вот именно — "из Сирии, из Ханаана, от Египта".

Там было "священное бл.....". Оно и будет, восстановится.

О, только бы скорее послать к чертовой матери пиджаки, смокинги, фраки...

И — одеться в подряснички персидского покроя...

И — везде девочки, девушки, жены, женщины, совокупления. "Древо жизни, приносящее плоды 12 раз в год" (обещание Апокалипсиса).

* * *

22.III. 1916

Иногда "упреки жизни" приходят нам не по адресу. И мы гордо говорим: "Нет, этого не было".

Т. е. с *этим* лицом и в *этой* обстановке.

Но ведь ты знаешь, что с другим лицом и в другой обстановке — *было*.

Итак, смертный, опусти голову и промолчи.

* * *

25.III. 1916

Нет команды.

(*суть России*)

Команда какая-то рыхлая, дряхлая.

Во времена Николая она была неумная, но твердая. Однако "неумная" — отразилось слабостью. Кто не умен, в конце концов делается слаб.

С 1855—56 — кризис. Анархия и Гоголь. Вместо осторожности — безумие. В холодной и голодной России "мы зато будем строить фаланстеры". "Община и ура!" — "утрем нос миру".

Турецкая война 77-го года впервые показала уже воочию для Европы слабость России. Дотоле разбивавшая Турцию как "драла за уши мальчишку", Россия едва может справиться с Турцией. Турки при трех Плевнах наносят русским поражения, какие во время всей войны русские не могли ни разу и нигде нанести туркам. По существу дела Россия оказалась, конечно, громаднее Турции, но турки — более "мастерами битв", чем русские. Турецкая война была страшным обнаружением государственного ничтожества России.

Именно, "ничтожества" — меньше термина нельзя взять.

Государи начали бояться всякого столкновения с Европой. Они чувствовали, что при всяком крупном столкновении Россия проиграет.

Боялись даже Австрии. Германии трепетали.

Японская война "облупила яичко". Оно оказалось протухлым. "Но зато мы будем помогать европейскому социализму".

* * *

25.III. 1916

Все русское неловко и все русские неловки — вот в чем дело.

Гораздо раньше этой войны (1914 г.) я наблюдал "на открытых сценах" летних театров, "на трапециях", когда "играют ножами и шарами", кидают тарелки и "курят трубку 3-х саженой длины, причем исходит музыка" (видал на Бассейной — удивительно), то, до чего "если немец" — занимательно, а "если русский" — то аляповато, безвкусно и неинтересно. Тоже пытался читать "Приключения русского сыщика Питулина" — нисколько не интересно. Просто, нет интереса, занимательности, волшебства.

(тоже — Лосский около Бергсона, де-Роберти около Милля и Льюиса)

И всегда прикидывал к будущей войне, к аптечному промыслу, к "захвату вообще России" немцами и инородцами.

У нас нет первичной ловкости рук, поворотливости корпуса тела и нет около этого мелкой и важной придумчивости, хитрости, сообразительности.

Началась война, и как я угадал: мы шатаемся, подражаем и нет уверенности ни в одном шаге.

* * *

25.III. 1916

Правительство было, конечно, глубоко виновно. И оно виновно, во-первых ("нет команды"). Что же это за командир корабля, который вообще спит или причесывается "à la Wilhelm der Grosser"¹. Но уж "и общество же". Под спящим командиром "à la немец" начался грабеж России. Эпоха "великих реформ" была в сердцевине и зерне всего

---

¹"как Вильгельм Великий" (фр., нем.).

— грабежом России. Тут сыграли роль министры финансов, железнодорожники и начавшие выдвигаться евреи. Россию вовсе не обновили реформы: она была по-прежнему убита, забита и забыта.

* * *

25.III. 1916

Нужно ли нам переделываться в Германию?

Можно сказать, — мечта всех русских, от правительства до соц. демократа.

Нет. Тогда зачем Русь? "Две Германии". Но удвоений в истории не бывает.

Судьба Руси — черепаха: с жестким, крепким черепом наружу.

И "нежным, вкусным мясом" внутри.

"Православный русский воин" не слабее немецкого солдата. Как не слабее римлянина. Оставаясь в точности и глубоко православным.

На этом должно быть все построено.

Бурду казачества, я не знаю, нужно ли сохранять. Для студентов — да. Но на войне, говорят, они часто хвастаются и безобразничают. "Лихие наезды". А в сущности — даже не храбры.

Труженик войны — пахарь и воин. Тихий, кроткий, исполнительный, послушный. Без страха смерти, веселый и в ранах. Вы думаете — нет? А вот рассказ г-жи Лушковской: "У нас в лазарете — молодой солдат, которому осколком снаряда оторвало нижнюю челюсть. Страшно смотреть. Пищу ему вливают с ложки прямо в горло. Но вообразите: это самый веселый солдат лазарета, вечно в шутках и остроумии".

Зверями-немцами мы никогда не станем.

Эта твердость Христова воина и есть сбережение Руси. В целостности; больше нам не надо.

Внутри этого, м. б., вся нежность и нега нравов, "неуловимое" Руси, в праздник — водочка (только — в праздник) и посещение "кумы".

И Лермонтов, и Пушкин, и Кольцов, и Тютчев.

Внутри Россию нужно пореспубликанить. В старой бурсе были же "консулы", ничему не мешая. Идея Грозного — завести "губных старост", "излюбленных голов" и "земское управление" — хороша, верна. Никакой красоты нет в "губернаторах". Внутри Русь должна быть пылко самостоятельна, только-только "без права войны с Русью".

* * *

25.III. 1916

Христос не виноват в том, что попы дураки.

Признаем смиренно, что русский человек редко бывает не "дурак", и успокоимся относительно христианства. Тогда оно все представится благо и великолепно, и спасительно.

Митрополит Владимир (тогда — в Москве) выдумал "не разводить супругов даже в том случае, если муж получил сифилис уже в браке", под

тем стоеросовым предлогом, что "тут-то и обнаружить жене милосердие, ухаживая за больным мужем".

Но вот Ольга Ивановна сегодня, когда я начал "из дел" читать это место, прервала меня восклицанием: "М. Владимир?! Да я бы его..." И рассказала случай: идет она в Киевское подворье. И вот выносят гроб с телом регента — священника ("священника! священника", дважды она повторила) этого самого митрополита. В ту минуту случилось, что и он подъехал к подворью. "И вот он видит — гроб, знает — чей, его же регента: — хотя бы остановился, взглянул, перекрестил покойника!! Даже — не взглянул, видя!!!" Я — помня ее слова, что перед ним палились две широко декольтированные дамы во время службы, очевидно знакомые, и он зарился на них, спросил: "И, пожалуй, такие же дамы около него", она ответила: "Не те же, но такие же". Его прогнали из Петербурга в Киев. Да и в Киеве — место ли? О нем же Н. П. Кондаков выразился (мне): "М. Владимир не различает *лицо* физическое от *лица* нравственного, ибо раз сказал на слова: "Это — светлая личность". — "Нет, он *брюнет*".

Ну, и что же: Христос виноват, что митрополит дурак?

А если *так*, — все успокаивается. Господи, какая радость!!!!

Просто: попов надо за волосы драть. Пуще. И как сказал Гей: "Власть обер-прокурора надо *усилить*, а не отменять или ограничивать".

Они хоть связаны житейской порядочностью. Монахи и этим не связаны. Чего один Храповицкий со своими анекдотами стоит.

* * *

26.III. 1916

Прогуливают, прогуливают русские Россию. Еще не прогуляли, но и прогуливали, и прогуливают.

Мы все живем "на счет России". А послужить России — гордость не позволяет. "Это *чин чина-то почитай?!!*

Хе-хе-хе".

(на Лебяжьей канавке присел)
(смотрю на экипажи)

* * *

26.III. 1916

Вот еще в чем нужно ограничить евреев: им не нужно давать есть СТЕРЛЯДЬ.

Т. к. самой вкусной русской рыбы. Т. к. и мы не вкушаем иудейской Щуки.

Т. е. запретить им подавать и для них готовить: 1) уху из стерляди и 2) подавать разварную или 3) маринованную стерлядь (это не очень вкусно, но они "размаринят" ее или вообще устроят подделку).

И тоже "указать гражданам" ("указ").

При попытках нарушить закон — провести "черту оседлости" без касания к берегам.

* * *

26.III. 1916

Духовенству приятно было бы думать, что Б. сотворил не мир и прелесть его, а ихние "сочинения" и скуку их. Но, кажется, этот № не пройдет.

(бреду из дворца прин. Ольденбургского, противогазовые повязки)

* * *

28.III. 1916

Качается, качается море...

Море — Розанов.

Я — щупленький: но — знаете: во мне Море.

Я — некрасивый: но некрасивый-то и есть Пигмалион.

А разве Пигмалион — не море? Желания его — шире моря.

Не "во мне" суть. А суть в "что я люблю".

А я люблю весь мир. Ergo¹: во мне — мир.

И все так устроилось, будто я родил мир.

Родил. И отошел. И я "издали" люблю его.

* * *

28.III. 1916

Хочу, хочу уважать правительство.

И если оно (если бы) подленькое, — нет: по-д-лень-кое, — то особенно соединимся около него. И Бог ради верности нашей — отведет руку от него.

И не будем укорять, чтобы не разделиться. Заткнем уши, глаза, — не станем никаких слушать клевет и читать газет, а понурим головы и будем работать.

Те, фанфароны, были таланты, служили себе (Грибоедов, декабристы). Мы плохонькие, сами плохонькие и, не критикуя, будем просто соработать правительству.

Охранять, помогать.

Благословлять.

Вот роль нищих. Будем, господа, честными нищими.

(показывали в редакции подлое стихотворение о Рас.)

---

¹Следовательно (лат.).

28.III. 1916

— НЕ ИНТЕРЕСУЕМСЯ. У МЕНЯ СВОЯ ЖЕНА ЕСТЬ.

Как отрезал. Я поднял голову из купальни, где брызгался. Это было в Брянске, на Десне-реке. Купальни, мужское отделение и женское отделение, были сомкнуты и отделены досчатой перегородкою, где сучочки, естественно, выпали, да и доска за доску иногда так заходила, что оставались "просветы". А где "свет" пройдет, "глаз" тоже пройдет. Так обыватели тешились, к удовольствию одних и едва ли к большому огорчению других. Жили мелкие чиновники, лавочники, мещаниншики. Скучища. Клуба нет, в карты играть — дорого, а заповедь Господня никому ничему не стоит. И вот любовались "Евами из Брянска".

Я поднял глаза. Встав на лавочку, мелкий чиновник или вообще паренек смотрел в женскую купальню, где слышалось движение и шел разговор. И наклонясь к полуодетому купцу или вообще мещанину лет 35-ти, прошептал нервно:

— Не хотите ли поглядеть?

Тот и ответил эти слова, которые и до сих пор бьют красотой мне в душу.

Русь когда хороша — то хороша.

Я безумно боялся глядеть. "Вдруг увидят". "Закричат". Скандал. Мне не приходило на ум, что в городе очень скучно и никогда не закричат. И вот, единственный раз было — я посмотрел.

Посмотрел и увидел. И вот едва мои глаза коснулись — как мелкая-мелкая дрожь, дрожание всего тела от макушки головы до пяток, обняла мою душу и тело. Дрожала именно душа, а тело — потом и "вследствии". И дрожала не часть души, не сердце, не "половая система", а весь-весь-весь — глубоким внутренним дрожанием, мелким, "синим" ("синий утопленник", ему "холодно").

И дрожь не останавливалась ни на одну секунду, когда я с таким страхом видел ("закричат"), пока не сел.

Их "сиденье для раздеванья" было рядом с нашим. И следовательно, мы спускались в бассейн "сюда", а они — "туда".

Осторожно ступая, держась за перильца, — и когда спустилась ниже — всплеснула воду на лицо ("умылась") умеренно полная дама...

Так что и лица я не видел. Или едва видел, "не заметил"...

Движения были медленны, страшно медленны. Вода казалась холодной...

Долго-долго-долго. И все стоит еще...

Стоит. И вот колена в воде. Вот бедра в воде.

И умывается. И нагибается, чтобы взять пригоршнями воды.

Не слишком. Но и не очень мало.

Никогда, никогда, никогда ни единый лик Мадонны не заморозил меня так в Италии, как эта "мадонна спиной" в Брянске.

Колена согнулись от слабости, и я сел.

Чудо. *Mysterium*.

(как сел — дрожь моментально прекратилась. Но я долго сидел с закрытыми глазами)

* * *

28.III. 1916

Когда я умру, Русь вздохнет: — НАШ ОЗИРИС УМЕР.

∞

∞

∞

О, пусть стыдно, пусть секрет — но в конце концов и не стыдно, и не секрет — и в восклицании этом не вой ли мира и ветров, и шелест цветов, и пение птички.

— Вас не любил никто так, русские женщины (только одни русские), как вами оплакиваемый Озирис.

Ибо вы будете обо мне плакать. Старые, юные, все. Красивые, некрасивые, все. Т. к. я любил не возраст в вас и не красоту вашу, а "все" ваше... Однако же не скрою: больше всего — груди, чрево и лоно (суть Озириса).

* * *

28.III. 1916

Вспотел — и афоризм.

∞

Я вовсе не всякую мысль, которая мелькнула, записываю. Вышла бы каша, "плеть" и *в целом бестолковица*. Таково и есть большинство собраний афоризмов, "подобранных авторами", с которым "Уед." и "Оп. л." не имеют ничего общего по происхождению. Уже потому, что и в "Уед." и в "Оп. л." есть "мелочи, недостойные печати" и которых ни один автор не занес бы в книгу. Спрятал, бросил.

Нет. Особым, почти кожным ощущением я чувствую, что "вышел пот из меня", и я устал, — сияю и устал, — что "родилось", "родил", что "вышло семя из меня" и я буду спать после этого до нового накопления семени.

Это только одно, одно единственное и записано в "Уед." и "Оп. л." Но зато из этого уже *ничего не выпущено*: ни хорошее, ни преступное, ни глупое. Ни важное, ни мелочное.

Так. обр., тут нет ничего "на тему", а есть сумма выпотов души. "Жизнь души как она была". "Пока не умрет" (надеюсь).

Пот мой — семя мое. А семя — глагол к будущему и в вечность. И по существу "пота" ничто не исчезнет из этих особенных книг.

Прежде я писал "на темы", из нужды и "так себе". В написанном не было абсолютной необходимости. Именно необходимости не было, и это самое главное. Напротив, раз "потелось" — это не от меня зависело: и "Уед.", и "Оп. л." в тексте своем абсолютно от меня независимо, можно сказать, и "никогда не думал своего Уед." и "своих Оп. л.": а это поймалось независимо от меня, как бы "боком прошло возле меня", а я только взглянул, заметил и записал.

Что же такое эти "выпоты" мои, в которых я сам так неволен? Так "сходит семя" и "выплевывается слюна". Ну, Бог со слюной: это вода. Но семя — жизнь. И я передал часть жизни моей... не читателю даже, а "в воздух", "в пространство". Но с помощью техники книгопечатания эта "часть души моей" вошла в читателя.

Многие поморщились, оттолкнули, не слышали. Вообще для многих — "не надо". Такие просто и не знают, что я написал, как "не знающие греческого языка", естественно, не знают, что "написал Гомер" и даже "был ли Гомер".

Но некоторые поняли, слышали. И их души стали "маткою" для "семени моего".

Я родил, и в них рождается.

И "хочет" или "не хочет" — а принял "новую жизнь от Розанова". Какова же эта жизнь? Что она?

Нежность.

Есть еще другое. Дурное. Но оно все видно, я его не скрыл. Это "дурное" я сам в себе "отрицаю", и отрицаемое мною — его, очевидно, не принял и читатель.

"Это грех Розанова. Зачем я возьму его себе".

Основательно.

А нежность вся хороша. Ее одну и возьмет читатель. Я унежил душу его. А он будет нежить мир.

Так, читатель — будем нежить мир. Основной недостаток мира — грубость и неделикатность. Все спорят. Все ссорятся. Это нехорошо. Не нужно. Мы не будем вовсе ни о чем спорить. Мы оставим мысли другим. Мы будем "поводить по волосам (всегда "по шерстке") мира", гладить ему щеки...

И заглядывая в глаза его — говорить: "Ну, ничего".

(в казначействе, за пенсией к Пасхе, все мешают, толкают)

Разврат мой, что "я люблю всех" и через это обидел и измучил мамочку — может быть, имеет ту провиденциальную сторону в себе, — ту необходимость и универсальность, что без него я не пришел бы к идее вечной и всеобщей неги. Ибо надо было "насосаться" молока всех матерей. Нужно было сладострастие к миру, чтобы любить вымя всех коров и мысленно целовать телят от всех коров. Как "уродиться в отца всех", не родив действительно "всех" и, след., не совокупившись "со

всеми коровами"... по крайней <мере> мысленно, духовно. И вот так вышло: Господь меня устроил "во всех коров". Я полюбил их титьки. Я полюбил их ложесна. Я полюбил их влажность и самый запах пота. Ну, "совокупиться"-то со всеми не мог, но ведь это недалеко от совокупления. "Что-то сделалось в мире", и я был близок к "всеобщему совокуплению". В душе моей произошел "свальный грех": и через него, и единственно через него, я "уроднился" с миром: и вот читатель чувствует, что я ему — тоже "родной".

А ты, читатель, — мне родной.

Так и будем родниться. Спорить не будем — а будем родниться.

* * *

29.III. 1916

"Помни день субботний" и не обращай в субботу будни.

Только 7-й день. Только 7-й день. Только один седьмой день.

Другие дни — ни, ни, ни.

Работай. Трудись. Согнись.

И в седьмой день — "в полный рост".

Гори. Цвети. Пылай.

Танцуй.

"Суббота" не только позволяет. Во-первых, она — приказывает. Но главное ее: это "работай шесть дней и не помышляй о празднике, об отдыхе".

* * *

30.III. 1916

Ах, какая это горькая необходимость — прикрашивать действительность.

О, не по лукавству, не из обмана, не из эстетики особенно (куда!) — а потому, что она в самом деле горька, эта "действительность"!!! Горька, страшна и черна.

Черно. Темно. Грязно. — Сорно.

И бедный человек — о, какой он бедный! — прихорашивает, делает глаза — что "не видит" или что "видит другое, лучшее". Чтобы хотя в мечте и во сне быть счастливее.

Хотя во сне, как-нибудь, "легши на другой бок".

Несчастье, несчастье, несчастье. Грусть, грусть, грусть. Недостаточность, недостаточность, недостаточность.

Как же винить его за обман? Как же винить вообще обман? Разве красавица будет куафироваться? И святой показывать, что он "добродетелен".

Но если так, не прижмемся ли мы к "показывающему себя добродетельным" и скажем: "Брат наш, мы верим, что ты добродетелен", "успокойся"; и к некрасивой: "Ты не хуже никого". Забыв и красавицы и до некоторой степени святого.

Ибо им не холодно.

А этот брат, как и эта наша сестра, — они озябли.

Так образуются в мире лицемерия. Фальши. И говорят моралисты: "Фальшивое общество". Не замечая, как тут холодно.

Холодно, странничек, холодно.
Голодно, родименький, голодно.

Создал же Некрасов такой дьявольский стих. Который стоит целой литературы. Это он написал, когда зябнул в Английском клубе. Там было ужасно холодно. Но никто не заметил, кроме как поэт Некрасов. О, он был воистину поэт.

И нам всем холодно. П. ч. мы все фальшивы. И мы все фальшивы, п. ч. уж очень люто холодно.

Почему же холодеет планета?
Господи, почему она холодеет?

* * *

31.III. 1916

Ей-ей, жида "обошли" своего Иговушку: как же им не обойти весь свет.

Ведь что́ они для него сделали? — *только* обрезались. Маленькая детская операция, которая на 3-й день заживает. А он для них трудится "весь век Свой".

Весь "божественный век".

Даже странно. Даже страшно. Но это точь-в-точь написано в их книгах.

* * *

31.III. 1916

Пусть под православною митрою растет иудейский грибок.
Только совсем незаметно.

∞
∞

Ведь под тиарой Иннокентия III, именно в его время, выросли же "Цветочки" Франциска Ассизского. А это одно и то же: что́ гриб, что́ цветок.

Ибо обоим "плодиться, множиться". А где размножение — уже не папа, а жид.

* * *

31.III. 1916

...дело в том, что проституция кроме физики имеет в себе и метафизику. Кроме — "дешево", "удобно", "всем доступно" (с мужск. стороны) и "оборвалось", "пропало", "был ребенок, да умер, а уж потом я и пошла", "нарядно", "не скучно", "хороший заработок", "труд не обремени-

тельный” (с женской стороны) — есть что-то в самой оси пола, что, вращаясь вообще около семьи и семейности, около ”двух в плоть едину”, вал пола местами испытывает сотрясения, или вдруг начинается хлябанье в пазах — и оборот ”махового колеса” машет далеко за пределы семьи, машет совершенно вне семьи, в стремительном беге увлекая ”всех в плоть едину”. В проституции, по-видимому, содержится тайна и обещание, загадка и будущность. Сейчас же и с первого раза нельзя не обратить внимания, что все они, несмотря на чудовищную жизнь, какую-то кочевую, какую-то абсолютно бесприветную и неприютную, веселы (об этом см. ”петитом” в ”матерьялах” письмо ко мне в ”Апокалипсической секте”). Ну, а ”веселье” не такая вещь, которую можно ”Сочинить из головы”. Правда, тут половину (а то и $\frac{3}{4}$) можно отнести к тому непрерывному ”анекдоту”, который тянется в их жизни и из которого сплетаются грустные дни и ночи их ”бобыльного” существования. Но ”анекдот” хотя много объясняет, однако остается некоторый остаток ”хорошего расположения духа”, который к нему уже не относится. Остается некоторый ”радий”, который содержится ”в массах переработанного марганца” (или чего другого, не помню: откуда добывается радий). Затем метафизическое открытие Куприна (”Яма”, — вообще-то содержащая в себе сплошную ложь изображения и рассуждений), что ”все они (проститутки) — собственно дети” и еще (кажется, мож. быть, я ошибаюсь) — ”полумонашки” по половому типу. Это — *ново* в словах о проституции и поразительно верно. Я замечу ”в сторону”, что такие лица чистейшей души, как княжна Дондукова-Корсакова (друг Надежды Стасовой), д-р г-жа Безобразова, а также одна немка (из Риги или Англии, — у меня мелькнуло в глазах, в какой-то книжке), абсолютно не могли бы, *не захотели ни за что*, провести всю жизнь свою, провести целую жизнь среди пройдох, лгуний, полуворовок, вообще ”падших” (действительно и внутренне) созданий; среди ”червонных валетов” и вообще других категорий ”падших созданий”. Это приподнимает занавеску над глубокою тайною, о которой мир не догадывается и на которую, пожалуй, таинственно и безмолвно указал Спаситель, ”чертя что-то на полу”, когда перед Ним поставили ”грешницу”.

1) Спаситель.

2) Грешница.

3) Фарисеи.

О, не из ”этих” ли состоит мир: и Спаситель не стоит ли между ”фарисеями”, которых Он решительно не смог спасти, не в силах был, — и между ”грешницами”, из которых единая ”помазала Ему ноги миром” перед страданием, и Он изрек:

4) Где ни будет проповедано Евангелие — будет об этом *вспомнено*.

Не пора ли об этом ”вспомнить”. Точнее, начиная рассуждать о проститутках, не следует ли начинать с этого таинственного евангельского о них слова, — которое, увы, попало немедленно же в переделку и ”разъяснения” к фарисеям, которые, переменив быстро одежды, мо-

ментально присосались и к НОВОМУ СЛОВУ. Ибо фарисейство во-истину есть такая же категория мира, столь же стойкая, крепкая, черствая, как и Евангелие.

Обращаясь к своим воспоминаниям ("опыты"), я должен сказать, что слова Куприна о душевной чистоте "падших девушек" поразительно верны: нет мира более наивного, чистосердечного, не обманывающего, "всю подноготную" рассказывающего "за 2 р." (и дешевле, и даром, "когда пришлось к слову"), более готового себя обвинять и оправдывать других, нежели эти почему-то вечно веселые женщины, девушки. И доля "радия" сюда относится. Они веселы, и даже они относительно счастливы, п. ч. иногда не лгут и никого не обманывают.

— Мы — *такие* ("таковские"?).

И веселы. Ибо не несут на себе той ужасной маски, которую никогда не снимают от сего угрюмые "фарисеи и законники".

Но "вал пола" и его сотрясения не в этом одном содержатся, и даже — главным образом вовсе не в этом, а в другом. Есть *в самом поле* и его глубочайших недрах тенденция "стряхнуть все мурье человечества" куда-то около проституции, во что-то вроде проституции... Таинственная тенденция к тому, что у нас в просторечии и среди простонародья именуется "свальным грехом" — высвечивается в обширных, древних и авторитетных учреждениях, отнюдь не именуемых и не сближаемых с проституцией.

Мне приходилось внимательно всматриваться — вдумываться в *законоположения* еврейского брака по Талмуду. Еврейская семья, как известно, наиболее далека от типа проституции, — она дает типичную картину *святой, тихой и благочестивой семьи*. Но это — как мы видим, это — в практике. Это в том — как *приняли и установили конкретные евреи*, Хаим с Сарой, Абрам с Лией. Тем поразительнее для изучающего, который, вчитываясь в Талмуд, да и в Тору ("закон"), неодолимо убеждается, что собственно евреям, всему населению палестины, предложено отнюдь не это, предоставлено отнюдь не это, а предоставлен такой переход от женщины к женщине и такое обилие женщин каждому одному мужчине, что это мы не можем не назвать упорядоченною и лишь чуть-чуть ограниченою проституциею. "Девушка, если с нею встретится где-нибудь мужчина, пусть незнакомый, и она ему понравится, и он кинет в сторону ее яблоко или другой плод, и яблоко это упадет ближе к девушке, чем к бросившему его мужчине — становится *его*" (т. е. он получает право, коего осуществлению она не может противиться). После чего, однако, он и всякий мужчина каждой девушке-женщине, с ней преспавший, может дать развод на другое утро. И она не может не принять его. Это — по форме, по строгости закона. Причем, как "законный муж", он ни в чем не отвечает. Мотив развода? Строжайший равви Шамай, противник мягкого Гиллела, требовавшего, чтобы было поставлено хоть какое-нибудь ограничение развода, сурово изрек: "Достаточно, если муж заявит перед общиною, что ему *не нравится запах из*

рта его жены". Что́ это? По форме, по строгости — мена проституток на улице. А формула развода и подтверждает это уже буквою, документом. В разводном письме, даваемом мужем жене, содержалась всего одна строка:

"Ты теперь свободна для улицы".

Т. е. "выходи из моего дома, я тебе не кормилец". Больше ничего. Но заключение, последнее слово: "для улицы".

Прямо указывается, куда уходит: "на улицу", т. е. "отдаваться другим", "проституировать с другими". Но, взгляд назад: "Что же было с тобою, Хаим, коего она была женою?"

Он может ответить только, он должен ответить только:

"Проституция". Я был "в браке" с нею, т. е. "во временном пользовании ею": но она мне надоела — и теперь пусть пользуются другие, т. е. другие пусть вступают с нею в брак.

И число разводов для каждого у евреев не ограничено.

У меня был знакомый, г. Ковнер из Ломжи, который до перехода в православие (2-я жена, очень его любившая, была православная) был женат на еврейке. Я его спросил о судьбе ее. Он ответил: "Я с нею развелся, и потом она еще много раз выходила замуж, кажется — раз семь. У нее был настолько несносный характер, что больше чем несколько времени никто и не мог оставаться ее мужем. Так что это семимужие для нее было совершенно естественно и нечто должное".

Но это — проститутка? Это вообще — проституция, ибо числом "семь" разводы не ограничены. Они вообще никаким числом не ограничены и могут быть 7×7 и $7 \times 7 \times 7$. Кто же усомнится и как отрицать, что это именно проституция? Но — регулируемая, строгая, "во весь рост" и "в величии". Равви Шамай у евреев пользуется, так сказать, "катехизическим авторитетом" еще более, чем в России — митрополит Филарет. Ибо все иудейское богословие разделяется на два течения: "более строгое — Шама́я" (т. е. более снисходительное, ибо у них *vice versa*¹ с нами) и "более мягкое (т. е. более строгое) — Гиллела". "Школа Шама́я, школа Гиллела".

Около этого обратим внимание на абсолютное запрещение как евреям-мужчинам, так и еврейским женщинам плотски соединяться с чуже-племенником (не с чуже-верцем), что́, собственно, ЕДИНСТВЕННО у них (и еще случаи скотоложства и кровосмешения) именовалось "блудом" и за него следовало "истребление из народа своего", "побиение камнями"... Что же мы получим? Иудейский брак и полнога его были, собственно, племенной проституцией ("ты теперь свободна для улицы", т. е. "для еврейской улицы"), со страшно высокими стенами отделения по краям племени. "Внутри этих стен — плодись кто с кем хочет, сколько хочет; запрета — нет, все позволено. Но если ты переступишь через черту племени — будешь убит".

¹наоборот (лат.).

Вот абсолют и полнота. Больше нет никаких законов: кроме единственного, относящегося до менструаций и порождающего "мамзера" ("незаконнорожденного"): если младенец даже законнейшею женою и мужем зачат в законнейшем браке *во время менструации жены* — он "мамзер", незаконнорожденный, что так понятно в сути и в деле. Все дети девушек, все дети вдов, все дети малолетних девочек (в Талмуде упоминаются не только 7-летние, но и в таком возрасте, что мне страшно повторить) суть ничем не отличающиеся от других детей, вполне законные. Мне объяснял С. К. Эфрон, что дети девушек и вдов обычно получают имя "Авраама", т. е. отца всего народа, как бы в сугубое утверждение свое, в сугубое от всего племени освящение свое. И ребенок там никогда и нисколько не срамит девушку.

Но евреи так защищают друг друга (Бейлис, Дрейфус), так дружны все. У них воистину достигнуто: "все — в плоть *едину*". Не будь племенной границы для их проституции — этого бы не было. Проституция слишком бы разлилась, стала мелка, "обыкновенна" и похолодела бы. У евреев — горячая проституция. И в ней воистину они все разгорячены, "как мы в законном браке". И тайна в том, что каждый еврей чувствует себя *потенциальным мужем* (в надежде, в чаянии, в нереализованной возможности) всех под луною евреек, а всякая еврейка чувствует себя *потенциальной женою* всех под солнцем евреев.

И племя — объединено, слито. Этому помогает, это доканчивает "миква" и "суббота". Купанье всех евреев *в одном очень небольшом* (закон!) бассейне, причем каждого еврея обмывает вода, побывавшая на всех еврейках "здешней общины", и всякую еврейку обмывает во всех ее частях и подробностях вода, обмывшая решительно каждого еврея "тоже этой милой общины".

И они все "милы друг другу", милы, "как в родстве", через это тайное, знаемое, хотя в момент погружения и укрытое от другого пола соприкосновение "через воды". Теперь, встретясь на улице, всякий Хаим мог бы лукаво погрозить Сарочке пальцем:

— Знаю, ЗНАЮ, ЗНАЮ!!!

Но он "знаю" не говорит: а зато улыбается ей так мило, приветно, "по-родственному", и она так "по-родственному" отвечает ему, что мы можем тоже подставить:

— Знаю, ЗНАЮ, ЗНАЮ, Хаимушка. Знаю, какой ты весь милый, какой ты весь приятный.

"Песнь песней" уже рвется отсюда. "Песнь песней" — читаемая в субботу.

— Суббота, господа: бросайте работы.

Скоро первые звездочки зажгутся на небе. Но еще не зажглись. Торопятся евреи, торопятся — домой. Мы знаем и ученые знают только обряд: свечечки и разные чтения. Но еврей-то сами знают другое:

Когда зажгутся звезды — весь израиль на всей планете вновь "соединяется" и роскошествует свою племенную роскошь... Сокровенную от целого мира...

- Зачем миру знать, что́ мы знаем.
- Нам Бог Единый и единым нам открыл Свой закон.
- Мы знаем то, о чем мир никогда не догадается.
- И он сгниет. Мы же останемся вечно молоды и свежи.

* * *

1.IV. 1916

В каторге-то и спасение.

И в каторжных нравах.

О, не в что́ "убивают", "воруют". Но в некоторой мистике каторги. Действительно, лицемерие мира дошло до того, что время "поменяться местами". И тех "отпустить", а этих "взять в узилище".

* * *

1.IV. 1916

И не написал между строк или хоть в примечании объяснил, что его "Вест. Европы" есть втайне "Вестник евреев". Так русские, продающие отечество, несут такой гордый вид, будто они одни спасают отечество.

Это еще до Мясоедова, служившего в охране и шпионствовавшего Германии.

Так "В. Евр." не написал ни одного доброго слова о Христе, о христианстве, о церкви, так что непонятно, что сей "журнал истории — литературы — политики" — такой красивой славянской вязью — разумел под "европейскою цивилизацией", кроме ресторанов и телефонов.

И еще иудеев Маркса и Лассаля с его дуэлью о русской барышне.

Но тайный дух упрекал его: он вечно грыз любивших Россию людей, Каткова и др., и хватал их за руку, крича: "Смотрите, это воры, они продали Россию".

И хватал. И кричал. И жаловался. И скорбел.

"Смотрите, я раздираю одежды на себе. Так мне жаль России".

И ездил завтракать к Гинзбургу (банкир) (в письме Вл. Соловьева упоминание). А обедал у тестя, еврея банкира Утина. И вот что "банкиры немножко вредят России", — этот патриот ни гу-гу.

Между тем вялый и серьезный "Вест. Европы" сыграл роль едва ли даже не крупнее "Отеч. Записок". Те пылали, а этот мямлил. Но в скудоумии человеческом настойчивое и многолетнее мямленье производит результат гораздо более стойкий и солидный, нежели самый горячий пыл.

К тому же под статьями в нем все были подписаны профессорские имена. "А это что-нибудь значит", — думал читатель с претензиями "на повышение".

Его читали все — губернаторы, председатели суда, члены суда, присяжные поверенные, директора гимназий, из учителей многие читали, — читали все "видные общественные деятели". Капля точит камень: и к 1905 году он собственно создал в России всю "конституцион-

но-демократическую партию”, наполнившую весь первый русский парламент.

Он к этому и вел.

И довел.

Этот мямляющий, безжизненный журнал, без всякого огня в себе, не только одолел, но ”разбил вдребезги” все влияние Толстого и Достоевского.

(трамвай) (пора выходить)

* * *

1.IV. 1916

Израиль призван к скорби. Но в скорби быть страшно. И естественно, они порываются к радости. Но насколько они порываются к радости — они порываются к ”богам другим” и, изменяя стержню бытия своего, — естественно, становятся некрасивы.

”Быть в радости” — не ”идет” к еврею. Это замечательно, что ”радости” на них высвечивают особенным блеском. Они хороши, пока невелики, когда частны, домашни и особенно если быстротечны. ”Выпал хороший денек” — и еврей горит, сияет и умеет использовать и выразить этот ”денек” как никто, — как не умел этого ни грек на Олимпийских играх, ни римлянин в Капитолии. Еврейский ”день” всегда ”со слезой”, как есть сыр ”со слезой”: что-то соленое, острое и неизъяснимо сладкое. Еврейские праздники все ноуменальны, тогда как наши все феноменальны. Ну, и ”хорошие их дни” — ноуменальны: это Давид и пастух ”во царях”, это — ”Соломон и царица Савская”: о чем будут рассказывать в легендах. Тогда как о Коллатине и патрициях будет рассказывать один Тит Ливий, неумный прозаик, в котором ”ничего особенного”.

Гроза. Еврей весь ”в грозе”. Но ведь ”гроза”-то состоит из голубых зигзагов молний в аршин длиною (для глаза), но ослепляющих: и из отвратительного дождя, который льет на протяжении многих верст. ”Судьба Израиля на протяжении многих верст” — тягостна, несносна, унижена, опасна.

И тут именно открывается душа еврея: в скорби, в терпении и перенесении ударов Судьбы. Суть еврея и не в Давиде, и не в Соломоне, а в биографии вдовы Сарепты Сидонской. И победил он мир не Соломоном и ”всею мудростью его”, а кратким разговором этой вдовы с Ильей-пророком. Словом, есть кое-что, чего евреи сами в себе не понимают. Они воображают, что дело в законе (Тора) и гремящих пророках. В мудрых ”уставах” и ”Иерусалимском храме”. Ни в том, ни в этом, ни в третьем. Дело — именно в толпе, то ”язычествующей”, то ”верной Богу”; в толпе — слабой, мятущейся, лукавой (минутами), увлекающейся, ”как все бедные человеки”.

”Масса еврейства” выше ”закона и пророков”, которые, ей-ей, ”можно же еще сочинить”: а эту толпу, которая *действительна*, — из головы не выдумаешь”. И вот она — суть всего.

С проститутками (есть много), с тещами, зятьями, братьями, двоюродными, троюродными. В этой "утробушке" еврей спит, которая так похожа на "утробушку русскую".

Но я отвлекся — "о чем люблю". Оставим. Эта толпа — свята. Суть "святости еврейской" и не в пророках, и не в Давиде, а в "толпе родящейся и плодящейся". Суть не в "главном", а во "второстепенном", как и у нас русских.

И вот из толпы этой выскакивают счастливицы. О, как они ничтожны. О, как они антипатичны. Это банкиры и "1-ой гильдии купцы". Смотрите, они в цилиндре, хвастают, кричат. Это "Грузенберг и Герценштейн". Они "заводят в России революцию" и задумали ей дать "от себя Царя". Разумеется — из банкиров. "Ротшильда Ротшильдовича". И вот тут выступает все отвратительное в еврействе, за что их так основательно бьют.

"Всякая вещь хороша в своем стиле": и еврей в счастье — урод. Я сказал — "Грузенберг". Но и еще — "Кугель". Нельзя выдумать, не выдумаешь такого отвратительного адвоката и такую тусклую газетную мараку. Еще прибавим Оль д'Ора — литератор. И вот это "отвратительное жидо" теперь полезло из всех щелей, и "грозы" собираются, и основательно, на их головы со всех сторон. Собираются и, конечно, их поразят в голову.

"Зачем вышли из своей черты", т. е. стиля, который есть скорбь, молитва и терпение.

"Бог скорбей не выносит счастья" — и Он дал им "единую субботу", т. е. *из семи дней — только один* ("короткая молнийка"), вне которой их удел — "быть лишенными", "униженными", "плакать и молиться".

Тут Израиль встает во все свое величие. Именно — в скорби, в Ночи. О, ужасная Ночь: но ты, израиль, в ней сверкаешь и Ты Один виден и указываешь путь человечеству. Вот когда на тебя смотрят народы — после ударов.

Это, мне кажется, ноуменальная сторона их истории. И напрасны страхи перед "засильем". Они напрасны потому, что "засилье" (оно есть) вовсе не их стиль и, в конце концов, вовсе не их суть. Это "случай" и "феномен" в истории, а не ее ноумен. Ноумен Израиля — в страдании Израиля, и естественно и с самого Неба ограничено "засилье" как "временное".

К тому же я заметил следующее. Даже теперь, при "головокружительных успехах" евреев — есть между ними грустящие, тоскующие и не замечающие этого "богатства" и не хотящие его. Есть вовсе — не "Грузенберги". Их немного — на тысячу один, на 10 000 — один. *Но в нем суть*, — а Грузенберг — "феномен".

Этот "один" вовсе и не враждебен России. Хотя я с ненавистью написал и о Левитане, и о Гершензоне, но, м. б., я ошибся. Не знаю, колеблюсь. Во всяком случае, о Шейне (собиратель народных русских песен) если б я *так* сказал — я ошибся бы. И не скажу. Не все евреи

ненавидят Россию, не все презирают русских (хотя есть основание, т. е. презирать, особенно интеллигенцию). Но *доля евреев*, вот *один на десять тысяч*, не имеет ничего общего с русской интеллигенцией, молчит, понурил голову и в общем говоре не участвует.

Вот на этом "одном" и должно быть построено

БУДУЩЕЕ.

А те 10 000 "пройдут".

* * *

1.VI. 1916

Рубят мои мысли одна другую.

Что за несчастье.

Другие спорят с другими, я — вечно с собой.

И как не сочтись крови.

(в давке трамвая)

* * *

1.IV. 1916

М. б., попы и не хороши, да печи у них хороши.

Тепленькие. Чтобы не очень горячо, надо подложить войлок. Ляжешь. И что дольше — все теплее.

Рас-па-ри-шься.

Тут самые хорошие мысли. Думать не хочется — сон хороший. Ну, а уж если "сам-друг-под бок" — одно молчание.

(на извожике, с вечеринки "Вешних вод")

* * *

1.IV. 1916

Что-то налетало на меня...

И я записывал.

(на вечеринке "Вешн. вод")

* * *

3.IV. 1916

Евреи или догадались, или им было "открыто", что половое объединение — самое могущественное из всех: и они объединились в поле через микву, через стрижку волос (*кто у кого стрижет*) и вообще через могущественный обрядовый физиологизм.

И лица их зарумянились, в глазах появился блеск, и они любовно взглянули друг на друга...

Как не смотрят "едино-националисты", "едино-духовные", "едино-дружные" даже и, наконец, "едино-верные".

Никто.
Один Израиль.
И "сим победиша".
Вот история его в двух словах.

* * *

3.IV. 1916

Пол, может быть, был бы и НИЧТО, если б он был только размножение...

"Ряд натуральных чисел... 2. 3. 5. 7. 11...", как говорили в гимназиях.
Но в нем — музыка.

∞
∞
∞

Это я в Костроме, бродя — в отчаянии, — твердил начало
НОВОЙ ПЕСНИ.

"Запою песнь Новую. Песнь неслыханную. Облобызаю уды врагов моих".

.....
.....
.....
.....

В самом деле, вдруг я нагибаюсь... низко... низко... и подползши (вот змей) к аскетам — начинаю ласкать и целовать их в "сии оставленные места".

Да, я забыл сам свою песенку, последняя строка была: "Расцвету смоковницу засыхающую".

И я бегал по Костроме, как Наполеон. "Победа! Победа! Победа..."

* * *

3.IV. 1916

Россия — баба.
И нельзя ее полюбить, не пощупав за груди.
Тогда мы станем "патриотами". И уже все и непременно.
А это "за груди" — быт, мелочи, вонь, шум, сор. Нужно принюхаться. И тогда полюбишь.

* * *

4.IV. 1916

Иногда кажется, что из голоса твоего ничего не выходит, и никто тебе не внимает, и никто на усилия твои не обращает внимания.
Но утешься, мой друг.

Я замечаю другое: "Успел ли Петр Великий?" Ведь кажется из современников его, да и то немного спустя, — его мысль, и энергию, и порыв воспринял один Ломоносов. Кажется, что он "преобразовал только кафтаны" и глубже дело не пошло. Какая темь кругом, и грубость, и элементарность.

Но прошел век: наступила эпоха Грановского и Белинского. Наступил век Кавелина, Соловьева (С. М.), Забелина, Беляева ("Крестьяне на Руси"). Пришел Максимов и принес "Куль хлеба". Стали ходить по Руси, изучать Русь. И вот когда Петр мог сказать: "Довольно. Я счастлив".

Вот подите-ка теперь, в 1916 г. сломите "дело Петрово". Да и как его было сломить уже в эпоху "трепетания Белинского". Дело Петрово, которое при самом Петре было еще так элементарно, — вдруг получило "кружево и дух" кругом себя.

Нельзя сломить, когда в 1826—1916 "вся Россия — по Петру Великому".

А было — маковое зернышко.

Я и думаю и утешаю друзей: "Гребите, выгребайте. Волны тяжелы — но вы гребите. И если в деле вашем положена истина, если оно к благу человеческому, то Бог вас защитит".

И закроют ангелы крыльями своими ваше зернышко. И не унесет его ветер. Никогда не унесет.

Так между проч. я думаю о своем "Сем. вопр. в России". Посмотрите, что будет лет через 25—35 после моей смерти. *Жениться будут больше* (главное и единственное). Вообще начнется "семейное течение в России". Декамерона не будут читать. Анекдотов о семье не станут слушать. Живот беременной женщины будут холить, целовать. Ну, если не толпой (хорошо бы), то — муж потихоньку. Вообще беременность выйдет вперед, войдет в славу. И, ей-ей: "Древо жизни станет приносить плоды по 12 раз в год" (Апокалипсис).

* * *

5.IV. 1916

А если сосредоточенно кинуть *центр внимания* на кое-что?..

В цивилизации?

У нас он кинут на образование. Ум. Школы. И "как вести себя".

Явилась цивилизация "умная", "образованная", "школьная" и "ведущая себя как следует".

Внешне — великолепно. В брюках и при Академиях. Соправляющая и служащая.

А если на "кое-что"? Ну, конечно — *молчаливо*, как и соответствует делу: однако у всех внимание приковано именно к кое-чему.

Это фаллическая цивилизация, несомненно фаллическая, — какие же бы она имела особые признаки?

Египетские ли?..

Хлыстовские ли?..

Не знаю. Не понимаю. Никогда не думал.

По-видимому, разлилось бы чувство родства в мире. Между людьми. И даже до животных. К солнцу.

"Роднењкие" — все...

Ведь несомненно же, родство сюда восходит. "Что не имеет фалла — не имеет братьев, сестер, родителей, детей".

Фалл — теплота для всего мира. Им мир согревается. Т. е. я хочу сказать — из фалла и через фалл разливается по всему миру теплодатное, влажное, пахучее (минералы *никак не пахнут*), миньютюрное, уютное, "любимое" и "любящее". Центр-то любви — именно он. Замечательно, что он "сам" никогда не зябнет, и когда "жив" — горяч, огненный, розовый. Удивительно. И солнце?

Если *так* — не есть ли оно вечное совокупление? — Как мы мало знаем о мире.

* * *

5.IV. 1916

Отрицание — это мое положение, а не душа.

Моя душа — вечное утверждение. "В мире со всеми", "в ладу со всем".

Никогда еще такого "ладного" человека не рождалось.

(за набивкой табаку)

* * *

5.IV. 1916

Я люблю, стоя в церкви, наблюдать за соотношениями и особенно с этими соотношениями уноситься вдаль, в "расчеты"... Вчера, вбок от меня (неудобно смотреть), аршина на 3 — барышня лет 26—27. Ни полна, ни худа, ни хороша, ни "нет". И лицо — как у Марьи Григорьевны (бонна у нас, давно), этого таинственно "верблюжьего сложения", которое всегда мне нравилось. Именно "лепка головы" немного неправильная, нос неуловимо горбатый, по вискам кудерьки, и весь вид выходит самостоятельный и гордый.

Я не особенно смотрел, только заметил, что "голова как у верблюда" (маленькая и гордая), когда ближе к себе заметил гимназистку, глубоко неуклюжую и до известной степени по выражению лица старее той. Она была ростом до уха или до шеи той барышни и вся подалась вперед ("клюет носом"), а главное, — лепка головы, чрезмерно большой, квадратной — было как "свиная морда". Точно вот сейчас еще наклонит голову и начнет рыть землю. Впрочем, самое лицо у нее было свиное — продолговатое, но почему-то мне понравилось. Почему? Сегодня я отчетливо отгадал: оно имело сонливо-чувственный дух. Такой "тетехи" неразборчиво-невнимательной (или, впрочем, — внимательной,

но молча), готовой или могущей ткнуться и в навоз, и вправо, и вообразить <нельзя>. Казалось, она ничего не выбирает и на все скажет: "Как ма". <Запись не окончена>.

* * *

7.IV. 1916

...потенциал бесконечности...

(о себе) (бреду по улице)

* * *

7.IV. 1916

...дремлешь, дремлешь...

Усталость в ногах...

Совсем спишь.

Проснулся.

И как стрела в ухе: "Егда приидеши во Царствии Твоем".

И прослезисься.

∞

Так не все ли мы живем мигами? Сто лет лжи и минута правды. И ею спасаемся.

(как стою я в церкви)

* * *

7.IV. 1916

Я весь вылился в литературу.

И "кроме" ничего не осталось.

Ни отец, ни муж, ни гражданин.

Да хоть человек ли?

Так, что-то такое, мотающееся возле.

"Случайное". Аристотелево $\sigma\upsilon\mu\beta\acute{\iota}\nu\alpha\zeta\omega$ ¹, что — "набежало".

Это — я, лицо (скорее безликость).

А литература — это необходимость.

* * *

8.IV. 1916

Вообще я думаю, что брак как-то должен развернуться в коммуны. В чем тут дело, где секрет? — Я не знаю. Но обратим внимание, что уже теперь всякий бал (и вечеринка) есть краевая зорька "коммунального брака", — где "кружатся" (танцы) "тот-то с тою-то", и она "опять с другим", а "он — с третьей". Кружатся: но и будьте уверены, что этого не было бы, этого просто не делали бы, к этому никого не влекло бы, если бы "все" немножко не "нравились всем". "Пококлетничать всем

¹соединять (греч.).

хочется": а это уже "полигамия" и "полиандрия" — в зародыше, в тенденции, в обещании. Простые "знакомства" много значат: и я уверен, что в "коммуне из 6-ти" — муж и жены уже "знакомых не искали". Просто — не имели их, "не надо", "сыты". И моногамия, и моноандрия явно не удовлетворяют людей, кроме очень "немногих", ну согласимся — "избранных". Но жить нужно не только избранным, а всем. Мир создан для всех, а не для некоторых. Моногамия есть, собственно, специфическое помешательство Европы, которое становится смешным, как только мы выходим за пределы ее. Азия есть страна древнейших культур, — древнейших *стержней* ее, — и как закон и приказание там моногамия неведома. Азиаты просто слишком чистосердечны и наивны, чтобы принять эту явную фальшь. У них брак или рост "древа жизни" располагается "как есть", как оно "естественно растет", без куафюры и французской стрижки. А он и растет так, что "многие *нравятся*", и берут себе "в замужество *многих*". Раз это я провел слегка перед Скальковским (котор. б. очень *серьезен*), и он мне ответил: "Полигамии *не будет* (в Европе), а будет *полиандрия*". Я испугался (это было году в 1907) и стал затем вчитываться внимательнее в корреспонденции Русанова из Франции: там уже *прививается* как "тип семьи" — *ménage à trois*¹ (кажется так): т. е. *два мужа при одной жене*. Всегда и издревле стоявший в тени "любовник жены" вышел из тени и теперь везде печатается: "Это ее *второй муж*". Полиандрия есть уже не "грядущее несчастье", а теперешнее... не знаю что. "Если им *нравится*", "s'il vous *plait*"². Что же делать. Без "нравится" — ничего не бывает. Близ Петербурга мне случилось встретить даму, уже древнюю старушку, всю в "буклях" à la Catherine II³, которая, по словам невестки ее, всю жизнь прожила в доме, где были у нее два мужа, нимало ее не ревновавшие "к другому". Умер последним — любовник: "и лет 6 назад она горько, горько его оплакивала". Все это было явно, не скрыто, все — на виду у всех, и в очень видной дворянско-военной среде. У нее было несколько дочерей замужем, и они были замужем, а сын женат — когда "умер любовник". Никто ее не судил, да и она была слишком горда и высокомерна, чтобы кто-нибудь мог судить или осуждать. А на балах — разве это не тенденция к полиандрии: вовсе не девушки, "ищущие мужа", так сильно декольтируются, а декольтируются уже нашедшие мужа — дамы. Это я был так глуп, что до 55-ти лет никогда не смел поднять глаз на декольтированную даму, воображая, что она "оскорбится". Ибо я считал, что "мода", а они не хотят "обнажаться".

Когда мне внезапно за столом объяснили (женщины), что вовсе не "мода", а что они именно это делают, чтобы именно мужчины видели, смотрели и восхищались их грудями. Действительно, создал же Бог такую красоту, такое исключительное благородство и красоту, как

¹ семья втроем (фр.).

² "пожалуйста" (фр.).

³ как Екатерина II (фр.).

женские груди. Но я, "изнурительно мечтая", догадался и о большем, о чем за столом не было сказано: замужние женщины желают на балах, чтобы мужчины их хотели; они их преднамеренно волнуют, раздражают, чтобы в них пробудить, как говорится, "нечистое желание" и чтобы затем обратно и гипнотически взволноваться самим таким же желанием. К кому? К мужчинам! Но муж?! Он — видит это и нимало не кладет предела: ведь явно, явно, явно, что именно замужние открывают (в лучшем случае) полгруды, до половины свои прелестные груди. Что же обозначает это, кроме безмолвной истины, что мужья сами приходят в половое волнение, видя, как танцующие кавалеры чувственно восхищаются грудями их жен.

А этот закон, талмудический закон у евреев, — чтобы если случится свадьба — то все жители местечка, друзья и *недрузья*, забыв ссору, приходили в дом свадебный. Заметим, что (в Палестине) совокупление происходило в самый час брачного пира, в особом помещении, именуемом "хуппа". В "чертоге брачном" гости пировали, плясали, почти вокруг "хуппы", в которой новобрачные переживали первые восторги любви. Что же это значит? Да наши "балы". Точно всем хочется "поцеловать" совокупающихся: до того их все любят и любят (явно) оттого, что они совокупаются. Но что же это значит? Да та же "квартира на Знаменской". "Я люблю тебя, Мария, и тебя Катерину, и еще Людмилу: потому что вы делите ложе с моим возлюбленным". Только это — своеобразно выражено, по-"палестински", а не по-"знаменски". Но и я говорю, что "не разумею", в чем дело: но в существе пола лежит тенденция обобщиться, окоммунализиться; превратиться в общину совокупающихся, отречься от тоскливого одиночества.

"Все вместе", "государство! царство!" "Мир!" "Община!"

— Будем все вместе! Будем все вместе!! Ах... ах... ах... *Ishovao*. Свято Имя Его! Свято Имя Его...

И танцуют. И улыбки.

* * *

8.IV. 1916

Когда я был учителем, то скучал учительством и воображал, что бы я сделал, если бы был царем.

Не так же ли все мы поступаем, скучая жизнью.

...естественно скучая, п. ч. ее не работаем, а празднуем.

(за вечерним чаем, придя домой)

* * *

8.IV. 1916

Жизнь коммунаю, коммунальная (60-е годы) — не есть совершенно пустая мечта. Она таковою кажется мизантропу (Достоевский "Записки из подполья") и очень углубленному человеку. Но ведь не все же "очень углубленные люди", а жизнь строится "для всех".

”У Отца вашего Небесного *обителей много*”, — сказал Христос.

Я помню жизнь свою в Университете, с Вознесенским и Любавским (”в Скворцах”, доме, кажется, на Волхонке) как самый счастливый фазис университетской жизни. Смехи. Шутки. Хоть подобие веселья.

Какая угрюмая была жизнь ”в одиночку”, на 3-й Мещанской. Даже Грузинский острил: ”Вот идет наш Вася с 3-й Мещанской”, — над моим унылым, понурым видом.

И я помню хорошо, что она была совершенно бесплодна в умственном отношении.

С другой стороны, *спокойный* и *ясный* Суворин мне рассказывал о какой-то коммуне 60-х годов, чуть ли не на Знаменской: ”Там жил (какой-то писатель) и с ним шесть курсисток. Они все были его женами. Чепуха ужасная. Но милые”.

Я переспросил. *Он твердо ответил*, что ничего не было сального и пошлого. Ни тени какого-либо цинизма и грязи. ”Но оне были убеждены, что так надо”. Все обожали этого писателя. И все работали над переводами.

Он тихо смеялся, себе в бороду, — как дельвал это, говоря об явлении, ничуть ему не противном. А он был довольно пуристичен в половом отношении. Он очень восставал против моих статей о разводе и не любил моего ”полового вопроса”.

Он вообще был политик и литератор — с мыслью, что ”семья должна оставаться по-прежнему”. ”Семьи нельзя трогать”.

Критика Достоевского (”Подп.”) здесь узка, фантастична и недостаточна. Он ошибался. Он даже забыл, что в любимые им патриархальные времена евреев ”три жены одного ходили брюхатыми” (этакая прелесть). Многоженство — завтрашний день Европы, и уже XXI век будет многоженен. Проституция и детоубийство ”прибьют корабль семьи к этому берегу”. Да и определенное вырождение, недостача солдат — принудит к тому, чтобы ”давать безногому, дюжему инвалиду трех жен в кормилицы + хозяйки”. Германия, как ”вперед идущая в прогрессе”, первая перешагнет через это.

С католической точки — никаких возражений. Мне один готовящийся стать монахом студент Академии сказал: ”*На всем протяжении Св. Писания нет ни одной строки, которая бы порицала многоженство*”. Флоренский писал мне: ”Многоженство — ветхозаветный факт, а Ветхий Завет для христиан есть боговдохновенная книга. Следовательно, принципиальных возражений против многоженства со стороны церкви быть не может, и возражения начинаются, лишь когда дело заходит о *семейной дисциплине*”.

Т. е. возражения могут быть только практического характера, а не принципиального свойства.

Рцы до такой степени ненавидел (как фальшивый) принцип единоженства, что раздражался, когда при нем говорили о ком-нибудь, кто был пуристом-единоженцем.

Но я отвлекся. Я думаю, мы слишком поспешно и огульно осуждаем теперь 60-е годы. В их смелости было то уже хорошо, что они не убоялись ставить и теоретически, и практически новые вопросы жизни и новые опыты жизни. "Не всем же жить, как Михаил Никифорович Катков со своей урожденной княгиней Шаликовой". Брак почтенный и скучный. Брак

Без любви, без вдохновенья...

На Знаменской было дико, но веселее. А это "не мешает".

НВ. Умирает кто-нибудь. Какое это теперь *убийство и другого члена*. Муж или жена, "покинутые" (†), решительно не в силах жить. Но в 6-ти, но если 6? *Скорби не меньше*, и умерший истинно оплакан и глубоко оплакан. Тут не то, что "5 плачут": но *каждый* между 5-ю плачет как и один; одинокий муж — одна, одинокая жена. Итак, *благородство смерти сохраняется* (это нужно). Но нет убийства, смертоубийства (смерть при моногамии). Все 5 плачут вместе: а плач впятером уже горе, и великое, но *не ужас одиночества*. А в нем главное жало смерти. Полигамия до некоторой степени преодолевает смерть, ибо позади ее остается *дружба*.

Это великое дело. Нет, 60-е годы мы слишком скоро похоронили.

* * *

9.IV. 1916

Не удивительный ли Розанов человек, что борода начала у меня расти хоть сколько-нибудь только к 50-ти годам. В гимназии — ничего. В Университете — ничего. Учителем — несколько волосков, презренное "опушение". В Университете смущаемый, что ничего не растет, я спрашивал: "Что мне делать". Барановский (франт, с бородой) сказал: "Мочи одеколоном". Т. е. это место, подбородок и губу. И я, лежа, все прикладывал ватку с одеколоном. И удерживаясь неделю смотреть — через неделю смотрел. Ничего.

И теперь ужасно мало. Но все-таки эспаньолка выходит. Клинышек торчит. Это меня радует. Но это приблизительно в 50 лет.

* * *

9.IV. 1916

Однако это было не без предвозвещения. Уже выросши и все размышляя, отчего я без бороды, я стал замечать, что "богословское разделение" никак нельзя лучше провести, как разделив линией богословов, у которых борода "лопатою", большая, солидная, "заматерелая". "Им бы сейчас жениться и растить деточек". Это — ортодоксы. Это все "правые", люди уставные, "хозяева положения", — и "хозяйственные" дома, в государстве и церкви. "Естественные благочинные".

Но — что бы ни говорили речи — не доверяйте бородам "клинышком" или "так-пух", или еще — "борода всклокочена", "комком", кус-

ком. Это — еретики. Естественные и враждебные еретики. Они дома не строят, гнезда не выют. Живут на квартирке. Если женятся — то случайно (я оба раза женился случайно, — по "философским соображениям"). Таких надо бить, иначе они сами начнут бить. Их бы "побивать камнями". Беззаконники. С Богом спорят, с людьми спорят. Ничем не довольны. Все куда-то стремятся, чего-то ищут. Тоскуют. Поют.

Часто самоубиваются.

Но они знают молитвы, а с "лопатой" только уставы.

∞
∞
∞

Два, однако, здесь есть исключения: Микель Анджело и Достоевский. О которых сколько ни размышляю (в отношении к бороде) — не могу их понять.

* * *

10.IV. 1916

Не трудно переступить через другого.

Но трудно переступить через себя.

Ты, человек, потрудись:

Переступи через себя.

Отрекись от себя.

Не об этом ли сказано: "Аще зерно ПАДШИ в землю не умрет — то останется ОДНО, а если падет и умрет в земле — то принесет МНОГО ПЛОДА".

* * *

12. IV. 1916

— Ну, и будете богаты: что же?

— Будете сильны. И -- ничего.

— Овладеете Россией, как овладели Францией (мне Г-берг говорил; Ф-ий тоже подтвердил): и будете толочься со своими банками на месте выглоданной Франции и выглоданной России. И в перспективе все-таки ВИСЕЛИЦА, как для Иуды.

Дело-то в том, что вам совершенно нечего делать со своим богатством и силою, кроме как покупать все новые и новые вещи и гнуть к земле все новых и новых рабов. Но ведь, господа, это — СКУКА.

Суть иудейства — скука.

О, не "скука" русского человека, не "сплин" англичанина: а что впереди — НИЧЕГО.

И опять это не "ничего" Базарова и вообще русских отрицателей, в котором — бесконечность. Это иудейское "ничего" не похоже ни на какие в мире "ничего" и превосходит их все своею бесконечностью. Пустыня. Мертвое море. Солончаки. Ничего не растет.

Дело в том, что ноумен иудейства несомненно в "плодитесь, множесь". Это сказано не только как завет в самой концепции "сотворения мира", но и в обрезании вторично подтверждено как специальная национальная заповедь: "плодитесь!" — "да плодитесь же!" и тоже в "Небесном Иерусалиме": уже 3-й раз: "по 12 раз в год да рождает женщина" ("Древо жизни посреди Рая будет тогда приносить плоды 12 раз в год").

Это — свиное плодородие. У свиньи рождается зараз по 12.

Я люблю это. Уважаю. Сам и за себя готов бы "12 раз в год". Но дело, конечно, не в "Розанове" и его частных желаниях, а во Вселенной.

Вселенная НЕ УДОВЛЕТВОРЕНА.

Тайна и страшная, потрясающая сторона судеб Израиля заключается в том, что у них то́, что можно назвать "скукою", кануло в ноумен их, чего решительно нет ни у одного народа, ибо ни один из них, если это не дикое элементарное племя, т. е. вовсе без ноумена, не имеет себе ноуменом простое *размножение*.

..2.3.7... 70...90...900...1000...1 000 000...100 000 000... 100 000 000 ×
× 100 000 000.

— Господи! Доколе же? И для чего?!!!

Да, ведь это, наконец — КАРА! Положим, удовольствие в каждом единичном моменте: но моногамное удовольствие, проложенное в бесконечность, — нестерпимо.

Банки и размножение. Размножение и банки. Наполнили Европу, Азию.

— Чтò же: на ЛУНУ что ли перебрасываться?

Потоп, который сам себя потопляет.

Плодородие, которое, наконец, само себя оплевывает.

— ДА ДЛЯ ЧЕГО??!!!

Суть — в органиченности Иеговы. Сей "сладострастный бог Израилев" воскликнул, в халдейском городке Ур:

— Да льется передо Мною святое семя твое.

Я помню, меня потрясло это место у пророков. "А, так вот в чем дело". Т. к. и я это очень любил, то сказал — ДА об этом. Но я очень хорошо понимаю (арийским умом), что "Розанов — не Вселенная" и чтò хорошо ему — то́ может быть очень скучно миру.

МИР НИКОГДА НЕ УДОВЛЕТВОРИТСЯ ИЗРАИЛЕМ.

А в этом все дело.

Израиль поместил "тупое место" в остроту размножения. И через то́, что сделал размножение "ни для чего". Ибо продолжать "все тем же" до "выброса на луну", значит погасить размножение в самом его *обилии*.

Правда, в Израиле мерцает "Мессия вдали", как выход из тупости, как прорыв тупости. Но именно "Мессия Израилев" также притуплен. Нужно читать в Талмуде и в легендах о "Мессии, имеющем прийти в мир", чтобы прийти в ужас: "Мы (евреи) тогда и будем в праздники есть быков, величиною с гору". Мы будем в миллион раз богаче. Все банки будут у нас. "И понесут вас другие народы на плечах своих" (Исаия; буквально). Словом, "весь мир будет у нас в руках", "мы

положим целый мир к себе в карман". И так разбогатевшему Израилю останется все-таки только повеситься.

"Иуда родил Иуду, и от него произошло еще десять Иуд. И всем им надо повеситься".

Дальше израильская история не идет. Она вся заключена в тупик. Поистине — она "во тьме". И из нее нет выхода.

Христос действительно попытался разомкнуть эту замкнутость, выводя "евреев", "племя" на пути всемирности. Здесь, пожалуй, в самом деле второй ноумен израильской истории, и Христос пытался "спасти израильский народ". "Не вы одни, но все народы", "примите все народы, все человечество, в общение с собою". Это разрушало иудейский "множительный" национализм, пожалуй, — рассеивало их плоть (начало "смешанных браков"), но спасало зато евреев как дух, открыв им *возможность гения, чреду гениальности*. Дело в том, что у евреев в "множительном" национализме невозможно рождение "гения" и появление "гениальной эпохи", — и таковой за все время никогда не появлялось в течение сорока столетий истории. Ни — Аристотеля, ни — Александра Македонского; ни — Цезаря или Сократа, или Бетховена, или Гёте. Но евреи замкнулись в национализме, отвергнув всякий универсализм.

Христос, "убитый" ими, "победил" их.

Рассказом о "грешнице", пришедшей помазать ему миром ноги перед кончиною, — и прощением "жены (замужней женщины), ятой в прелюбодеянии", — И. Христос действительно разрушил, и гневно разрушил, ноумен израильской истории, эту стройную и строгую семью, "все дальше множащуюся", эти несчастные "12 колен" их, которые "клали яйца", как хозяйка погружает огурцы в рассол. Какое же "12 колен", когда неизвестно, от какого отца родился мальчик у жены, "ятой в прелюбодеянии". Колена смешиваются, и племя мутится. Нервно и психологично им было сказано, что — лучше уж потаскушки, чем их позитивные жены, с такой "тоской в чреве". Ибо класть огурцы в рассол — это, конечно, тоска.

Христос открыл БУДУЩЕЕ человечеству, взамен или наравне с ОСНОВАНИЕМ ("Книга БЫТИЯ"), которое ему открыл Израиль. Он действительно "смертию" победил "смерть": ту ужасную смерть, которая заключена была в тупом, ничем и нигде не кончающемся чадородии. И победил через то, что он открыл будущее неуловимостей и, следовательно, будущее без определений, — без границ, с движением во все стороны. Он открыл будущее не грядущему в мир ребенку, а грядущему в мир событию. Через это он открыл эру походов, открытий газет, гуманизма, важного и неважного, грандиозного и мелочей, "чего угодно" и что вообще "нигде не кончается". Кольцо Израиля было разорвано. Вместо колыбели — мир.

Жиды его распяли. "Распни Его!" Ибо Он потряс абсолют ЧРЕВА. Потряс... Жена, "ятая в прелюбодеянии", родит неизвестно от кого. Блудница с алавастровым сосудом вообще никого не родит.

Но о них будут рассказывать. Вечно рассказывать. Это — то "прекрасное в бытии", что не нуждается в детях: ибо смертные будут подходить и лобызать ноги самой блудницы, и другие подойдут и облобызают ноги "жены, ятой в прелюбодеянии".

— За что? Ведь я соблудничала? И потупила очи прекрасные. И прекрасные люди лобызают ноги у потупившей очи.

Красота. Прелесть. Прелесть в самой себе, без детей. Кружатся люди. Настали великие кружения вместо великих постелей. Колумб плывет в Америку — это кружение. Шекспир пишет пьесы — это второе кружение. Глухо! Бетховен играет пьесу, и окружающие плачут и целуют ему руки. Гёте. "Наши". Все прекрасно и небесно "без всяких детей". Это европейская цивилизация в ее бесконечностях.

Еврей оглядывается. Еврей потонул в ней, его не видно. Бешено он потрясает скрижалями и кричит: "Разве Бог обманывает?" — и выше подымает свою кровать и укладывается в нее "с законною супругою", чтобы еще "зачать законных детей"... Все смеются вокруг и уносятся в "хлыстовские танцы", в "развратные танцы".

— Хлыщу, хлыщу...

— Христа ищу...

И везде Европа "ищет Христа", и в Бетховене, и в Гёте.

Еврей остался на мели. Перед ним кровать и сухое дерево. На кровати можно еще совокупиться, но еврей задумывается — не повеситься ли ему на сухом дереве.

(перед заутреней Светлого Воскресения)

* * *

13.IV. 1916

И декабристы "ниспровергали" Россию.

И Грибоедов.

И Гоголь.

А "ГОСПОДИН ПОЛИЦЕЙСКИЙ" все стоит на углу двух улиц.

Да почему?

Да потому что он необходим.

Он всем — нужен.

Те были аристократы. И полицейский им не нужен. Но есть беднота. Убогие. Жалкие. И без защиты полицейского им как обойтись?

(происхождение демократического строя)

Полицейский — самая маленькая величина. Чего: на него даже пролетарий плюет. И в старое, где все — маленькие, он вырос в САМУЮ ОГРОМНУЮ ВЕЛИЧИНУ.

(то же)

Каждый из нас есть "полицейский самого себя" в собственной душе. Он вечно хватается себя за полу, за́ ворот и кричит: "Держи вора"

(таинство покаяния). Как же вы хотите, чтобы в стране не было полиции?

(происхождение христианско-полицейского государства)

* * *

14.IV. 1916

Каждый час имеет свою ось, около которой он вращается.

И всякое "я" вращается по оси своего "я".

Это мы называем "эгоизмами" и плачем. Несимпатично. Некрасиво. Но что же делать? Иначе бы мир рассыпался.

Мир уплотняется. Камешками, а не песком. Звездочки, а не "туман материи". Мог бы ведь и "туман".

Так Бог сказал всему: "Смотри в себя".

И вот мир эгоистичен.

∞

Но я этого не люблю. Ох, не люблю. По мне бы лучше туман. И я бы все облизывал. Розанов не эгоистичен. Он обнюхивает и грязь у себя под ногтем, и любит далекую звездочку.

Я люблю чужие эгоизмы (своеобразия всех вещей) — своего эгоизма я не люблю.

Да его и нет во мне. Я люблю валяться на дороге, по которой проходят все.

* * *

14.IV. 1916

Проституция — ужас.

Совокупление — всегда светло. Вокруг него образуется семья, растут дети. Песни. Быт. И больше всего этого — религия.

"Мать ведет в церковь детей своих".

Здесь — ничего. Тело Солнца есть. А свет солнца погас.

...плачьте народы, люди...

(идем с мамочкой в гости к Тиграновым. Мытнинская улица. И вокруг, по-видимому, проститутки)

* * *

14.IV. 1916

Россия страдает эмфиземой государственности.

Вчера слышал об этой болезни: она заключается в кашле, трудно разрешающемся, удушливом, тяжелом. Но отчего он происходит? От вялости существа легких и от происходящем отсюда сморщивании его. В вялые пузырьки легких воздух входит, но обратно выдохнуться никак не может, и человек "задыхается".

Сейчас читаю одну из скольких (!!) записок о "бракоразводном процессе". И подумал: да это — импотенция государственности и церкви. Они "ничего не могут". Эмфизема. "Вдохнул" воздух или вонючую гадость вместо его из какого-нибудь ретирада: а *выдохнуть* — не могут.

И задыхаются. Церковь, государство, вся Россия.

Теперь все "задыхаются". Страшное состояние. "Делай всяк, что может" или "ничего не делай".

Всеобщий сон.

Тяжелый сон.

* * *

15.IV. 1916

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого...

Откуда-то сзади, на Ямской, коснулся уха обрывок песни:

Дай-те мне за рубль шест-над-цать
Жен-щи-ну с огнем...

Я вошел в почтенный дом и, забыв присутствие не только хозяина, но и хозяйки, весь завертелся, заговорил песней, поясняя:

— Бл... Бл...

В самом деле, в смысле "исчерпания темы", это превосходит все о них написанное. Какая выразительность и окончательность.

— Художник. Положи резец и палитру. Ты уже опоздал: ибо две строчки сказали все, что ты мог бы изваять или нарисовать.

* * *

15.IV. 1916

...да почему знаем: м. б., во всей Орловской губернии это было тогда единственно красивым явлением.

Уже на старом дереве зеленело только где-то с краю, немного листьев, немного последних листьев... А все оно было черное, кривое, согбенное, зимнее.

В нем засыпали последние сны. Шли его последние дни.

И подошло Солнце. Близко, страшно.

17... 17! 17! 17!

В 17-й год своего Рождения. Солнце на 17-м году!!!

И дерево, дотоле черное, уже умиравшее, вдруг все опять зазеленело, сверху, с боков, почти до корня...

Ствол — зеленый, все — зеленое.

∞

В протоколе было сказано просто:

"Жена Орловского губернатора, генерал-майора Гл., внезапно скрылась из губернаторского дворца: по дознанию обнаружилось, что она

бежала с репетитором своего сына, студентом (м. б., с гимназистом?) N., который также скрылся.

Чудо. 42 и 17.

Неудачная библейская история о прекрасном Иосифе и жене Потифара и совершенно удавшаяся история о 40-летней прекрасной Хадидже и еще более, чем Иосиф, невинно-стыдливым Магомете, — повторилась в третий раз...

Где?

В тоскливом, глупом Орле, где дотоле люди не находили ничего лучшего, как торговать крупчаткой, сплетничать, злобствовать друг на друга и ездить в вагонах всех трех классов по Орловско-Витебской ж. дор. взад и вперед, а губернатор "всем этим управлял".

Но Вседержитель сжалился: и пожалел этих всеми забытых людей. Он повелел Озирису капнуть каплю своего семени над этим несчастным городом. Всемирный Бык уронил его... и между звездами ночи она пролетела, долетела до земли... и упала в дом, где юный пылал юным пылом, а пожилая женщина плакала о своей жизни, 30 лет увядавшей около "делопроизводства" губернатора.

И вспомнил юноша о женщине. И женщина вспомнила о юноше: "Может быть?"

И когда они, назавтра, оба встретились случайно в коридоре, они посмотрели совсем иначе друг на друга...

Женщина подумала: "Господи, неужели?.."

И юноша о женщине: "Как она еще хороша в своем увядании и грусти".

И еще опять стояли в детской, около елки. И каким-то движением с Неба они были приближены друг к другу. Свечка же падала. И они торопливо оба подняли руку к свечке, и пальцы их, мизинец и мизинец, коснулись.

Она засмеялась. И она сказала: "Я первая".

Он же потупил глаза и подумал только: "Как она еще хороша".

Тут вошел губернатор и с ним секретарь. Один коллежский ассесор и другой действительный статский советник.

Губернатор сказал:

— Хо-р-ро-шо!!

Секретарь:

— Хи! хи! хи!.. Какая прелесть. Эти Ваши дети и Ее Превосходительство.

Но уже в "Ее Превосходительстве" горела Ева. И она подавала Адонису "мандрагоровые яблоки"...

— Вкуси, мой юный! Вкуси, мой прекрасный...

Он вкусил и забыл мир. Ибо сущность маъдрагоровых яблоков, что, когда их скушаешь — забывается мир.

Ночь. И нет даже луны.

И входит она к нему и говорит: "Вкуси, мой сын".

И он к ней опять в ноги:

— Вкуси, о моя Мать!!

И вынимает она свою прекрасную, как у 17-летней, грудь, — о, даже прекраснее, чем у 17-летней, ибо грудь сгорела любовью — и говорит:

— Вкуси.

Он зарделся счастьем и вкусил.

Она хотела взять. Он говорит:

— Подожди.

Она:

— Я хотела только дать другую, а не отнять. Разве ты хочешь обидеть эту левую.

И он, отняв рот от правой, стал сосать левую грудь.

В это время по Орловско-Витебской ж. дор. ехали два купца. И оба спали.

(сейчас вносить квартирный налог; 91 рубль)

* * *

16.IV. 1916

Из некоторых затруднений только и можно выбираться *риторически*. Сказать *ослепительное слово*, которое если рассыпается перед глазами, то эти глаза ничего решительно не видят.

Так Павел поразил Запад и Восток, сказав: "Весь Израиль *спасется*" — в то самое время, как он отторгался и Павел же его отторгал. Или: "Мне в вас (язычниках) тесно, когда вам во мне не тесно", когда явно, что даже и христианам в Павле было тесновато.

И так он кидал молнии на Запад и на Восток. Никогда еще — такого слова. И никто не видел действительности.

* * *

16.IV. 1916

...да для ослиного общества и нужна только ослиная литература. Вот побежали за фигуристами, п. ч. ноги их только и умеют бегать туда, где слышится и пальба, и пахнет овсом. "Чего ты дивишься, Розанов?"

Иги, иги, иги.

Ого-ого-ого...

Тпру, тпру, тпру:

— это самое существо теперь литературы, п. ч. давно самое существо общества есть поле с овсом и лошади.

"Плодитесь. Размножайтесь. И наполняйте землю".

Чем началось — тем кончилось.

* * *

16.IV. 1916

Кроме хороших напевов, у вас вообще, господа, ничего не осталось.
(христианам)

— Да. Водевиль есть вещь. А прочее все — гиль.

* * *

16.IV. 1916

И вот пришел вонючий Кугель и затянул в "Кривом зеркале":

Вы любите ли сыр? —

Спросили раз ханжу.

— Люблю.

Я вкус в нем нахожу.

На глас 6-й: "Господи, воззвах к Тебе. Услышь мя".

Господи, Господи, Господи. Но неужели соединяться с вонючими?

И повторять за ними гнусности о верующих и плачущих.

Никогда.

Я буду поклоняться лжи. Я лучше буду поклоняться лжи.

О! О! О! Больно, больно, больно. Страшно. Душа стонает, и даже море не поглотит стонов.

* * *

16.IV. 1916

...да я и еще скажу, уж скажу отчаянно: от колен до пупка — Азия, от ребер до верхушки головы... Аполлон Бельведерский, Эллин, Рим и Франция.

"А Русь лежит на боку". Оттого и "на боку", что являет Азию и Европу. Разберите-ка, где тут верх и низ, перед и зад. Это — не страна, а чепуха.

Это наше отечество. Тут "ничего не разберешь". И я его люблю.

* * *

17.IV. 1916

Но я возвращаюсь к "Дайте мне за рубль 16" и "Когда божественный глагол". Вышла ссора, первая в этом дому, и который я очень уважал. Хозяйка вышла из комнаты, сказав, что я в ее присутствии произношу слова, которые произносятся только в публичном доме. Она не *rigideur*¹. Умна, спокойна. Даже мудра. Тут я опомнился, но уже было поздно. Она вышла из комнаты. Я ушел сконфуженный и измученный.

---

¹ ханжа (фр.).

Так ли я виноват? Я не хотел оскорбить хозяйку и ее дом: но ведь зачем же "божественный глагол" коснулся?.. Я услышал "вещь в себе" (Кант) и заволновался. Ибо

Есть речи — значенье
Пусто иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Все дело и заключается в взволнованности. Давно (в мыслях) занимаясь проституцией, которая высвечивается так и этак, в которой сплетено безумное зло с каким-то даже (есть оттенки) милосердием ("ему нужно, — почему же я не дам?" — "нужно труженику, рабочему, студенту и тому молодцу, — отчего же я всем им не дам? — Что за сокровище у меня под подолом?"), — я вдруг услышал, как в безумно-подлом мотивчике с присвистом и топотом ноги:

Женщину с огнем,
Женщину с огнем

выражается все дело, в *наш текущий момент*, с такой глубиной, верностью, подлинностью. Он именно *в тоне произнесения* невыносимо грязен... но ведь и дело само именно в меру слова также подло, грязно и цинично. И я затрепетал ("божественный глагол"). Вот и все.

(в давке трамвая)

* * *

18.IV. 1916

Все вещи "вертятся около своей оси". Это не космография, а ноумен мира.

Этот день вертится около своей оси. Год вертится около "годовой оси". Юность — около своих 7 лет (14—21). Прошло. И эта ось выкидывается из человека, "как отработавшая", и вал-человек надевается на "ось старости" и опять начинает вращаться около этой совсем другой оси.

Теперь он удивляется, что́ было в юности и что он делал в юности. "Все непонятно или отвратительно", п. ч. ось другая.

И здесь есть также циклы и эпициклы. Планета оттягивает планету. Брак. Дружба. Роковая встреча.

Даже "комета сталкивается с кометой" и сливается в одну. Новая "комета из двух прежних с одним ядром". Таков всякий брак.

И центробежная сила во всем, и центростремительная. Монархия — центростремительна. Общественность — центробежна.

Декабристы — центробежны. Николай — центростремителен. "Которое кого переборет".

Вражда. Ненависти. Споры. Ссоры.

* * *

19.IV. 1916

В лучших (и очень редких) типах русского священника есть что-то библейское. Не знаю — от "паремий", не знаю — от чтения Библии, а вероятнее — от всего круга службы, от дальности ревизий и надзора, оттого, что не бывает в светском обществе, — но что-то библейское.

Гордо-величавое (и вместе страшно простое), умное, мудрое, неторопливо-деятельное и, главное, — это великолепное плодородие, спокойное, устойчивое. Они в самом деле "дело делают", когда укладываются почивать с матушками и зачинают в них детей. Ни малейшего нет сомнения, что священнические совокупления суть самые приятные Богу, и от этого Он и благословляет их множеством детей.

(Девушки уже сообразили это и "в великом исполнении должности" — рвутся выходить за семинаристов; я наблюдал и имею рассказы).

Если нужно или придется (вырождение, проституция) переходить к многим у одного женам, нужно это вести от священников; примерным, самым стойким, истовым священникам нужно делать опыт (конечно, если матушка не ревнует; но матушки, каждая, не весьма ревнивы, ибо занимаются не романами, а плодородием) — давать вторую жену или (по библейскому примеру) наложницу временную. По расположению, совершенно благочестивому, священников жить с прислугами, всего лучше и начинать с прислуг, которые в простоте своей не будут торопиться и будут держать себя смиренно и благочестиво с матушками. Нет сомнения, что теперь священники во множестве живут с матушками и одновременно с прислугами, что у них выходит ладно и гладко, тогда как у светских это выходит омерзительно ("шапни", приключение, "соблазнил"). Вдовых также так надо начинить: пусть живут с наложницами; мне передавали случай, что митрополит Антоний так "благословил" одного священника, — переведя лишь на окраину в Петербурге, — чтобы незаметно было и не возбудило говора, когда вдовый священник чистосердечно ему аки отцу сказал, что "живет" и отвязаться не может. Вообще к наложнице, к имени ее и факту ее, и лицу ее чистому и прекрасному — надо привыкать; это — Библия и продолжение Библии. Нужно желать и стремиться, чтобы общество также привыкло к наложницам, как к женам, и героизм женский в ближайшее время должен выявиться в охоте поступать наложницами к вдовцам, к неразведенным мужьям, к офицерам и купцам. Кто побогаче и у кого надо вести хозяйство. Пусть это бытовым образом уплотняется, распространяется. Ибо женщины всеми силами должны добиваться носить живот.

* * *

19.IV. 1916

Он получил Белого Орла и умер.

В таком случае зачем же ему было получать Белого Орла?

Он должен был сказать:

НЕ-ХА-ЧУ.

Т. е. умереть или получить Белого Орла.

Но почему же он не сказал?

Удивительно.

Куда же теперь пойдет Белый Орел? Вернется в капитул орденов? Повесят его там или положат?

Если положат, то в витрину под стекло.

А он? Плющик-Плющевский? Его положат в гроб. Без Белого Орла. Наверно.

Что за удивительные вещи.

(дожидаясь № 18 — трам.)

* * *

19.IV. 1916

Есть аппетит к родам. И есть рассуждения о родах. Один у девушек, другой у попов.

Не совпадают.

До сих пор одолевали попы. Девушки стыдились, попы же не стыдились.

Однако из всех рассуждений о родах не выйдет ни одних родов. А из аппетита родов ребятишки так и сыплются.

Падайте, падайте,
Божие семя,
На землю...

Это, кажется, у Майкова о дожде. "Кольми паче человеки дождя". И одоление, по-видимому, "посолонь" перейдет к девушкам.

Но, девушки: без буйства, благочестиво, кротко, настойчиво.

Любите самых попов ("любите врагов ваших") и в безмолвии и тишине выносите брюхо вперед. Помните: над всякой брюхатой девушкой ангелы реют.

И хранят ее. О, хранят! хранят! Безумно верно. Если бы я не верил этому — сейчас удавился бы.

Если бы кто-нибудь разубедил меня, что *не всякое же брюхо священно* — я не захотел бы жить в мире и вышел бы из мира, и пошел, и умер как Иуда.

Но я не пойду и вот жду попа, доброго попа Дроздова, служить нам Всенощную на дому: уже 7-й час вечера. Он обещал в семь. Завтра 60 лет: и сегодня я.

* * *

19.IV. 1916

Счастье Германии было выковано в несчастье ее (Наполеон) ("дробя стекло, кует булат"), а несчастье России (17 губерний занято немцами) было выковано в беспримерном и незаслуженном счастье.

”Крах” давно поджидает Россию. И патриотизм Струве не спасет ее. Не Россия побеждала при Минихе, и именно и только побеждал Миних: грубый, здравомысленный, жесткий немец. И не ”русские” перешли через Альпы; а их перешел — перелетел ангел Суворова. Он — гений и случай.

Россия же всегда была темна, несчастна, ничему решительно не научена и внутренне всячески слаба. Она два века шла и преуспевала ”на фу-фу”. Как Лазарь. И только то и было хорошо, что поэты ”пели”. А ”пели” они действительно хорошо.

* * *

19.IV. 1916

Не нужно ”примирения”. О, не нужно.

Никогда.

Пусть все кипит в противоречиях. Безумно люблю кипение.

Мировой котел. Славный. ”Берегись, прохожий”.

Берегись. Ошпарит. ”Погубишь душу свою”. Но где гибель — и рождение.

Из котла вырастают цветы. Детишки. Идеи.

И опять падают в котел, чтобы ”жратвы было больше”.

Жрет. Какое славное жранье.

И кипит.

И родит.

Это — лоно мира. Куда же тут Гегель со своим ”синтезом”. Привел в Берлинскую полицию.

Розанов говорит ему:

НЕ-ХА-ЧУ.

* * *

О здравии болящей Варвары и Василия.

20 апреля на Шпалерной у Скорбящей. Служит Соллертинский.

* * *

20.IV. 1916

За обедней.

∞

...да, да — иначе никак нельзя понять, что тесть и, с другой стороны, — свекровь (два лица, Элогим). И самое ”сотворение” нельзя понять иначе, как безумную похоть к материи, — до того что ”мысли сгустились” и ”образы стали действительными”.

* * *

20.IV. 1916

Когда вижу страдание около плеча — тоскую.

А как страдание везде, то я виню Б.

"Не люблю Б."

Как это можно: верить и не любить.

Но я и люблю. Люблю и не люблю.

Я не боюсь Б. Смел против Него.

Был один момент в жизни (опер.), когда я хотел ударить его.

(Ударить Творца бытия).

Вообще у меня никакой связанности Б-гом.

Т. к. в сущности моя смелая тоска — то же, что Его: "Сына Единородного отдал за людей".

Какие странности. Какие ужасы.

Раз я шел и встретил проститутку. Из разговора увидел, что ей очень хочется того, чего и проститутки не называют. Я б. спокоен. И сказал: "Пойдем к тебе". И был проституткою для проститутки.

Мне хотелось бы брести по улице и всем "давать", кто что хочет. "Меня уже почти нет", я "тьфу", но возьмите это "почти нет".

Я сам себя потерял в мире. И люди так милы, что "очень рад, что потерял".

(на извозчике; едем к Тиграновым с мамой и Варей) (курю)

* * *

22.IV. 1916

Какие ужасы, когда Содом раскалывает семью (или лесбианство).

Члены семьи сами не понимают, почему они ссорятся. Нет гармонии, согласия, мира. Ищут причин, не находят. Нет "разумных оснований". И в последние моменты семья уже совершенно распалась.

Разумеется, нет никакой п..... Дело выражается в том, что, например, один из сыновей мягче, женственнее, деликатнее своих братьев. "Краше всех". И вот он, именно он, и раскалывает всю грубоватую семью, всю элементарную семью, — но без него "дружную" бы и "ладную".

Те — рабочие, он — художник. "Немножко играет на гитаре". Ничего особенного. Но он "лучше всех" и смотрит "из дому".

Его ценят, зовут, ловят. Ищут в службу, ищут в дружбу. Как не уйти? Он к дому равнодушен. Он к дому всегда равнодушен. И уходит — неодолимо, оставляя стариков, сирот. Уходит "в свое счастье".

* * *

22.IV. 1916

Во всякое явление как будто вставлен "поперек кол", и этим колом его распирает, как перину, — надвое, верх и низ или правое и левое. М. б., "правое" и "левое", "низ" и "верх" (космогония) вообще вытекают из этих "вставленных колов".

Вчера с Тигр. (было много гостей) на минуту единившись, разговорились о сущности явления отдачи любимых жен на совокупление с другим. Он привел историю Авраама с Сарою и фараоном и еще — с князьком в соседстве. Мне священники в Петрограде передавали об этом. Оказывается, явление даже не так редко. Но я прибавлю давнее об этом свое соображение.

Издавна, — думая о потрясающих фактах ревности, у меня как-то навевалась мысль: "Где их *противоположное?*" — "Раз это такой огонь, так печет и жжет душу, часто без всякого повода жены (или мужа), — тогда где-то, думал я, есть и *противо-огонь* именно ревности. Не равнодушие к отдаче другому, но страсть отдачи, огонь отдачи. Огонь, чтобы "моя царица" принадлежала "другому". В последние годы в мою голову-ухо собралось уже много таких случаев. И с кем ни заговоришь — оказывается "знали подобное". До 50—45 лет мне это на ум не приходило.

И поразительно и странно, как мы мало знаем о мире.

Теперешние короткие юбки, как и вчерашние с разрезом до колена, чему мужья "нимало не ставили предела" — уже явно манят мужчину не к "разговору с экивоками", а говорят: "Посмотри на мои ноги с икрами и подумай о том, что у меня *выше этого*". Замужняя женщина говорит холостому или женатому: "Ты можешь и помолчать со мною, я не обижусь — но только думай или, вернувшись домой, — вспомни о *нижней части у моего живота, о верхе моих бедр*, и подумай в связи с тем, что у меня — у меня лично и особенно — заготовлено между ног для мира и для тебя, для тебя и для каждого. Будем молчать: но я желаю, чтобы *каждый этого хотел*, — это всех хотение меня, меня именно и *исключительно* — безумно волнует меня. От него я сладко томлюсь. Это мне слаще совокупления, потому что тоньше, спиритуалистичнее и универсальнее (мысленно совокупаюсь со всеми).

И мужья самые тупые это понимают. И нимало не ставят предела, т. е. тоже волнуются. Положительно — это так же часто, как ревность: что мужья хотят, чтобы его жену хотели.

Это поразительно, и это истина. Неужели это не ноумен пола? Один из ноуменов. П. ч., по-видимому, в поле заключено много ноуменов, т. е. самостоятельно сильных вещей.

Более и более я прихожу к мысли, что пол — не орган совокупления, а орган или, вернее, источник сладострастия, которое как "эфир" окружает нашу планету, и "земля летит в незримой пахучести половых органов" и, м. б., их силою.

"Вперед! Вперед". Вдыхая! и вдыхая!

Как странно.

Около этого — совокупление мелочь. Да и деторождение — подробность.

"Я хочу, чтобы мою жену н(юхали) все": неужели это не удивительнее солнцевращения и движения планет.

* * *

22.IV. 1916

Иногда во всей ночи пронесется один мучительный крик... ну, что человека режут.

И все бл... и толстые сытые жены, и картишки мужчин, флирт и танцы, балы и свечи, все, все это —

ЛОЖЬ,

а тот крик одной —

ПРАВДА.

Такова ты, Русь. Таково в тебе, Русь. Сплошь болото, гадость, но где-то

КРИК.

Господи. Как страшно жить. Господи, как тяжело жить.

* * *

23.IV. 1916

Чиновник съел все вдохновение на Руси. Все вдохновение на Руси.

Чиновник дьявол.

Дьявол бессилья.

Он к тому же техник. Техника в жизни? — Умерщвление жизни.

* * *

23.IV. 1916

Добро, как вода, — просто и пресно.

И как вода — всеобщее и необходимо.

∞

Им "не интересуется" никто. Это правда. Да оно об этом и не просит. Но есть другое, важное: кричать, когда его недостает.

∞

Добра в действительности гораздо больше, и зла совсем немного. Да без этого и нельзя было бы жить. И хотя в газетах "каждый день печатается" — или в два дня об одном случае — ужасного преступления в одном Петербурге: но на самом деле много ли это? На два миллиона жителей один ярко себя проявивший преступник. "Лежим на розах". Ибо на самом-то деле не только не каждый день, но не более одного раза в неделю.

Это так "мало", что почти "нет совсем".

"Зло" кажется "повсюду и везде" именно оттого, что о нем кричат, как о какой-то катастрофе. Да оно и есть катастрофа. Вы живете в доме с 1000 жителей (в Петрограде сплошь и рядом такие дома). Между тем вспомните за всю жизнь: много ли было случаев, чтобы "в нашем доме случилось что-нибудь особенное"? "Ничего особенного не случается". Я не помню, чтобы когда-нибудь случилось (за 60 лет), и только раз

в Казачьем переулке дворники избили и тяжело ранили дворника (ножом живот), которому за старательность жильцы дали больше к Пасхе "чаевых". Но это был ужас (в д. № 4), прислуга, жильцы — все кричали и волновались. Швейцары волновались. И еще помню — когда был гимназист — проходил мимо дома, "в котором повесился человек". Я дрожал, испытывал мистический страх. Но это — два случая. Затем я не помню даже кражи, кроме 2—3 у себя, из них только одна рублей на 80 (белье с чердака).

А о добре никто не говорит. "Так серо". И хорошо, что не говорят. Это — "скучно" говорить о добре, и от этого оно, несмотря на свою решительно повсюдность, не "перетирает зубы", не надоедает, не черствеет.

И всегда светло, неутомительно. Как эти "утомляющие" преступления, которых на самом деле так немного. Тут (в малом говоре о добре) скрыта самозащита человечества.

Это — "корень жизни", на который "не надо глядеть".

(приехав в редакцию)

* * *

23.IV. 1916

"Входите, благословенные, входите все, замужние, девушки, вдовы, и молодые, и пожилые, и вовсе даже старые, —

Не бойтесь...

Ангел-хранитель над вами.

А врачам я приказал пещись о вас...

И о ваших мамочках.

И разрешайтесь от бремени...

Я защищаю вас, держа меч в правой и копье в левой и щит в зубах над вами.

И да никто в нашей земле не смеет обидеть вас словом: ибо такого дерзкого я посажу в кутузку..."

(надпись над казенными родильными домами, которую я приказал бы на месте КОЙ-КОГО выгравировать на медной доске КРУПНО и вывесить перед воротами)

* * *

23.IV. 1916

А м. б., и это есть: за 2000 лет человечество пресытилось христианством? Слова его и — увы, нельзя не сказать — фразеология его до того уже стала привычна, знакома, известна, — до того на каждом месте — во всяком часе, — что никакой оно свежести и новости не представляет.

И от безмерной "усталости на этом месте" никто его не воспринимает.

(дожидаясь трам. № 18)

* * *

25.IV. 1916

...грустящая проститутка...

(о себе)
(как это м. б.? не "может", а "вышло")

* * *

25.IV. 1916

...да я и не отрицаю, что эти патриоты или "потреоты" все сплошь св....., взяточники и проч. Среди которой, впрочем, поднимались три фигуры: Гиляров-Платонов, Аксаков и Катков.

Но вот мой вопрос: из вас, порядочных господ, почему же никто не пошел в патриоты?

Ведь тогда патриотизм-то бы скрасился. Было бы: сволочь, но среди нее Катков, Гиляров-Платонов, Аксаков и Михайловский. С его талантом, деятельным и живым, с его читаемостью.

Было бы немного лучше. Понадежнее было бы.

А если бы Короленко? О, беллетрист и идейный человек, которого "читают". Совсем было бы недурно.

Я думаю, если бы Короленко был патриотом, — осмелился бы и Чехов назвать себя "русским человеком". С Чеховым и Короленко, наша партия решительно бы подняла голову. "Мы, русские, тоже не сопляки".

Но теперь решительно сопляки. Помилуйте: правительство и вокруг него сволочь. В отчаяние придешь.

Да и сволочь-то потому единственно с правительством, что получает от него денежку. Вот и "Земщина", и "Голос Руси", и "Моск. ведомости". Кто же назовет их "литературой" или назовет вообще "чем-нибудь"?

Удивительное положение:

Святые иконы (которым из порядочных людей никто не поклоняется).

Святые в могилах (которых никто не чтёт, т. е. из поряд.).

Правительство

и

Сволочь (в живых): состав правой партии.

В левой партии:

Гоголь, Грибоедов, Фон-Визин, Чаадаев, Радищев. Декабристы. Шестидесятые годы. Все звезды. Положительно все звезды. Весь ум, талант Руси.

"Душа Руси" — левая.

Святые Руси — в могилах.

Образа... да, но они из золота и металла. Правда, есть чудотворные.

И — правительство.

Правительство с образами и с могилами.
Без народа. Без "действительности вокруг".
Господи, Господи. Неужели это не "зарезанная Русь"?!!!!

* * *

25.IV. 1916

Лесбийская ослица.

∞

∞

∞

Это хорошо, когда у них в гимназии начали проходить "анатомию человеческого тела", то учитель сказал: "Идеальные пропорции его даны в статуе Венеры Милосской". И назвал цифры: отношение голени к бедру и их к корпусу и проч. Она пришла домой и сказала: "У меня точь-в-точь так". Должно быть. Не сомневаюсь.

Первый раз я вздрогнул, и голова закружилась, когда в письме она спросила об Италии: "Красивы ли там женщины?" Что за дело девушке до женщин? Ей подавай жениха.

Но эта дожидалась Вечного Жениха или в импотентном мужчине, но нашла его в "несовокупляющемся с женою" ("Такое чудо"!) попе, ухаживавшем за Распутиным, и потом как прорвало — посыпали преподобные девы.

Одна, другая, третья, четвертая. Домна Васильевна смеялась: "Отчего нас посещают исключительно уроды?" Все бычки-девы. Пока всех не залила и не оттеснила "солдат Н....." (мама так называла). Она перевела ее в дом наш. И та начала ворожить.

Наша мелкота вся подчинилась. "Весь дом стал ходить по Наташе".

— Тише. Наташа спит. Ходите на цыпочках.

— Наташе теплой воды. Бегите.

— Наташа читает на итальянском языке мемуары папского двора XIV века. Смотрите, восхищайтесь.

Когда заговорила о мемуарах, мне 1-й раз пришло в голову: "Дуры". Ибо, что значит читать мемуары папского двора, не веря в Христа и отрицая христианство?

Потом пошла "женская эмансипация": "женщины будут жить, не нуждаясь в мужской помощи, и устроятся сами и одни". И не приходит в голову, что это есть чудовищный идеал Лесбоса, не нужный и вредный 999 девушкам из 1000. "Но все, кроме нас, нам не нужны". "Мы же первые, передовые, — свет, идущий во тьму".

Этого содома нельзя поколебать. Содом есть быт ("Ego — sum, alia — non sunt"¹).

---

¹ Я есмь, иначе — не существую (лат.).

Устал. Но у Афродиты пошли с 14—15—16 лет прыщи по всему лицу. Как ни бились — никакие медицинские средства не помогали. И около 28 лет вдруг начал на голове расти рог (слава Богу — остановился).

* * *

27.IV. 1916

...вначале вся природа была жива. Но многое умирало. Умершее и образовало мертвую природу.

Как "города мертвых" у египтян, окружавшие города живых.

Обыватели — заяц, Розанов.

И умерший заяц, и Розанов, когда он умрет...

Но Розанов вовсе не хочет умирать.

∞

Но я думаю в общем мир так сложен: мертвое после живого, механизм как разложение биологизма.

* * *

27.IV. 1916

В жидках есть своеобразная и исключительная половая сила. И ею они гипнотизируют бедных русских женщин и девушек. Тут нашим студентам решительно приходится отодвинуться на второе и второстепенное место. За жидками курсихи всегда бегут более густою толпою, чем за русскою "немощию".

"У кого больше сперматозоидов — тот нам и нужен — философия курицы и курсихи".

Но это не оригинально у них. Все идет от египетского аписа ("священный бык"). Вот кто побеждал мир, и женщины падали перед ним ниц. "У аписа сперматозоидов как ни у кого".

Что в Египте был апис, то в Европе — еврей. См. теперь Бергсона в Париже, на его съезжается весь женский beau monde¹. Конечно, секрет не в философии, а в сперматозоидах. Как и у этого датского критика-жида (забыл фамилию).

* * *

28.IV. 1916

"Первое место" — оно страшное.

Оно названо в книгах ПРЕСТОЛ.

И сидеть на нем — одному Богу.

Люди попяляются, приближаясь к нему. И гибнут.

Погибли персы, греки, царство Александра Македонского, Рим.

Царство Наполеона и "французские идеи". Теперь, я убежден, погибнет Германия.

.....

---

¹ высший свет (фр.).

Но все рвутся вперед. Тайным образом именно — к ПРЕСТОЛУ.
И сожигаются.

“Не стремиться вперед” свойственно двум: раку и русским. Рак так устроен. А у русских есть классическая лень.

Лень — охрана Руси. Это-то и есть ее тайный омофор.

Пока Русь ленива — она не заблудится и не погибнет. “Ну его к черту — торопиться”.

* * *

28.IV. 1916

...марксист имел такой же гордый вид, как всегда. Он читал книгу. Эта книга была Каутского — “О землевладении в Саксонии”.

Читал. Углубился. И поднял молодые глаза: “Занимательно. Но много есть непонятных иностранных слов. Вот ЕГИПЕТ: что́ это? Справься в “Словаре иностранных слов”.

Я всего ожидал от него, но не этого.

— Это страна в Африке. Такая же, как Саксония, плодородная. И там есть также земледелие и рабочий вопрос.

— “А”, — протянул он и продолжал чтение.

* * *

28.IV. 1916

...другие любили ваши мысли, чувства.

Я — нет.

Особенно все любили красоту вашу.

Я нисколько.

Интерес ваш.

— Нисколько.

Я — вашу судьбу. Но и судьбу, как она открывается с подола.

Детей ваших. Это я ел (хочу).

И чтобы край подола маслянился и приятно пахнул.

Как Он. Который сотворил вас. И хотел, чтобы цветы пахли.

Посему я считаю (чувствую себя) Озирисом. И тут нет нескромности: по таинственному (не понимаю) учению египтян, всякий человек после своей смерти становится Озирисом.

(в давке трамвая)

* * *

29.IV. 1916

...побеждали, победили.

Сохранили для всего мира цивилизацию.

И называли их “святыми”, “священниками”.

Понеже они отстояли святое на земле.

И распоясались. Сели за стол. Начали кушать.

К девицам они не имели влечения. "Не искусихомся браком". Но многие, и притом военачальники между ними, умиленно поглядывали на прекрасных, как девы, отроков-оруженосцев.

Но потаенно. Въяве же были севрюга, высокие шапки и а-граммад-ные жезлы.

* * *

2.V. 1916

Вот еще грех духовной литературы, — нашей и не только нашей — новой, но и также древней. Она есть вся — стилизация, стилизацией исчерпывается, кроме стилизации, ничего в себе не содержит.

Когда появилась стилизация по мотивам эстетическим, все ужаснулись; восхитились сперва и потом ужаснулись: каким образом Валерий Брюсов или Андрей Белый могут так волшебным и изумительным "стилизовать" в своих новеллах и рассказах и хронику XIII века, и рыцарский роман, и напр., хлыстов. Но не заметили, что это — старое явление в Европе. Именно все проповеди, поучения, апологетика "стилируют" инде пророка Моисея (Влад. Соловьев), инде Иоанна Златоуста и т. д., и т. д. Самое воспроизведение в себе "подвигов аскетизма" есть уже стилизация.

* * *

5.V. 1916

...люблю самый тон этих начинаний, — простой, ясный и правдивый, гимназический.

"Посетитель небрежно положил на стул ручной чемодан и крепко пожал протянутую руку.

Гладко выбритое лицо, с пронизательным взглядом ясных глаз, свидетельствовало о необычайном уме и энергии вошедшего. Это был Нат Пинкертон, знаменитый американский сыщик, *любимый герой порядочных людей и ужас преступников*" ("Восковой двойник").

Так и написал милый гимназистик, — никого не убоившись: "любимый герой всех порядочных людей". Книжка — по языку и приключениям — сочинена без сомнения гимназистом, не окончившим курса.

— Каких же "порядочных людей", — позвольте спросить вас, г. гимназист?

— "Порядочных людей", — чешет затылок растерявшийся гимназист. — Всех тех "людей", которые не выносят убийц, трепещут их, боятся — если "убийца забрался в дом"... И не любят, чтобы у них "воровали"... Таких "людей" много, сударь: вот мой дядя, две тетки, да и их соседи, вся улица...

— Фи, "сыщик", профессия "сыщика".

— Что же делать, сударь. Волка руками не поймаешь, — лису не поймаешь, если выйти ее ловить со свечой, молитвенником и увещаниями. И лиса, и волк звери страшные, и на них выходит охотник, — да

такой, который был бы еще хитрее их. Так и Пинкертон. И чем он хитрее, тем лучше нам. Тем лучше выловит из леса волков и лисиц, — и мы не то что сами будем ходить по ягоды и грибы, но и детей пустим в лес безбоязненно.

Просто, прямо и ясно. "Общество должен оберегать хороший сыщик. П. ч. преступление кроваво, жестоко и хитро".

Нет, короче.

"Преступление, миленькие, — это не пароль, а преступление. Так и старая тетенька учила, и маменька заповедовала".

Когда еще в лавочке (где покупал Пинкертона на Итальянской) я прочитал эти слова, — голова закружилась. Вой:

— Вот время! Вот люди! Вот читатели! Из сыщика сделали себе героя.

Этот вой без исключения всей русской прогрессивной печати — стал в ум и замутил душу.

Милая невинная душа гимназиста: он провел пальчиком сверху вниз и разделил ДОБРО и ЗЛО, как некогда Бог, сказав:

— Сыщик — это хорошо. Он герой всех порядочных людей и — ужас преступников.

Но... мысли поставить "сыщика" — "героем" ужаснулось русское общество — ужаснулось как раз года за два до 1905 г. или года два спустя после 1905 г., сейчас уже не помню. Почему?

И вот тут у меня кружилась голова.

Общество альфонсов-клубистов, альфонсов своей службы, альфонсов всякого долга, альфонсов около книжки... оно вовсе не похоже на трудолюбивых тетенок, дяденок, маменек, варящих щи в печи, хлопочущих около мужа своего, заботливых около воспитания детей. И вор (который их никогда не обворовывает) — для них есть просто "картина на горизонте", вроде "леопарда в далекой пустыне", — который так красиво и убивает, и так мастерски ворует...

Но альфонсинство идет глубже, дальше; да позвольте: с 70—80-х годов преступник и убийца есть "герой" русского общества, а те, которые лезут на "тетенок" и "дяденок", вообще на "презренных обывателей", — мещан и буржуа, — суть "обновители отечества". Да разве не было случая, когда травили великого государя, освободителя крестьян, за то, что он "не дошел до высоты мысли Чернышевского" и в реформах сообразовался с нуждами России, а не "с мыслями Чернышевского": и отнизу доверху, кроме крестьян и купцов, кроме попов, Россия вся кричала, визжала, хихикала:

— Травите! Травите! Больше! Больше! Окружите его плотным кольцом, чтобы не мог вырваться, — и задавите.

Беззубого. Я его видел в Симбирске в 1873 году. Директор Вишневский ("репетиция") входил в класс и говорил:

— Здравствуйтесь, дети!!

И мы:

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!!!

И вот он приехал, старый Император. Около него вертелся полицейский, и он несколько раз повторял:

— Зачем здесь полиция? Зачем, где дети, полиция? Уйдите. Я приказываю.

Но полицейский, — отойдя в сторону, сзади все шел за Императором.

И вот я видел его в двух шагах. Он был очень некрасив. Очень. И оттого, что стар был, а главное — безмерно устал. Ведь надо было взойти по лестнице и пройти по классам. Нижняя челюсть его немного опустилась, и я хорошо помню этот черный беззубый рот... Не то что зубов не было, но зубы были черные и "корешки"... Лицо худое, бледное, взгляд скорее строгий, никакого привета...

"Я устал! устал!" — вот все выражение.

Но ему нужно было "сделать честь гимназии", не обидеть "министерство просвещения" — и он вошел и к нам.

И вот к этой усталости я прибавляю еще Сербское восстание, болгарскую резню, войну с Турцией.

— Я устал! устал... Интриги Австрии, Англии, двусмыслие Германии...

— Ах, как я устал.

И вот вылезает Веруха Фигнер, Верка Засулич, еще какое-то дерьмо, — "в косую сажень" Тригопи, да "загнавший в стойло быка вилами" Желябов, еще это противное рыло (какая морда глупая) Рысаков и химик... как его... Кибальчич, "ученый"...

Государь обращается к обществу:

— Удержите их!!

Общество "поросятится". Акции и все. "Растите деточек". "По 12 в год рожу".

Восторг разливается по обществу:

— Пристрелят его, старого.

Нет сомнения, никакого нет сомнения, что если бы общество топнуло на молодежь, сказав:

— Мерзавцы! Как вы смеете.

Если бы общество в ответ потребовало драконовских мер против университетов, потребовало бы отнятия стипендий у студентов, сдачи в солдаты исключенных, да выгнало десятка 1 1/2 профессоров "с тенденцией", — то Желябовы сели бы на тупой зад свой.

Но и Соловьев, и Желябов, и вся эта сволочь знала "своих"...

— Остановите же! Остановите!..

Выстрел Соловьева. ГОСУДАРЬ БЕЖАЛ. О, единственный Государь, который бежал, п. ч. он боялся, п. ч. в него всаживали пуля за пулею, 5 пуль, — как в мишень.

Как в деревянную мишень свинцовые пули.

Ведь от которых больно. Больно ли, господа?

Общество визжало. "В сей счастливый момент оно рожало тройню". И отвечало:

— Если в Государя, то, конечно, не больно. Больно только, если революционеру дадут по морде... т. е. ударят в его благородное, героическое лицо.

Общество поросятилось. А свинья, когда она рождает, ничего не чувствует от блаженства.

Какой-то генерал выпорол какого-то студентишку в Шлиссельбурге. Сейчас Вера Засулич:

— Героический выстрел Шарлоты Кордэ.

Общество даже "рóды" на минуту приостановило, до того обрадовалось.

Если бы эта дуреха выстрелила в Соловьева? Если бы хоть одно создание в России нашлось, которое бы отомстило за унижение Государя пощечиной, выстрелом и плевком в лицо — Тригони, Желябову, кому-нибудь...

Не нашлось честного человека в России.

Или, как говорит автор Пинкертонна:

"Не нашлось ни одного *порядочного* человека".

Это слово — настоящее. Именно — просто "порядочного". Объективно порядочного человека. Вековая Россия состоит из "святых" и св.....; "святых" не случилось о ту пору, и осталась одна св.....

Застрелили (Екатерининский канал).

Вдруг два первых авторитета в стране, философ и художник, "любимцы народные", заерзали на задах своих и взвизгнули:

— Их надо простить! Убийц надо простить!

Если сын и наследник убитого, --- в которого тоже будут "палить", — помилует виновных, --- о, тогда!.. о, тогда!..

Непонятно, что сделалось бы "тогда". Ибо, как известно хорошо, революционерам было дело до "выполнения программы Фердинанда Лассалья", но не было ни малейшего дела до Владимира Соловьева и до Льва Толстого. "Тогда", очевидно, продолжали бы "ходить в народ", читать еще более "умные книжки" и вообще подговаривать устроить резню помещиков, купцов (кроме банкиров) и очищать место евреям. Революция, как это очень хорошо известно, предшествует жидам или следует за жидами — вообще есть "ореол славы нашего Мешеаха".

"Он же придет и властью пасти народы. А мы его министры".

Но и Соловьев, и Толстой знали оба, что слиться со свиньей в наиболее "восторженный момент рóдов" значит стяжать навеки привязанность свиньи. И стяжали.

Возвращаясь к Пинкертону, я и думаю, в своей действительно закружившейся вчера голове, что не кто-нибудь, не некоторые, даже не "очень многие", но *целое общество русское*, — причем с корифеями его, начиная

от Фон-Визина и Чаадаева, — в медленных перерождениях и все под влияниями литературы — выродилось буквально до "сюжетов" Пинкертона, — до тех, с кем борется "этот всеми порядочными людьми уважаемый сыщик", и совершенно слилось с убийцами и ворами, прямо потакая воровству, "если оно артистично" (Пинкертон только "артистов" преследует), — и разделяя "бегство от полиции" убийц. Политическое воспитание 70—80-х годов перевоспитало все общество. Ведь все общество имело единственным предметом чтения апологию убийц и убийства, ведь вся литература была обращена в дифирамб им и в дифирамб "единовременного ограбления всех" (социальная революция), с резнею, кровью и ужасом. Ведь ничего еще и не печаталось "при нашей снисходительной цензуре".

И вот это общество, или "благословенно родившая свинья", и попробуйте-ка ее обратно преобразовать в человека.

И ноженьки устанут. И ум не найдется.

О, как слаб был Д-ский со своими ничтожными "Бесами".

* * *

5.V. 1916

...и любит, любит он ее.

...и любит, любит она его.

Когда которому-нибудь не здоровится — другой всегда дома.

Ему 30. Ей 24. Женаты лет 7. Мне 60.

Он, желая подать мне что-то, мимо ее носа протянул (книгу?). Я повернулся и увидел бесконечно скучное ее лицо. Со мной же взгляд ее бесконечно свеж.

О, конечно, она любит мужа бесконечно больше, чем меня. Но когда она смотрит на меня — ее взгляд бывает свежее, чем когда она смотрит на мужа.

С мужем она уже устала. До меня — и не дотрагивалась. И вот я наблюдаю — вообще, — что самые счастливые жены и которые мужьям никогда не изменяют, — смотрят тем не менее на постороннего свежее, чем на мужа.

Это на финикийских монетах времен Римской империи: нередко там изображенная Астарта, обычно поставившая ногу на корму корабля, — имеет неизменно *подол, поднятый до колена*.

Более свежий взгляд и есть этот подол Астарты, поднятый до колена. Он есть во всякой женщине. Суть его: "ах, я уже утомилась, и мне хочется *другого*".

Я замечал на прогулках: мужчина, приподняв шляпу, извинится и спросит дорогу у дамы. Что он ей? Она никогда еще его не увидит, но она с необыкновенной готовностью разъяснит ему дорогу, и голосом более свежим, чем как всегда говорит с мужем. "Ах, я очень устала от мужа", а этот — который спросил дорогу — я "еще до него не дотрагивалась".

Астарта. "Суженый мой и милый. Я буду тебе век верна. Но не сердись... или отвернись... а пока я подниму немного юбку".

Это неотразимо и всемирно.

Зевс.

Юнона.

Зевс только кажется мужем Юноны. Но об нем — что́: известный господин. Но глубина и трагедия в том, что и Юнона только кажется женою одного Зевса. Правда, она не посягает и от этого кажется верна. Но край ее подола всегда немного приподнят.

Тайна в том, что не только Зевс, в сущности, обладает всеми самками, — причем не одними человеческими, но и коровами (Зевс и Ио, "Европы"), и кобылицами, и овцами, козами: и это не случай и произвол, не каприз и миф, а сущность дела; и так же — Юнона чувствует на себя возложенным долг — всех удовлетворить и, удовлетворив, — побаюкать и дать заснуть.

— Спи, мир, мой прекрасный. Ты насытился и спи, а я буду сторожить твой покой.

Суть в том, что и фалл, и ктебс — оба космогоничны. Они — лицо. Да. Но это — ядро кометы. Около ядра — хвост, пыль, туман: и он уже замечает весь мир.

* * *

6.V. 1916

Со всеми нами под старость делается склероз мозга. И хоть печально признать "зависимость духа от материи", но что́ делать — приходится.

Можно и следует забыть Толстому все его "Дневники", кои он для чего-то и почему-то таил от мира, хотя там ничего особенного не содержится, кроме доказывания в сотый раз того, чего он не умел доказать 99 раз, — забыть богословие, "В чем моя вера" и "Как я пришел к истине", и остановиться просто на его *aeternum*¹ — "Войне и мире" и "Анне Карениной".

Тигранов, оказывается, читает и перечитывает оба произведения, и особенно "Войну и мир", и заметил такие его детали, каких никто не заметил. Он мне между прочим указал на то́, что когда впервые в доме Ростовых появляется кн. Андрей, т. е. "жених" Наташи, с кем будет у нее "судьба", — и эта судьба **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БУДЕТ**, — так все в дому, отец, мать, Соня, Николай "точно разбежались", почувствовав трепет и страх... Страх о дорогом, страх о любимом (дочь). Я этого совершенно не заметил. Тигранов передал это удивительно, в интонациях голоса. "В дом вошла судьба". И еще никто не знает, черная она или светлая. Не знает и трепещет.

Также он отметил, что во всех местах, где Толстой говорит о князе Андрее, — он говорит о нем с каким-то внутренним трепетанием.

---

¹ вечное (лат.).

”Заметьте, — сказал Тигранов, — что все важнейшие события с князем происходят в день и дни, когда решается судьба России. Он тяжело ранен при Аустерлице, он смертельно ранен при Бородине”. Также он что-то говорил о въездах князя. ”Он в Лысые Горы приезжает ночью”. Кажется, еще Наташу он впервые видит ночью же.

Не помню. Тигранов говорил тихо и вдумчиво.

И когда он говорил это (ему всего 30 лет), мне как-то осозналось, до чего ”в те годы”, в ”свое время” Толстой в самом деле превосходил всю Россию не ”головой”, а несколькими головами, многими головами. До чего он был как Калифорнская тысячелетняя лиственница между молоденького сосняка своего отечества.

Удивительно. Вполне удивительно. Вот величие. И что мы болтаем про его богословие.

* * *

8.V. 1916

Все, что принадлежит минуте — принадлежит и вечности.

Смеет разве вечность зачеркнуть минуты? зачеркнуть свое питание?

Свои зерна?

Ни — ни — ни.

∞

Вот отчего мое ”вчера”, хотя настало уже ”сегодня”, а это ”сегодня” несколько не похоже на ”вчера”, — продолжает быть и сегодня, и останется завтра. Правда, я не ”думаю” его: но я благоговею перед ним, и вообще оно священо.

* * *

8.V. 1916

Цветочный одеколон.

Есть же такая милая вещь.

Это — моя философия.

Она вся сделана из запаха цветов и звона солнечных лучей.

∞

Разве вы не знаете этой музыки? И этого запаха, который обнял Вселенную?

(ждем Тиграновых)

* * *

9.V. 1916

Русских сортов спичек есть несколько:

во-первых — которые вовсе не зажигаются. На которые сера вовсе не капнула, и они — ”ничего”;

во-вторых, что расчепляются: вы как будто берете даже полторы спички, — и, чтобы "утилизировать", — естественно, отделяете одну, но в это время сера спадает с головки и той спички, которую вы "хотите взять", и от с нею сожигавшейся. Вы бросаете обе. "Не годится".

Третий сорт самый ядовитый, и его надо прямо кидать, хотя "спичка цельная" и "по форме". Пожары в деревнях от так называемого "куренья" без сомнения произошли вовсе не от куренья, — ибо какой же мужик не загасит осторожно сигарку на сеновале, кто же ее кинет на пол, не загасив, — а вот именно от этих спичек. Дело в том, что под самую головкою ее виднеется что-то желтенькое: это гнилое, слабое, неядренное дерево. Вы чиркаете, и, если сделали это хоть сколько-нибудь энергично, — горящая головка отлетает на аршин в сторону. И как это — сера, то она упорно, пылко горит. Схватить руками летящую головку — невозможно; куда она полетит — вы не предвидите. Да вы и вообще ничего не ожидаете. И первое ее прикосновение к селу или соломе вызывает в $\frac{1}{10}$ минуты пыление всей массы сена или соломы.

Остальные спички как следует.

* * *

9.V. 1916

В Царе есть кусочек Провидения.

Этого кусочка бойся.

Вот почему Царю надлежит повиноваться. Допуская к повиновению себя — он и нас, обыкновенных, приобщает к мировой роли.

Царствование Царя трагично. И — всякого Царя. Это сплошь — великое и ответственное. Ничего нет труднее "должности Царя". Это — пост, на котором невозможно не трепетать. И как он ждет, когда, подъезжая к Зимнему Дворцу, и градоначальник, и один министр, и другой, и одиннадцатый говорит:

— Все обстоит благополучно.

И пока-то, пока дождется, что и одиннадцатый скажет "благополучно".

И пройдет всего 24 часа, когда он опять спрашивает:

— Благополучно ли?

И не успокаивается, пока и одиннадцатый подтвердит: "Благополучно".

Желябов, потевший со своей "генеральшей" под одеялом, сказал ей:

— Ты видишь же, душечка, до чего все это глупо. Он только выслушивает стереотипную пошлость: "Все обстоит благополучно".

Сонечка ласково посмотрела на друга:

— Герой мой! Ты и в постели обдумываешь бомбы. Но мировые задачи — днем. Я хочу немного роз.

Чело героя расправилось, и после этого долго у них скрипела кровать.

* * *

10.V. 1916

Ты не противоречь другим.
Ты навевай на них другие сны.

(за вечерн. чаем)

* * *

11.V. 1916

...и еще метафизика (и чем больше вглядываешься в эту Ding an sich¹ — больше видишь метафизики):

Мне рассказал NN (женатый человек), как с ним поехала "в сторону" и совокупились женщина, безусловно порядочная, хорошая, без всякого в себе флирта и "зárенья" на мужчин, и которая — если бы ей сказать накануне, что она это когда-нибудь сделает — разбила бы вам лицо тарелкой.

Правда, минута была особенная, упоительная и страстная.

Она потом плакала, повторяя: "Что́ я сделала, что я сделала. Ведь я люблю своего мужа".

Менее года замужем.

Однако — "сделала". И как он сказал — "она была упоительна". Он — старый циник, т. е. молодой человек, но "отъявленного поведения". Не человек, а лошадь. И кидается на кого попало. "Бесчисленные поступки". Только говорит: "Моя жена всех их лучше, с кем я имел дело". Т. е. не лицом (она некрасива), а "тем".

Но я размышляю дальше: раз пол есть *тайна*, "прикровенность", и это — не поверхность его, а самое внутреннее зерно, "душа" и "глубь", — то ведь, очевидно, *тот акт и в таких условиях*, чтобы никто не мог даже догадаться, предположить, не мог даже "допустить мысли" — и будет "наиболее отвечающим душе предмета и существу дела", т. е. совокупления: он будет и наиболее сладким, невыносимо сладким.

Не на этом ли основаны измены? Что "совокупление с мужем", как всем известное и раскрытое, полудоставляет радость, есть в сущности полусовокупление: а "неожиданно" и с другим — есть "опять первая ночь с Возлюбленным".

"В тот час она опять потеряла невинность" — в отношении мужа: т. е. как Гера в отношении Зевса, которая, по словам греков, непрестанно совокупляясь с богом — "всякий раз снова теряла девственность".

Ведь острое и сущность — потеря невинности и тайна. И здесь она встает во всем своем величии.

Лично я этого совершенно не испытывал. У меня если что́ и было, то "опыты" и наблюдение, т. е. наука и сухость. Но если бы я был "как следует", буржуа и молодой человек (я вечный старик с детства), то я, может быть, так и делал бы, т. е. вечно

---

¹ вещь в себе (нем.).

Нарушаю все законы,
Преступаю все черты.

Но это объясняет бытовую жизнь и русских, и римлян. Муж *есть*, и — *молодой*. Еще более — он любим. "Совсем почтенная семья". Но внутри ее и ему и ей до муки хочется измены: которая одна, в сущности, восстанавливает "полную мысль брака": потерю невинности, окруженную глубочайшей тайной. Всякое супружество имеет тот колоссальный дефект, что оно "на виду", что "о нем знают все", тогда как отвечает существу тайны — "чтобы никто не знал".

"Знаем я и ты".

Тогда это вырастает в колосс, в монблан.

Возвращаясь в древность, замечаем, что ведь "Песнь песней" описывает "неведомую встречу" на час — на неделю — на два месяца — и самое большее на 1 1/2 года, а вовсе не "законный брак Соломона с дочерью египетского царя". — К черту все "дочери египетского царя" — нужна "Суламифь". Т. е. приключение. Т. е. случай. Тут — вздохи. Тут стенания любви. Тут голова кружится и цветы сами расцветают.

Я бы, м. б., не написал этого, если бы не поразительный рассказ наблюдательного Т(игранова), который мне сказал:

— Мусульманин никогда не скажет: "*Моя жена* вам кланяется". Он скажет: "*Ваша знакомая NN* (имя) вам кланяется". Что она "*ваша знакомая*" — это вы знаете и больше ничего не должны об NN знать: вы не должны знать, и по крайней мере он вам не скажет, что эта NN есть *его жена*". Тигранов прибавил: "У мусульман до того обергается целомудрие и утаенность от мира всякого брака, что там никогда муж не назовет жену "*своею женою*", она как бы для всего мира "*неведомое*" или "*девица*", а что он имеет к ней отношение как к *женщине* и как *мужчина* — об этом ни... ни... тсс... молчание.

В сущности, "случай с моим знакомым: "ни... ни... ни... тсс... молчание".

Тайна.

Нет существа ее —

Измены.

О, это-то уже сохранится в тайне.

И вздрагивая, шепчет:

— Какое блаженство! Какое блаженство!

* * *

11.V. 1916

...да, если и горб за спиной вырос — носи горб.

Нельзя же его срезать, умрешь. И выпрямить спину нельзя: позвонки. Если бы мясо, а то позвонки.

И привыкаешь. Даже любят. "У горбатого есть свой стиль, и, знаете, — это даже нравится". Говорят женщины и история.

Так мы русские. Да так и Европа, христиане. Взял портрет египтянина и "наши". Последнее время все занимаюсь Египтом. Боже, какая разница, Боже — какие мы уроды. Сказать невозможно. "Но уже свой стиль".

Почему меня так волнует Египет. Когда, еще служа в Контроле, я вступил в "отделения" Публичной библиотеки, чтобы покопаться, "во что́ они там верили", — и когда у Лепсиуса Denkmäler я томе в 3-м (я все срисовывал постепенно и "в следующие не заглядывал", как в конец романа или как "в прикуп" в картах) — увидел Озириса "вовсю", с этим огромным... и на которого молятся, которому курят фимиамы...

О, что фимиамы...

Жертвы...

Разве они стоят Озириса, такого чудного, такого несказанного; как будто лава потекла в моем теле, и дрожащей рукой я начал рисовать...

О, какое счастье рисовать Озириса, рисовать его Одного, Его вечно...

А любить его, а зрить Его...

Вот отчего египтяне были так счастливы, — вот отчего улыбка на их лицах...

И вот отчего они хорошели, красивели...

И мужья им говорили:

— Любите нашего Озириса.

— Его Одного...

— Его вечно...

И оне любили Его...

И тосковали по нем...

И целовали Его...

— Все Его...

— Его Одного...

— Его вечно...

И если я дрожал, срисовывая, и ни один смертный не может не дрожать, взирая на Него...

— О, что́ же были египтянки.

— Счастливые девы.

— Счастливые жены.

И мужья, и женихи им шептали:

— Любите нашего Озириса.

— Любите Его вечно...

И до сих пор, до 1916 г., я не мог дать **ВОВСЮ** изображения Озириса. Цивилизация с горбом этого не допускает. И все эти Масперо и Бругши, хвастунишки и мумии, которые за учеными занятиями верно забыли даже, что у девки титьки растут и, м. б., не догадываются, что у коров есть "ВЫМЯ" (а ведь это священство)...

О, масперошки: написав томы, которые следовало бы изодрать, ибо наместо их Вы могли просто собрать книгу из пустых листов, лишь на первом листе нарисовав **ОЗИРИСА ВОВСЮ**.

Вы же тем самым дали понять: ЧЕМУ ЖЕ поклонялись египтяне и откуда произошли боги на земле...

О, все боги.

Все до единого.

Кроме только ЕГО ОДНОГО, который уже не от Озириса.

Итак объясняю с самого же начала:

НЕ от Озириса, НЕ от Озириса...

И вот я поклоняюсь тоже ему. Плачу и поклоняюсь... О, о, о...

Но знаете ли: тайно и ночью все христиане все-таки бегают к древнему Озирису.

И любят Его.

Его Одного...

Его вечно...

А назавтра плачут и каются.

"Опять согрешил".

Но, господа: отчего же этот грех вечно?

* * *

12.V. 1916

В России так же жалеют человека, как трамвай жалеет человека, через которого он переехал.

В России нечего кричать. Никто не услышит.

(в трамвае)

* * *

12.V. 1916

...как там хотите, но раньше "прикосновения" — ничего не произошло.

Есть дружба, симпатия, многолетнее знакомство. Доверие. Уважение. Но все сухо.

Нет клейкости и вязкости. "Душа не одна".

И вот тайное касание. "Ах! Ах!"

Нега. Истома.

— Ах, я забылась...

— Ах, я забылся...

Оба: Какой грех!!

И лицо уже в улыбке. Огонь прошел. Расплавил. И две души стали одною!

— Я верна тебе!

— И я тебе верю.

Еще только прикоснулись. "Ничего и не было". Теперь они станут искать уединения. Леса, ночи. Чтобы закончить, что "началось".

И кончат.

Теперь они муж и жена.

Закон их:

— Ты касайся только *меня*.

— И ты тоже одной меня касайся.

— Другого — ни-ни...

— Другой — ни-ни...

Это и есть один закон брака. Только один. Или как написал тот, старый человек:

— Да не будут тебе бози *иши разве Мене*.

* * *

18.V. 1916

Наша цивилизация не имеет определенной и стойкой стоимости, как рожь, пшеница и пшено.

Но как за "бирюльки" за нее иногда что-нибудь дают. Как за кавказские шелки, "кинжальчики", за "гондолочки" в Венеции.

Это не "серьезное дело". И революция наша несерьезна. И "студенческие беспорядки" несерьезны же. Они были серьезны — в смысле "не учиться", но несерьезны в смысле "угрожают". Теперь, когда дали автономию профессорам и студенты вдруг успокоились — ясно, в чем было дело. От 78 года я не помню ни одного профессора без "оппозиции", и оппозиция эта заключалась в том, чтобы отстоять свою лень, бездарность и подражание немцам ("Трейхмюллер и Бергсон"). Ну, и справедливая сторона: что они получают действительно нищенское содержание. Но ведь при этом подразумевалось правительственное: "больше не стойте". Но правительство притворялось, что "денег не хватает", а профессора притворялись, что они составляют "политическую оппозицию" в России. И обоем лгали, и обоем мучили бедных студентов.

Которые, естественно, впечатлительны. И кроме того, им, как жеребцам, всегда "девок не хватало". И эти уж совсем гудели: "Хотим забастовки на почве равного, тайного и всеобщего голосования".

Бирюльки. Пустяки. И нечего было бояться. Нечего было даже писать об этом.

* * *

Правительство совершенно верно полагало, что "народное в России" начинается с мужика. С мужика и солдата. Т. е. с крестьянина, пашущего, и с крестьянина, защищающего свою землю (отечество). И даже церковный вопрос, секты и всех этих иерархов (увы, и бракоразводный процесс) оно считало одним "романтизмом" и беллетристикой.

А серьезное, это —

СЕЛО ДЕРЕВНЯ.

Но русское правительство ужасно неповоротливо, и 200 лет оно только "вперяло глаза", отмахивалось от мелочей, — "не дело", "не дело". Но на крестьянский вопрос и на солдатский вопрос оно никогда не смотрело как "на дело". Об этом нет свидетельств, и этому нет выражений. Русские государи, собственно, трудовые и честные люди. Они вовсе не "корежились" и не "разваливались", как французские принцы, вставали рано (образ жизни) и много работали.

18-й век оставим. Тогда "в голову не приходило". Тогда занимались действительно "просвещением" и бирюльками, — но 19-й век *весь* полон тревоги о крестьянине. И вовсе другом его были не Чернышевский с Добролюбовым, а Александр II, и даже Николай I, Алекс. I и Алекс. III.

Все это "вскроется", когда будут вскрыты "переписки". Только это чувствуется.

В Думе клеветали и клеветают, что "царь был другом помещиков". Нет, именно — мужика. Помещики были "мелочь", как и все прочее. Екатерина II сболтнула: "Скорее я смотрю на помещиков как на полицейских (*в смысле местной власти*), чем на украшение отечества". Это было неосторожно, так сказать, но это правда, т. е. правда, что *так смотрели*.

Но отчего правительство так неповоротливо? Слишком большая держава. "Большой корабль трудно заворотить". Но зато установление "правильной точки зрения на $\frac{1}{6}$ части земной всей суши" имеет мировую значительность.

Я строго и свято верю, что русские цари и есть главные, лучшие в России "народники", перед которыми разные Герцены суть шушера и стрюцкие, не заслуживающие даже упоминания. Увы, даже честный Струве об этом догадается через 100 лет. Фанфароны à la Герцен у нас все съели, задымили и зачадили. "Света Божьего не видно" из-за них. Поистине, "солнце можно закрыть, поставив на два глаза два пальца".

Пустое общество.

* * *

23.V. 1916

Мы так должны полагать о каждой цивилизации, что чем глубже копнет она существо вещей, тем дольше продержится.

Глядя на скульптуры греков и их "вечные мраморы", мы постигаем сразу, какие это "пустячки" перед беременной жидовкой: беременной не эмпирически, п. ч. "матка есть", но постигнувшей и наученной, что "матка для того у нее и есть, что она должна принять семя, в крайности даже от отца (судьба дочерей Лота) и непременно родить, ибо так хочет от нее Бог". И вот Греция испепелилась, а жид живет.

Рим — ...даже не о чем и рассказывать: такие пустяки. Риторы. Ювенал и Тацит; гражданское право и наши аблакаты. Бррр...

Египет глубже всех, ибо он научил и Израиля. Моисею даже не надо было посвящаться в таинство, а достаточно было войти в храмы, где на стенах все сказано (живопись), чему жрецы могли научить и устно.

Последние египтяне — это феллахи, бежавшие, и плакавшие, и стрелявшие в ученых, везших на барке сокровища их могил.

— Циники...

— Идиоты...

— Неверы...

Но "идиоты" ехали самодовольно, чтобы обогатить тщеславные музеи Парижа, Лондона и Берлина, конкурирующие между собою по части "редкостей".

— У нас есть статуя из гранита фараона Сети II.

— Зато у нас есть голова самого Рамзеса. Мумия.

Это были те окончательные вандалы, которые разрушили Египет, дотопле все-таки цельный.

(рассказ о стрелявших и плакавших феллахх у Бругши "История Египта"). Он потрясает. Благородные феллахи — подлые, даже подлейшие европейские ученые)

* * *

27.V. 1916

В любви есть закон: острота ее обратно пропорциональна массе.

Всех любить = никого не любить.

Сплошная ко всем любовь = никакого выбора.

Эгоизм, индифферентизм, равнодушие.

Зато:

Любовник — никого не замечает.

Аракчеев любил только свою Грушеньку.

И Данте — свою Беатриче.

Я наблюдаю (много лет) лесбийскую любовь: прямо — темнота кругом. Кроме кристалла, который горит: — "она".

"Ноченька темная" и "звезда" в ночи. Но такова же, как и этот Лесбос, всякая любовь.

Я создан средне, — средний человек. Поразительно, что *влюбленный*, кроме трех начал (чуть-чуть показалась зоренька, во всех 3-х — неудачно) — я не знал вовсе, ни разу. Самая любовь моя к мамочке, несмотря на решительно ноуменальный ее характер, тем не менее не есть и никогда не было "влюблением", а — восхищением, уважением (позднее) жалостью. Но это совсем не "любовь — ушиб" (влюбление).

Я без мамочки не могу жить. Тяжело жить. Скучно жить. "Не понимаю, как без нее жить". Но это не то, что "не могу отвести глаз". Она уезжала в гости, и я с удовольствием проводил время и без нее.

Это — привязанность и дружба. Преданность. Но не "любовь" в собственном смысле.

* * *

28.V. 1916

Вот что, русский человек: вращайся около своей оси.

Той, на которую ты насажен рождением. На которую насажен Провидением.

Где у тебя "Судьба".

Не рассеивайся. Сосредотачивайся. Думай о "своем" и "себе".

Даже если у тебя судьба к "Рассеянности" — ну, и не сдерживайся — "будь рассеян *во всем*". Тогда выйдет ясность. Будет ясен человек и ясна жизнь. А то — сумерки и путаница, ничего не видно. У нас ведь как; рассеянный-то человек и играет роль сосредоточенного, угрюмый — весельчака, пустозвон обычно играет роль политика. Все краски смешаны, цвета пестры и ничего не разберешь.

Пусть будет разврат развратищем, легкомыслие — легкомыслием, пусть вещи вернутся каждая к своему стилю. А то вся жизнь стала притворна и обманна.

Россия — страна, где все соскочили со своей оси. И пытаются вскочить на чужую ось, иногда — на несколько чужих осей. И расквашивают нос, и делают нашу бедную Россию безобразной и несчастной.

Следы и последствие 200 лет "подражательной цивилизации".

* * *

30.V. 1916

"Маслом каши не испортишь", — решили египтяне: и поставили огромную СВИНЬЮ, с сосцами отпущшими, в судилище Озириса. Сидит Озирис. Не десятичных весах взвешивает "правду" и "грехи" души, приведенной Горусом и Тотом на "суд загробный". Тут и другие боги на ступеньках. И вот — огромная свинья, задом к Озирису идущая.

Замечательно, что на монетах Елевзиса (Елевзинские таинства) тоже была изображена: на одной стороне Деметра, едущая на колеснице, запряженной драконами, а на другой — свинья. И значит, тоже подумали: "Масло не портит каши". Мысль одна. Явно. И очевидно, в связи с таинствами Деметры — Плутона и Изиды — Озириса.

Это перешло к евреям и магометанам, у которых "нельзя есть свинины" как СВЯЩЕННОГО ЖИВОТНОГО.

Все — от скарабея или параллельно ему: "Истина и свет рождаются из навоза".

* * *

30.V. 1916

Ничего подобного, ничего к этому приближающегося, к этому даже протягивающегося — нет во всем всемирном искусстве. В живописи, равно и в скульптуре.

Только тоскующие песни человечества, только одна музыка имеет "кое-что в этом роде"...

Картина потрясает. Ее нельзя забыть, и — *никогда* забыть. Ее помнишь как вечный протип семьи, как вечный идеал семьи; как то, что нас зовет и чего мы не умеем достигнуть.

Нежность и глубина лиц, деликатность и благородство линий лица, рук, шеи — особенно шеи... и эти таинственные губы, которых необычайная толщина не отталкивает, не отвращает, ибо она нимало (почему? почему?) не антихудожественна, не груба, не чувственна почти... и только передает наблюдающему потихоньку эту сцену о какой-то длинной традиции в целом ряду поколений безмолвных поцелуев...

Которые были долги и безмолвны, и душа отлетала в них...

Она улетала в селения Озириса и Изиды, и когда они "опять очнулись", — едва помнили, что было.

И губы росли: как растение, поливаемое живой водой.

Как что-то, что умащается миррой...

И стали как бы органом в органе, как бы лицом в лице, развившись во что-то самостоятельное и целое...

Как вырастает у дышащего в одном случае рог...

В другом случае и у другого "оперение павлина"...

И у всякого своя красота...

П. ч. сюда, именно сюда, в губы перешла, переходила по временам, вся энергия жизни...

* * *

30.V. 1916

*Вечное "Das Werden"*¹ Египта...

Все — происходит...

Ничто не останавливается...

"Было и будет" — и никакого "есть" или самое малюсенькое есть...

Завтра и вчера...

Вот **СКАРАБЕЙ**.

Его символ везде в Египте, и нельзя почти найти рисунка, где не присутствовало бы невидимо это

Das Werden,

т. е. где не проползал бы таинственный навозный жучок.

Зачем "навозный"? Зачем такой символ для столь великой идеи?

Но разве не "символ", что Спаситель мира родился именно в хлеве для загона скота...

Где, верно, тоже ползали такие же навозные жучки...

И ближе, чем ангелы и люди, они видели роды — рождение Спасителя... И дышали воздухом, которым дышала и наша Богородица.

Но это — не хаос перемен. А рост. Потому "*Werden*" представлено не стучащею машинкою, а живым жучком...

Который не торопится и все ползет...

---

¹"становление" (нем.).

Как эти бутоны и цветы... От бутона к цветку...

Медленно. Незаметно. Вечно.

И как эти растеньица, по которым ползут лисицы...

И что́ они найдут на блюдечке?.. Не мясо же, а какую-то кроткую кашку.

И египтяне сказали этим: нюхайте чаще цветы, и мир избавится злобы, и лютой, и крови, и не будет нужно жертв... Когда-нибудь не станет и последней крови, которую еще мы вынуждены проливать в жертвах...

Только, пожалуйста, обоняйте цветы; только, пожалуйста, обоняйте цветы.

В цветке избавление мира от скорби и слез.

И Изиды их — точно выросла из цветов...

И как женщина...

И как корова.

Она вечно обоняла цветы.

Здесь.

И даже за гробом.

Но вернемся к скарабею. В самом деле, наклонясь над ящиком, где хранится большое собрание (как нечестно это сказать "собрание", будто это магазин или выставка — о символе неумирающей жизни) скарабеев в нашем Эрмитаже, я прочел:

Скарабея, как и фалл, они помещали внутрь солнца.

* * *

1.VI. 1916

Без монастыря в душе невозможна никакая сила. Это и для полководца (Суворов, деревня, история воспитания) верно, и для поэта. Не говоря о мыслителе.

Человечество погибает в толпе, толпою и от толпы.

Отсюда не ложны им *все* современные системы воспитания (мой "Сумерки просвещения", — удивление, что "все пало"): ибо во всех есть "урок" и "класс", "товарищи" и "учителя", тогда как человек может воспитываться только когда он *один*.

В сущности, каждый из нас воспитывается от звезды, дерева и ночи.

От сада, леса, тайны Неба. От пустыни...

От сокровеннейшего, чем все это: что он ОДИН.

Тогда из него подымаются леса, деревья, сады, небеса. П. ч. человек божествен и всемирно.

"Урок", "класс"?.. Это — педагогический клуб. Может ли же что вырасти в клубе?

Клуб — пустыня. Азиатчина, монголы. "Конь Тамерлана все выгоптал". И этот Тамерлан — просто суета.

О, она теперь могущественнее всего. Но подождите. Суета умрет через суету. Люди будут все меньше, жизнь все меньше, всех стошнит, — желудок очистится и больной (человечество) выздоровеет.

Только надо, чтобы гадость дошла до окончательной гадости.

* * *

1.VI. 1916

Замечал я, однако, и следующее; что "мир" и "монастырь" — это опять "Бог-solo" и "боги все": как в полигамии и моногамии. Есть два всюду принципа: борьба между кем-то Одним (который всех побеждает? Неужели) и между идущими на Него — всеми.

Поразительно, что ведь <жизнь> жидов устроена по типу "все вместе" (кагал, миква), и между тем — они в единобожестве. Как это совместить? Как это вышло. Тайна Израиля, глубочайшая конечно, свальный грех "все вповалку". Это совершенно бесспорно. Но как-то это таинственно произошло, что "вповалку" ради "Единого Нашего Иеговы".

Загадочно. Странно.

* * *

5.VI. 1916

Самый основной смысл "пришествия Розанова в мир" (ибо всякий человек рождается для своего смысла и со своим особым смыслом) заключается в перемене для христианской эры понятия "добро" и "зло". Именно в открытии, что "рождение не есть зло, и христианство не имело права так сказать".

В этом одном и только.

Христианство здесь оперлось на антропологический (и библейский) факт стыда: что лишь животные не стыдятся открыто совокупляться (многие и "стесняются", "не хотят"), человек же и все вообще люди — стыдятся. "Человек же мудр, а животные — глупы"; "человек нравствен, а животные и суть животные": ergo, "разум и мораль в человеке осуждают совокупление, бегут от него, скрывают его".

Но существуют браки — открыто. Всемирно человеческий институт. И брак — "начало совокуплений", которых, значит, никто *не осуждает*, а только *нельзя их видеть, нельзя смотреть*. Но это говорит о тайне и инстинкте тайны, а не об осуждении. Совсем другое дело. П. ч. лежало-то и лежит именно *осуждение*: "девка, которая родила, — она проклята". Христианский мир не то чтобы требовал тайны и соглашался на тайну, — нет: он нравственно *осуждал совокупление* и учил, что только дары благодати, принесенные на землю Христом и переданные Им церкви, могут "очистить грязь совокупления и примирить с ним совесть супругов-родителей". Все это кратко выражается в формуле: "девство все-таки выше брака". "Да это и *всемирно так*: у буддистов все-таки есть монастыри".

"Перерешать" это очень поздно: за 2000 лет столько девушек и столько рожденных ими младенцев было убито. Лет 12 назад печата-

лось: в Америке (С. Штаты) был устроен тайный крематорий для сожжения новорожденных детей интеллигенток. "Шито, крыто". И действовал много лет, пока его не открыли. Но и когда "открыли", теория не шелохнулась.

Вышло или, лучше сказать, я обнаружил, что не "любовь к ближнему" и разные прибаутки — зерно христианского мира, а признание "стыда" как показателя "греха" и позднее "по крайней мере, неприличия" совокупления и родов. И ergo: "признание деторождения лишь после совершения некоторых в своем роде очистительных жертв" (венчания). Вообще, *сокращение родов*, уменьшение родов — как бы "сужение таза у человечества".

Посему мораль — поистине "новая христианская мораль": люди могут быть злы, фальшивы, бессердечны, черствы, друг другу ненавистны совершенно могут быть:

.....
И только — "не раскрывай брюха" (женщинам), и чтобы у мужчин "все лежало". Если здесь "смирно": то какой бы свиньей ни был человек, это ему не препятствие достигнуть самых высших степеней, чинов, славы, уважения. "Главная добродетель в мире — импотенция".

Нужно было много лет борьбы, анализа, нужна была поистине тонкость ума и энергия "говорить все то же об одном", чтобы усадить виновного на этот именно стул, на который он никак не хотел сесть, догадавшись уже очень скоро, что "сесть" на него — значит "провалиться".

Но все "подгоняя" и "подгоняя" — я его заставил сесть. Только будущий историк этого вопроса, который соберет все, что "писалось по поводу меня и около меня", поймет ту бездну усилия, которую я употребил, — всю мою "надоедливость", "риск литературным именем" ("надоел", "надоел со своим браком"), чтобы оценить и понять, что я с первого же шага понял, что "здесь повернется всемирная история". 16 лет и года 4 XIX века: итого 20 лет "надоедания". Памятно, выпукло. Но никто не скажет, что не я держу "бразды правления в будущее".

"Поправься!" (христианству). Или:

"Отменись", "отойди в сторону".

Это — не грех, а μυστήριον, тайна, "важное из важного": и оправдались Небеса Египта и Востока.

Того Египта, Небо которого налито живородящею кровью.

Но и я в ошибках или односторонности христианства — я вместе оправдал всю древность.

* * *

8.VI. 1916

Не мы побеждаем идеи, а Бог побеждает идеи. Они становятся как-то вялы, никого не интересуют, никому не нужны.

Как цветы по осени. Но ведь землю-то повернул около солнца Бог.

Не "цветы умирают", а "лето прошло".

Так была Весна, Лето и Осень ренессанса.

Весна, Лето и Осень революции.

И твоя, Василий Васильевич, осень?

Ах, она давно настала, и мне давно ничего не хочется.

Любовь?

3-го дня свез Верочку в Халилу. Печально. Страшно. Какая у нее неземная улыбка. А я-то и не подметил, что она неземная. Перед самым отъездом, за двой суток, ужасный скандал. Она пылка, я пылок. Наговорили друг другу ужасов. И вдруг: "задета нижняя часть правого легкого и верхушка левого" (д-р Габрилович, в Халиле). (Раньше Бергенсон, перед ним Жихарев, но 1-й нашел Райвид).

И все — отскочило. И я опять дома. Только бедная Верочка на уме. Господи, неужели "случится".

Она испугана. Я испуган. Все испуганы.

* * *

14.VI. 1916

Ну, что́ такое *это*

(изображение Афродиты Книдской на монете)

перед *этим*

(брюхатая и с висящими титьками девка египетская).

Купающаяся или некупающаяся, в "раковине" или "из пены вод" — она равно эмпирична. И чтобы только "посмотреть" художнику-порнографу.

Красота? Самая малая вещь. Она придет "потом" и "сама собой". Кто молится

(египетская женщина: с руками над головой ее, воздетыми к небу)

— к тому она всегда придет.

* * *

17.VI. 1916

Когда рождается младенец, то с ним рождается и жизнь, и *смерть*.

И около колыбельки тенью стоит и гроб, в том самом отдалении, как это *будет*.

Уходом, гигиеною, благоразумием, "хорошим поведением за всю жизнь" — лишь немногим, немногими годами, в пределах десятилетия и меньше еще, — ему удастся удлинить жизнь. Не говорю о случайностях, как война, рана, "убили", "утонул", случай. Но вообще — "гробик уже вон он, стоит", вблизи или далеко.

Кто-то обратил мое внимание (в "Нов. Вр."!!), что "40 лет" ничего не значат в абсолютном смысле, а значат лишь "для него" и "тебя". "40 лет" — очень старо, если "ему прожить 47 лет", и совсем молодо в том, кому "прожить 80". А "прожить 47" или "80" уже "на роду написано".

Важно не "40" и "30", а важна "четвертушка жизни", "половина жизни", "7/8 жизни". И "стар" или "молод" относится к "7/8" или "четвертушке", а не к цифре вовсе лет.

Это та же мысль, какую мне сказал когда-то Рцы, но иначе выраженная. А в такой важной мысли важен и вариант. Оттенки. Пожалуй, самым ранним высказыванием было следующее замечание Пл. Ал. Кускова. Когда у нас умерла первая Надя, он пришел утешить и сказал: "Умирает, В. В., не тот, кто *созрел* (т. е. стар), а кто *доспел*", т. е. в ком судьба внутренне завершилась, кончилась. Он "скончался", потому что *с чем он родился* — "кончилось".

Первая Надя была удивительна. По дням она была дремлива и сияла ночью. Но и днем: у нее были огромные или, вернее, огромно раскрываемые темные глаза, в высокой степени осмысленные, разумные. И она смотрела ими перед собой. Раз мама пришла и сказала: "Вообрази: какой-то генерал встретился и сказал: Извините, что́ это за ребенок: у него такие глаза".

А ночью я ее ставил на зеленый стол (письменный) перед лампою. И чуть цепляясь пальчиками ног за сукно (я ее держал в руках, ей было 7—8—9 месяцев), она вся сияла, горела нездешним разумом. И улыбалась нам с мамой.

Или уходил (неся) в боковушку. С улицы горел фонарь, газ. Я ставил ее на подоконник. И вот она 1/4 часа, 1/2 часа не отрывая глаз смотрела на волнующееся пламя.

Как мотылек.

И как мотылек сгорела в каком-то внутреннем пламени.

Теперь все дети меня возненавидели (4 любимицы). Но та Надя меня любила.

* * *

17.VI. 1916

Неудачная страна.

Неудачна всякая страна, если она не умеет пользоваться у себя "удачными людьми". Видеть их, находить их.

Сколько я видел на веку своем удивительных русских людей, с душою нежною и отзывчивою, с глубоким умом и любивших Россию... как я не знаю что. "Какая же Греция не воспользуется Патроклом". И в то время как русские министры "не находят людей" (и Победоносцев о себе это говорил) и гимназии и университеты переполнены учителями и воспитателями юношества, которые, "не ухмыльнувшись", не могут выговорить слово "Россия", — эти люди удивительного ума и сердца умирали с голода на улице.

Да вот припоминаю Дормидонтова...

Тоже — Великанов...

Цветков.

Рцы.

Я думаю — то же будет с Фл...

А Глинка-Волжский?

Я благодарю судьбу, что видел людей, не менее любивших Россию, нежели "Федор Глинка" 1812 г. (Майков рассказывал). Видел людей именно по любви к России — прямо удивительных. Патроклы.

Что же они все?

Да ничего. Топтали тротуары.

Цветкову даже не дали кончить в университете. А он *студентом* сделал *ученое издание "Русских ночей" Одоевского*, со всем шиком понимания бумаги и шрифтов. Издание вполне удивительное, например *по отброшенности своих примечаний*. Он мог бы их сделать гору и сделал по необходимости 2—3 от неизбежности. Это так скромно, так великолепно, что хочется поцеловать руку. А ему было 26 лет.

Его рассказы о животных и их таинственных инстинктах, о больной собаке, которая была, "как больной ребенок", и чувствовала в нем друга и отца, — все это удивительно. Его письмо ко мне о муравьином льве (хищное насекомое), если бы его поместить в "Аде". Его мысль побродить по Руси, постранствовать и записать все случаи, "где открывается величие и красота души", статья Далем добродетели — не удивительная ли это мысль, вчуже источающая слезы.

И его речь задумчивая, "как бы он не видит вас", его гордость, но тайная, аристократизм всей его натуры, какая-то музыка вкусов и "выбора" вещей и людей: все это какого из него делало "воспитателя студентов", "инспектора гимназии"...

Я писал Любавскому. Чины. Программы.

Юноша, *студентом знавший греческую скульптуру*, так что специалисты спрашивали его совета в своих трудах, не кончил, "потому что не умел сдать курса средних веков, напичканного политической экономией и классовой борьбой" профессора Виппера, колбасника и нигилиста.

А чистые сердцем Великанов и Дормидонтов? Дормидонтов сошел с ума, — просто от безысходности, от "некуда себя деть".

Рцы задыхался, "считая заготовленные шпалы" на жел. дорогах.

И эти с..... д... кричат: "У нас <нет> людей".

— Только я. Тайный советник NN.

С этими-то "тайными советниками" Россия и проваливается. Нет, когда-нибудь я закричу:

— Давайте нигилистов!! Безверов, хулиганов, каторжников. П. ч. эта меднолобая св.... гораздо хуже и *главное гораздо опаснее каторжников*.

Каторжники — это: "Се творю все новое". Что-нибудь выйдет.

* * *

18.VI. 1916

— Где римляне?

Это попы.

Где опять же "архиерееви" иудейские, взявшие Христа под стражу?

Опять это попы и архиереи.

Поразительно. Если взять современное общество, всех этих "клубистов", спортсменов, Добчинских, журналистов: то в них ни капельки римского и римлян. Это совершенно новая порода людей, какой-то порядочной сволочи, для которой, ей-ей, потребовался новый "незаконный" день творения, восьмой день.

Но попы, не только католические, но и наши, — своею стойкостью, своею твердостью, своею неповоротливостью и шумностью, ей-ей, напоминают римлян; да и не "напоминают" только, а *в них в самом деле есть что-то римское.*

И солидная семья. И солидный быт. И домоседство. "Дай ему плуг, и он пройдет по полю как древний Цинцинат".

Но не ищите в них саронских лилий. Ни "полевых цветов" Евангелия. Вообще поразительно, что само Евангелие они сумели и успели своротить на "дуролома". В их руках оно сделалось "ослиной челюстью" Каина. Знай — колотят. И никогда не спросят: "Больно ли?" Это — римляне. И римляне не спрашивали о "больно".

Отчего это? Как произошло? Отчего попы, и кажется, одни попы, не были нисколько тронуты Евангелием?

Удивительно. Не понимаю.

Может быть, только русские?

И все же я больше люблю "как римлян", чем этих, сотворенных в восьмой день.

* * *

21.VI. 1916

НИКАКОГО НЕТ СОМНЕНИЯ, что противное пиво и вонючая водка доставляет "по трактирам" не меньше удовольствия, чем душистый чай за хорошо сервированным столом ну, напр., милой жены Адр. Викт. Прохова. "Где такие картины, и старинные образа, и риза на плащаницу", шитая руками его дочери, увы, — уже не первой молодости, но все еще очень интересной (в Киеве).

Эх, человеческая богемушка, человеческая богемушка. Страшна ты. Но как без тебя обойтись. "Всякой воши надо *свое место*". Нет, хуже: клопу надо место, где бы он "пососал человеческую кровь".

Посмотреть бы издали, "с небесной высоты": и кажется, — опустил бы камень в тысячу верст ширины, и раздавил бы камень все, "без рассуждений, без мотивов". — "Чтобы земля была красивее", чтобы не было на ней мокро и грязно!

Но есть кто-то, кто смотрит не "с высоты", а сбоку. И говорит: "Какие это хорошие комарики. Чтó водка? — А лопают. Что пиво? А жрут".

И оставил тот, кто "сбоку смотрит", и воров, и убийц, и проституток. "Все догниет до своей осени. А потом закроет все снегом. Бе-лень-ким".

”К нему подошла отвратительная, неряшливо одетая женщина и резко ударила его по плечу.

— Ты чего выпьешь, длинный фронт?

Тот поднял глаза:

— А ну-ка, приволоки сюда мисочку светлого.

Вскоре перед ним стояла поместительная чаша, наполненная пивом, и большой стакан водки.

И то и другое он подвинул к своим соседям.

— Приложитесь-ка вы сначала. Мне одному не осилить.

Одно мгновение сосед медлил, но затем его соблазнил резкий запах водки и золотисто-желтое пенящееся пиво.

Он большими глотками отпил того и другого и поставил стаканы снова на стол.

.....
Стаканы пошли вкруговую.

.....
.....

”По следам Гудики”. — Ш.-Х.

* * *

24.VI. 1916

Господи, избавь русских глупости. Господи, избавь русских глупости! Господи, избавь русских глупости.

Ибо, если он будет избавлен от глупости — он станет первым народом в мире.

Но Ты хочешь ему смирения — и он вечный ”дурачок”.

*

Как понимают меня евреи. Русские — нисколько. Но я лучше останусь с непонимающими русскими, чем с умным жидом.

Притом жида и одни умны. А если я уйду от русских, с чем же они останутся?

С Салтыковым и Гоголем?

Тогда они останутся с одними демонами.

Я хочу быть ангелом Руси.

* * *

26.VI. 1916

Нужно любить полицию.

Полиция — моя после семьи и детей — *ближайшая родня.*

Вот вам, революционершкы, выкусите.

Правда, она куплена жидишками. Что́ делать, у всех "денег нема́". Но прибавим ей жалованья, и тогда, Бог даст, мы переколотим жидишек "с позволения начальства". Отлично, совсем отлично.

(слушаю чарующую шарманку на дворе, в доме плута-хозяина — адвоката-жиды на дворе. И вспоминаю, что ведь шарманки, утешавшие народ, запретили после 1-го марта, когда революционершкы поползли по лицу русской земли и переодетыми шарманщиками)

* * *

27.VI. 1916

Хорошо. Но ведь нельзя же сердиться вечно. И если даже ты получил пощечину от сына: вспомнив, что тебе было лучше, чем Авелю под костью ослиной, — все же забудь сыну.

Сердиться вечно нельзя. Иначе бы задохлись люди от злобы. И земля сделалась бы кипящим адом.

Притом взгляни: вот пролетела птичка.

Вот там вырос цветок.

Разве это не хорошо. А если "хорошо", то зачем же сердиться.

Ты в мире не один.

Возложи печаль твою на цветы.

Возложи печаль твою на птиц.

Возложи печаль твою на обед. Покушай и усни. Господь с тобой.

* * *

27.VI. 1916

— Я, папаса, хочу быть Александром Македонским.

— Но, может быть, и Цезарем?

— Я, папаса, буду и Цезарем.

— Тогда ты не захочешь ли быть и папой Иннокентием III?

— Папой я не хочу быть. Напротив, я побью всех пап и попов.

— Отлично, мой сыночек. Вот тебе длинная конфета.

Мальчик берет и сосет конфету. Вся литература натуживается:

— Трам-трам-трам. Бум-бум-бум. Наш герой. Наш герой. Бери невесту из кого хочешь. Всякая пойдет за красавца.

Вахмистр с Unter <den> Linden.

— Хор-ро-шо. Gu-te.

(наши социалистшкы)

* * *

30.VI. 1916

Что́ всего слаще человеку?

Вы думаете: "мысль"? "пришла идея в голову"? — Как бы не так. Много было бы тогда счастливых людей.

Самое простое и ясное: почесать то место, которое чешется.

Мир демократичен и устроен по этой демократии. Ибо Он, который все создал, заботился обо всем.

И рассеял это "чешется" по всему миру. У коров чешется спина — и они проходят лесом так, чтобы ветви "продирали" у них по спине. У собаки чешется "где-то сзади". Но всех счастливей человек: у него везде чешется.

— Ой! зудит, зудит!

И какое блаженство — почесать.

Я, грешный, даже ущипну то место, где чешется. И такое блаженство, когда "отходит".

Так величественный вопрос Карамзина: "Кто или что счастливый человек" или "О счастливейшем времени жизни" разрешается не в "гражданине", "патриоте" или "от 30 до 40", а "у кого почесется" и "в то́ время, когда почесется".

Это универсально, пантеистично и скромно.

* * *

1.VII. 1916

Не думай, что "что-нибудь" не изменится, если ты подумал.

Мир полон. И нет в нем пустоты. И ты не можешь подумать "в пустое".

Вот отчего существует телепатия. Ты "подумал": а уж он, о ком ты "подумал", хотя был бы в другой губернии, почувствовал, что ты "подумал". И думает о тебе.

И Б. думает, когда мы о Нем "думаем".

И деревья не остаются безгрешны, когда мимо их проходит грешный.

И "все" знает о "всем".

И все "болит" через "боль" всего.

* * *

3.VII. 1916

В проститутках есть что-то странное. Вчера, проводив Васю (война), возвращался. И от Лиговки (трам. № 6) прошелся по Невскому до Литейной: и опять это зрелище, в 8-м часу еще больше поражавшее меня: проститутки *несутся*...

Естественно было бы: идут, выглядывая, "делают глазком", подманивают и "уходят вместе". Так это "по должности и профессии". Но не так на деле. "Пафос" заливает "выгоду".

Вид совсем другой: от Николаевской площади, от памятника Александру III, из Гончарной и т. д. они подходят к высокому тротуару, подходят спеша, задыхаясь. И вступив — идут быстро, чуть что не бегут, подняв высоко голову, почти закинув ее и точно ничего не видят.

"Тетерка на току".

Сравнение с "током" в самом деле уместно.

Мужчины (все вообще) невообразимо презирают проституток. "Последняя тварь", которую "я купил на время", — для "непотребства". Это взгляд полиции и мужчин. Однако несомненно (из походки), что у проститутки есть совершенно другое ощущение о себе...

Меня поразило вчера, — и раньше поражало, — что между ними есть совершенно красавицы, "не уступающие никому на балу", между 22 и 17 годами, прекрасно одетые. Я нарочно остановил трех (преимущественно) и немного поговорил. Я всмотрелся в лица: смелое, энергичное, умное лицо, — и положительно прекрасное. Свежее, юное. Ни тени следа порока. "Сколько" — "10 р." — "Так дорого?" — "По случаю войны. Теперь жизнь очень дорога".

Стеснения, стыда или чего-нибудь подобного — ни одной капли.

При такой красоте явно они "могли бы надеяться на замужество". Но не хотят. Тут, правда, есть "скучно замужество.хлопоты около детей. Надо угождать мужу". Но это — лишь одна половина и не главная. Главная в том, что они явно любят проституцию. Любят это разнообразие все новых мужчин, и нового в каждом обращении с собой. Ну и, может быть, "подробности".

Я не знаю.

Но они явно любят проституцию и отдаются ей со страстью, по крайней мере эти первые годы, вот от 17 до 22. Потом идут тише, ровнее. Но тоже совершенно явно без всякого утомления, без усталости.

Я знаю проституцию чуть-чуть. Но и это "чуть-чуть" открывает мне вовсе другое зрелище, чем какое пишется в книгах. Напр., кого я "в дороге" (на ходу, на улице) ни спрашивал: "Не обижают ли вас хозяйки?" — ни одна не ответила, что "обижают", а почти всегда, выслушав с изумлением вопрос, говорили: "Нет, скорее — мы обижаем. Иная стерва не заплатит хозяйке и уйдет. Что с ней сделаешь? Где искать ее?"

Вообще *правдивость* и *простота* проституток — изумительная. И в литературе тоже все лгут: "Они — лживые. Все".

Не понимаю, особенные ли мне проститутки попадались. Кажется, Куприн должен бы быть знаток. Но в его "Яме" исключительно слащаво-пошлый вымысел (кроме 2—3 замечаний).

Но вернусь к гордому виду.

Днем и ранним вечером — проститутка сама грязь. Валяется в кровати, и кровать смятая, и она вся измятая. Обед, жратва и вся гадость.

"Нет виду. Ничего".

Но вот 7-й час вечера. Даже 6-й.

Зажигается лампа. Туалетное зеркало (всегда). И "Маргарита готовится к выходу". Теперь она уже не та. Шпилькой, разогревая ее внутри лампы, она делает маленькую подвивку в волосах. Теперь она зорка, остра, с "клювом": и выщипывает всякую некрасоту у себя, и делает выпуклою всякую красоту. "Я хочу нравиться". — Ведь темно? — "Даже если бы ночь, мгла, я хочу быть хороша на этот час, п. ч. это — час мой!"

Странно и страшно. Это "ее час". В самом деле.

В ходе, почти беге ее по Невскому, навстречу волн мужских, есть это задыхание. "Это — мой час. Для этого я и пришла в мир". Никакого стыда. О, нет...

— Фу, проклятая профессионалка (мужской взгляд).

Под этим сверху давящим взглядом мужчин в ней бьется совершенно другое сознание:

— Что бы вы делали? Куда бы пошли без нас? Ведь мы вам нужны? Периодически — каждому. Вы — героини (это о "саврасах"-то). Прекрасные. Молодые. Даже если пожилые — ничего. Мы вам нужны, и без нас вам нельзя обойтись. Ну, берите же, выбирайте, по вкусу, видите — сколько. Высокие, маленькие, белокурые, черные, всех лет, возрастов. Полные, худенькие. Мы вам готовы бесконечно служить, мы исполним все, что вы выдумаете. Берите, берите, берите... и дайте только то небольшое, что обеспечивало бы нашу плохонькую жизнь, но, однако, рублей на 150 в месяц, — и не думайте о нашей старости, о болезнях, будьте веселы, беззаботны, купите вина, ну — пива, и, пожалуйста, не задумывайтесь, а наслаждайтесь, только наслаждайтесь. Потому что если не скучно, а с наслаждением: то ответно — мы восторженно наслаждаемся вами сами.

Я вспоминаю опять же слова старика Суворина, когда-то меня поразившие: "Вы представить не можете, до какой степени много замужних дам, которые потихоньку от мужей тайно предаются проституции".

Да вспоминаю рассказ той полумонахини ("отдыхала в монастыре", — рассказ ее о монастырской жизни я напечатал в "Н. Вр."):

— Инженерша. Муж ее уехал на Японскую войну. Она осталась в Петербурге. Муж высылал ей около 200 р. в месяц. Через площадку лестницы, vis-à-vis с нею, жила вдова с маленькой дочерью. Она, за рубль, за два выпрашивала каждый вечер эту девочку у матери и шла с нею на Невский. Она говорила мужчинам, что это ее дочь, что она сама замужем, и приглашала "гостя" к себе. Поднявшись на площадку свою, она проталкивала девочку, ничего не понимавшую, к своей vis-à-vis. А гостя вводила в свою квартиру. И — предавалась..."

Вот рассказ, почти буквальный. Была ли у нее нужда? Странно спрашивать. Явно, она любила самое дело. А если любила "она", какой вопрос, что это может нравиться множеству простолюдинок, необразованных, только "с руками и ногами".

Петров (свящ.) тоже рассказывал. "Я знал одну, которая была замужем и домовладелица. И по ночам она выходила и проституировала".

То же — Далмат Александрович: "Вы можете встретить на Невском учительниц, гувернанток, чиновниц (т. е. служащих в разных канцеляриях), дочерей семейств, замужних женщин, — если пойдете от 6-ти часов и до 8-ми. До вечернего чая (с мужем, с родителями) они как будто гуляют или ушли к знакомым. На самом деле — они проституируют".

Очевидно, — страсть, огонь. Что страшно: "очевидно, вкуснее, чем с мужем". Да слова этого извозчика (юный красавец): "Да хоть мою

жену взять. За 3 р. всякая из нашей деревни пойдет". Значит, он не ревнует. Значит, уехав в город за извозом, он *знает и нимало не тревожится*, что его жена в деревне проститует.

Мне как-то одна дама (письмо потеряно) написала в письме:

— Какой же вопрос. Женщина замужня после этого, вернувшись, дома вымоется — и *ничего нет*.

Выше в письме она писала, что, когда есть нужда для мужа и детей, женщина, не говоря ни слова, — проститует. "Это совершенно ничего не значит и не представляет никакой трудности", — убеждала меня дама совершенно деловым образом.

Эти вещи совершенно никому не приходят на ум.

Очевидно, что к проституции есть страсть, огонь. Мы-то, мужчины, знаем *ту свою сторону*, что 3—4 минуты, "с кем бы это ни происходило", дают величайшее ощущение. "За что же *нибудь* платятся деньги", — знаем мы, платящие. Но нам не приходит на ум, что "другая сторона" *то же испытывает*. Если же так: то какая-нибудь случайность и, наконец, вообще жизнь, "случайно сложившаяся", — замужество без особенной любви, дети "без особенной ласки родителей", — труд где-нибудь в конторе, на почте, в департаменте, "естественно скучный", натолкнут девушку или женщину на мысль, что "я могу пережить 2—3 минуты сумасшедше-блаженные, если выйду вечером на улицу". Мысль так коротка, мысль довольно естественна. "Ведь в XIX веке жизнь вообще только рациональна". "Ждать жениха-то 10 лет?" "Да и самые даже красивые замуж не выходят". "Какой же вопрос?"

"Вопроса", действительно, очень мало остается.

* * *

3.VII. 1916

Тогда понятен и до некоторой степени объясним инстинкт и женщин со средствами проститутить, — вообще *огонь* проституции, как особый внесемейный огонь совокупления. Нельзя скрыть, что в семье совокупление составляет центр жизни. "Без него ничего нет, не началась самая семья. Нет рода, поколений". Тогда эти особые проститутующие со средствами выбрали из "солнца семьи" один "возжигатель его" и прилепились именно к нему. "Прочего им не нужно". Ведь это бывает. "Музыка вся хороша, но я люблю одну скрипку". Вообще есть специализация. Многие женщины и жены любят особенно "кухню", "хозяйство", "хлопоты около обеда", не говоря о том, что, напр., есть "женщины — *театралки*". — "Такова" моя *профессия* и мой *вкус*". Если мы примем все это во внимание и отрешимся от воззрения, что "пол есть *пустяки*", а "совокупление в нем *презренно*", т. е. отрешимся от того, что есть явный вздор: тогда "профессия проституток" выйдет совсем с другой стороны, и "гордый ход их по Невскому" совсем объяснится. Повторяю, — там есть красавицы и совершенно юные, гордые. Эта странная, необыкновенная жизнь, по-видимому, до того монотонная,

что "нестерпимо", и на самом деле несколько их не утомляющая ("веселое поведение"), делается похожею на "игру на одной скрипке", без желаний играть и на рояле, и на арфе, и на контрабасе. "Одна скрипка". — "Да как не надоест". Но "скрипка" никогда не надоест виртуозу. Тогда, отбрасывая "нужду" и "обстоятельства" и выводя все к чистому виду самой сущности, мы получим, что необыкновенные существа эти паче всего в мире возлюбили и привязались к возжигателю семьи — solo, — без фотосферы, без "тяготения", без "системы планет вокруг". Это узко и специально. Но нельзя не сказать, что это глубоко. И тогда ход их по Невскому совершенно, совершенно ясен. Да ясно же и то, до чего все-таки много "порядочных людей", которые их посещают. Тогда ужасно много становится ясно. Обстановка — ужасна. Но сущность дела — не ужасна.

* * *

3.VII. 1916

Пожалуй, истинная-то суть вещей, неожиданная и страшная для мужчин, заключается в следующем:

Что они, мужчины, только "между делом" и "в стороне от должности" выходящие на Невский "пошутить и поиграть", "получить удовольствие и забыть о нем", — *и суть в точном смысле, как они (мужчины) представляют себе проституцию, — проститутки: с этим легкомыслием и "легкостью нравов".* Они действительно развращены и отвратительно развращены.

Но те, что несут это на себе как профессию — и суть несущие профессию. Т. е. лица серьезные и (страшно сказать!) — с достоинством в себе. Тогда объясняется их правдивость, нелживость и вообще хорошая душа, чего о "саврасах" нельзя сказать. "Саврасы"-то и суть проститутки в настоящем и страшном смысле. Ибо для них все "случайность" и "анекдот". Это вполне "анекдотические лица": грим проститутки, вы видите, нарастает на их рожах. А те, что так к вечеру "хорошо принаряжаются", воистину несут на себе должность "народной Евы", сотворенной (см. текст "сотворения мира") "для нужды Адама", "для нужды (по ходу цивилизации) собирательных Адамов", так же священно и торжественно, как всякая жена, "которая дана мужу, потому что ему нехорошо быть одному". Тогда многое объясняется, тогда все объясняется. И что "бегут навстречу", и так всегда "веселы". — "Мы исполнили свое назначение! Мы исполнили свое назначение! В самых тяжелых даже условиях, без детей, без семьи — одинокие, — никому вообще-то *в лице своем* не нужные и не интересные, — брошенные, заплеванные: мы, однако, исполнили то особое назначение, для которого вообще сотворена женщина".

Если так, — они воистину суть жены. Жены улицы, жены всех. Но в качествах и в достоинствах *каждой порознь и всех вместе* — суть совершенно уравниваться со всякой женой и женщиной.

* * *

3.VII. 1916

Женщина ли, девушка ли, юна ли она или стара — все равно: шире и глубже мужчины.

Да ведь это и ее биология, в сущности. Так "в деле", главном своем "деле".

"К тому предназначена".

А мужчина лучше и чище женщины. И тоже его биология.

Удивительно.

∞

∞

∞

Так по строению "этого" не разгадает ли наука когда-нибудь одной таинственно страшной загадки мира: разделение мира животных на "ядомых" (коровы, "мясо") и "ядущих" (хищные).

И опять: как страшно мир устроен. Самые тихие, кроткие, для всех безвредные — суть ядомые.

О, Андрюша Ющинский: как ты мелькаешь уже в сотвореньи мира.

* * *

4.VII. 1916

— Да. Этот жених во фраке. Но без того, в чем жена будет от него нуждаться.

(ученые делают смущенный вид, — и такой, будто не слышат).

— Я говорю, господа, что свадьба эта к несчастью. Жена разобьет фарфоровую куколку с куделею внутри.

(ученые смотрят негодуя и делают попытку разойтись).

— Напрасно, господа. Дело ведь не в вас, а в невесте и женихе. Невеста — мир, Озирис — жених. Миру такого Озириса не нужно. Этот фрак надет на пустое место. Православные справедливо говорили: "Ваши боги — пусты". Но это — "ваши боги", господа ученые, а не египетские. Они вообще и действительно никому не нужны. Миражи, вымыслы, воображения. Но *то, что было* у египетского Озириса — и чего нет под вашим фраком, — о Нем мир радуется, веселится, растет, множится.

Вот что́ господа: свадьба может обойтись и без гостей. Вы позваны "из чести". Но вы пришли и украли "золото свадьбы". Невеста, т. е. Мир целый, берет лозу и выгоняет вас вон. Вы разбирали иероглифы, коптели, — но кончили тем, что на все накинули покров. А дело-то существенное. Без него "миру не быть". А как мир остается и хочет "быть", — то вам остается взять шапку и уйти.

* * *

4.VII. 1916

Поразительно в самом деле, что целомудрия нет в руке, в ноге, в спине, в ступне ноги, в глазах, во взгляде, в голосе, в речи. В уме — никакого. Бесстыдник.

Единственно целомудрие есть в половых органах. И мы собственно "целомудрием" называем их свойство застенчивости, самоукрытия, "не называй имени", "не показывай вида своего", особенно не показывай силы и деятельности.

"Нет меня".

Это таинственное "нет меня" половых органов мы и именуем целомудрием, перекидывая уже отсюда смысл слова и на другое, — другие вещи, другие явления. О святых: "у них целомудренный ум".

Так. образ., совершенно неоспоримо и очевидно, что только одни половые органы целомудренны в человеке, тогда как остальному всему в нем "целомудрие и на ум не приходит". А как приурочивается все это и возрастает к началу действия и самому действию, то совершенно очевидно, что именно деятельность их есть сердцевина мирового целомудрия.

Как странно все. Как странно оборачиваются вещи при большом к ним внимании.

* * *

5.VII. 1916

Господи, Ты несешь меня, куда — не знаю.

И не хочу знать.

Мне хорошо с Тобой, Господи.

А ведь я часто бранюсь с Тобой. Сержусь.

Но я только Тебя и люблю. И м... Хотя она так измучила меня этот год. А сержусь: зачем Ты создал хищных животных? Которое "не живо", если за сутки "не съело кого-нибудь".

Когда я об этом думаю, мне хочется. . . . .

Я этого не хочу, Господи. Когда я об этом думаю, я хочу думать, что это "не Твое".

∞

Господи, но почему я знаю, что Ты есть Ты?

Потому, что это Ты. Дух возле меня, но не я.

* * *

5.VII. 1916

Почему же ты, Розанов, думаешь, что понял в Египте больше всех египтологов?

— Потому что я удивлен. А они ведь ничему не удивляются.

Это значит, что они ничего нового для себя не нашли в Египте. Напротив, я нашел, что Египет *весь нов*.

* * *

Что возмутительно в теперешнем "богословии", то это то, что консисторские попы, ничего, кроме денег, не понимающие и ничего, кроме власти своей, не понимающие, — свои дурацкие размышления, сделанные из осины, на которой повесился Иуда, выдают дерзко и нагло за какое-то "богомыслие", а себя за каких-то близких к Богу людей, и вообще осмеливаются говорить, что это и есть "религия", перед которой все должны стоять почтительно. Им дуракам дано было кадило, и они должны были кадить, но молча, — не произнося ни одного звука, ибо они к этому вовсе не способны. Даны были восковые свечи, и они должны были носить их. Дано деревянное масло, и они должны были наливать их в лампы. Но молчать, молчать, упруго молчать при этом. Ибо что их ни слово — то глупость, пошлость, позор.

(Дроздов о незаконных детях)

* * *

6.VII. 1916

Могло бы ведь быть и так, как у коровы.

Могло бы быть и так, как у собаки.

"Захватил губами и пей молоко".

Пьют же лошади воду. И могло бы у женщины так.

Но тут сотворен какой-то острый уголок.

Тут есть мысль.

Ничего прекраснее женщины, кормящей грудью младенца своего, не будет.

Бог сказал.

И люди сказали.

— Да.

Так вышло изображение Изиды.

(вагон; в Халилу)

* * *

6.VII. 1916

Тайна Озириса

Сосочки, сосочки, сосочки...

Сосочки, сосочки, сосочки...

Сосочки, сосочки...

Сосите меня юные, сосите меня в зрелом возрасте, сосите меня, дети...

Сосочки, сосочки, сосочки.

Сосочки, сосочки, сосочки.

Сосочки, сосочки, сосочки.

Сосите меня мужчины, сосите меня девушки, сосите меня замужние, сосите вдовы, — все.

Потому что, кто меня пососет, приобщится Жизни Вечной.

Я — Вечная Жизнь. И никто еще. И нигде еще как у Меня нельзя сыскать Вечной Жизни.

Сосите, сосите, сосите.

Сосите, сосите, сосите.

Сосите, сосите, сосите...

— Так, мне кажется, можно выразить это "заваливающее" множество сосков, обилие сосков, преизбыток сосков...

Где не только тело все Озириса выразилось как одна "виноградная кисть" ягод-сосков: но, наконец, они вывалились на крышу небольшого здания, где помещена эта его статуя: не живое (увы!) изображение столь живого. Евреи в этой единственной черте превзошли Египет, что догадались, до какой степени непозволительно эту жизнь жизнью изображать. Но за это единственное и чудовищное по важности изобретение Жизнь Жизней и сохранила им бытие, тогда как сам Египет, все открывший, повалился в развалины.

(вагон, еду в Халилу)

* * *

6.VII. 1916

Тайна Дианы Ефесской

Шепот, робкое дыханье,

Трели соловья.

Серебро и колыханье

Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,

Тени без конца...

Ах, Господи. Но ведь тогда вдруг объясняется Диана Ефесская. Т. е. "так называемая" Диана Ефесская...

Всмотритесь, всмотритесь, всмотритесь.

Это вовсе не то, что всегда думалось, говорилось, писалось.

Из груди Благой Природы

Все, что дышет — радость пьет.

Я видел ее в Ватиканском музее. Конечно, это не та, которая стояла в Ефесе, но она подлинная и древняя, стоявшая в одном из городов и, конечно, повторявшая ту "первую и знаменитую".

Что же я увидел: она не в полный аршин высотой!!! Кто же видал женщину и богиню "не в полный аршин высотой"?!?!

Но что тут была какая-нибудь мысль, мне не приходило в голову.

Восхищенный, я купил изображение и поставил близко, чтобы часто смотреть.

Смотреть и любоваться.

И любить.

Ибо такую разве лъзя не любить.

И долгие годы прошли. Лет 10:

Когда я вдруг вздрогнул:

Это — не груди.

А только — на месте, где груди.

”Ты будешь пить как из груди. Но не из груди”.

Тогда я понял смысл ”не в полный аршин”. Диана... о, пусть ”Природа”!

Да. Да. Но это — Небо, голубое, пустое, безвоздушное или с воздухом. Это — пространство. Сама Диана как Вселенная. Но ведь суть ”неба” не что́ ”оно есть”, а в том, что́ ”в нем есть”.

В звездах. В солнцах.

”Солнце” бы никогда не было женщина, а ”Он”.

Ибо Он, Озирис и Солнце — родит.

”Из солнышка — травка”.

А никогда травка не вышла из голубого неба.

И в ”футляр женщины” древние вставили — Озириса, Озириса, Озириса.

(вагон; еду в Халилу)

* * *

8.VII. 1916

Подобно тому как с удаления от женщины началась новая эра (так может быть и ошибочно относительно основателя, так как он не бегал от женщин. Но все равно: эра-то выразилась именно в ЭТОМ), то через закон сближения с женщиною начнется 3-я эра.

Прочел на днях: в Германии без замужества остается от 6 до 8 миллионов девушек брачного возраста. И каждая из них имеет имя. Это не цифра, а Гретхен, Луиза. Ну пусть Гретхен. У Карла с Марией родилась дочь Гретхен. С какою любовью они ее крестили в это имя. Пришло 14 лет: и как, по-видимому, ласково пробст после первого причащения дотронулся рукою до ее щечки.

Дотронулся и забыл. Что ему Гретхен? Таких много. И будут еще. И будут всегда.

Но Мария и Карл уже стареются. Они все так же честно трудятся, как трудились всю жизнь. Они трудятся, в сущности, для Гретхен, потому что и их самих, в сущности, любит в мире только одна Гретхен. И они прожили вдвоем хорошо. Но потому, собственно, хорошо, что вдвоем.

И вот Гретхен уже 21-й годок. А наконец и 23-й.

Никто решительно, особенно из нас мужчин, никто и ни один не подозревает, что для девушки эти 21—23 года исполнены глубокого,

трагического, нестерпимого волнения, до готовности закричать, и без силы и способности закричать. Мужчина и в 43 года делает "предложение" без смущения получить отказ. Он и в 50 лет еще "жених", — и от него зависит "взять жену". Попы (каноническое право) утверждают, что и в 60 лет еще "годится", ибо ведь "сущность брака" заключается в "ходить к обедне" и "слушать умиленно их проповеди". Но девушка... О, какой ужас у меня в душе, какой ужас, какой ужас... И я сейчас даже не хочу говорить, а кричать о том окаянном, который изрек "девство лучше брака" — и тем погубил мир. Одним этим словом он плюнул на солнце, погасил луну, погасил до единой все звездочки и обратил мир в могилу.

Для девушки 21—23 года... Опять хочу кричать.

Для нее 21—23 года космологичны, мирообъемлющи, ибо ведь каждый глядит на мир из того солнышка, которое в нем есть: и девушка знает, что "если не в 21—23 года, то — и никогда", иначе как "по случаю" и "необыкновенности". Но "необыкновенность" не приходит каждой и каждая-то знает, что если она в эти годы "своего солнышка" не сможет или не сумеет сделаться (а *легко ли?*) краше, дороже и милее всех женщин, решительно всех женщин, п. ч. у "него" затмится ум и он примет на себя чертову корягу канонического брака "обязательств": 1) содержать ее, 2) кормить, 3) делать платья, 4) шить башмаки, 5) кормить и воспитывать детей ее, 6) терпеть, если она заведет и любовника или уйдет к любовнику ("только немного раз" по совету Св. Ермы в "Пастыре"), 7) выносить всяческий ее невозможный характер, 8) выносить ее как театралку, 9) как книжницу и фарисейку... Словом, если он не превратится от любви в осла и не женится на ней...

Тогда она — *похоронена*. В сущности и космологически — похоронена.

Последняя ее кухарка и горничная, флиртующая с барином, — бесстыдная прачка, несущая "в девках брюхо", ибо для прачек "такой закон", чего ей — все-таки Гретхен — нельзя и невозможно, счастливее и устроеннее ее в мире, ибо она покормит своею грудью ребенка, ребенок пососет у нее молоко, она испытает *некоторые природные содрогания и наслаждения*, коих не лишена ни одна корова, ни одна собака. И она вправе...

Но никогда не закричит...

А могла бы закричать, точнее в кишках ее стоит вопль:

— Что же вы со мною сделали, что без всякой моей вины поставили меня несчастнее и хуже собаки и коровы, которой телят хоть *зарезут*, а они все-таки *были*, — и она *еще сделает телят*, и из всех телят хоть один не будет вами, подлецами, зарезан, и вот когда она умрет, т. е. когда ее тоже зарезут: то хоть один бычок "в память ее останется", будет совокупляться, народит теляток, и "имя его не уйдет в гроб", а будет вечно сиять на зеленой мураве, в детях, внуках, правнуках, вечно...

О, как понятно, как ДОЛЖНО быть проституции и любовничеству, и всему. И изменам мужей женам, дабы "соблазнить", а в сущности оплодотворить, "единую из сих", а лучше бы многих... и еще лучше — как можно больше, всех.

Цивилизация, вся цивилизация, и в ней *ни один* из этих противных старикашек не задумался о 8 000 000 таких "Гретхен" в Германии. Да еще есть в России. Да еще есть во Франции. То же и в Англии. Всего в Европе около 40 миллионов девушек. И это из поколения в поколение, и во всей-то истории около ста миллионов "невзошедших солнцев".

Теперь: были ли хоть какие-нибудь гунны и вандалы, которые бы произвели такой мировой ужас, как эти три слова, с властью и авторитетом сказанные: "девство выше брака".

Через каковые, — П.Ч. ЭТО АВТОРИТЕТ, — подсекся самый корень забот, самый корень законодательства, самый корень вообще чьей бы то ни было мысли. П. ч. ведь чего же "заботиться" и думать, если они и в самом деле останутся "в лучшем состоянии".

И вот теперь я вопию за них:

— Идите же, проститутки, и ломайте все. Ломайте семью. Ломайте брак. Ничего не нужно. Вас обманывают подлецы и обманывали более 1000 лет, слащавя, будто бы они носят какие-то "тяготы Христовы", будто бы им важен "единый из малых сих", — и "не обидят сироту", а главное, соберут себе копеечки. Скажите бесстыжим, что они врут и никогда не лгали. Что у них из уст ехали не слова, а змеи. Ибо если они просмотрели 100 миллионов, то уж "сироту"-то никак не заметят. И словом, что они несут обман и ложь, и вот в этом уже всегда были гениальны и виртуозы.

И вводите "хилиазм" проституции, безобразия, кавардака. И верьте, верьте честно и хорошо, что Господь не оставит Своего Мира, т. е. Людей: и все потом, — через 1000 лет уляжется, войдет в берега, и зеленая мурава не огласится криком ни теленка, которого режут, ни девушки, которая "забыта".

* * *

8.VII. 1916

Удивительно, что родители и родительский дом играют у новых детей роль обстановки, удобства; но эти удобства они должны давать бездумно, не замешивая сюда лица своего, как не замешивает лица своего мебель, на которую садятся.

Это у лучших и самых чистых. Это не "поведение", а судьба.

Дети сами страшно страдают от этого. Стараются внимать, слушаться. И не внимают и не слушаются. Жестки, грубы. Скорее не грубы худые дети. Хитренькие. Преждевременные ловкачи. Это воистину отвратительно.

(печальный день. Опять нагрубила Вера)

9.VII. 1916

Частный и личный характер русской литературы, составляющий всю красоту ее, есть вместе удивительно мелочный характер ее.

Читаешь "Севастополь" Толстого: и кажется, что не было "осады Севастополя", а все "как они закуривали трубочки" и при тревоге засовывали трубочки за голенища и выбегали к пушкам.

Это — издавна.

— Эх, вывалилась люлька (трубка). Не хочу, чтобы и люлька козацкая доставалась чертовым ляхам, — говорит Тарас. И стал искать трубку в траве. Набежали ляхи и связали Тараса.

Трубка безумно живет. У Гоголя и у Толстого. И из-за трубки почти не видно человека. А уж России, во всяком случае, не видно.

Это не мелочь и не особенность этих двух писателей. Это всеобщая черта русской литературы. Пушкин, кажется, последний, который интересовался Россией и любил Россию ("стальной щетиною сверкая") (как и "Адмиралтейская звезда") (помнится, это заметил Перцов). После него уже не Россия, а "огурчики", — "мои товарищи", воспоминания детства и прочее.

Что такое "Обломов" и "Обрыв", эти две величайшие эпопеи русской жизни. Уголок Симбирска в 60-е годы — одно. История одной квартиры на Моховой улице — другой роман. Даже нельзя отгадать, что эпизод на Моховой происходит в "Северной Пальмире", — там, где стоит памятник Петру, — в стране, где есть раскольники, где совершилась "История русской церкви". Проклятые (и великолепные) туфли Обломова закрыли, отвергнули все. Петра, Екатерину, Отечественную войну, Пушкина.

Все, все.

Единственные туфли. Таких не было на свете. Только знаменитый "Щит Ахилла", описанный в "Иллиаде", равняется этим поистине демоническим туфлям.

Роскошно. Исключительно.

Да. Но это — мелочь.

ГДЕ же, в чем и, наконец, КАКАЯ Россия?

Этого невозможно узнать из русской литературы.

Страшно и омерзительно признать, а приходится: об этом лучше знают духовные консистории, чем литература.

Например, Кавказ? Как он отразился в литературе? Несколько стихотвореньицеф Лермонтова, да как "они пили воды в Пятигорске"? Ведь это стыдно назвать, изложить и указать. Кавказ примыкает уже к последним уголкам римского мира, и даже греческого мира. Кавказ — потрясающ. Там мы пьем вино, не приняв его из рук французского лакея, а — из римских рук, из греческих рук. Этому же нельзя не трястись. Везде Рим и Грецию мы знаем через Винкельмана и Момзена: и лишь на Кавказе мы берем бокал из рук Помпея и Красса.

Трясемся. Но что же русские об этом?

А вот были капитан и поручик. Оба были влюблены в Мери. Впрочем, капитан и в Мери, и в Веру. Между тем Мери влюбилась в капитана. А он — нет. Пришла мамаша просить его руки, но он не согласился.

Чер-р-р-т знает что́ такое. Решительно, песнь Смердякова:

Непобедимой силой
Привержен я к милой

есть "Песнь Песней", проходящая через всю русскую литературу. П. ч. за своими юбками и панталонами русские не видят корон, царей, престолов, царств.

Не видят Арарата, где остановился Ноев ковчег.

Ни прекрасной Грузии. С породой населения, до того исключительного в красоте, что перед ним греки и римляне кажутся чухонцами.

Ни Армении, где половина населения вырезана турками.

Просто — убита.

И если бы это сказать Лермонтову, он протер бы глаза и удивился. "Ни о чем подобном не слышал". И о нем можно сказать то, что он сказал о них:

Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин.

Заехал на Кавказ Толстой. Но и он пошутил над Борятинским. Заметил же только Лукашку и как он дует чихирь (вино кислое), да: еще красавицу Матрену, которая не полюбила "его".

Т. е. опять эта всероссийская туфля Обломова. А что есть на свете в самом деле этот колоссальный перешеек "Кавказ" с двухтысячелетней историей, с Моисеем Хоренским, с *очень серьезными* Борятинским, Воронцовым, Ермоловым, Евдокимовым, с нефтью, которую 50 лет выкачивают иностранцы и не могут ее выкачать и осветили ею всю Россию и 1/2 Европы: всего этого Толстой и Лермонтов просто не заметили. Воистину не знали и воистину не интересовались.

Для русских самое неинтересное место в мире — это Россия. И самая скучная вещь — русская история и русская держава. "Просто не можем слушать".

Кроме трубочки и туфель.

Ну, а как "трубочка" и "туфелька" сделаны, — это действительно неподражаемо никем в мире. И в смысле искусства, и мастерства, наконец переходящего в истину, в правду, русская литература есть первая в мире. Перед "туфлей Обломова" вся философия Фауста меркнет.

И мы читаем. Задыхаемся и читаем. О мелких людях, о мелких сплетнях. И наконец, выпускаем из рук книгу, сваливаемся на пол и кричим, визжим:

— Но ведь это же все ЧЕПУХА!!!

Наконец:

— Этого нет, не было. Он мне в самом деле дал под именем "Щит Ахиллеса" новый миф — о собственной туфле.

Он собственную лень и историческое НИЧТО превратил в мифологию и наконец обожествил.

Мне кажется, это есть вторая линия происхождения русского нигилизма, независимая от иностранной переводной литературы. Появление Писарева и Чернышевского невозможно было в эпоху Пушкина, когда литература трепетала интересом к России. Но, начиная с Гоголя и "Мертвых душ", начиная с Гончарова и "Обломова" и "нежных вздохов" Тургенева, в самом деле стало возможно спросить себя:

— Да чем мне рассматривать 50 лет туфлю Обломова, читать "Мери и Печорина на водах" и вдумываться в гоголевские мерзости и пошлости, — то не правильнее ли и не разумнее ли будет, если я потребую от русских, чтобы они всем этим гадостям предпочли изучение великой книги Карла Фохта "Физиологические письма". Где рассказано, как человек дышит и какая у него печенька.

Великое забвение всею литературою, вполне классическою по форме, всей и всякой русской действительности, кроме "трубочек" и пошлостей, также страшно нигилизировало Россию и, пожалуй, нигилизировало предварительно и более могущественно, нежели "отрицательное движение 60-х годов".

Если России нет иначе, как в виде пошлостей, то в самом деле лучше изучать величественную "Историю цивилизации в Англии".

Лучше изучать чужое хорошее, чем свое "ничего". А что у самих у нас "ничего", кроме туфель, мерзостей и сплетен, в этом расписалась и это доказала классическая русская литература, к тому же "реальная" и "натуральная". Она есть не только "великий чекан", но и "подлинна с действительным".

И действительно, "подлинна": туфли — есть, трубочка действительно пихалась за голенище, Тарас действительно попал в плен из-за трубочки, а Толстой имел какой-то несчастный роман с казачкой.

Да. Но кроме того, был покорен Кавказ. Смирена Польша. Взята Польша. Наконец, даже детям рассказывают, что был "Ермак Тимофеевич и покорение Сибири".

Писатели, от Грибоедова, вытаращивают глаза:

— МЫ НИ О ЧЕМ ЭТОМ НЕ СЛЫХАЛИ.

На меня произвело необыкновенное впечатление пребывание летом 1913 г. в Бессарабии, — и вот сейчас неделя в санатории Халила.

Санатория как-то у меня связалась с письмами Чехова, решительно шумевшими эти три года.

В одном письме, приехавший в Ялту Чехов, еще тогда не очень больной, описывает, как он был свидетелем того, как никуда в гостиницы и никуда на частные квартиры не пускали *тяжелых чахоточных*,

приехавших поправляться крымским воздухом. И эти больные, высадившись из вагона, слабосильные (существо болезни), усталые с дороги (Петербург — Ялта, Москва — Ялта), не найдя себе нигде помещения, вынуждаемы были ночевать на улице. "Нет места. Нет призрения. Нет помощи".

В России есть доктора, специалисты и по грудным болезням; бывали очень богатые доктора, в полумиллионе. Например, в России есть очень богатые люди, с полумиллионом годового дохода. Не все же правительству нам утирать нос платочком: могли бы и сами позаботиться. Потом Россия знаменита щедростью, благотворительностью. И что же? Мне кажется, — то же, что в литературе: русские забыли, что у них есть Россия, как писатели забыли, что было "покорение Кавказа". Еще поразительнее, что Чехов, сам медик, сам больной туберкулезом и, наконец, человек явно добрый и милый, в следующем и во всех следующих письмах ни разу не вспоминает об этих ялтинских больных, а переименовывает писателя Щеглова в "талантливый Щегленка", называет будущую жену свою "милою актрисой" и спорит до слез с Сувориным о "деле Дрейфуса", едва ли что-нибудь особенное понимая в этом деле, и, словом, по всем странам горизонта показывает свою чеховскую "туфлю", как Гончаров расписывал обломовскую туфлю. И я опять делаю вывод:

— Решительно русским Россия в голову не приходит. Ни живые, ни мертвые, если это не "Дрейфус, а "Семенов" — не озабочивают никого из русских, болеют ли они, выздоравливают, мрут ли.

И вот я в Халиле. До 100 мужчин в Николаевском отделении и до 100 девушек и женщин в Александровском отделении, в выбранном сухом месте, среди сосен, под наблюдением двух прекраснейших врачей, при употреблении всех новейших средств лечения, — лежат, питаются и, кажется, кроме редких случаев, — поправляются.

200. Ну, все-таки "русских душ", не худших, чем литературные знаменитости Собакевич и Ноздрев.

Как же это произошло, сделалось, — о чем в печати, в журналах и газетах, даже не упоминалось. Опять же я сравниваю с тем, сколько писалось о "Письмах Чехова".

Оказывается, был немец Ранненкампф, — и портрет его есть в Халиле: скромнейший и по виду очень недалекий немец, с лицом отнюдь не обрусевшим. Он был управляющим "собственною канцеляриею Его Величества" при Александре III. От Боткина, да и вообще в Петербурге, он, вероятно, слышал, что финляндский воздух и финляндские сосны хороши для туберкулезных. Поробев, не сразу, добрый и хороший немец доложил Государю, — заготовив и проект и неся его за обшлагом. И в ласковую минуту Императора Александра III, — впрочем, этот император и всегда был добрый, сказал:

— Так-то и так-то. Потому-то и потому-то.

И Государь сказал:

— ХОРОШО.

Только. — Шесть букв. Минута внимания. Кивок Царя.

И сделалось. И совершилось. И 200 больных, за дешевую плату, без "выгод казне", получают здоровье, все. Стол, обстановка до того прекрасные и бескорыстные, что их невольно называешь "Царскими".

"Только царям это доступно. Эта широта и великолепие".

И глухо все. В лесах Финляндии. Никто не видит, не говорит. "Это ведь не *Письма Чехова*".

Второе впечатление, в Бессарабии, было неизмеримо сильнее этого. Я находился совсем на границе России, и хотя, напр., в доме, где я жил, получались "Одесский Листок" и "Новое Время": но с Одессою и с Киевом связь была живая и личная, а, например, из Петербурга "вести доходили", и было такое неодолимое планетное ощущение, что эти вести идут "оттуда", "из-за горба", т. е. из-за того отрезка планеты, какой подымается между Бессарабией и Петербургом, и уж из-за этого отсека вообще все глухо, вообще все неинтересно, вообще все отвлеченно и Бессарабию захватывает только в виде какого-то отдаленного приказания, которому "приходится повиноваться".

Вообще "планетный характер" "Русской империи" я впервые в Бессарабии испытывал.

Кофе утром и часов в 5 я пил всегда у так называемого "золотого окошечка". Это было затянутое диким виноградом окошко 1-го этажа. Прямо перед глазами подымались горою уже настоящие виноградники, дорогие фруктовые деревья, и дальше шли поля.

Это было имение, с любовью возделываемое обрусевшею молдаванкою г-жою Богдан (румынский аристократический род), — Сахарна.

И вот, смотря на Днестр, на поля, я все переносился мыслью к "времен Очаковских и покоренья Крыма". Тут передо мною был кусочек русского завоевания. И, смотря вот тут на эту землю, я как будто видел солдатские сапоги, месившие молдаванскую глину, — впрочем, чернозем, — но вообще грязь невылазную, тяжелую и страшную.

Под солнцем, столь южным.

Спину печет. Ноги вязнут. А говорят:

— Иди!

И солдат шел. Шли полки. Бились. Стреляли. "Сколько вас, солдатусшки, убито?"

— А невесть сколько. О те поры не считали.

— А ведь у каждого была матушка, сестрица, невеста была, и кого убили — о том плакали.

— Это мы неведомы. Надо быть, плакали. Не знаем.

— А как же вы месили-то землю?

— Приказано.

И умерли. Сперва уставали. Все месили, все месили. Глядь, ночью пальба — и полегло половина их, половина нас. Но оттягали. И вот

— культурное имение. Художество (даровитая до гениальности хозяйка), беседы. Но в основе всего:

— Что топтали те солдатские ноженки эту землю. И убиты многие. А кто — неведомо.

Даже не запомнено. Даже нет страницы истории. Вырван этот клочок бумаги, где бы записать имена.

А был великий труд и великий пот.

И вот здесь, в Бессарабии, я как-то физиологически, как бы упав на землю двумя пятернями и впившись ими в грязь — почувствовал, до чего всякий завоеванный клочок земли есть *великий труд* и *пот*, и *мука* и *кровь*, и *смерть в неизвестии*. Мне стало страшно, и грустно, и благодарно (солдатам), и мы вот, "сегодня пьющие кофе", просто не понимаем, на какой мы страшной земле сидим... до какой степени мы все "былинка и пустота" около тех страшных и печальных и покорных солдат.

Мне стало страшно и великолепно за русскую историю. Где "столько труда".

Теперь слушайте и удивляйтесь тому, чему я все три месяца того лета удивлялся великим удивлением.

Румыны что́ для вас? Чужеродцы, чужие. Русского языка они (крестьяне) абсолютно не понимают. Поют свои звонкие песни, а слова их к изумлению наполовину римские: "poster, postra", по их — "postro" это — "наше".

Румыны очень красивы.

Первобытность их, дикость — еще сильнее русских. Наивность, около музыкальности и песенности — изумительны.

От имения в двух верстах — село. Огромное, протяженное.

И вот за три месяца, проезжая постоянно этим селом, я не видел *ни одного еврея, вошедшего или хотя бы "по дороге пересекающего" это село*. Ни одного! Ни разу! Тогда как оно окружено двумя еще более громадными "местечками" еврейскими, Резиною и Рыбницею, с тремя страшными посохшими деревьями перед одним домом, — посохшими и почему-то не срубленными, в Рыбнице.

До того строго исполняется *русский царский закон о невхождении евреев в села и деревни русские*, а следовательно, и *русскоподданные*.

И ни одна сажень земли румынской, и ни одна изба румынская не попала в руки евреев. А в Рыбнице и в Резине, хотя это всего села, — по три маленьких местных банка, для "кредита" (евреям скупщикам), и торговля, хлеб, все, что *из села вывезено*, находится в самом бесстыдном "выжимании у евреев" через эти три мерзопакостные "кредитные учреждения".

А что́ румыны русским?

Но, как и о Халиле, Царь некогда сказал:

— Приказываю: ни один еврей да не имеет входа в русское и русскоподданное село.

И спас. На сто лет спас деревню. Которой без закона этого, вероятно, и следов бы не оставалось.

И вот мне все представилось: что же такое Россия, и особенно, что она такое в отношении русской литературы, а особенно — что такое русская литература в отношении России?

Россия — это правда *Русское Царство*, потому что от Халилы до Бессарабии она вся сделана Царскою заботою и солдатским трудом и крестьянским и поповским долготерпением.

И это что-то достойное и великое. Это самостоятельное и сильное, и "ни у кого совета и указания не спрашивает". П. ч. стоит на своих ногах.

Литература же есть как бы великолепный "кавказский кинжал", с чернью и с серебром. Но которым "никого не зарубишь", и он носитя собственно для украшения и на балах.

И еще "великолепный кавказский шелк для Тамары", нежный, как кисея и блеск.

Но холодный. Ни окутаться, ни одеться.

"Но Тамара в шелке, и ударяет в свой тамбурин и пляшет красивый танец".

Только это все не нужно. Все это не имеет цены и значения. И от всего этого никому ни тепло, ни холодно.

* * *

9. VII. 1916

Есть мировое добро.

Это — благодетельность, это мудрость. Нежность, внимание.

И есть мировое зло: ненависть, завидование.

Ты можешь стать и на одну сторону, и на другую.

Быть белым или черным.

Только знай: хочешь или не хочешь, ты будешь работать в белую или в черную сторону.

Ангел или дьявол. Рыцарь белый или рыцарь черный.

Мир кончится. И легко ли тебе будет, если он будет кончатся в черную сторону.

Итак, добрый друг: соработай добру.

* * *

10. VII. 1916

Мелькнуло:

— А вот что, господа: все споры церквей — глупость. Да и споры религий даже — глупость.

Православие — хорошая православному вера. А раз хорошо ему — значит, и истинна. С ленцой. Не торопится. Тиха. Беззаботлива. Умильна.

Как русские.

Но для волнующегося и горячего католика она уже не будет истинною. Даже покажется ложью и даже будет действительно ложью, если б он ее принял. И жался бы в ней. И все было бы "не по нему".

Какая же это вера, если "не по нему".

Господь сотворил каждому "по его". Скажем по-церковно-славянски: "Коемуждо по-своему".

Так и лютеранину. Там все разумно и основательно. П. ч. немец разумен и основателен.

Суть не в различиях, а в единстве. Что каждый любит в меру любви своей. Для каждой души Бог определил меру глубины ее и меру широты ее. И спрашивает "с этой широты" и "с этой глубины".

А не с "глубины вообще". Ибо будем скромны и сознаемся, что всяческие человеческие глубины для Бога мелки.

Бог берет каждого человека "с его места" и знает о "месте его". И глубин не перемешивает, и людей не перемешивает.

И вот все перед Господом. И говорят:

— Вот я Тебе принес травку.

— Вот я Тебе принес деревцо.

— И пальму.

— И можжевельничек.

И все часы, может быть, Он любит пальмы. Но придет русский час: и, может быть, Бог скажет: "Дайте, я понюхаю можжевельничек".

Дело не в спорах, а в том, что мы все любим Бога. И нет религии, которая не извелась бы из любви к Богу. Как в цветах: нет черного цвета нигде. В религии белы — или "в рисунках". А когда так, — когда ни единой нет без любви к Богу: как ради этой полоски любви к Богу мы скажем о всей об ней: "Это нехорошая вера".

Нет, брат мой, хорошая.

(иду с купанья, Халила)

* * *

Суть-то в том, что душа наша запуталась, что ум наш запутался. Что человек несчастен и недоумевающий. Один беден, другой богат, и оба умирают. Адриан (римск. импер.), казнивший друга, умирал так, что все молил о смерти, требовал у врачей отравы, и те как императору боялись дать, и он умер как умер. Как же при этом несчастии толковать, "чья вера лучше". Это от сытого брюха: а когда брюхо голодно — дай скушать и травки.

Несчастному человеку и нужен хоть уголок травки. Он не рассуждает, а торопится.

— Господи, вот я!

И падает на лицо свое. А к востоку, северу или западу легло лицо его — не знает.

Молитва — "я молю Бога". А разве "я молю" останется без ответа у Бога? Он не царь и не князь. Не вельможа и не русский.

Он поднимает меня с земли: — и вот моя вера.

(вечером)

11.VII. 1916

В конце концов, ум рождается из добродетели.

И сила, *настоящая* сила, рождается тоже из добродетели.

Этого на ум никому не приходит. Но это — *так*.

Замечательно, что самые гениальные умы, если в то же время они были явно порочны, не были *полные, сытые* умы.

Сытый ум — Кант, Гёте. И как они выше Бэкона или *мелкого* Байрона. П. ч. Байрон был *мелок*.

Как были гениальны папы. Но это *по-видимому*. Русская церковь их умнее: и потому что никогда не посягала на ангельское место. "Все люди грешны": это умнее "политики Ватикана".

И "Ватикана" нам не нужно. *Навечно* не нужно. Проживем и в избах.

И "шестидесятники" рассеялись, с переводом "Истории Шлоссера". А старичок Саровский поставлен в икону. И теперь ему "не будет конца".

* * *

11.VII. 1916

"...преследуемый своими противниками, которые, однако, не стреляли, чтобы не привлечь внимание полиции"

(*"В руках мафии"*. Ш. Х.)

То-то и оно-то.

Депутат (1-й Г. Д.), начав драться с полицией в Александровском саду для детей, — тем самым выразил суть России от двенадцатого года до нас. И выразил, для чего, собственно, созвана Госуд. Дума и понадобилась конституция.

"Помилуйте, они нам жить не дают".

Г. е. полицейские.

— Что же, господа, м. б., они вам мешают ходить ко обедне?

— Не мешают. Но потому, что мы и не ходим.

— Тогда, может быть, полицейский помешал кому-нибудь кормить старого отца.

— Не приходится. Наши родителидохнут рано. Не выживают.

— Ну вот. Тогда, м. б., ваше благородие, полицейский густо посоветовал, когда ваша прислуга очутилась беременной, дать ей 25 р. на отсылку ребенку в Воспитательный Дом?

— Это случилось.

— То-то. Воспитательные-то дома называются "императорскими", и позаботилась их основательница царица Екатерина Великая. Может, Вам случилось поругивать...

— Случалось.

— Ну, и тогда оглядывались, не слушает ли полицейский. Он, ребятки, действительно слушает: все ли в порядке и в чине.

— И если в чине — спит спокойно.

— А когда не в чине, пусть договорит Полонский:

В сад гулять не выйдет няня
И дитя не поведет.

Тогда полицейский серчает. И поделом. Вы, господа, ужасно неблагообразны.

Вы похожи на Mala vita (мафия) Италии: ну, конечно, послабее и побесталаннее. Но в этом роде. Праздность, легкомыслие, порок. И только вот ради бесталанности — не преступно.

Страшно сказать и подумать: но в самом деле, как "закисший на бездельи бульон", общество все задернуто и даже до глубины перемешано с порочностью; и есть "порочное общество", только-только не доходящее до преступности. Из смущения перед тем самым полицейским, который все-таки может схватить за шиворот.

Седельников вдруг все это вскрыл. Он пошел на зуботычины в гор. саду. Ему, кажется, натыкали. И хорошо сделали:

— Не мешай, либерал, нашему серьезному делу: Охране Отечества.

Цензора почему-то совершенно дозволяют переименовывать "Охрану" в "Охранку". Цензора, конечно, с Mala vita. Мало получают жалованья. Впрочем — 3 000.

* * *

16.VII. 1916

Суть перелома от юдаизма к христианству, по-видимому, произошла на той почве, что даже Апостол Павел, когда еще он был "Савлом" и гнал христиан, — не понимал, что такое обрезание. Хотя слова его: "В обрезании уже все содержится", т. е. *весь юдаизм содержится*, как будто бы и говорит о понимании и юдаизма, и обрезания. Но совершенно очевидно, что слова эти у "Савла" вырвались так же патетически, как летел из него и весь пыл, — не осложняясь разумением, не осложняясь расчлененною мыслью. Это, наверное, так было, иначе он не предложил бы язычников "не обрезать", п. ч. им *больно*. Ибо кто же, например, посоветовал бы "не крестить детей", п. ч. "иной ребенок может и захлебнуться". Разумеется, содержание обрезания ему было совершенно темно. С другой стороны, старцы иудеи предпочли "погубить Сион", зная, что не в Сионе дело, нежели громко и в лицо, "на смех миру", сказать ему, в чем же содержание обрезания, т. е. самого "завета с Авраамом Бога", на чем они тогда "разломали закуску" (в тексте Бытия о "заключении завета" сказано, что "тогда они (Бог и Авраам) *разломали закуску*"). Выдать эту тайну евреи всегда боялись более, нежели даже потерять Сион, и "выговарившего" эту тайну — сжигали, как и всех, кто слышал выговаривание. В этом вся суть "завета", и вместе она и содержится в тайном ИМЕНИ "יְהוָה", "ichovoh" (тетраграмма).

Вот этой-то ТАЙНЫ ЮДАИЗМА до очевидности не знал Ап. Павел, смотря на обрезание как на бессодержательный, без речей внутри себя знак, значок, символ завета. "Обрезан" — "иудей"; "не обрезан" — "не иудей". Но ведь это вовсе не так — и не так *просто*, и не так бессмысленно: РЕЧИ БЫЛИ, сладкие Богу, тяжелые в миг обрезания Аврааму. Но "для потомства" он принял тяжелое.

16.VII. 1916

...несчастье Бердяева, что он *не* православный, *не* католик, *не* мусульманин, *не* язычник, *ни* просто светский человек и *не* только писатель. Около этого есть *немного* мистика и *немного* философа. К тому дан блеск стилиста, собеседника и члена общества. Однако больше всего в нем француза и мусульманина. Я бы назвал его французом из Алжира. Но Бог послал его писать для русских и в неуклюжих русских журналах. От этого он вечно "не на месте" и всегда раздражен, не удовлетворен и сердится. Но "по-алжирски", т. е. красиво.

Так он раздражен и на славянофилов, которые "сами по себе" чем ему помешали?

* * *

16.VII. 1916

Господи, отчего я так люблю Тебя, но часто и сержусь.

Зачем Ты сотворил хищных. И сову, и ужасную рысь.

Как она, маленькая, поедает громадного лося.

И пьет кровь из него.

И истощенный лось падает и умирает.

А они все гадкие и маленькие прибегают и едят мясо его.

Господи. Зачем это? Или неужели и над Тобою была Темная Необходимость?

В необходимости я. Но Ты?

Как темно в мире. Господи, зачем тьма, а не один свет.

А если тьма, то вот, Господи, услышь из тьмы мой ропот.

Господи. Зачем же душно в Твоем мире.

* * *

17.VII. 1916

— Старенькая церковь.

— Славные напевы (Новоселов) (Нестеров).

— Ободнясь в б.....¹ уже не удовольствуются трешницей.
Пожалуйте пять целковых.

— Старенькая церковь.

— Древние напевы.

---

¹Веселый дом.

— И за что. Курносая. Да и в годах. За тридцать.
— Ты чего тревожишься? Тебе какое дело?

(со стороны):

— У него четыре девки на шее сидят. Одна-то больная, а три здоровые. Тельные. Вот они и сидят — никто не сватает.

— Я к тому, таперича, что старшим в Церкви следовало бы подумать: что ж это за закон и откуда так на Руси пошло, что перестали люди вовсе жениться. Все по б..... разошлись. Офицеры, студенты, разные брошенные женами — те кухарками обходятся. Вдовы попы — кухарками же. Куда же теперь девок девать? В рассол их что ли класть?

— Кажись, ничего не жалеешь. Приданое сколько можно. От отца, от матери отрекаются, только муж бы был. Поколоти — и то стерпит: все же муж, детки будут. Отчего это?

— Старенькая церковь...

— Древние напевы...

— Свечечку поставить — есть. Лампадку зажечь — можно. Панихида, молебен, перевенчать, окрестить — все есть, обдуманно, приготовлено. Сердце не на радуется.

— Я думаю, чем в рассол класть, то лучше так обдумать. В Писании я читал: "И будет, семь девиц ухватятся за полу одного мужчины и скажут: свой хлеб будем есть и свою одежду носить. Сними с нас только положение девства". Тогда был закон, потому что девство считалось поношением. Теперь нет закона, п. ч. девство поставлено как пример и благочестие. Если "благочестие", то кто же станет заботиться об уменьшении "благочестия". Закон перестал быть. И время слову Писания пришло. И теперь, если кто голову свою носит на плечах, а не чужую — то пришло время "по семи девок входить в союз и нанимать себе одного дюжего молодца, чтобы изъясил их от рассола и дал каждой средство питать своего ребенка".

* * *

17.VII. 1916

Я бы не написал этих слов о "старенькая церковь — славные напевы", если бы не следующее. Написал (стал себе твердить эти слова) я в понедельник, в "отделеньице" в 90 коп. банях на Бассейной. В бане я очень давно не был, свежие веники не прошли еще, и панихиду в ред. по Гее я соединил с баней (утилизация времени). На панихиду, увы, опоздал, был очень опечален, и как был в синем красивом пиджаке — отправился в общие по 90 к. Узел с бельем я благоразумно захватил из дому.

Теперь баньщиков всех забирают на войну, даже мальчишек, и они от этого часто чередуются, т. е. меняются. И вот меня мыл, а потом парил Иван, 17 лет, но очень мужественный. Правда, у него было

чуть-чуть опущение рта, но "все, что следует", было более, чем как следует, и являло вид 40-летнего мужчины.

С тех пор как у Мечникова я прочел знаменитую фразу, что "хотя детородные органы созревают ранее всего остального организма, тем не менее это отнюдь не свидетельствует о том, чтобы при зрелости детородных органов юноша или девушка была и в самом деле способна к браку", я стал обращать внимание на эту сторону. И если я девушек совершенно не знаю, то лет за 6 наблюдения я юношей слишком знаю.

Во время мытья головы, отчасти от жару вообще, м. б., от зрелища нагого тела и "измываемого", которое у него в руках и он его моет, т. е., в сущности, гладит, касается и т. д., а больше всего, я думаю, оттого, что при усилиях намылить голову он немного трясется, все у него слегка покачивается и тогда касается или колен (у меня в лоханке на скамеечке) и иногда руки, и как прикосновение слегка и автономно возбуждает — то нередко и видишь, что банщик, в сущности, возбужден, — несильным, слабым возбуждением. Вначале 6 лет мне было сперва неприятно, но теперь и уже давно я не отнимаю руки, когда он касается ее или когда (все усилия над головой) прижмется к ней. И если банщик очень строен и виден, я люблю, когда он несколько возбужден.

У Ивана было нежное, благородное лицо. Я с ним немного говорил о войне. Один брат его уже взят, а в августе и его возьмут. "Ты трусишь?" — спросил я его. — "Нет", — сказал он коротко.

Немного заело глаза, и я смыл мыло. И открыв их, увидел все-все такой исключительной красоты и величины, что, признаюсь, и сам взволновался. Он был утроенно велик против обыкновенного, но как он был и почти высокого роста, то это было статно и невыразимо выразительно. "Вот достойный мужчина". "Муж семи девиц" (у пророка), мне естественно представилось в уме. При этом нежное и благородное лицо говорило, что он ни одну из семи не обидел бы. А письма о жажде материнства, полученные мною это лето из Тамбова и с Кавказа, сказали мне: "Вот СОКРОВИЩЕ, выброшенное скопческой цивилизацией за борт".

Мы любуемся не только красотой женского лица, но и красотой мужского лица. А как я всегда очень уважал органы и в женщине, и в мужчине, то здесь при этой исключительной красоте (и такая статность) невольно стал любоваться и вовсе не отнимал руки, когда он касался. А он касался ежеминутно. Он уже 2-й раз мыл голову.

Мысль, что он погибнет на войне, проникла меня жалостью. "Ну, что на войне "неведомый", "застреленный". "Разорвался снаряд — и нет его. И никто не вспомнит. А полк только вычеркнет имя". "А между тем семь девушек могли бы быть счастливы". И я вспомнил случаи, мне известные, когда в очень некрасивых, иногда безобразных мужей жены их были безрассудно влюблены. Теперь я понял, что они были не "вообще" влюблены, а "в частности" влюблены. Один взгляд перед собою убеждал меня определенным образом в возможности этого.

Он не имел вида, как при "иудейском обрезании", и от этого казался как-то особенно невинен и непорочен. Между тем качался, "как Силоамская башня", если взять "Песнь Песней". В форме его было нечто впервые мною виденное: именно — туго набитого мешка или чулка женского, "в щиколке", — набитого крупю. Еще раз мне показалось, что такой величины я ни у кого не видал, и "статность" исключала мысль о всякой грубости именно этой величины. "Семь девиц" мерцало у меня в уме. "И каждая была бы счастлива". Ревность? — Какая глупость, если каждая из них будет так счастлива именно в то время, когда будет счастлива.

"За головой" следовало "спину" и "живот"; и когда я лежал на лавке, то при мытье груди, когда лицо его было повернуто к моим ногам, торс его был в уровень и "на одном горизонте" с моим лицом: и все так же покачиваясь, он уже почти касался лица моего. И мне было "ничего". Всякая брезгливость исчезла при виде такой исключительной красоты и при мысли о 7-ми счастливых девушках. Я так ценю драгоценных девушек.

Он был в вершке или в трех вершках от глаз, и кажется, вот качнется, если "в вершке" — то дотронется. И у меня не было испуга. Я все воображал тех девушек и примерял: испугались ли бы они. Мне казалось, и я даже уверен, что они скорее хотели бы достичь. И снова вспомнил "Песнь Песней": "О, мой Возлюбленный!"

— Еще около шеи и около груди, — сказал я, когда он кончил все около ног. Он, "вторым мановением" прошелся около груди; и когда я стал подниматься, я помню ясно, как около щеки моей "проехало" что-то массивное.

У меня мелькнуло, что в будущей цивилизации "исключительная красота" будет отбираться, — обзором и выбором матерей семейств лет около 40—50 — обзором подростков лет от 13 до 16. И будет беречься и охраняться как зеница ока, как лучшее зерно. И такой особенной красоте будет даваться — за всю жизнь — 7—70: т. е. гораздо меньше, чем сколько женщин "узнает" за всю жизнь всякий мужчина. Но от него изойдет целый табунчик новых красивейших лошадок.

Так да растите и да плодитесь прекраснейшие табуны человеческие.

* * *

17.VII. 1916

В этот вечер я впервые понял истину определения Аристотеля, что мужчина прекраснее женщины. Он не "вообще" прекраснее. "Вообще" даже женщина прекраснее его. Но "в частности", и притом в главной частности, мужчина заливает женщину. И мне открылось, почему женщина вздыхает.

Пот. что и я вздохнул.

21.VII.1916

Он был прекрасен, как Авраам в месяц переговоров своих и томлений и страха.

Когда он недоумевал, зачем это Богу. Именно это, и только это. Без объяснений.

Но ведь и я томился и вздыхал.

∞

∞

∞

Ах, это никогда не замечается мужчинами иначе как 2—3 раза в жизни. У многих же и совершенно никогда. Я заметил, но ведь я особенной природы. Для мужчин это "себе-ненужное" — отвратительно, пошло, смешно, забавно. А "кому нужно" — загадочно молчат.

∞

Поразительно, что в КРАСОТУ входит именно ВЕЛИЧИНА. Отсюда эпитет — ВЕЛИКИЙ.

Но и другие эпитеты: СТОЛЬ ОГНЕННЫЙ ночью. И еще — ПЫЛАЮЩАЯ КУПИНА. Именно — величина ОБЖИГАЕТ. Он вообще — ОПАЛЯЮЩИЙ, СОЖИГАЮЩИЙ. Это я заметил.

Но это мужчинам неведомо. А те загадочно молчат.

* * *

22.VII

Невероятную вещь обрезания можно было бы объяснить в трех-четырех словах. И все сказали бы:

— Фуй...

— Ах...

— Только-то?

— Как это плоско и, наконец, даже глупо.

Потому что, что такое: что такое: дважды два? "Если на двух солдат дать по две булки — то истратятся четыре булки". — Кому это интересно? Тем двум солдатам. Но и они умерли. Значит — ничего.

И мудрый поэтому не стал бы разъяснять " $2 \times 2 = 4$ ".

Пот. что как же объяснить, что все солнца потухли бы и мир бы рассыпался, и человечество, и даже ни одна в мире тварь не продышала бы минуты, если бы вдруг из бытия вынуть: 2.

$$2 \times 2 = 4.$$

И величайшая мудрость бессильна сказать что-нибудь об этом самом простом.

* * *

22.VII.1916

Всякий человек "есмь то", что он "есмь".

Я допускаю, что я худ: но "есмь то", что я "есмь", — моя защита.

Ограда.

Ограничение.

Вот отчего, друзья мои, я не могу не издавать далее "Оп. л."

(в ват., защищаясь от Фл. и Волж., и Кож.)

* * *

22.VII.1916

Господи. Нужно что-нибудь одно: или предпочитать БОЖЕСТВЕННОЕ, или предпочитать *человеческое*.

[Попы: — конечно, божественное].

Но если БОЖЕСТВЕННОЕ, то, конечно, надо выкинуть всех попов и все поповское с самого же начала: потому что бесчеловечным образом они все "Христово" обратили "в утробу себе" и "христианство" для них есть просто "наше жранье", "наш хлеб", "наша квартира". "Матушка и детишки" или "наш монастырек".

Ведь они теперь как расправляются... они именно "расправляются" с человечеством: и ни слезы, ни стоны их не "берут за шиворот" (развод и незаконные дети). Им ведь слова Христа — "наплевать". "Что устоит против наших канонов?" Слова Христа о блуднице и блудницах. О Марии, — но Он и Марфе был друг. А другая, что помазала Ему миром ноги? — "Наплевать". Попы плюнули на христианство и самого.... Да! да! да! Он сказал: "Для гостей чертога брачного ОТМЕНЯЕТСЯ ПОСТ". А монахи, которые в "чертог брачный" не "войдут", поставили навыворот: "Если пост — то все браки к черту".

Да. И тут сказать им и закричать: о попах Христос ни слова не сказал, а блудницы в Евангелии — В ПОЧЕТЕ.

О, идите, идите, блудницы, именно вы идите и растопчите это дьяволово зелье, которое именуется "христианским миром".

* * *

22.VII.1916

Нет сомнения, что некоторым небольшим % входят в проституцию и упивающиеся ею. Это зрелище (раз), когда они шли по Невскому почти сплошной массой, закинув головы кверху, крупным, большим шагом, почти не видя перед собою, самозабвенно (явно) с "берите нас! берите нас!" — за 5 и максимум 10 р. (война, вздорожание цен) — "берите! берите! берите!" — "мы все сделаем вам, — упоительное, — молодым, старым, безобразным", — "берите, берите, — ах, только не оставьте нас! не не заметьте нас! — берите! берите!! — берите, скорее! сколько хотите, кого хотите!" — это имело "себе и чад и огонь. И вне всякого

сомнения не один барыш ими двигал. "Барыш": но ведь средства жизни всем нужны, и мы получаем жалованье и гонорар.

Нет, тут другое. Я много лет презирал проституцию; но, кажется, я ее перестаю презирать. Нет, это — сила. Тут есть "кое-что", на что презрительно посмотреть "вам не удастся".

Нет сомнения, что самый натуральный момент брака есть все-таки проституционный. Только с другим окружением. Но в момент, "когда забывается все", жена не помнит обстановки комнаты, сложности своей квартиры, детей, родителей, — когда она только горит в "дотрагиваниях" мужа и сама его трогает, в этот миг — $\frac{1}{2}$ часа она делает все, что проститутка, и только несравненно горячее, страстнее и, я думаю, даже "дальше проститутки заходит в ласках", потому что это "муж", ее "дорогой", "Единственный", "Незабываемый".

И в этот час она ему проститутка. В этот час муж и жена дают проституцию, — но дают ее апофеоз, пламя "до Неба", но, однако, именно проституционное, "в высшей степени неприличное". Так как он "Единственный у меня" и не сквернится ни с какими "неприличными женщинами", и она "вся чистая у меня, — чистая и невинная", — то ласки в смысле *adoratio*¹ углубляются так далеко, т. е. на внешний безучастный взгляд становятся до такой степени "омерзительными", "вонючими", "тошнотворными", — "с души воротит" и "как это может вынести человек", — что можно только передать жидовским хасидическим термином: "Кто не прошел 42 врат нечистоты — тот не может достигнуть святости". — "42 врат": когда я знаю только двое "ворот", а с подробностями и вариантами, но именно только *двух ворот* — ну, 6—7. Так что, что жиды делают, я не умею себе вообразить. Они купаются в "нечистотах", захлебываются в них (об этом есть одно место в Вавилонском Талмуде, т. 1, как "ученый старец лежал под кроватью мужа и жены, — и слушал: а когда муж от шороха его заметил и упрекнул Беду *Venerabilis*² Талмуда за нескромность, то Беда ему ответил: "Но, сын мой, я здесь и слушал — потому что я должен знать науку" ("знать на-у-ку", так буквально сказано в Вавил. Талмуде) и в известии о хасидах ("Энци. слов." Эфрона) и еще в одном месте у еп. Феофана в его "Тетраграмме").

Но оставим. Час проститута и проститутки. Час Суламифи и Соломона. Суть брака и зерно его — проституционный огонь, но только больше обыкновенного — и гнусность, гадость, пакость, вонь, вонь и вонь...

И встав назавтра поутру, они — только они двое, никем не видимые, ни отцом, ни матерью, ни детьми — улыбаются друг другу, — и, как мне сказала одна женщина, муж коей уже три года живет с другою женщиною, — "я, после родов, когда он подошел к кровати, взяла и поцело-

¹ обожание (лат.).

² достопочтенный (лат.).

вала руку, сказав: "Благодарю тебя, что ты дал мне ребенка". Т. е. "благодарю" за зерно дела, за эту проституционную минуту. Да и, конечно, так: девушки выходят замуж ради этих проституционных минут, — и если она с каким-нибудь огнем выходит, "с молитвой и постом", а не так уж просто, чтобы "устроиться", то она выходит, в сущности, как и эти "Невские" — "дай! дай! — бери! бери!". Это же совершенно бесспорно, что таинственный "Невский", но "с одним и на всю жизнь", есть мечта всякой девушки, самой невинной, самой непорочной, самой чистой, изящной и образованной.

Так. обр., "тайна Невского" распутывается. Там — отребье, несчастные, которым "не выпало судьбы", и они "отброшены обществом": но воистину, "как дочери Лота, они творят беззаконие", — чтобы "исполнить закон всей земли". "Света им не дано", — но именно чужими не дано, со стороны не дано. Не дано семьи, ничего. Но "нет света — дай ТЕЛО СОЛНЦА": и они выкатывают себе одни зерна брака, почти безвкусные, грязные, загрязненные человеческими руками. Однако же обвонявшие зерна именно БРАКА и проститутки суть НАШИ ЖЕНЫ.

Вот в чем метафизика дела и что вводит проститутку в состав общества, возвращает им место, возвращает им лицо человеческое, которое было у них взято. Тогда эта толпа, "стремительно идущая вперед и принарядившаяся" — есть, собственно, линия экипажей, везущая их в церковь... но "мимо проехали", в "церковь не попали", а прямо на постель. Это еще утроенное снятие с них лица, — и, конечно, просто не поняты и исторически не разработаны все те места Евангелия, где проститутки ("блудницы") поставлены как-то выпуклее замужних женщин. Ибо "самарянка у колодца" имела семь мужей и восьмого имела временным любовником, "жена, ятая в прелюбодеянии", есть собственно замужняя женщина, которую "схватили в номере гостиницы с посторонним мужчиною", — и "блудница перед мучением Спасителя помазала ему ноги мирром из алавастрового сосуда". Никакого нет сомнения, ни малейшего, что проститутки обласканы Христом, что их Он и уважал, и любил, отметив словом, отметив поступком, тогда как ничем и никак не отметил обыкновенных замужних женщин. И если бы равномерно разрабатывалось Евангелие, то опять же нет сомнения, что "тип проститутки" был бы именно в "последующей евангельской истории", т. е. в истории христианства, выдвинут несколько и даже значительно вперед перед "похудавшим по времени Спасителя" типом жен. Вот какие открываются горизонты, и открываются они несомненно. Тогда этот веселый и замечательно невинный, не обманывающий ток проститутки есть какая-то догадка о заре, ждущей их. "Кто-то придет и спасет нас", спасет именно как проститутку, без прекращения проституции: п. ч. ведь если сказано, *однако только замужней женщине*: "иди и впредь не греши", то об остальных *незамужних* блудницах, т. е. уже о чистых проститутках, вовсе ничего не сказано... Да и не "греши" ведь значит только — "старайся, усиливайся не обманывать еще раз мужа", но не то,

что это каменное: *"я запрещаю тебе обманывать"*. Есть сила — не обманешь; а нет силы — слишком явно, что *"опять отпущу вину"*. Т. обр., собственно строй даже еврейского брака, который и так уж при множестве допускавшихся разводов весьма походил на проституцию, — расторгнут, расшатан, полуповален: но решительно самим Спасителем выражено склонение к совершенно неурегулированным половым сношениям, в смысле: *"как хотите — Аз не перестану вас любить, как правдивых и милых существ, идущих за Мною гурьбой"*. Проститутки идут, собственно, за Спасителем почти в составе избранных учеников: из коих все-таки один оказался Иудой, а проститутки Иуды из себя не дали и по известному их типу и характеру не могли бы дать, в их составе таких черных душ нет и не было. Проститутки — чище. Они вообще чисты. Исполняя, собственно, один удел, данный при сотворении Еве и всем женщинам: быть *"надобной"* мужчине и удовлетворять его, когда он *"захочет"*.

Явно, так. обр., что проститутки действительно ждут возрождение, — и ждет именно религиозное и социальное возрождение как класса, как типа общества, как типа сложения социального строя. Проститутки, не унывайте, — придет ваш час. Ясным и любящим (они все замечательно добры) отношением к людям вы спасете даже книжников и фарисеев, запехавших вас куда-то ногой. Вы принесете именно христианскую ясность и христианское простосердечие, чего так страшно недостает христианскому миру. Страшно подумать, но как не сказать: христианское общество именно и было все века как-то однобоко, точно его кто *"обкарнал"*, что оно было лишено проститутки и вообще проституционного типа женщин, что христианство, увы, нисколько не было проституционно. Между тем как в Евангелии положен его тип *"с проститутками"*. Разлейте их начало и дух, их мягкость и уступчивость, их *"не осуждение никому"*, их это великое слово, сказанное мне одною из них: *"мы — хуже всех"* (она просила у меня двугривенный, а я сказал: *"Что ты просишь как нищая"*, она ответила: *"Я хуже нищей"*. Так как она не была очень бедна, то это относилось к соц. положению проститутки), — и я пугаюсь сказать, но я не могу удержаться, чтобы не подумать — христианское общество засверкает совершенно неожиданными красками, совершенно новыми блесками. Именно — ему недостает проститутки, которые *"ничего не имеют и все отдали нуждающемуся, даже — тело, даже честь, имя и всякое положение"*. Боже мой: да уж не о них ли сказано: *"Аще пшеничное зерно не упадет в землю и не сгниет, то останется одно; а если сгниет, то принесет многий плод"*. Ведь как похоже.

Какой-то сухой дух обнял христианство. Как этого не заметить. Все черствеет, засыхает. Проповеди не помогают, Новоселов не помогает. Но не оттого ли это, что не только многие, но почти все заперлись в *"крепости — семьи"*, с их замкнутыми стенами, с их крепкими замками. Это-то и придало сухость христианскому обществу почти как рим-

скому обществу. Мы не заметили, что Христос разломал замки. Что Он — всегда в толпе, с народом. Что Он — типично не семьянин как Авраам, а — Общий. "Христос — со всеми". Народен. В поле, на озере. Как-то "само собою складывалось", что к нему приблизились блудницы, тоже "общие", — тогда как, напр., к Аврааму с его строгою Саррою они не приблизились бы. Христос шире Авраама, неизмеримее Авраама: и не здесь ли еще "ненайденный ключ" Христа и христианства, что *тип сложения еврейского ветхозаветного общества* вообще Он не нашел "как следует" и раздвинул его во все стороны, разломав его стены и национальные, и семейные. Вот где узел, что была "прощена жена, ятая в прелюбодеянии" и другая, уже форменная проститутка, "возлила на ноги Спасителя мирро перед погребением". Вот где узел, что об этом всем *упомянуто*, что это все *рассказано*.

Устал. Не могу.

* * *

22.VII.1916

Поразительно, что у христиан все положено на мерки скупости. Всё — скрючено, оскоплено. Тут — и "лепта вдовицы". Напр., принцип богатства у них: "собирай по копейке". Жалкий и даже глупый способ. Но "по копейкам" и соберешь копейки, и самое большое — небольшие рубли.

Обратный принцип: "Проживай много, но с условием: приобретай еще больше". Или: "Трать много, но и работай тоже много". А, это совсем другое дело. Христиане — лентяи, сребролюбцы и "на чужой счет". И все-таки их любишь. Все-таки его любишь. Ох, ох, ох. Вот где мировое ОХ. Как зажата моя душа.

Зажмуря глаза, и "на дне" я мечтаю о Царице Савской.

Я люблю "в рублище". Но, Господи: как бы мне хотелось и Царицы Савской.

* * *

22.VII.1916

Да не будь этого срама — м. быть, не было бы *красноречия*.

Представьте себе оратора, вышедшего на кафедру без *губ*? Просто — разрез в щеке, через который просовывается ложка, вилка и ломоть хлеба.

Чай для *лакания*.

Очевидно — *губы*. Губы — начало цивилизации. Но губы, очевидно, не для лакания жидкого и не для просовывания куска.

Губы — *улыбаются*. А, это уж не еда. Губы вообще для *цивилизации*, а не для еды. И вот цивилизация начинается с улыбки.

Улыбка же и оттенки ее бесконечны.

Но главное дело — это утолщение. Самая суть губ начинается с утолщения. Губы призваны что-то нежить, ласкать. Губы есть орган

ласки и неги, и это в них нечто самостоятельное, а не превходящее. Чтобы есть — нужен рот. Но губы нужны, чтобы один человек нежил другого, лелеял другого, ласкал другого.

Чтобы он томил другого таким томлением, когда человек забывает, на небе он или на земле.

Прервалось томление — и на земле.

Но томление еще продолжается, и он тихо шепчет:

— Какое блаженство!!

Таким образом, губы на самом деле есть орган для предвкушения человеком райских блаженств. Совершенно особенных и ни на что другое во вселенной не похожих. И за которыми он забывает всякие земные удовольствия. И для которых он вырывается из всяких земных удовольствий.

Отсюда улыбка, край Неба. Ни одна часть и ни один еще орган у человека не может, не в силах и не умеет улыбаться. "Не дано его природе". А губам дано. Потому что они толсты.

И, например, человек с тонкими губами, "политическими", — есть человек без Неба в себе, гадкий. Он будет произносить речи в парламенте, но он не поцелует женщины. Или он будет произносить проповеди, и его поцелует только "матушка", когда он принесет ей хороший сбор "с тарелки".

Губы уходят в беззаботность. Вот новое начало мира: мечта, грезы и в основе всего просто беззаботность. Отсюда поэзия начинается: потому что поэта поцеловали. Отсюда семья начинается: потому что юношу поцеловала девушка. Но поцелуи углубляются. Девушка прикоснулась. Но губы так толсты потому, что они даны — не для прикосновения, а для "два в плоть едину".

Губы — это озирийство. Губы вечно тянутся к Озирису.

* * *

22.VII.1916

Все будущее содержится уже в настоящем. Труднее сказать, содержится ли в нем *прошедшее*. И вообще "времени нет", "не будет" — правдоподобная вещь.

Мне раз случилось быть зрителем "будущего", переселившегося в "прошедшее", и это есть самый удивительный феномен, мною виденный за всю жизнь. За год или за 1/2 года до основания "Нового Пути" к Вал. Ал. Тернавцеву, жившему рядом с нами в Тюрееве (Финл. ж. д.), иногда к нему наезжал и у него гащивал Еф. Ал. Егоров, впоследствии секретарь "Н. Пути" и теперь сотрудник по иностранным известиям "Нов. Вр.". Он б. бывший военный, кажется — кавалерист, теперь — без места, страшно нуждавшийся. У него была жена и дочь лет 12. Он б. очень умен, но самый "вид *умности*" получался от чрезвычайно резкой манеры его спорить, возражать, осмеивать и т. д. Это был "базаровец" военной выправки, "гражданин" либерал и пересмешник правительства. Теперь "дул на водицу".

В один из долгих вечеров он как-то рассказывает... Но о чем он рассказал — не упомяну. Потому что года через 4 после этого ко мне позвонила дама. На мой вопрос — "Кто?", она ответила прислуге: "М-ме Лурье". Это была та, о которой Е. А. Егоров рассказал вещь, показавшуюся мне совершенно невероятной, несбыточной и которая являет собою чудо *pur sang*¹.

Я попросил войти. Она вошла. Некрасивая или "средне" и вообще ничего собой не представлявшая. Она рассказала мне, как писавшему тогда о разводе, о своем семейном положении, что муж ее не любит, она мужа — тоже, и "нужно развестись", но "как"?

Я сидел на диване, она присела на ручку дивана и говорила взволнованно и раздраженно. Сказав ей, что умел, — я заметил: "Не вы ли та м-ме Лурье, о которой Е. А. Егоров, кажется, друг вашего мужа, рассказал мне удивительную вещь". И я изложил, в чем "вещь".

— Да. Это было со мной.

— Простите, но это так необыкновенно, что мне хотелось бы выслушать *от вас*.

— Это действительно так и было. Я была девушкой, жила у родителей, — и (имя Лурье) только что с нами познакомился, — но ни о любви, ни о браке не было еще слова. Мне приснился сон, что я уже давно замужем за моим теперешним мужем и что сижу я над кроватью моего больного 6-летнего сына. Он очень страдал, я мучилась; но — отходила его, и он выздоровел. Пропустя время (имя Лурье), делает мне предложение, и я вышла за него замуж. Через год у нас родился мальчик. Рос как следует, был здоров. И вот — заболевает.

Собственно, он даже не заболел. Но он стал время от времени, показывая на ручку (она показала предплечье) — жаловаться, что "у него тут болит". Я осматривала, и как ничего решительно на руке не находила, рука была вполне здорова, — то и уговаривала его успокоиться и заснуть. Боль, вероятно, была невелика, и он засыпал. Но на завтра он опять жаловался на то же и показывал ручку, говоря, что "тут болит".

Если бы не сон семь лет назад, я все же не обратила бы внимания, так как рука была вполне и абсолютно здорова. Но сон, что *мой сын будет болен в 6—7 лет, и при этом — при смерти, заставил меня иначе отнестись к делу*. Я отвезла его к доктору и показала.

Каков же был мой ужас, когда доктор сказал, что у сына моего воспаление костного ("внутри кости", "внутри мозола лежит") мозга и что если бы я опоздала еще дня на три, то его нельзя бы спасти, — а теперь можно еще бороться, но за исход ручаться нельзя.

Ему разрезали руку — все под хлороформом — и вскрыли кость, чтобы выпускать гнойный, воспаленный мозг. Он был без памяти. Болезнь длилась очень долго. Но сон, сказавший тогда, что сын мой

---

¹истинное (*фр.*).

выздоровеет, поддерживал мои силы, я верила, что он выздоровеет, поддерживала и в докторе эту веру. И его усилиями и моими бессонными ночами сын выздоровел.

”Так, вы говорите, в консистории” и т. д.

Вот факт. Девушка еще *не замужем*. Ничего нет, кроме ее *яйца* и его *семена*, — но и для их соединения еще нет социальной обстановки (брак). Таким образом, ничего нет, кроме тумана и звезд, — ”гороскопа” и ”неведомого вперед”.

Спрашивается, каким же образом мог присниться сон такой абсолютной конкретности, ”с именем-отчеством”, да еще ”зовут Парамонович”, — и все точь-в-точь и через столько времени, как было во сне, — совершилось, исполнилось. Т. к. она была в ссоре с мужем, то тут и сентиментальность как мотив воображения не могла действовать. А тожество рассказов Егорова и м-те Лурье убеждало, что во ”вральки” не было и уговора. Нет — сон, очевидно, *был*. Исполнение ”по сну” — последовало. И если даже с фараонов и до нас был всего только *один такой сон*, то есть все же основание заключить, что *будущее содержится в настоящем*. Т. е. еще другими словами и страшнее:

— Будет, господа, то, что — будет. А что не будет — того и не будет.

Сия плоская шутка или тавтология на самом деле очень страшна: ибо она говорит, что ”настанет — сколько вы ни боритесь — то именно единственное, что уже теперь собственно настало, а только мы его *не видим*”. Но протекут часы, дни, недели, месяцы и, наконец, годы, а можно думать — даже и века: и развернется ”та будущая лента кинематографа, которая уже теперь лежит в клубочке”.

”И мы увидим то, что увидим”.

Вполне страшно. Вполне необыкновенно. Вполне причина помолиться и сказать:

— Ты все держишь, Вседержитель, в твоих руках. Но пощади меня, сироту.

* * *

23.VII.1916

Нужно быть очень осторожным в реформаторстве даже и в том случае, когда ты безусловно и очевидно прав, а зло, против которого восстаешь ты, — очевидно, глупость и даже непререкаемая гнусность. — Почему? Ты умрешь и противники твои умрут, и нужно смотреть не на ”сейчас” борьбы, но на тот ”второй час” борьбы, который настанет после вашей смерти. Если ты увидишь, что в этот второй час и даже в третий час (больше не надо) твои силы, твои основания, твой принцип будут светлее, будут правее, будут жизненнее, — тогда борьбу ты предпринимать можешь.

Но беда, если ты ее предпримешь, опираясь только на твою личную добродетель и на твой личный разум. Кроме того, что отвлеченно и вообще можно назвать ”историческим разрушением” — ничего не выйдет.

Так теперь (только теперь !!!) можно видеть, что не только было преждевременным торжество реформации над католичеством, правда, "полным зол", — и революции над монархией, еще более "полною зол", но что даже поспешили и с торжеством христианства над язычеством и над юдаизмом, уже "окончательно поганым и фарисейским". На конце XIX века обнаружилось, что результатом было ноуменальное разрушение семьи.

* * *

23.VII.1916

...а может быть, и "это начало почитания животных" у египтян, что они заметили, что (говоря нашим языком) "в священный миг — всякий человек становится животным"...

Тогда они эти "миги" соединили — и получилось просто "животное". Что "миги"-то эти у египтян считались "священными", это уже неоспоримо из всего их учения (озирианство).

* * *

23.VII.1916

С "талантами" надо разобраться. Таланты бывают не "какие-нибудь", а "к чему-нибудь". Таланты суть собственно скрытые внутренние влечения, предрасположения. Талант — "зерно" в нас, через которое будет "расти наша жизнь". Отсюда можно сказать, что "каждый человек растет своим талантом", т. е. двигается, находит должность, находит ремесло.

Между прочим, великая должность управления заключается в том, чтобы поставить людей в гармонию с их талантами. Не требовать от птицы плавания, а от рыбы летания. А пустить рыбу в воду, а птицу в воздух.

Это я подумал в связи со своей семьей. Есть "талант братьев и сестер": тогда их пять — и все дружны между собою. У наших детей решительно нет таланта "сестринского". Все ссорятся. Но положительно великий "талант подруг": к подругам они до того привязываются, до того им верны, хороши с ними, деликатны, ежеминутно оживлены, что удивительно. Также у всех их решительно нет таланта "к родителям". Еще "к маме" есть у Тани. Но и она Лизу Дубинскую, а Надя свою "Хохлову" и Вера "Марусю Тартаковер" и Вася "Борю Иголевиича" решительно и определенно предпочитают родителям.

Об этом я говорил с мамой, и мы рассуждали. У меня "таланта к детям" определенно *теперь* нет: был — и сильнейший, — к детям брата Коли (все вышли революционерами) в тридцать — 35—40 лет, т. е. в сущности "своих бы детей". У мамы великий талант "к мужу", но таланта к детям тоже нет: она не находит с ними, *о чем говорить*. Она о них заботится, но это — другое: нужно входить в душу, связываться с душою.

"Талант к правлению", "талант к службе" обычно противоположен "таланту к семье". Иван Ильич, собственно, имел талант "к службе" и "компанейский" и лишен был таланта семьи. И жена и дочь были ему чужие; и когда он стал умирать, то и увидал, что около него "никто не стоит", а все дожидаются пенсию. Но он ведь и "заработал" действительно только пенсию, а семьи он не заработал и не *зарабатывал никогда*, просто "женясь" и просто "плодя детей". Тут за нас Озирис трудится, и это заслуга небольшая. Нужно воспитать детей и полюбить их, нужно "сформировать жену". Иван же Ильич этого не делал и делать не умел и умер собственно "коемуждо по делом его".

У Стивы Облонского определенный талант детей, негодность к службе и исключительный талант компанейский. Это чрезвычайно важный талант, и "без таких *не живет общество*". Так что Степан Аркадьевич вовсе не пустой человек, а нужный, гармоничный и целесообразный. "К жене" у него нет таланта, но пропорционально велик "к женщинам", и нельзя сказать, чтобы этого не было тоже нужно. "Он устраивает бал". Аврааму в пустыне этого, конечно, не было нужно, но в России это нужно. Вообще странным образом надо сказать, что "волокичества", "ухаживания" и даже "успех" во всем этом решительно необходимы, так как без этого общество решительно закисло бы, стало неподвижно, кристаллизовалось бы и обратилось в варенье, что называется, "испорченное", которое надо подкипятить или "переварить, подбавив сахара". Тайна заключается в том, что у нас семья (римский тип ее, "по Юноне и Юпитеру", — отнюдь не по Христу и не по Библии) чрезмерно пассивна; это типично чиновничья семья, византийско-греко-римская, в которой человек, и дети, и прислуга даже неодолимо закисают и делаются бездарными даже. Идиллические прекрасные семьи есть все-таки, но лишь при встрече двух "исключительных талантов к семье". Семья наша слишком уж без "Суламифи", без любовничества, без восторгов и упоений. Это отчасти тип чиновничьей, а отчасти — хозяйственной и трудовой семьи. Цветов не слышится. И "удачи" в ухаживании все это хоть сколько-нибудь смягчают. "Подваривают кислое варенье".

Брак — полиформность. Пусть в нем и будет и хозяйственность, и чиновничество. Это не "мешает". Но не "мешает", если не 24 часа сидишь "на должности". Полиформность всегда была законно разрешена. В Византии (даже в ней!) лишь в V или VI веке, *под требованием духовенства*, был формально запрещен конкубинат, который в этом юридическом термине скверно звучит, а в некрасовском "погулял с девицей" отлично звучит. И к нашему времени любовниц наберется с $\frac{1}{4}$ жен, и ни в каком случае не меньше $\frac{1}{10}$ жен, и живут отлично, согласно и мирно. Так как это сокращает проституцию, то, конечно, это любовничество благословенно и всегда было благословенно. В Библии, где все были "безграмотны", Агарь ничем, в сущности, не отличалась от Сары, Валла и Зелфа мало чем отличались от Лии и Рахили, только были значительно старше их (кормилицы), и все, в сущности, жили около

Иакова мирно, дружелюбно (в меру) и счастливо. При кротости души вообще это возможно. Раз инженерша, красавица, лет 33, жаловалась мне на измену мужа. "Он гуляет с француженкой мимо моего носа". — "Любите вы его?" — "Как Бога", — сказала она мне патетично. Я захотел ее испытать и спросил: "Послушайте, я вижу, что эта француженка — отвратительная, тщеславная женщина. Но горе не в том, а что муж, прожив с Вами уже 11 лет, утомился, и что в самом деле и независимо от его каприза, а по законам всемирным вы более его не возбуждаете, и вообще он с вами ничего "не может" (это я выразил деликатно), и вот он, еще не старый человек, неодолимо захотел *другой женщины*, не лучше и не моложе вас (француженка была немолода и некрасива), а — *другой*. Мне вас бесконечно жаль (было действительно жаль), но вот если бы вы в силах были покориться всемирному закону... и позволить ему... позволить, ну хоть прислугу, горничную, но *безмерно вас уважающую*, и которая за то, что вы ей позволили мужа — *одевала бы на вас чулки* (этот пример я привел) и была вам послушна и как дочь... "Что же, что же делать?"

Она внимательно выслушала и горячо ответила:

— Я бы *позволила*.

Она вся была благородная и прекрасная. Фамилии не сказала.

В этом случае (агарянок), нужно сказать, дело устроивается легче, нежели думают, через вмешательство *тени* лесбианства. Конечно, без всякого факта лесбианства. Закон полигамии и возможен был собственно через "вспомогательный механизм" этого теневого лесбианства. Две подруги или две жены одного мужчины через то именно, что он их обеих имеет женами, т. е. именно в секунды с ним соединения, — и что вот "после *нее*" — связываются между собою и, наконец, привязываются друг к другу, даже очень крепко. Ревность исчезает, и стоит одной прихворнуть — как другая жалеет, ухаживает, а больная, оправившись — благодарна ей и удваивает нежность. Вообще "взаимные услуги" и даже несение разных обязанностей в дому и хозяйстве. Тип этот у нас совершенно не испытан, и надо бы хранить, как раритеты, подобные типы и наблюдать, "что выйдет", чем гнать и чуть не грозить каторгой. Тогда как за проституцию не только девушек, но и замужних женщин (в домах терпимости есть определенный процент "замужних") в каторгу никто их не отсылает. Да и "вторые семьи" не преследуются. А преследуется единственно мирное и тихое житие трех под одною кровлею. И тут просто самолюбие поповского "размышления": "не по *нас*" и не "по воле нашей". Не замечая, что "воля"-то ихняя все извела из яиц Юноны, не приняв во внимание ни священного библейского брака (многоженство и любовницы), ни Христова слова о нужде "простить грешницу" (а след., и "грешника").

23.VII.1916

Книга родов. Книга безродия или, по крайней мере, равнодушия к родам. И ученые — не один, а толпа — с одинаковым вниманием читающая обе книги, уверяют, — что одна "продолжает другую".

Что это? Безумие? Какое окостенение голов.

Что же я смущаюсь, написав: "Я вошел в Египет *первый*". А я смущаюсь — и хотел бы бежать и посоветоваться, не "дерзю ли". Они, все ученые, решительно все и для читателей всей Европы "одежи Озириса-Отца" во фрак, без смущения, без досады, без малейшего недоумения. Никто и нигде не догадался оговорить в примечании, что "по цензурным условиям мы его представляем неверно. В подлинных памятниках Египта он *cum fallo in statu erectionis*"¹. Епископ Хрисанф оговорил это, но в примечании петитом и *без всякого нажима речи*, — не выразив никакого удивления, изумления. Я, читая, запомнил это, сказал "неужели", но и на меня отвлеченное бескартинное сообщение не произвело впечатления. Когда потом я срисовал и показал Перцову, он сказал: "Какое же сомнение, чему они поклонялись?" "Чему" — это явно из зрелища. Но уже срисовав, лишь года через три я начал *связывать идеи и понял*, что в статуе Озириса *лежит весь юдаизм*, — и еще позже этого сообразил, что это не что́ иное, как запечатленное у нас в Символе Веры: "Верую в Бога-Отца Вседержителя Творца Неба и Земли видимым же всем и невидимым". Но как христиане никогда, решительно никогда "живой и цельной фигуры Озириса" не видали, то у них опять все это соскользнуло в "пансион благородных девиц", притом такого возраста, когда им запрещено думать о женихе.

Таким образом, *вся Европа* (разве это мало сказать "вся") обманута в религиозном отношении, — обманута определенно, — уверениями, что "в христианство (*не отрекающееся от Отца*) пол совершенно и никак не входит", — что религия вообще вне пола и без пола, и наконец, дело дошло до того, что целый ряд богословов и философы, как напр. Влад. Соловьев, стали учить, что пол есть "грязь", "низменное и животное явление", хотя подлещи сами же все рождаются из пола, и нет еще ни одного архиерея, который бы произошел другим способом. Таким образом, *вся Европа* (разве это мало сказать "вся"?) живет в совершенно явном и совершенно подлом обмане, — притом таком, о котором никто даже возразить не смеет, *если на него указать*. Вот, пожалуй, где мотив запрещения религиозной живописи: что *если бы вовсе не изображали*, то думать "cum fallo in statu erectionis", конечно, можно, и тогда *в мысли получится истина сотворения мира и человека, т. е. и самая религия окажется истиною*. А если станешь изображать, то по всемирной застенчивости "обойдешь эти изображения", и тогда за дверь религии неодолимо будет вынесено вообще "это", и даже вообще "сальце",

¹с фаллом в состоянии напряжения (*лат.*).

”мокренское”, мочевого пузыря, vulva, фалл. И мир погибнет от уремии, ”потому что через что же ему мочиться”. Ба. Эврика: да Европа-то и погибнет от уремии, наведенной на нее богословами. Она вся ”отравлена”, как ”мочевиною”, проклятыми департаментами, полицией, банками, дипломатией, где уж, конечно, ”Христу не родиться”. И христианство, и Европа от этой именно ”закупорки сосудов” не есть не только не ”божественная”, но она даже и не христианская. Она в религиозном отношении вообще есть ”ничего”. Пустота. Пустой гроб. Новенький и который принесли от столяра, и право сюда положить ”домашние вещи”. Вот откуда во всей Европе в религию странным образом вошли департаменты, полиция и дипломатия, вообще ”европейское”. ”Восточные религии” европейцы вынули и положили в нее разные старички ”вставные зубы” на ночь, вместо банки. Боже, как все ясно. Боже, какие очевидности. Но и благодарю Тебя, Боже: ибо очевидно, я со своими ”неприличиями”, и ”разводом”, и ”незаконными детьми” пришел как раз вовремя.

* * *

26.VII.1916

Девушка без замужества — что растеньице, посаженное в погребке: на нее никогда не взглянуло солнышко.

Что же Новоселов, и Щербов, и К....., и Ф....., и Б..... так обрадовались, усевшись в ”круг церковный”: где ведь никогда нет самого вопроса о том, сколько и какие девушки остались в их ”приходе” без мужа; нет вопроса и нет, и *не было никогда к этому вопросу самого интереса.*

Главное — нет интереса, заботы, любви.

Как же они говорят, что ”исповедуют церковь любви”, когда у них нет любящего интереса к половине чад своих; любящего интереса к тому, что *есть для этих чад главное?*

Что же они пихают им в рот ”свое Новоселовское счастье”, а не возьмут ”в свой Новоселовский рот их девичье счастье”? Где же связь и гармония, и единство? Я вижу Новоселовское господство, но не вижу Новоселовского братства с теми самыми девушками и юношами, которые его окружают.

И везде в церкви я вижу это *господство*, а не вижу братства и дружбы. А между тем Фл. тоже обратил ”Столб” к другу, — со словами ”мой милый, мой *нежный*”.

Разве Новоселов озаботился о ком-нибудь ”не своем”. Вот ему ”не свои” девушки. Думает он о них? Страдает? Нет. — ”Не свои”.

Как же ужасно мир распался. Какое лютное разделение. О, вот где холодно. В мире. Но, Господи: неужели это не ужас, что — *и в церкви?*

Господи, где же тепло? Господи, неужели Ты нас нигде не согреешь?

Господи, как страшно...

Господи, как страшно...

Уж если даже ”в *верных Твоих*” (а Новоселов — верный) только ”к своим интересам”, — значит, воистину потухло солнце и земля леденеет. Медленно и незаметно, но леденеет вся.

И нет скрепы миру...

Нет Единого...

Господи, неужели Единого нет и мир только "подробности"?

* * *

26.VII.1916

Филарет, Масперо и деревня

Так и покати́лась со смеха деревня.

— Смотрите! Смотрите! Ученые принесли нам Отца: а у него нет того, через что он мог бы сделаться отцом!!!

Смеялись старики. А пуще бабы. Девки конфузились, но, наклонив головы, — тоже смеялись в рукава душегреек.

— Но это "подразумевается"...

Еще больше разразились бабы:

— Нешто от "подразумевается" дети рóдятся? Надо настоящее. А без "настоящего" — кукла, а не отец. Да ведь и такой почитаемый: что же у "почитаемого" может быть "непочтенного". Не надо. Не куклопоклонники.

— Нельзя ВИДЕТЬ...

— Так бы и сказал. ПРИКРЫЛ бы, а — ЕСТЬ. Но у твоей куклы вовсе ничего нет. Знаем, что нет. Подсмотрели. Без всего. А ты, прикрывши, все же некоторым и в избранный час, в уединении и сокрытии, отаясь *от прочих*, — показывал, что вправду у ОТЦА главное ОТЦОВСКОЕ — ЕСТЬ.

* * *

28.VII.1916

А что же ты думаешь, Розанов, — неужели ты думаешь, что студенты должны сидеть все на партах, а в свободное время давать все уроки и от уроков лишнее посылать родителям?..

— Родителям посылать непременно надо. Что же касается до лекций и до уроков...

— И неужели ты думаешь, что им нельзя и пивца выпить?

— Сам я не пил, но Кудрявцев Костя пил. Не знаю. Эта тема из тех, о которых я поутру думую так, а к вечеру иначе...

— Ну, и насчет девиц...

— Насчет девиц монахи запрещают.

— Ну, а ты сам?

— Я сам тоже запрещаю, но не исполняю. Это, впрочем, и монахи говорят: ты сперва запрети, а потом можешь и не исполнить... Не знаю. Тоже поутру и вечером разное.

— Как же жить, Розанов?

— Дураки этакие. Конечно, под волей Божией...

— Ты не смеешься?

— Нисколько. Дело в том, что монашеские уставы произошли и, следовательно, имели основание произойти. Но ведь и девица произошла и тоже, вероятно, не без основания. И в конце концов: Господи! разве не Ты основал виноградную лозу?

— Жить не только очень трудно, но еще труднее, чем трудно. Но вот что, человек: когда ты устанешь с девицею, то все-таки потом помолись Богу. И после виноградной лозы — вспомни о Боге.

Он милосерд. И он знал и знает, что сотворенные им — грешники. Которые же не грешники — тех Он назвал фарисеями. И отрек их.

Господь *наш*, — не консисторский, а *наш Господь* — сказал в прощальной беседе ученикам Своим: "Ныне вы уже не ученики Мои, а *друзья Мои*". И всю жизнь был с блудницами, с грешниками, с мытарями. А с фарисеями Его не было, и с фарисеями Его и теперь нет.

Возвращаясь к теме, скажу студентам:

— Вы попивайте и с девицами — того. Только не забывайте все-таки родителей. Они стары и *ждут вас*. Вы для них — солнышко. Согрейте их.

(на обороте транспаранта)

* * *

28.VII.1916

Путь у нас с революционерами, м.б. (с погаными революционерами), один, да *закругления* разные. Они хвастуны, я скромн; они шумны, я тих. Они без *закруглений*: а я не могу и *не хочу* ездить иначе по дорожке, как *закругляя* путь. Под $\perp$ (угол) нельзя не загнуться поезду и даже телеге. В этом и суть революции, что она все ломает: в сущности, пыгается сломать дорогу и, вместо того, сама ломается. "Все буржуазия царствует, ныне как и присно". И у всех начальники, и у самих революционеров (Азеф, Крапоткин). Явно "историческую дорогу" они не сломали, а *шибаются* лбом о тот угол, который не хотят объехать.

Я же нигде не *хочу* "через угол перескочить", а преспокойно высматриваю дорогу с *закруглением*. И оттого что я не только мудр, но и добр: я не желаю, чтобы от революции "даже курицу переехали поперек". Не токмо дворян или кого **ПОБОЛЬШЕ**. Ни м $\acute{u}$ ки, ни болезни я не *хочу*. Смотрите, жилы: они *извиваются*. Все мировое *вьется*, *извивается*, "прямого" ровно ничего в мире нет. "Прям" один дурак, — и притом не русский, а немецкий, "с наукой".

Тот, как аршин проглотил. Такова и революцишка.

∞
∞
∞
∞

Одну революцию я бы уважал и одной республике я бы поклонился. Если бы она, простясь **КОЙ С КЕМ**, не только как зеницу ока берегла

бы его здоровье, но раз в год устраивала бы церемонию: все БОЛЬШИЕ ЛЮДИ ее в торжественной и скромной церемонии подходят к жилищу Его, — низко кланяются и благодарят за ВЕЛИЧИЕ РОССИИ, которое он сохранил и увеличивал, и берег. Спрашивали бы: НЕ НУЖНО ЛИ ЧЕГО ЕМУ, — и давали бы и коней, и охоту, и золото, и стерлядей из Суры, чудную икру с Урала и соболей из Сибири: ибо мы всем обязаны тебе, СТАРЫЙ ОТЕЦ НАШ. А только уж ты прости нас, что мы зажили по-новому, по-своему.

* * *

29.VII. 1916

Египет
Нежность

Что ты все призываешь, Розанов, к нежности? Мир темен, но не показывает этого. П. ч. он стыдлив.

П. ч. он все больше и больше погружается в трясину с цивилизацией. И если Адам, "застыдившись", надел "препоясаша из листьев", то теперь человеку пришлось бы закутаться "с макушкой" в простыню. Он весь — один стыд.

И скрывает. Лучше скрывает. Ах, "лучшее" давно ушло "в сокровення". От этого-то мы и основали свои "тайны".

Таинства.

Таинства для Озириса.

И таинства — для Изиды.

Мир заглох. Показал наружу одни гадости. Банки, газеты.

Но что он именно любит и что истинно хорошо — унес все в ночь.

И вот, в ночи — он истинен. Тогда он любит хорошее. И любит любовь свою. И не стыдится быть нежным.

Мы же, которые жили "пока", — и на нас не смотрел никто: когда мы были как Адам в раю и вся наша цивилизация есть "Адам в раю", — мы так и жили, как вы теперь — ночью.

И ласкались, и нежились, как вы ночью.

И подносили пальчик к подбородку друг друга.

И обнимались.

Открыто. Ясно. Как мотыльки в воздухе.

.....
.....

Только более глубокое и страшное — мы уже и тогда это боялись показать.

И унесли в тайны.

Таинства.

Оставив наружу одни символы:

Цветок.

Палец.

Но эти символы — ты найдешь у нас везде. П. ч. они обнимают весь мир. Как обнимает мир и соответственное им. На барках:

в солнце:

ребенок

сосет

палец

больше же всего — в Изиде:

голова из вульвы

сосет палец.

Но утешься. Мир воистину нежен. Он не похолодел еще, но спрятался.

И у вас, поздние шалуны и мальчишечки, есть вся прелесть шалящих детей: но она вся унесена в ночь.

Ночью вы бываете прекрасны, как греки, — прекраснее сухопарых римлян; и иногда, и в лучших случаях в вас просыпается подлинный Египет.

Египет — запахи — обоняние.

* * *

29.VII. 1916

Ах, эти розы, эти розы — они хорошо пахнут.

Но не одни розы — и левкои.

И резеда.

И горошек.

Он называется — "душистый горошек".

— Что ты заботишься, Розанов, чтобы люди больше обоняли? Они достаточно обоняют. И чистое, и нечистое.

И солнце, и собаку.

Весь мир связан обоняниями, и без обоняния он рассыпался бы.

Нет вещи, которая бы не воняла. И это суть ее.

— Пахнет еврей. Пахнет русский. Одни французы ничем не пахнут, и от этого их отверг Б. П. ч., что без запаха, того не нужно Б.

— Разве ты не слышал, что сказано: Бог обоняет *туки жертв*.

"Туки" — это что-то самое гадкое в животном. "Сальная железа" около почек. Вонь непотребная. И она нужна Б. И сказано — "обоняет".

Весь мир обоняет. И нет запаха, который бы не обонялся. И что "донельзя противно одному", то: "нет ничего сладостнее — другому".

Вот отчего люди бегают, странствуют. Зачем им даны ноги. Ибо каждый запах ищет своего носа. И посмотри, какие носы у людей. "Человек без носа" — страшилище. С носом — блистательное великолепие. Если бы Агамемнон или Наполеон был без носа — за ним бы никто не пошел. И Наля не любил бы свою Дамаянти, а Дамаянти не любила бы своего Наля.

По запаху люди узнают эссенциальности вещей. И тряпки, и добродетели.

Всякий добродетелен в меру того, насколько он пахнет. И что воистину добродетельно, до святости — то благоухает.

И в поздних церквах ваших люди будут входить в церковь: "она особенно хорошо благоухает". Ибо в ней много и хорошего мира. И о мощах: "Какое благоухание!"

Но истинная тайная вещь: что Солнце — пахнет.

Лучи его тайно звенят и разносят частицы пахучести по вселенной. И это не оно светит, а светятся его частицы.

Каждая собою и одна.

И запах несется, а оно не умалывается.

И "Его" — капля в море. Солнце — капля в небе, а мир — комната вся пахнет и

Солнцем.

Скарабеем.

Богом.

И не печалься ты, что мир останется без веры. Он не останется без веры. П. ч. есть одна великая вещь: НОС.

* * *

30.VII. 1916

Я не виню своих милых друзей (которые в самом деле друзья и которые в самом деле милы). Они сказали мне "то впечатление", какое "получили". И у них была та же самая "природа", за которую воюю я. "Природа" тоже чувствует впечатления. И она сказала мне: "Нет".

Но ведь я со своим самоутверждением, и говорю: "Расту". Дело в том, что "впечатления" все-таки не могут вырвать "с корнем". Что делать. Подумаем о впечатлении.

Я сам чувствую, что в "Оп. л." есть что-то наркотическое. Что их нельзя читать много. Становится удушливо. "Читателю душно". И оттого что он "хочет сам жить".

Это хорошо. П. ч. читателю, конечно, надо "самому жить". Читатель, в сущности, выше писателя. Уже потому, что их так много, а я один.

Отчего происходит эта удушливость? Читатель, я чувствую, чувствует себя "задушенным", "захваченным": ибо ведь в каждый момент написания отрывка сам автор был "задушен" и "захвачен" этим своим "мгновением". Сумма таких "задушенностей" автора и передается читателю. Который, м. б., "окончательно задушен".

Тайна, как я сказал, что "сочинения мои замешаны на семени".

Это глубокая и истинная правда. В каждый отрывок вошла концентрация моей души. Не то, что душа "пролетела" и "сказала", а "сгустилась" и упала "каплей". И капли эти густые, смолистые, в которых "вязнешь", как муха, попавшая на "клей из вишневого дерева".

И все это слишком густо, и все это слишком вязко и неудобно для читателя. Это я сам чувствую.

Пью за здоровье Мери — хорошо, п. ч. никого не связывает. "Пушкин выпил" и читателю "легко". Но когда я пишу "ненавижу социалистшек" с этим напряжением души, точно вся жизнь (суть семени) ушла в это "ненавижу", то читатель более не свободен и ему остается или дать мне по морде, или *в самом деле возненавидеть социалистшек*. Но "возненавидеть" он не может или не хочет. Да и в самом деле, что же ему "жить по Розанову", "думать по Розанову". Это слишком, — и по правде, этого я не хотел и не хочу.

Дело в том, что капли-то мои "капают сами собой" и муху не зовут. А между тем "муха налетела и завязла". Нечто страшное тут действительно заключается в том, что душа моя страшно сгущена, что "точно я жил всю жизнь для того, чтобы сказать *это слово*" (отрывок). И мне-то легко. Дерево растет и после того, как с нее "скапнуло". А мухе куда деваться? И нездоровье своих соч. я сам чувствую.

Но что же делать?

А ничего не делать.

Вишня пусть капает. А мухи — пусть вдыхают, а не "салятся на клей". Кто же купается в семени. Семя вдыхают.

Пр—ция ужас, совокупление — всегда светло. Вокруг него образуется семья, растут дети. Песни. Быт. И больше всего этого — религия. Мать ведет в церковь детей своих.

* * *

3.VIII. 1916

Тема очень простая: христианство должно раздвинуться для вмещения в себя фалла (in st. erect.).

Если не раздвинется и не вместит, — конкретно, если под пологом, в закрытии и вечной ни для кого (ни для единого человека) невидимости не поставит статую "человекоподобного", но непременно с поднятым, напряженным до последней напряженности органом, вот-вот в момент перед извержением всеорошающего, всеоплодотворяющего семени, в свои святилища, в свои святости, с воспеванием перед этою "Закрытою Тайною" (под пологом) молитв и возжжением перед нею свеч и лампад, — то оно погибнет (да уже и гибнет), засохнув в формализме, деланности, риторике и проч., и проч. И не спасут его ни папы, ни Вильгельм, переодетый пробстом и читающий проповедь, ни наш Св. Синод и ни сто "мистических сект". Вообще дело должно быть прямо: ДАЙ НАМ ОПЯТЬ ОТЦА. Ибо без ОТЦА деточкам остается подохнуть, и они подохнут.

Мир умирает, несомненно. Одни жида не мрут и потому, что они держатся за ОТЦА. И нам пора одуматься и вернуться.

Возврат выразится во всеобщем смягчении, унежении. Ведь ОН — БАТЮШКА родитель неги на земле. Он нежный и нежит. Он СА-

МЫЙ СТАРЫЙ, но и вместе **ОН САМЫЙ ЮНЫЙ**. Ребеночек. Еще 13 лет. Но уже "он", "Он" (есть семя). Он благословляет. Он ласкает. Прощает все грехи. Он любит честных жен, но не бежит и проституточки. Не осуждает, милостив. Не инквизитор. И за собою ведет он утро, и Он дает человекам священную ночь. Все он. Роса — от него. Звезды мерцают от него. "Все так красиво" на земле от него. И от него же "Небо вечно обнимает Землю".

Как Он прекрасен. О, это прекраснейшее обрезание — прекраснейшее дело рук человеческих, воистину "знамя Завета".

Он будет красив. Женщины побегут к нему (как не побежать), и мужчины скажут о себе: "Пойте же нам гимны".

И будут петь гимны юношам, п. ч. они "могут". И будут петь прощальные гимны старцам, "п. ч. они уже не могут". С вечным воспоминанием и благодарностью за то, что "однако они могли".

Тогда сирень будет цвести только белыми цветами. Крапивы не будет.

* * *

3.VIII. 1916

Беременейте. Не стесняйтесь имени проституток. Кокетничайте, привлекайте. Зовите, зовите мужчин, — ведь они почти отродье, ведь они почти импотенты. Ваше дело — взять от них семя и вырастить племя. Племя гигантов.

Вы спасете род человеческий, если станете проститутками, ибо "сложение времен" таково, что от проституток никто не отказывается. Будьте кокотками, примите "зрак презрения" на себя: и извлеките из отродья единственно ценное, что оно имеет — семя. И вырастите племя новое, племя гигантов.

Господь вас оправдает. И история скажет: "Вот кто были **ВЕЛИКИЕ**".

"Ибо они украсили землю новым человечеством".

Новое человечество, новое человечество. Оно родится от вас. Крадьте единственное, что есть в наше время — **СЕМЯ**. И убегая в темноту и тайну — рождайте гигантов.

* * *

3.VIII. 1916

Берегите, берегите семя мужское. Мужчины дураки и сами не умеют беречь его. Девушки, женщины — вы должны "елико возможно" и всеми способами, не щадя ничего, не останавливаясь ни перед чем, сберечь семя каждого поколения.

И вырастить из него чудных детей.

Женщина есть преемница и растительница мужского семени. И только. Стоп. Точка. И молчание.

Это гора перед упором ваших плеч, женщины. Прорвите эту гору, столкните ее в "соленое море" ("Соленое море" Ханаана).

В каждом вашем поколении соберите все мужское семя, — до ниточки, — не выпустите, ничего не пропустите, — и вырастите из него детей.

Это ваше есть единственное дело на земле. Но здесь вы за каждую ниточку ответите перед Богом. Каждый "упавший сноп" и "затерявшееся зерно" — ваша ответственность.

Мудрым, осторожным взглядом следите за мужчинами. "Провожайте их глазами" (солдаты офицеров на смотре). И когда он "готов" — вы уже должны быть готовы.

Любовницами, женами, проститутками — все равно: принимайте семя и принимайте.

Любите. Нежьте мужчин (пусть они болваны). Хитрите около них. И схватив сокровище — убегайте с ним в пустыню.

О, девушки, — которых я бесценно люблю: — посмотрите на мир, как на пустыню и сделайте свое дело.

Без этого вашего долга все погибнет.

* * *

5.VIII. 1916

...о, поведите меня, коровы, сперва русские и потом египетские, и научите меня мудрости страны первой, страны древней, страны священной...

Как вы священствовали там в любви и поэзии, в родах и играх...

...ибо вас не заметили иначе, "как во сне фараона" ни священники, ни ученые.

...а потому ни священники, ни ученые не могут научить Египту, о коем прошептала нам древность, что вы были там жрецами над жрецами и вели в первом ряду бал цивилизации.

* * *

5.VIII. 1916

Может ли быть прощальга основателем церковной реформации? Это на всякий случай вопрос, а в частности по тому поводу, что касательно религ.-филос. собраний радикалы со стороны подсмеивались: "З. Н. конфетки из кармана кушает и о реформе церкви помышляет".

Ответ:

— Да. Если бы религия и церковь состояли из одной добродетели, напр., из одного сурового воздержания, от конфет "и также от прочего", тогда... но только ТОГДА было бы невозможно помышлять о "религиозной реформе", съедая одновременно конфеты, "а также и ПРОЧАЯ".

Но ведь нельзя же отрицать, что при венчании, которое есть РЕЛИГИОЗНЫЙ ПРАЗДНИК, кушают конфеты и орехи.

Нельзя отрицать, что в церкви благословляются "вино и елей" и, кажется, 6-го августа — яблоки (на юге д. б. виноград).

Но берем общее вопрос:

— Да. Если суть религии заключается в **ХОРОШЕМ ПОВЕДЕНИИ**, то лишь с хорошим поведением можно помышлять "о лучшем завтрашнем дне".

Но ведь все и яростно отрицают, чтобы религия была только **ПОВЕДЕНИЕ**. "Как **БЕДНО**", — и боясь этого укора, сами же христиане кричат, что христианство есть **И МЕТАФИЗИКА**.

Ну, а если **И МЕТАФИЗИКА**, то отчего же тут не реформировать **ПРОЩАЛЫГЕ**. Новый Платон, проповедуя, как и древний, что "я хорошо философствую только тогда, когда бываю **В КУРАЖЕ**" (приблизительно, — у Платона "в безумии"), может тоже заплетающимся сказать:

"Хотя я менее вас всех добродетелен, — но не горжусь этим и скорблю об этом: но, братия, воспользуйтесь тем, что я далеко и хорошо вижу..."

Ну, и дальше "пункты", и ось реформы готова.

Раз он покажет "и **ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ**", другие добродетельные в следующем поколении произведут перемены, необходимости и неизбежности которой они сами не могли заметить, и вся их традиция ("добродетельная") тоже никогда не могла заметить.

Еще заметка, о которой я не так уже уверен: правильно ли, что идею реформы соединяют с ломкой и как с предварением этой ломки — с враждою. Григорий Гильдебрандт враждовал с императорами — и с духовенством (женатым) он тоже враждовал. Но в общем он произвел глубокую реформу церкви, *не разломив вовсе церкви на части*.

Не ошибаемся ли мы, что прототипом реформы и реформации ставим Лютера? Повторить Лютера вообще ли в христианстве или в церкви, напр., в восточной было бы явным бедствием, горем, катастрофою. Это было бы *еще падением христианства*. Т. к. лютеранство сравнительно с католичеством есть, конечно, *ступень ниже*, есть момент разложения христианства и нисколько не момент чего-либо созидания в христианстве. Лютер сам был великой правды человек, — но дело его в истории было жалкое и — увы — презренное.

Это переход от "героического" к "мещанскому", если такие термины допустить в приложение к церкви. После Меланхтона и Лютера лютеранство уже ничего не имеет, кроме замечательных профессоров. И в ней погас главный свет и источник всякой религии: **СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК**.

Возвращаясь к теме скажу, что нужна не ломка, а **ДОПОЛНЕНИЕ**. Нужно не обеднение, а **ОБОГАЩЕНИЕ**. Сказать бы обрядом, то я бы выговорил: "Нужно еще больше **ОБРЯДОВ**".

Религия тускла, "в уголке" (жизни) стоит. Я бы по-православному завопiał: зажигайте толще пуки свечей, прибавляйте лампад, гасите электричество в храмах (холодный, безжизненный свет), увеличивайте праздники, — давайте $\frac{1}{2}$ недели праздников, чтобы работать (и особенно учиться) не более 4 дней в неделю.

Но в основе и *содержании*, конечно, я бы говорил несколько о другом. Это для примера.

* * *

6.VIII. 1916

Есть в мире какое-то недоразумение, которое, м. б., неясно и самому Б. В сотворении его "что-то такое произошло", что было неожиданно и для Б. И отсюда, собственно, иррационализм, мистика и неясность. Мир — гармоничен, и это — "конечно". Мудр, благ и красота — и это Божие. "Но хищные питаются травоядными" — и это уж не Божие. Сова пожирает зайчонка — тут нет Бога. Бога гармонии и добра.

Что такое произошло — этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и *не понимает* Сам Бог. Бороться или победить — это тоже бессилён Сам Бог. Так я хочу родить "мальчика", красивого и мудрого: а рождается о 6 пальцах, с придурью и непредвиденными проказами. Так "она" испугалась чего-то в зачатии или в беременности и родила "не такого".

* * *

7.VIII. 1916

Главная добродетель Ветхого Завета — совокупление. Не "размножение", не "расположение" — это уже дело Евы, и ее Бог награждает беременностью, родами, детьми, если она радостно, охотно и особенно без какого-либо сопротивления (преступного) приняла... "Его" и семя его. Но главному, Адаму, Первенцу Своему в сотворении человека Бог дал одну, крепкую, неколебимую заповедь — совокупиться, совокупляться, еще совокупиться и вечно совокупляться, — до старости самой глубокой, — от юности самой ранней. К Аврааму в сто лет пришел, — и плодом посещения Божия было, что он совокупился. В Ветхом Завете как Бог посещает — результатом совокупление; как Бог милостив — последствия учащение совокуплений (показатель — плодородие); как дают мужу "еще служанку в совокупление", так бесплодные дотолы жены награждаются Богом желаемую ими (женами) беременностью. Это до того явно, это до того не имеет нигде отмены себе — что никакого спора здесь и никакого сомнения об этом невозможно. И единственным только ограничивается совокупление: это внутреннею чертою его самого, совокупления мужского, — именно страстью, силою, огнем. Который — подумать можно, и существует только милостью этих совокуплений, а без них как бы засыхает, испепеливается, становится пылью и вот-вот разлетелся бы. Точно льющееся семя мужское, брызгающее, скачущее, как козленочек, на Суламифь, и вот Суламифи людские влагою и липкостью своею скрепляют Бога, сцепляют Его, увеличивают Его кровообращение, дают Ему силу дышать. Как бы Бог есть Космический Цветок, цветущий цветом всех остальных в мироздании цветов — и вот это и есть не только главная, но и единственная связь Бога с миром, что твари должны совокупляться.

В Библии неверно переведены слова: "плодитесь, множитесь, наполните землю": три тавтологии, и неужели Бог так плохо знал грамматику и так плохо написал Свою главную книгу? Нет, Он сказал:

Совокупляйтесь (Вы).

Множьтесь (Аз вам даю).

Наполните землю (общее Мое с человеком дело).

Вот заповедь, — как она читается, как она есть, — да и не от Бога (Елогим, не единственное число), а от Богов, где Он поглотил ее как муж поглощает жену в совокуплении. "Ева" от Адама и "Шехина" от Елоах. А они два — Елогим в совокуплении. Суть-то дела в том, что как человек не имеет силы быть в вечном семеизлиянии: так Самое Бытие Божие и заключается в вечном и непрерывном миллионы лет ни на секунды не останавливаемом семеизлиянии, и "радость Бога" есть и *наша* же радость семеизлияния, но нам вялое совокупление есть уже небытие, горе, "мука тому, Кому совокупление": и вот назначены святые субботы ему, т. е. возможное по силам человека разрешение для возможного даже сверх сил бы человека напряжения в священный день (для чего в пятницу они едят щуку, по наблюдению Талмуда, — поднимающую мужскую силу).

Роды, дети, беременность — тоже от Бога и есть награда Божия за совокупление, которое само и единственно в акте и излиянии семени, в страсти и огне, в похоти и желании нужны Богу, радуют Бога, успокоют Бога, удовлетворяют Бога, питают Бога, и просто хочется и нудится сказать по томительной просьбе Бога Адаму, Аврааму, Иакову и всем — поддерживают самое бытие Божие, дающаяся раз в трои суток, а у Бога она вечно. Однако вот эта-то радость Божия таинственным кругообращением зависит от наших совокупительных радостей, и потому они одни у нас и потребованы с Адама и до сего дня. Но это уже включает в себе полный круг совокупительной религии, где в промежутках между небом и человеком цветы цветут, пчела кладет яйца и бык оплодотворяет коров. Все в единстве, и Бог Един, и мир един.

Но это не "натуралистическая религия", а самая подлинная, о которой с Адама и Авраама и через Моисея сказано Слово-Мудрость.

Это слово все разлагается в модификации:

Множьтесь — теките семенем и родами и затопите ими мир.

* * *

7.VIII. 1916

Из революционеров только немногие начинают соображать, в каком situation они находятся. И при этом об этом не соображают даже такие люди, как Плеханов, Крапоткин, Лопатин. Что не "Азеф ужасен", а что самая революция уселась в кресло азефовщины. А если уж совсем далеко бросать глаз, то окажется, ужасная вещь, что в некую историческую азефовщину вводили нас постепенно все корифеи, что тут и Л. Т., и Вл. С., и Герц., и все шестидесятники, и наш гениальный Николай Васильевич.

Уперлись определенно и стойко войти в нее одни славянофилы, — ну и раньше лица чекана Карамзина. Но вообще немногие, очень немногие.

Масса же грянулась в азефовщину. Как? Почему? "Что случилось"? Да очень просто. "Азефовщиной" можно назвать всякое приглашение воевать в битве, о проигрыше которой никто не сомневается.

Вот и сели. И Плеханов, и Крапоткин. "Вы также Азефы с большим самолюбием". В то время как маленький Азеф чистосердечно сознался себе во всем и начал откровенно предавать, вы все не говорите вслух, что думаете, и продолжаете прикровенно предавать революционеров "на съеденье". За ту "высокую роль", какую играете в революции.

Ах, генералом каждому хочется побыть. Генералом в клубе. Генералом на именинах. Генералом в видном журнале и, наконец, генералом во "всероссийской революции". И вот вся роль и весь аппетит Герценов и Крапоткиных.

Это — гиблое место русской истории. Дело в том, что неумные гении от Гоголя до Толстого завели не "поклонников своих" одних, а всю Россию, в гиблое, болотное место, в трясину. Но заведя так далеко, как же им сказать: "Ошиблись".

И они еще делают "личико". Вот уже 30 лет стоит в печати: "Не разочаровывайте!! — Дайте иллюзию. Если мы и гибнем, то со счастьем мечты".

Да тут положена вся литература. Ни больше ни меньше как вся литература. "Конечно, после Гоголя никому не стыдно". И всякая вошь тоже продолжала отрицать Россию.

Между тем столкнуть и изничтожить такие три махины, как

Царь
Духовенство
Войско

— из коих из всех только Григорий Петров да офицер Ашенбреннер перебежал к революционерам, — конечно, невозможно.

Ну, я допускаю, что тут много недостатков. Да они, конечно, и есть, суть. Ну, льдина, ну, нехорошо. Очень. И вот на "ледяное море" верст в 300 шириною мчится "полный искусства и науки", "техники и приспособлений" "Титаник". На "Титанике" — бал. "Тронул" льдину. Льдина даже не почувствовала. Она даже недохнула. А уже через 15 минут "бал кончился", и "Титаник" тонул.

Революционерам, "полным мечты", не придет на ум даже такая эмпирическая действительность, что они только и делают, что

бегают,
скрываются

и

их ловят,
но — щадят.

Какая же это "борьба"? Это сволочь. Никакой борьбы нет, а есть стеснение раздавить вошь. "Она такая маленькая" и тоже "Божие творение". "Простите, что она кусалась, и дайте амнистию". "Простите эмигрантов". Там-то перехватили. "Судите их милостивее". Да что за

сволочь у порога. Революция именно стоит сволочью у порога и все время лижет руки "палача-правительства", чтобы оно не размахнулось дать пощечину сволочи, а снизошло бы, дало поцеловать ручку и вместо виселицы изменникам (ибо ведь кажется довольно явно, что всякий революционер есть изменник) — сослало "на Кару", а то "и меньше".

"Ваше превосходительство, — не больно секите", — эта мольба составляет всю историю русской оппозиции.

Дело в том и суть неодолимости заключается в том, что такой колосс, как

ГОРОВОЙ,

сей истинный и единственный демократ века презренного, "защита сирот и голодных" на улице и абсолютно необходимый и неизбежный на каждой улице, смотрит даже на "Николая Васильевича" как на "Николашку", и при удобном случае его "тащит" и "не пускает".

— Ты хоть и гений. А нужды спрочь тебя выше.

Этот колосс не читает газет и журналов. Он даже безграмотен. Он просто русский человек, серое сердце, не прочь выпить и закусить, — что греха таить, стянет даже цепочку с пьяного (уголовщина, худо), но:

— Если муж убивает жену — хватает за шиворот.

— Если фабрикант не платит рабочим, предлагает уплатить.

— Проститутке напоминает, чтобы сходила к врачу.

Он друг народа. Но Марат есть Марат — тот хвастун: но единственный ami du peuple и есть городской. Который даже не смутится "Мертвыми душами", определив:

— Это выдумал наш больной с такой-то улицы, к которому я уже посылал городского врача. Много с этим Гоголем хлопот. Замаялся.

Городской до того занят, что ему даже учиться грамоте некогда. "Хлопот полон рот". Но хлопоты все абсолютно безотлагательны, и если "не исполнить", то в тот же миг — именно миг, это — самое главное — получится чье-то где-то страдание. Страдание "вот в этом дому" или страдание у "этого человека".

Тут будешь "ледяной глыбой", не видящей, не слышащей, не читающей Гоголя, презирающей Герцена: потому что все ушло на "безотлагательные мелочи".

И вот вся Россия, все 170 000 000 людей ушли и копошатся в "безотлагательных мелочах". Как же вы это одолеете революцией, которая в первом же шаге своем есть задержка этих "безотлагательных мелочей", — следовательно, "стоп" человеку, который идет обедать, "стоп" усталому, который идет спать, "стоп" любви, которая только что началась, "стоп" в получке жалованья, в плате, в работе, во всем. Ведь "революция в серьезном смысле" была бы "внутренняя война", вроде (и хуже даже) — "Алой и Белой розы" или "Столетней". Но это возможно и выносимо было при прежнем редком населении и когда все люди жили на "подножном корму", всякая лошадь "щипала траву под ногами". Но "100-летняя война", когда все нужно "купить на базаре", а во время

революции "все базары закрыты" — конечно, невозможно. Революции, и с выгоном правительств, были возможны в Париже, Берлине и Вене, но ведь явно же это были не "революции" в собственном смысле, а какие-то "красные дни" революционных движений, — именно "дни", "удачи", "случаи": "миллион положен на карту — и карта бита". Совершенно явно, что это не история, а "клубные происшествия". И вот наши несчастные эмигранты в Париже все еще ждут "благоприятного клубного события".

"Патриотические заверения" революционеров 1914 г. были — чему так многие у нас восторгались, — были выходом их из отчаянного положения, из коего, казалось, выхода никакого не было, — и серьезным революционерам бесспорно мерещилась по ночам судьба быть "перевешанными до одного" (это ведь немного, ибо и всего-то их человек 700 "активных", т. е. сколько "падает" в крошечной битве), — и судьба вести партию сознательно и всю к виселице (вполне заслуженной, ибо они все изменники). Это и есть азефовщина. В "место" которой попали и Вера Фигнер, и Плеханов, и Крапоткин, и Екатерина Брешковская.

"Ледяного моря" не одолеешь. И потому, что оно состоит из "безотлагательных нужд" 170 000 000 людей. Против которых борется 700 или 7000, или 70 000, или 7 000 000 человек. Но даже 7 000 000-я революция будет раздавлена и заслуженно раздавлена 170 000 000-ю жизнью. "Раздавлено будет" — если "все Поволжье восстанет", взбунтуется "весь Дон", "весь Днепр". Для РОССИИ все это пустяки.

* * *

7.VIII. 1916

Теперь, когда открылась ужасная война, совершенно явно, что революция есть не только культурное предательство, а что она есть политическая измена в интересах определенного правительства, что Плеханов, Крапоткин, Вера Фигнер и Екатерина Брешковская ("бабушка") сидят рядом с Сухомлиновым и с Мясоедовым, что фальшивый игрок и по сю пору еще продолжает "играть роль", говорит лишь о том, что Кречинские по самый гроб жизни "играют роль". Ибо что же делать человеку, в натуре которого только и лежит "роль", а не простота, не жизнь, не дело. Но затруднение и мука есть. "Скучно бедному человечеству", и это можно сказать о всех 170 000 000 "труждающихся и скучающих". "Праздник нам не в праздник", и этим сказано все.

Дело не в революции, а в перемене тона цивилизации. Если хотите, для Европы это идет вопрос о колебании культур. Дело в том, что "ледяная-то глыба", текущая века, занесена в Атлантический океан Гудзоновым холодным течением, а сам-то по себе Атлантический океан тепел, — и даже в нем есть почти горячий, благотворящий Гольфштрем.

"Титаник" мог бы и не погибнуть".

Вопрос, конечно, в том, что потеряна религия Отца, — крови, родства, густых отроческих браков, любви, нежности, и именно личной,

"вот в этом месте нежности", — "у нас", а — не "вдали". А революция все считает "через 100 лет" и "у наших потомков". Но Бог с нею.

Нужен поворот к египетским коровам. Этим сказано все.

Нужен нам — хлев. А, это другое. "Не чисто, да тепло". Суть почти во всемирном холоде, которого кто же не чувствует. Нужно скарабея, "навозного жучка", которому так непонятно поклонялись египтяне как Высшему Богу. Египетская цивилизация была положительно абсолютною. Нужен... И Им опять... согреемся.

Вот Кого они называли "Всемирным Солнцем". И поклонились ему. Поместив и в солнце — Скарабея. Конечно, они поклонялись не Скарабею как Солнцу, а Солнцу как Скарабею. Навозный жук был для них вечнее, абсолютнее солнца. Навозный жук — абсолют. Выше его вообще ничего нет.

И потому, что в нем искра жизни. Первая, самая крошечная. Но от которой "через миллион лет" запылала Вселенная.

* * *

10.VIII. 1916

Совершенно так, как напустив нефти в Волгу, допустив сети с мелкими дырочками и допустив невода, которые захватывают течение реки от одного берега до другого, русское "официальное и на службе правительство" погубило и истребило рыбу в Волге, и, говорят, стерляди даже в Суре нет (знаменитая "сурская стерлядь"), погубило весь этот чудный, благодатный дар Божий народу русскому, за какие-то взятки промышленников, за какие-то гроши в карман, — а теперь, говорят, и "вся рыба" от Царицына до Астрахани в руках евреев предпринимателей и скупщиков, и русскому народу остался уже один кукиш, — так точно своекорыстием, бестолковостью и упрямством отцов духовных, а в сущности, вотчимов православных погублено то "благословение браку", какое было дано браку еще до Василия Великого и Златоуста. Оно ввело скарденность (в дозволении), бестолковщину, неверное считание степеней родства — ввело всяческую ерунду, — "невенчание в пост" (против И. Христа: "ради гостей чертога брачного *отменяется пост*", т. е. "брачующиеся *не постятся*", а не то, чтобы "в пост не венчать"). Оно знало только в браке одно — одно и всегда одно — чванство.

И кого ради Сам Бог указывает:

из рук духовенства недостойного изъять брак.

* * *

10.VIII. 1916

Дивная красота церковного богослужения — дивная и исключительная, — дивная по глубине, и всесторонности своей, такая закругленная, такая законченная, и весь "Устав церковный" — "Круг церковной жизни" с его "Триодями", "цветной" (Пасха) и "постной", — все эти настоящие "жемчуга и алмазы православия", непререкаемые

и очевидные, коим по красоте едва равняются "блудницы египетские" и "финикиянки, отдающиеся морякам", все эти "яхонты", и "смолы", и "янтары", выкаченные из глубин океана на наш бездарный материк, — вот

ОНИ
ОДНИ ОНИ

и спасают все. Да еще тихие святые по лесам. А "управление" церковью — это просто одна ерунда.

* * *

11.VIII. 1916

"Чиновник все губит".

Да. Но это одна $\frac{1}{2}$ истины. Всем давно известная. Есть другая половина той же истины, никому не известная:

"Чиновник все и поправляет".

Гадость. Проворовались. Кто именно украл — неизвестно. В воздухе висит бунт. "Не могу более молчать, окончательно".

Бунт и был бы. Но пришел чиновник. Худенький, ледащий, с орденами и с одной звездой. При нем столоначальники.

Чиновник что-то поплевал. Что-то написал. Кому-то шепнул. На кого-то закричал.

Взял салфетку и стал завтракать.

Оступенелый, взбешенный народ смотрит:

— Ты чего смотришь, подавай суп.

— Ты чего глядишь, подавай жаркое.

И вот такова привязанность к подробностям, что действительно один подал ему жаркое, а другой суп.

Толпа, видя, что чиновник так спокоен, начала тоже успокаиваться и просто глядеть, как он ест.

Потом, когда пришла ночь, все пошли спать. Разумеется, с женами. Бунта никакого не вышло.

Что же такое это "поплевание" чиновника и что именно он "написал".

Он написал, что некоторые урядники нехорошо поступают и их надо сменить. Другие поступают отлично и их надо наградить. Народ волнуется. Но народ всегда волнуется, и на это не надо обращать особенного внимания. Недовольных много. Но и Бог создал землю не для одного удовольствия. Прочитав такое основательное богословие, "ТАМ ГДЕ-ТО" решили: у нас этот чиновник умный, и ему надо дать вторую звезду.

* * *

11.VIII. 1916

Я думаю, что никакому решительно человеку не может прийти на ум, глядя на наших пузанов, чтобы они были продолжателями, наследниками и преемниками: "Взгляните на птиц небесных, которые не сеют

и не жнут, и Отец Небесный питает их". "Взгляните на полевые лилии: истинно говорю вам, что и Соломон в славе своей не был так прекрасно одет, как они..." Потому что пузаны едят кашу и толокно, одеваются в позументы и сплетничают в консистории за бракоразводным столом...

Вообще неужели непонятно, и непонятно с первого же взгляда, что церковь католическая есть именно церковь испано-французско-итальянская, что церковь греческая есть церковь константинопольско-афонская и церковь русская есть церковь киевско-суздальско-московско-петербургская, как церковь лютеранская есть берлинско-геттингенская, и что напрасны и безумны попытки связать их, т. е. связать вообще все христианство теперешнее с саронскими же лилиями Ветхого Завета, с Суламифью и Руфью его же или с тайною Христа — Магдалины — Девы Матери — Иуды — Евангелия. Что "тайны Востока" никак не уложились в "секреты Запада". И что мы не то чтобы падаем "на два колена", а лежим плашмя и не опираемся ни на одно колено.

"Христианская история" есть самостоятельное европейское явление, лишь "еще" связывающее себя и с Евангелием, и с Ветхим Заветом. Как тщетно стал бы учитель латинского языка уверять, что он "продолжает римлян", ибо "занимается с учениками Цицероном".

Единственные глухие, — глухие и слепые, и бесноватые — продолжатели Библии, это, конечно, "сарацены", "агаряне", потомки *прямые* Агари и Измаила, т. е. сына Авраама и его *любовницы* Агари. Вот кто принял и удерживает, хотя и бесновато (войны), Ветхий Завет. И еще — жидки из Вильно, жидки всесветные, но тоже отнюдь не "обрусевшие" Грузенберг и Переферкович. Это просто плохие русские и плохие жиды.

Что же такое "христианство Европы", что такое "Европа христианская"? Недоразумение и отчасти пустое место.

И земля трясется. Подземные гулы слышны. И неужели заглушат их тихие шаги Новоселова и Щербова, которые так счастливы оба: один — что не женат, и другой — что схоронил жену свою. И что оба они вспоминают Серафима Саровского и в пост не едят даже рыбы.

* * *

11.VIII. 1916

Случай с дочерями Лота, — который с такою жадностью повторили ("воспользовались", "обрадовались") *все* корифеи *всего* европейского художества, — как они же "обрадовались" Данае с быком и радуются всякому "сюжетцу" на эту тему, — действительно поразителен и исключителен и не дает ни малейшего повода к европейскому живописанию. Как-то давно, бродя глазами по Талмуду, я наткнулся на поразившее меня место. У них в каких-то случаях и в какие-то дни года и месяца читаются сплошь первые главы Библии *семейно*, — т. е. и при сыновьях, и при дочерях, подрастающих и взрослых. И вот в Талмуде поставлен вопрос об отдельных местах: "надо ли читать" или "надо пропустить". И вот дойдя до Лота и его дочерей, поставлен этот же

вопрос. И отцы Талмуда ответили: "Надо читать вслух". Если это не бормочется, а с расстановкой, то можно вообразить впечатление! Я помню, в Москве умная (даже мудрая) Напалкова (вдова с 2-я сыновьями и одной дочерью) отвергла святость всей Библии, — энергично и сильно отвергла, — из-за одного этого эпизода Лота и дочерей его. "Разве можно читать Библию? Там Бог знает что написано".

Это был один случай, когда я был поражен. Другой случай у Дернова в брошюре "Брак или разврат". Он там приводит слова великого в учителях христианства, Оригена: "Ужасаюсь, — пишет Ориген, — что хочу сказать: что дочери Лота были целомудреннее многих из жен".

Я всегда это чувствовал. Т. е. всегда чувствовал, что здесь, как и везде в Библии, нет ни единого слова, которое могло бы соблазнить "единого из малых сих". Сравни с глубоко развратным рассказом у Овидия о Мирре (тоже случай с отцом). В чем же дело, суть.

А в том, что, напр., Мирра желает именно отца, оговаривается няньке и самому отцу, что "никакой другой, кроме как вот ты" и т. д., — и здесь мы совершенно явно чувствуем извращение, болезнь. Дочери же явно оговорили мотив: "Во всей земле, нам доступной, нет другого, кроме отца, от кого бы ты и я, мы могли иметь дитя". И послесловие: "Больше они не входили к отцу". Таким образом, они были "приперты к стене". И как всегда в израильском плодородии: прорвали препятствие. Если бы мы так поступали, у нас не было бы старых девок, коих в одной Германии теперь 8 000 000. Таким образом, дочери Лота своим поистине боговдохновенным поступком, полным величия героизма, защитили всех последующих израильтянок от "греха бесплодия" и еще, как никто во всемирной истории, отстаивали универсальное право деторождения. Так если бы громко и вслух поступила Екатерина с рождением Бобринского, она утвердила бы право всех русских вдов на деторождение. Но она, которая ничего не боялась, никого не смущалась, нисколько не стеснялась иметь открыто фаворитов, перед деторождением — смутилась. И — утаила его. А был случай спасти в живых миллионы будущих детей.

И вот "нужно читать громко". Нужно не конфузиться, что "свои дочери слышат". Вообще с деторождением, господа, громко: иначе ничего не выйдет, попы будут стучать клюками, и смерть будет победительницей.

* * *

11.VIII. 1916

То, что именуется "ф-ческим культом", только и разглядывается в родстве... На самом деле его как "такового" нет, но вот "в родстве" он просвечивает как луч солнечный, несущийся через Вселенную. И он обнимает и связывает миры. И он только один и согревает всю Вселенную.

Во 1-х, лет 10 назад. Матушка замужняя, и дочь матушки же говорит с тревогой, что ее мать "лечится от женской болезни" и, кажется, что "у нее рак". Мы так и решили, что "рак". Через месяц и на немного минут

мы увидели и эту, "с раком". Она была болезненна, умеренно полна, некрасива, ничего интересного. Увидели и забыли.

Через 1 1/2 года спрашиваем молодую матушку, ту же ее дочь, с которой так хорошо познакомились на даче:

— Ну, что́ Ваша мама? Плоха?!

— Плоха? Нет. Она выздоровела. Болезнь оказалась не рак, а так: опухоль. И она уехала в Иркутск.

— В Иркутск? Из Петербурга?! В такие годы!!!

— Сестра вышла замуж и с мужем уехала в Иркутск. Он — военный врач. Мамаша СОСКУЧИЛАСЬ и поехала ее проведать.

"Соскучилась"... Но пусть мне передадут хоть об одной девушке-дочери, которая тоже "уехала в Иркутск или в Ташкент" преподавать географию, и вот чтобы тоскующая мать поехала ее проведать, если она, повторяю, девушка...

Совсем иное дело, если дочь угодила себя в "священные блудницы" и стала "братъ Мои сосуды и, наполняя их маслом, ставить перед мужскими изображениями", как жалуется Иезекииль: или вот, будучи новобрачной, "предается похоти с мужем"-врачом. Тут для матери нет пространств, лет, и она, как молодая, спешит туда, где дочь "предается блуду".

Ибо ведь в Египте-то венчаний не было. Следовательно, и "новобрачная" просто есть "дочь с любовником". А при других изображения "богов" она просто ласкает и нежит, но не истукана и не "литой кумир", а налившийся кровью мужской ф-лос.

Но — именно нежит. Совсем недавно 42-летняя счастливая замужняя женщина мне проникновенно сказала: "Конечно, разве в разврате, разве в публичных домах и с проститутками возможно то́, что в законном браке, и когда я знаю, что муж принадлежит только мне, и он знает, что я имею только его одного как мужчину? Конечно, брак НЕИЗМЕРИМО СЛАДОСТРАСТНЕЕ, ЧУВСТВЕННЕЕ, чем какой бы то ни было разврат на стороне".

Я был рад, что она сказала. Ибо сам я уже много лет об этом догадываюсь.

Конечно, единственно огненный разврат — с женою, с мужем. И, как опять сказала моя собеседница, — впрочем, повторила за мной мои слова: "Наступает забвение. Люди не помнят себя. И Бог знает что́ делают. То, чего нельзя ни выразить, ни назвать, ни даже намекнуть".

Она:

— Да! Да!

И вот вчера. Звоню по телефону. Университетский товарищ и тайный советник. Он прерывает мои слова о деле и радостно кричит в телефон:

— Сегодня дочь меня (год замужем) обрадовала ВНУКОМ.

Ну разве это не ф-ский культ во всех случаях?

Мужчины должны стараться. Мужчины совсем дураки и не знают, в чем именно им нужно стараться. А они-то "осчастливливают человечество речами".

11.VIII. 1916

Мне хочется продолжить на минуту и сказать то, что мне так недавно стало приходить на ум. Я раньше думал, что это все "тянет к себе (тестя и тещу) счастье дочери": но на самом деле буквально тут совершается фаллический культ, и все примыкает *через дочь* к "служению" именно наслаждениям мужа; точнее — к служению Его силе, Его долгу, его похоти, его мужской страсти. Собственно, самая дочь, как "сторона пассивная", не приходит на ум иначе, как "служащая же" Ему. Все примыкает к активной, деятельной стороне. И тут я опять имею слова, а не говорю наобум и "свое". Я умел подобрать эти "крошечки" (чужих выражений) и говорю определенно и прямо.

От этого же в старости, т. е. в возрасте тестя и тещи, развивается содомия, т. е. уже прямое и от себя служение ф-лу. Но обыкновенно и всеобщее это происходит через дочерей. "Отдавая замуж", родители хоть и делают вид, что они "пристраивают дочерей", но это дело, и экономика не переходила бы в "эрос выданья замуж", если бы не пробуждалась "эротическая наука Платона", заключающаяся в требовании: "подавай мальчиков", "подавай мужчин". Как и в чистой содомии. О чистой содомии и лесбианстве теперь уже все знают, что она сопровождается большой привязанностью и, главное, бóльшим обожанием, чем к противоположному полу. Платон прямо говорит, что "хочется зажигать лампы и молиться". Между тем тут нет совокупления (педерастия вовсе не есть содомия, а гнусность), а есть единственная и безбрежная, как океан, влюбленность. Однако — влюбленность половая и к одинаковому с собою полу, но только *на другом* или *на другой*. В половых поцелуях, но главное — в бесконечном *умилении на другого*, восторге к нему, но именно половом, — половом и духовном... "Молятся друг на друга", но любовными, половыми молитвами. И вот тут мы наблюдаем "фаллический культ" во всей своей незатененности, во всей своей неутилитарности (нет детей, нет *своего полового наслаждения*), — есть только *обожание другого*: но обожание это приносит обожающему такой восторг, с каким не сравняется никакое совокупление, и этот восторг длится непрерывно все время, пока обожающий находится около обожаемого. Тут ф-ческий культ полон и в полном сиянии. Как бы древность не умирала, как бы Египет никогда не превращался в мумию, как бы Платон еще на наших глазах вел беседы и разъяснял СВЯЩЕННУЮ ТАЙНУ МИРА.

Эта священная тайна мира и есть платоническая любовь: или "видение Озириса — Изиды". Которое доступно в полном виде лишь обладаемым Платоновым Эросом.

* * *

12.VIII. 1916

Еще и так можно рассматривать все дело. Проститутки суть те девушки, которые, оставляемые с "зрелости" (13-14-15-17 лет) без брака, *вырвали себе зерно его*, совокупление, не имея силы, таланта, красоты, а главное богатства, — чтобы вырвать и остальное. "Колоса нет, подавай хоть зернышко". "Колос на корню и зреет — это брак", "зернышко" — наша жалкая проституция. Эти девушки вступили в форменное соперничество с браком, с замужеством, с семьей, с замужними женщинами, с женатыми мужчинами, с невестами холостых мужчин. "Наше дешевле — "стоит 3 рубля", — а тут вы отдаете еще жизнь и добродетельное за всю жизнь поведение". "Нам ничего не надо: подавай три рубля, ... и убирайся к черту". Конечно, это разбой. Но нельзя не сказать, что это очень хороший и вполне правоспособный разбой в ответ "тихоням", которые устраивали брак.

Только и скажешь:

— Вот тебе и Апостол Павел. Ничего не поделаешь. Проститутки почти что задаром.

* * *

15.VIII. 1916

Величие церкви — в ее "общем", в ее "всем". В ее "уставах", требованиях, в ее "строгих очах".

Сегодня стояли у Скорбящей. И свящ., и диакон до того стары, что было страшно, что священные сосуды выпадут у них из рук. Певчие пели хорошо. На хорах лиц не видно, но явно, кроме мужских, — и много женских голосов. И так крепко брали: "Яко до царя всех подыдем". Воображаю, как это понимает народ. Но вот что: *только* когда я стою в церкви, я созерцаю всю "Державу", эту неопределенную Русь в стройности ее.

И вот я вспомнил Гервинуса и разные подробности. Вспомнил Тюбингенскую школу и ее усилия.

Пусть эти "усилия" удались, и пусть более чем "удались", — и "головка" христианства вся отпала. Миф. Сказка. Евангелие есть, но "неизвестно, кто его составил".

— Возьмите, подлецы, все подлое свое. И я согласен, что вы все доказали.

И вы все-таки ничего не получите.

Вы можете разрушить только свое глупое протестантство, где несколько диких немцев орут свои псалмы в кирке. Но Православия вы никак не опрокинете.

"Яко до царя", которое и я не понимаю, останется во всем своем неизреченном величии. Останется "Держава", останется "все".

— Какое "все"?

— Такое "все", болван, — *как надо жить*. Я не спорю, что тут много нелепого, неверного, "против Писания". Не в этом дело Сущность

Православия заключается даже не в Евангелии, даже не в Иисусе Христе, и не в Библии. А она заключается В САМОМ ПРАВОСЛАВИИ, где и слова Евангелия, и Ветхозаветия содержатся только в *мелькании*. Только как прекрасные, величественные, вечные афоризмы, — как далекие пирамиды, где-то на горизонте. Египта я не видел, но ЕГИПЕТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДЛЯ МОЕГО СПОКОЙСТВИЯ.

Важность не в Евангелии, а в том, что мы в Него верим. Но оставим это. В чем же суть Православия и отчего оно недостижимо для тюбингенцев (т. е. ослов)?

Православие "довлеет самому себе". Суть вот в чем. Сперва в Греции, а потом во всей России, "на всем Востоке и у нас", от времен древних и до сих пор трудился длинный сонм старцев:

Они искали правды, искали, искали...

М. б., во многом ошибались. Не в том дело. А в том, что все они имели "строгие очи" и на себя и на все вокруг.

Что они в мире видели какую-то "Державу", скорее созерцаемую, нежели действительную "Державу" тоже где-то на горизонте, вроде Египта.

У них в очах были какие-то "пирамиды", тоже — вещи, лишь духовные.

"Одно царство прошло, другое царство прошло. Надо держаться".

Человек бременен. Хочет удовольствий, слаб. Но как "послабнет", все погибнет. А земле нельзя оставаться пустой. "Без царства нельзя".

И вот старцы, в длинном-то ряду, установили некую "Державу", тоже больше мысленную, чем действительную.

Установили "порядок вещей", буквально как "Бог сотворил мир". Но Бог сотворил мир вещественный, а "старцы" мало-помалу, преемственными усилиями, сотворили "мир духовный".

И принесли его на Русь. И держат. Теперь уже только держат и удерживают. И в этом таинственном "мире духовном", "от старцев идущем", и заключается все. А не в Евангелии и не в Писании.

Дело в том, что "старцы"-то эти глубоко верили в себя, но не в самолюбие свое (об этом не было помысла, — это-то очевидно), а в истину свою, в правду свою: и из них каждый по времени своему был глубоко прав. Они "рекли" (думали — по Писанию), и в голосе была страшная твердость и уверенность, что "это — лучшее" и "спасет людей".

В мире один Спаситель, а в Православии сонмы "спасителей", ибо все старцы в точности думали о вечном спасении, об одном Спасении, только о спасении души и жизни.

И вот пусть наука даже докажет, что эти "старцы во всем ошиблись", что "не в точности по Писанию" и проч. Наука никогда не докажет ни в одном старце никакого легкомыслия, никакого "щелкоперства", кое нетрудно доказать и во всех тюбингенцах, и в "наших" — от Пушкина, Гоголя и включительно до Толстого.

Ничем нельзя опровергнуть (ибо этого и не было) страшной серьезности старцев за все время бытия их. Т. е. почти за 2000 лет. Ну, а "2000 лет серьезности" — это чего-нибудь стоит.

2000 лет такой серьезности, где ни один не улыбнулся, ни один не рассмеялся, ни один не скощунствовал, где не было Боккачио и Вольтера. Не было Боккачио и Вольтера! Ни — разу!! За — **СТОЛЬКО ВЕКОВ.**

И вот пусть они все ошиблись. "Не так". Даже это, это даже несколько их не опровергает. Ибо "сомнамбула, говорящая мне торжественно истину", не может опровергнуть ее И САМА, когда проснется, и никто в комнате "из неспящих". Ибо впечатление осталось. Впечатление-то есть: и я испуган, и буду всю жизнь жить по ее серьезным вещаниям, а не по соленому остроумию собравшихся гостей.

"ЧТО-ТО СЕРЬЕЗНОЕ ПРОШЛО В МИРЕ".

А... Это...

Серьезное нужное. Чем-то **СЕРЬЕЗНЫМ** держится мир. Он держится не соленым, не остроумным, не Боккачио и Вольтером, не Тюбингенской школой. Все это пустяки.

Вы видите, что и Тюбингенская школа пустяки, хотя бы она и была доказана. Ибо, когда я умираю, мне нужно не "доказательства", а чтобы кто-нибудь серьезный держал меня за руку.

И моя душа "серьезным-то" в этот миг прилипается к "серьезному" в его душе.

И я, умирая, говорю: "Вот, что мне нужно было всю жизнь, но чего я не видел".

Вот и "мощи" объясняются. Русский народ бережет и ходит поклоняться, ходит приложиться и поцеловать останки этих исключительных людей, видевших где-то "в воздухах" эту незримую Державу и спустивших ее к нам на землю и, поистине, установивших **РУССКУЮ ДЕРЖАВУ**, — ибо без них ей не продышать ста лет. И которую так погубил парламент, и вот почему русский народ "и слышать не хочет о парламенте". И не только теперь не хочет, но и никогда не захочет: ибо в минуту, как русский народ поверит в парламент, сие незримое **ЦАРСТВО** отойдет от него, и он, проболтавшись с парламентом еще сто лет... разойдется со скуки, пойдет в рабство к немцу или к японцу. "П. ч. все равно я без державы и закона пропал".

Но к черту парламент, договорю о деле.

Так вот в чем оно заключается. Даже и не в Христе, даже и не в Евангелии. И Христос, и Евангелие есть во всех сектах, есть у штундистов, у лютеран есть, у Толстого было: но "Православия" там не вышло у них и никогда не выйдет. Дело в колоссальном двухтысячелетнем преемстве **С ЕДИНЮЮ ВЕРОЮ, ЕДИНЫМ УПОВАНИЕМ**, что человек легкомыслен и празднен, любит погулять и повеселиться, между тем как **МИР И ЗАДАЧА ЧЕЛОВЕКА НА ЗЕМЛЕ** **СТОЛЬ СЕРЬЕЗНА.**

И вот мы имеем из веков дарованную нам даром **СЕРЬЕЗНОСТЬ**. Это — **ЦЕРКОВЬ**. И ничто ее не разрушит. Не разрушит, если бы даже кто или если бы даже века "по косточкам ее разобрали" и **ДОКАЗАЛИ** в подробностях и в целом ее **НЕВЕРНОСТЬ**.

Ибо не доказали бы ее **НЕСЕРЬЕЗНОСТИ**. А в этом **ВСЕ**.

* * *

15.VIII. 1916

И я смеюсь над церковью. О, как смеюсь. "Никакие Вольтеры до меня не достанут", и в то же время чувствую, что все это бессильно и "мимо идет".

Вот ведь за час всего я в себе сказал: "Взрослым в христианстве обещаны на том свете такие блага, что они совсем не заметили, что у них в то же время требуется убивать детей".

Это сказал я в себе под впечатлением вчерашнего рассказа Коносевиич, как в Индии у ягуара индусы унесли детенышей: а matka догнала их. Они влезли, держа в мешке детенышей, на дерево. Она полезла за ними. Топором обрубили лапу. Свалилась — лезет на 3-х ногах. Обрубили вторую лапу. Она опять упала. Тогда задом наперед она стала цепляться и полезла одними задними лапами... Я сегодня, стоя в церкви, говорил в себе: "Пантера не училась в духовной семинарии. Если бы выучилась, не полезла бы: а как христианские девушки, бросила бы "в мусор" своих детенышей". И я все время в церкви бесился. Но "яко — до царя" — поразило меня, и вот я написал другое.

* * *

15.VIII. 1916

В чем же заключается дело и как согласовать или примирить *ягуариху*, которая абсолютно права и выразила "прекрасное" Вселенской Правды, между девушками и "дети их — в мусор", что есть абсолютное зло и выражает Безобразия Космоса, и — теми старцами, которые так мудры и утвердили Державу?

Мне кажется нужно следующее:

"Держава" не полна: в нее не вставлен один драгоценный камешек, **СЕМЬЯ**. Дело в том, что "мудрые старцы" почти все были одной определенной половой категории, которая несколько не мешала их мудрости и даже способствовала ей, — но совершенно препятствовала им иначе как "боковой благостью" освятить семью, не войдя несколько в зерно ее. Зерно семьи, кое в последнем анализе и, говоря грубо, заключается в "половой похоти", в "половом вожделении", по коему — когда она пробудилась в Адаме ("подрост") и послужила причиной дать ему Евы, это зерно, благословенное по Богу, осталось не только чуждо, но и враждебно старцам. Зерно-то это и есть "зерно ягуарихи": оно космогонично и свойственно ягуару как человеку, а человеку как ягуару. Опустив его, старцы не завершили Державу. И нужно иметь

простой взгляд на себя не как на "реформатора", а как на *еще* старца, который с благословения доброго и благого священника А. П. Устьянского просто "добавляет собою Державу", давая христианству "еще Царство". Да будет: "Царством Отца и Сына", а не одного "Сына".

И нужно все принять: блудниц, разводов, вдов, сирот, курносых, всем "дать мужа" и всех, "признавая того, кого взяла", хотя бы это был чужой муж. И тогда, и только тогда, "Христос будет всяческая и во всем". Когда честные жены не отвергнут даже и проституток у своих ног.

Более и более мне кажется, что я веду не к разрушению христианства, а к восполнению христианства. А. П. Устьянский, чистейший семьянин и строго православный священник, так именно и понимал мое учение. Нам нужно, очевидно, не словесно и риторически, а деловым образом примириться и с Ветхим Заветом, и даже с эллинизмом, с Египтом. Коровы действительно святы, п.ч. "ягуариха". И телята — святы, не токмо дети человеческие. Надо практически начать допускать (ибо новый завет шире ветхого) и полигамию, и полиандрию, и блудниц: но — в порядке, законе и строго. Пусть блудницы будут именно святыми. И любовницы — праведными. А жены — "уж до неба". В особенности священники и архиереи пусть имеют по несколько жен. Пусть священники идут впереди в этом, ибо у них есть порядок, и они во всем чинны и благочинны. Все должно быть свято. Ну, — и последний **ВЕЛИКИЙ КОСТЕР**.

Сжечь на нем человеческое легкомыслие. Когда будет дана действительная радость через многоженство, не надо будет этих "литературных утешений" через Боккачио, Вольтера, через повестушки и романишки, через дома терпимости, неприличные картинки, через "Стрекозу" и "Сатирикон". И эти глупости надо просто сжечь.

* * *

19.VIII. 1916

Вот вхожу все в один и тот же "Учетный" (б-к): устал, присел, оглядываюсь. "Как все постарели".

В 1900 г., когда внес 1500, все были черные. Теперь *те же самые* лица — седые.

— А ты сам?

— Сам не смотрюсь в зеркало. Леню. Кажется, я все тот же. Еще кажется: когда беру из банка — старею, когда вношу в банк — молодею.

Отчего ругают банкиров? Мне кажутся они очень милыми людьми.

* * *

27.VIII. 1916

Только в тепле что-нибудь вырастает. В холоде ничего не вырастает.

(занимаясь Египтом, идея навозного жука скарабея)

А революция — холод. Дураки этакие: как же вы выдумали что-нибудь вырастить через революцию?

Да вам бы благодарить царя, если, выдвинув пятки, он позволит Желябову и Соньке и двум Веркам почесать их: ибо это "барин" и "слуги" и все-таки связь. Связь "господина" и "рабов его" — и прекрасно. Вам, скотам, и не мерещилось, что "крепостное право" при всех его бывавших преступлениях, *которые везде неизбежны*, именно как органическая ткань неизмеримо выше вонючих социализмов и вонючего марксизма, п. ч. там "чесали пятки" и потом, конечно, совокуплялись: и вот уж "скарабей жив", а из него — "жизнь мира". Ибо только там, где навоз и солнышко — и тепло. А в вашем социализме "по Спенсеру и Марксу" уж, конечно, не допустят завестись "сору" и "навозу". Все выметут. Конечно. А "выметя все", — и погибнут на воценом паркетном полу.

Социализм — всемирная удавленность. Социализм — комната удавленника. А Маркс со Спенсером — Люциферы удавленности. И оттого единокачественно, что забыли Египет и Вифлеем. Забыли утречко, застигли молитву.

* * *

28.VIII. 1916

Да, у евреев есть государство. Это кровь их. "Единственное Отечество", которое они защищают. О, как защищают!..

"Один Дрейфус стоит целой Франции". И показали, что *сто́ит*.

"И один Бейлис стоит России". И показали что *сто́ит*.

Ибо и Франция, и Россия развалились как гниль "перед Его Божественностью, капитаном Дрейфусом" и перед "Его Смирением, заплакавшим на суде Бейлисом".

Впрочем, на суде он улыбался; он знал, что в трепете за Его Божественную кровь плачут все евреи от Ротшильда до Грузенберга и Философова.

Как же еврей "не имеет Отечества". Он слишком его имеет. Его "отечество" вся земля, которую всю евреи поклялись наполнить собою, да и Бог обещал усыпать планету "еврейским песком" ("будете как песок в пустыне").

Именно "в пустыне". "Необрезанных Мне не надо".

Ужасы истории.

* * *

31.VIII. 1916

С "Б." торопиться не надо. Бог Сам придет, когда нужно будет. Когда нужно будет спасти людей или когда Он Сам захочет показаться людям.

Что́ вы малодушествуете? Смóтрите на Небо? Ждете знамений?

"Покажи нам Себя".

Дураки.

Живите одни. Б. придет, когда нужно будет. Пусть одни верят. Другие не верят. О чем тоска, смущение? Верят ли дети в Бога? Они не знают Его Имени. "Не знают Иисуса Христа". Что же, за это Иисус

Христос опрокидывает на них Силоамскую башню? Или пророк посылает на них "медведицу из леса, чтобы растерзать сорок младенцев"?

Ничего подобного. Сосут соску матери. И молоко не оскудевает, и рот их все чавкает.

Б. больше любит человек, чем человеки думают: "как Б. любит их". Это богословы наплели околесины, что "Он кого любит — того наказует".

Нет, смерть идет от кого-то, не от Бога. От Б. не хочу смерти и Б. смерти не дал. Сами же говорите: "избавил от смерти". Что же это? "Плюс на минус дает минус"? Чепуха.

Есть "Что-то", вне Бога; не Богом сотворенное. Что-то было, есть, что и Его объемлет. Это "Что объемлет" — к черту, с тех пор как Бог одолел это сотворением. Но Он не окончательно одолел, и есть тьма.

В тьму не ходите. С тьмою не будьте. И не ужасайтесь ее особенно, ибо ей принадлежат миги.

И нефрит — миг. И рак — миг. "А ведь вообще-то в жизни своей жил без нефрита".

* * *

Архиерей, по-видимому, должен быть сквальгой.

Все смотрят на него подозрительно и недоверчиво: консистория, купечество, чиновники, секретарь консистории — особенно, и обер-прокурор издали — уже всего рачительнее.

И ждут, проверяют.

И вот он скуп, деньгу любит, немилостив, никого не щадит, высокомерен, чванлив, к попам выходит в переднюю и говорит им "ты": тогда по губернии несется шепот:

— Архиерей у нас настоящий.

Иные прибавляют:

— Строгий.

Купечество говорит:

— Взимает, но умеренно.

— Во всех частях исправный. Служит хорошо.

— Дикириями и трикириями благословляет.

— Орлец, и все.

Скучно так, что даже архиерею скучно.

И всматриваясь зорче в паству, он замечает, что только одна купчиха, белая и тельная, и почти молодая, не смотрит на него так строго.

— Все-таки люди не без добра, — заключает он в сухом уме своем.

— Вот и я сух, черств, немилостив. Держу строго епархию. Да иначе и нельзя. И где бы дождю упасть. Он и не падает. А по зорьке утренней и вечерней все-таки видишь — роса.

Доложили. И келейник сказал, что приехала "эта самая купчиха по делу".

Владыка приказал:

— Проси.

Фаллического культа никогда не было. Но девушки всегда хотели выйти замуж. А вдовы оплакивали своих мужей.

Так хотелось бы мне ответить тому загрязненному воображению плохих европейцев: которые, увидав статуи Озириса "во всю", приняли их за бесспорное доказательство, что у египтян существовало "поклонение фаллосу".

Конечно, этого никогда не было. Конечно, совсем другое было у них. Этому доказательство — их невинные прекрасные лица. И то *умиление, которое разлито по всему Египту.*

"Фалл. культ", как его воображают европейцы, — "бух в ноги" перед тем, что́ будто бы "показал Озирис". Тогда, с точки зрения самих европейцев, вся египетская цивилизация была бы загромождена невероятным цинизмом, циничными нравами, скотскими формами обращения друг с другом. Чего, однако, никакого намека мы не видим.

Но в них было "то прекрасное", что мы "находим у животных". При всяком соприкосновении с Египтом нужно постоянно иметь в виду животных, которым они не столько "поклонялись", сколько на них умилялись. Животное — вот руководство к познанию Египта. Животное, а не Шамполеон и Лепсиус — вот кто поведет нас в Египет.

И у животных мы замечаем:

Гораздо более учащенное, нежели у человека, отношение к полу. И совершенно открытое.

Полную невинность.

Но вернемся же к человеку. "Девушки все-таки хотят выходить замуж". Даже — и это действительно поразительно, — те, которые "ничего специально и в отношении брака — не знают о мужчине".

Доказательство — наши институтки, которые "почему-то влюбляются в сторожей" института, и в старых или безобразных учителей.

"П. ч. он мужчина".

Они, эти институтки, так же невинны, как и животные Египта.

Вот еще аналогия.

Дело в том, что в "мужском" есть обаяние для женщины. "Хотя бы она ничего не знала". Но ей "мизинец" мужчины действительно дороже "целой подруги". П. ч. она женщина.

И одновременно нельзя отрицать, что "особый мизинец мужчины", особый от женского, — в самом деле находится в связи с тем, что один носит один орган, а другая носит совсем другой орган. Но — оба такие, которые нуждаются друг в друге, и один — живет другим.

И вечно будет жить другим.

Тайна заключается в том, что гораздо ранее "узнания" строения мужчины, девушка "предчувствует" это строение: и просто потому, что — предназначена его удовлетворять. История сотворения человека (Биб-

лия) разительна: женщина и сотворена *только для того*, чтобы удовлетворять Адама. Это ее "тело". Это на ней "знак", "тавро". И Библия учит: другого "тавра" она не имеет.

Поэтому "мужчина нравится женщине" даже не с института, а — всегда, "по особливости его", и даже прямо "с рождения".

Как? Чем? Ничего не видела?

Как утка: которая цыпленком "плывет", не спрашивая себя, не "утонет ли".

И девушка знает, что "не утонет" в мужчине, а будет "помощницей ему".

В ф-лле действительно есть чудо. Это в самом деле есть "лицо", разлитое во всем мужской фигуре, в его жестких руках, в его жестких волосах, в манерах, поступи. "Что так необъяснимо нравится женщине".

Т. образ., нельзя отрицать, что здесь есть чудо. Что в половом сложении мужчины и в половом сложении женщины есть взаимно переплетенная чудесность, и она-то их стягивает, соединяет. Но чудо отличается от фокуса, а фалл. культ говорит о фокусе.

Он говорит о том, что "девушке показали неприличную картинку. Она вспрыгнула и вышла за неё замуж". Конечно, ничего подобного нет и никогда не было. То, что есть — в самом деле есть необозримое чудо и священная тайна: но есть она и у рыб, которые ф-са вовсе не имеют.

Но у них есть икра и молоки. И у них самец и самка тоже не похожи друг на друга.

"Пол" и уходит в эти космические "различия" и одновременно "предназначения". Что "предназначенное" — непременно различно, неодинаково, что в нем "кто-то нуждается" и в эту "нужду" свою и уходит. Отсюда любовь, стремление, "аппетит вещей". "Мы нравимся друг другу". Отсюда Библейское, что Ева была "не самкою" Адама, а что она "соответствовала ему". Тут говорится о гармонии, а не о голой нужде.

Ф-лл, конечно, глубоко — потрясающе таинственен. Но заменим пошлый термин: Озирис в Озирисе. Озирианство или пол в мужчине бесконечны. Именно о мужчине и муже плачут женщины, а не о подругах.

"Он дал ей детей".

А женщина "сотворена для детей". Лишь через мужчину и даже прямо через Озириса в Озирисе всякая женщина получает свою Судьбу.

А под Судьбою все мы. И женщина любит или, вернее, привязана в мужчине к Судьбе своей. Мужчина есть судьба женщины. Это уже совсем другое дело. Это не игра фаллического культа. Не неприличные картинки.

Если Судьба — то и Бог, где Судьба — там и Бог. И, приглядываясь к отношению женщины к мужу, мы видим, что в отличие от "ухаживаний" и "ухаживавших за нею мужчин", — которые ей, впрочем, очень нравились, — одного мужа она нежит, почитает: чего к тем "мужчинам", от которых она детей, однако, не имеет, она и тени не испытывает.

К мужу она имеет глубокое, особое почитание (слезы над гробом), и именно почитание благочестивое, и тут в самом деле есть озирианство. Всякая женщина, и особенно всякая жена и вдова, есть в самом деле озирианка, неодолимо, фатально, хотя бы никогда не слышала имени Озириса.

Египтяне здесь выразили суть мира. Женщина действительно не творит, а сотворена. А творит собственно мужчина и что касается "вечной жизни" (потомство непременно *его, мужа, отца*). Но — через женщину и жену и ее вечное алкание: твори *через меня*. Отсюда неприличие: совокупляйся.

Кончается этим, и фаллисты были бы правы, если бы вся их мысль не была так неприлично коротка. Дело в том, что само "неприличие" они понимают безумно коротко, когда на самом деле оно безумно длинно. Действительно, все уходит в это. Действительно, все приноравливается к этому. Действительно, все к этому устремляется. Но тогда египтяне и закрыли ее руками, воскликнув: мировая тайна — это неприличие.

У них были "тайнства". В таковую даль, в такой древности и первобытности, они основали "тайнства", именно хоронясь от фаллистов, которые грозили прийти сюда со своими анекдотами.

— Извините. Жены вам не проститутки. У проституток — совсем иное.

Между тем как в действительности и в тяжелом реализме это одно и то же. Был безумный страх "ошибиться в толщине волоса" и убить всю тайну мира, допустив сюда непосвященного. "Непосвященные, не входите". "Двери! Двери!" Как гремит до сих пор в наших церквах, — этот последний звук древних тайнств. В чем же дело? "Кто не обрезан, тому нельзя показать наших тайнств", — ответили Геродоту египетские жрецы. Обрезание же именно и содержало всю тайну пола.

У евреев "обрезывались плоды" дерев: эту "гигиеническую человеческую операцию" они производили и деревьям. Когда я прочел в Талмуде, я вздрогнул: "Эге..."

"Можно ошибиться на толщину волоса. Тогда погибнет мир. Все зальется развратом". Но ошибаться не нужно. "А, — тогда вы войдите в тайнства Озириса и Изиды".

Что же они видели и что им объяснялось? Им и не могло объясняться ничего, кроме того, что есть у животных, т. к. животных египтяне считали не только праведными, но прямо "богами": и в "тайнствах" они показывали "животное" же, но как "особое", "небесное", "солнечное". Чего не было бы вообще, если бы все твари не были сотворены и разгорячены Солнцем. Которое и есть единый Озирис.

(Солнце с страусом)

(Солнце с ребенком)

Они показывали, что "Лес" именно "зачарован". Что почему-то именно один человек — и потому они считали человека ниже животных, — "люди не боги", — не умеет на эту одну тайну смотреть солнечно:

и щурится, "не выносит света" (тайнства), а при встрече с ней рассказывает (тогда только начал рассказывать) анекдоты. Между тем как "тайна Озириса" хранит мир, ибо прямо продолжает бытие на земле.

"Падение... Человек пал..." Это крик Египта, сказавшийся именно в том, что он учредил "тайнства".

Но в них — уже именно по именам Озириса и Изиды судя — ничего не раскрывалось, кроме тайны пола; иными словами — кроме тайны обрезания; и опять же: почему животные священнее человека.

Они именно связали пол с Судьбою, с загробной жизнью, с Солнцем. Что из пола — семья. Что все нежное-то и глубокое на земле — именно из Озириса.

Не из Пелопонесских войн. Не из победы греков над персами. Даже не из Праксителя или "Федона", а просто и ясно и "по-животному" — Озириса.

Бесконечно малое и "грязное" (зачарованный лес) они сокрыли: потому что "можно ли подумать, что человек состоит из клеточки". А между тем Сократ состоял из "клеточек" — таких бездумных, таких простых.

Вот этот безумный контраст между Величайшим и Самомалейшим — что оказывается "одно и то же", они его не могли не скрыть. Они только выразили и свой ужас, указав на простейшего в мире навозного жука, и изрекли: "Вот — Бог Вселенной".

Скарабей, по их, — не только Бог: но величайший, самый великий из великих, Бог. Больше кого нет.

(барка скарабея)

Скарабей — Озирис. Ведь и Озирис грязен, "копается в навозе", и профаны говорят, взглянув: "Тьфу".

В тайнствах Озириса и Изиды показывалось бесспорно особое, и у животных, и у людей существующее, но у животных больше и чаще, чем у людей, отношение к "тьфу". Что именно действительно непостижимым образом делается и что нельзя не назвать *adoratio*¹. Сюда примыкает "Тайна Озириса" и "Тайна Изиды" и "Тайна Дианы Эфесской".

Род людской никогда не сможет понять, почему же лес "зачарован", почему так от него "отворачиваются": но, вошедши в него, действительно совершают поступки, которые "приличествуют только Богу". Скарабей — оправдан. Никакому цветку, никакому благодеению, ни единой силе, ни одному "родному" не расточается на самом деле таких нежностей, как... скарабею... Родоначальнику неги и глубины мира.

Тут действительно что-то "скрыто". Тут действительно "играют в прятки". Дело в том, что "маленький скарабей", или всемирный пол, один и источает нежность на целый мир, льет свет любви на всю вселенную, он в самом деле — Солнце. Скарабей = Солнцу. *Родство* — от скарабея. Не было бы его, не "родись люди друг от друга" — они

¹Обожжаемое (*лат.*).

похолодели бы и рассыпались. Остались бы одни камлания и собутыльники. Без семьи. Без детей. Без родителей. "Рафаэль, где твои кисти?"

Нечего писать Рафаэлю, не "прыгай теленок около коровы".

Мир — один. От жука до Вифлеема. Не хотели ли еще египтяне сказать, что мир есть Скромность. Скарабей отчасти сюда указывал: все великое — из Незаметное. "Что может быть меньше горчишного зерна: и из него вырастает дерево".

Да зерна — опять скарабейчики. Как они малы. "Мы их топчем ногами". Вполне — скарабейчики. И ими — питаемся. "Если не едим скарабея — умрем вечной смертью". Ясно. Едим хлеб.

"Хлеб жизни" и разгадали египтяне. И закричали (или забезмолствовали, вернее): — О, не растопчите его. Вы умрете все, если около вас не будут бегать эти маленькие скарабеи.

* * *

3.IX. 1916

Даже и подходить к изъяснению Египта нельзя тому, кто не спрашивал себя: не может ли он как-нибудь представить, чтобы корова ему почувствовалась божеством и бык тоже богом? И чтобы он при виде их, при ощущении их, при прикосновении к ним, при вздохе о них — почувствовал волнение, умиление, воображение "как бы перед ним бог и богиня".

Вот колоссальной толщины железная дверь, которая от нас запирает Египет.

Пока мы через нее не переступили — рассуждения наши о Египте — пустяки из пустяков.

Но ни одному из европейцев даже не брезжилась эта возможность. И Египет "за семью замками".

Я припоминаю читал у Мержевского в "Судебной патологии". Был крестьянин: однажды жена его выбежала и бросилась к соседям, крича и жалуясь, что муж ее ходит к коровам. Те собрались, — не скоро. Между тем муж, в то время как жена бегала по соседям, вошел в избу. И когда соседи, наконец, собрались во дворе, — он показался из избы. Он уже знал, что жена сзывает соседей. И теперь они увидели, что он идет с фонарем и топором, говоря, что зарубит всякого, кто его остановит. Все расступились, и он прошел опять в хлев.

Ужас. И сквозь этот ужас на нас мерцают очи Египта. Это "виденье Египта". Крестьянин повторил то, что у египтян неоспоримо было обыкновением, законом и "всегда".

* * *

3.IX. 1916

Неоспоримо совершенно из того, как они рисовали животных на стенах своих храмов, в пирамидах ("комнатка, где лежало тело фараона"), в погребальных вообще комнатках, да, наконец, прямо следует из

"поклонения животным", что они на них взирали и их чувствовали совершенно иначе, чем мы, и это не было только "идиллией" и "пасторалью". Корень — глубже. Самое бóльшее, что мы могли бы представить, — "равенство с животным", "охотник и его собака", "араб и его конь". Но было — не это. Почему они поклонились им, т. е. явно — влюбились в них. Ибо лишь во "влюблении" мы наблюдаем чувство, "поднимающее предмет *поверх себя*".

В Египте явно животные были "поверх египтян". Они в этом признались, это засвидетельствовали — зарисовали это в бесчисленных рисунках, слишком непререкаемых по смыслу.

Отчего им не приходило на ум "доить коров и пить молоко из посуды": а они хотели сосать, и они сосали коров своих.

Наконец, на некоторых рисунках мы видим египтян, которые, подлезши под быка, целуют его так же, как у коровы сосут вымя.

Дело в том, что мы можем представить это себе и мысленно повторить. Но "мысленно" — ничто. А фактически никто не повторял, и Египет закрыт.

Можем ли мы наверное, неоспоримо сказать, что мы этого же не испытали. О том, чего "не испытали", никто не может сказать, что он "знает". "Америка не открыта". Она "есть", но никто в нее "не вливал".

Нам не приходит на ум, что "корова есть женщина". "Корова есть скот". "Она есть *скотина*". Самими словами мы запечатлели и выразили отвращение и презрение. Сказать, что "корова есть женщина", — значит оскорбить слушающего и выразить свое сумасшествие. Египет и заперт за дверями этого — "легче сойти с ума, чем представить это себе".

Между тем ведь корова в самом деле есть женщина — и воеет, как мать, о теленке, когда его режут. Мы же телят режем без жалости — "на колбасу". Вот то, что в нас так страшно умерло: "Женщина плачет в теленке о своем ребенке", — и составляет камень преткновения. Мы не понимаем, чтобы корова была "мать". Она просто "отелилась", т. е. принесла нам "кушанье на жаркое". А "мать"? — на ум не приходит. А "ребенок"? Еще менее. "Разве корова смеет иметь ребенка". Это оскорбляет наших жен, барынь.

"Корова — не женщина, а — предмет, существо".

Так, образом, безумно (т. е. глубоко) — умершая женщина в корове есть причина бездонного нашего разделения с коровами.

Если бы не так глубоко.

Что́ тогда?..

Ведь иногда и некоторым нравятся же "грязные женщины", "с позволения сказать — судомойки". Один феминист (образованный очень человек, говоривший так хорошо о Милле [Дж. С.]), передавал мне, что его влекут только самые грязные женщины — огородницы и хуже, — и чтобы непременно ноги были босы, и по щиколки, а лучше до икр — в земле, т. е. в засохших остатках грязи, "когда она босая проходила

гумнами". Но корова не так все-таки грязна, "как иная женщина", тем более что она никогда не беспутна. Коровы --- чистые и целомудренные, это-то уже бесспорно...

И, т. обр., дело только в том, чтобы увидеть в ней то, что нам так недоступно, что "заперто от нас физиологически": женщину, мать и... жену или любовницу. Но тут "растения, если они гермафродиты: имеют одновременное созревание мужских и женских органов": предел, грань, космическая. Египтяне явно *ее еще не почувствовали* или через нее переступили: и разгадка их цивилизации заключается в этом.

Переступив через "грань космоса, в которую заперто человеческое существование", они явно вступили в туманы мира, в отдаленные созвездия, "перелетели на Марс, Юпитер" и далее, далее — до "солнца и звезд". И поместили звезды в корову.

Совершенно неоспоримо, что чувство их космичности лежит в этом переступании через грань

ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

и вступления в бесконечность

ЦЕЛОГО МИРА.

Но неужели же аномалия *cum animalibus*¹ доводит до этого? По-видимому, да. В эти "Америки" никто не доплывал. Все зная, "все науки пройдя", наконец, все науки "открыв из своей мудрости", мы, собственно, в одну науку никогда не врывались — в науку пола. Хотя всегда знали или, лучше сказать, "верили втемную", что здесь — существо вещей и дыхание Космоса. Но что-то — что, даже не ясно, — всегда держало перед нами именно эту одну дверь глухо запертою.

Египтяне вошли в нее. Свободно, даже не чувствуя, что она заперта. И открыли бесконечные миры. И прожили "от Трои до Французской революции", не разочаровавшись в своих странных "коровах".

* * *

3.IX. 1916

Во всяком случае, неоспоримо, что загадку Египта составляет необыкновенная близость к животным, — исключительная, неповторимая и, наконец, даже неусвояемая вовсе в полном смысле своем. Она была так серьезна и монументальна, вместе с тем она так фундаментальна для всего Египта, — и до того запечатлена на всех памятниках, сказана прямо и открыто, что тут мы, очевидно, имеем дело не с мыслями и философией египтян, а с чем-то более живым и органическим. В одном месте у Масперо передан фотографический снимок нескольких строк иероглифов. И что же: из которых каждый величиною в одну букву — в печатную букву французского алфавита, — не заглавную, а *строчную*, — представляет животного с такою ясностью его форм, очертаний, хочется сказать — души его, что нельзя надивиться. И как красота этих

¹ с животными (лат.).

строк, так и самая мысль и "влюбленное желание" взять для звуков речи не какие-нибудь крючки, черточки и уголки, как это сделали вавилоняне, — а очень трудные для начертания "птички, змейки, кошечки, бычки, коровки" и т. д., и т. д. — все это говорит о той же теме и загадке: *да почему они так почувствовали животный мир, и сейчас за этим: да откуда они так его почувствовали?*

И снова аномалия пола наваливается на нас, душит нас, не дает никуда от себя выйти.

"Что́-то такое было... Это или подобное..." Запрещение Моисея: "Не сотвори себе кумира ниже под водою, ни на земле, ни в воздухе" — прямо упирается в египетские верования, — отторгает от них. И его же страшный запрет: "Мужчина, который соединится с животным... Женщина, которая станет перед животным... Да истребится душа того: — и мужчина, и женщина, и животное это — должны быть истреблены".

В "Русской правде" этого нет. "Не придет на ум".

Очевидно, Моисей предупредил о том, предостерег от повторения того, о чем, живя в Египте, евреи не могли хорошо не знать.

* * *

4.IX. 1916

Египтяне открыли семью, семейность, семейственность. До них (хотя кто же был раньше их на земле? Они предшествовали всяким номадам; — таким образом, вернее сказать, что *около них*, в соседстве с ними, одновременно с ними) бродили и жили племена, которые имели собственно *случки*, работу женщины на мужчину, роды ребенка и кормление его грудью. Ребенок вырастал и также случался, и около него росли дети, которые, выросши, начинали охотиться и тоже случались. Нить эта продолжалась бесконечно и еще могла бы продолжаться бесконечно. И собственно человеку предстояло оставаться дикарем, а человечеству — собранием диких племен, если бы египтяне первые во всемирной истории не задумались: "Что́ же это значит, что человек рождается? И как он рождается? И отчего?"

У них родилась идея СОТВОРЕНИЯ. Она вся выведена из рождения. Но может и плотник-мужик "срубить избу" и может архитектор построить великий собор. Суть, и особенность, и новизна египтян заключалась в "богоизбранности": в том, что тему, всегда предлежавшую человеку и предлежащую и им (роды, рождение), египтяне восприняли (разработали?) во всем богатстве цветов и оттенков, — в таком богатстве, выше которого она никогда никем не воспринималась (не повторялась?), и мы только в редких и счастливых условиях можем даже едва только понять, перенять или усвоить их мысль и понимание.

А поняв, вернее, *создав* семью, они пришли ко всем прочим идеям, — строительного и религиозного характера: провидения, загробного суда, греха, царства, фараонов, каст, жрецов, воинов. Дело в том, что идея семьи есть бесконечно строящая идея и бесконечно источающая

идея. Можно до некоторой степени сказать, что "семья" есть "лицо человечества к Богу", — "к Богу, в вечность и будущее": в том смысле, как у человека есть "4 лица" — у каждого из нас "рожа". "Вот какою мы рожею ответим перед Богом", — может сказать всякий и может сказать племя, указав на свою семью.

А открыв "семью", египтяне открыли любовь. Ни о греках, ни о римлянах мы не можем сказать, что они "открыли любовь". Конечно, она была у них, вернее попадалась: но похищение Елены и Троянская война, и все, что окружает Елену, — есть просто пошлость, вроде похождения Чичикова. Около любви греки и римляне имели именно похождения, — и это они именно начали всемирную порнографию. Елена была первою порнографическою женщиною — явно. Египтяне, узнавая греческие мифы (тоже — и о милом Зевесе), могли только пожать плечами и сказать: "Это пошлость". И прибавить: "У вас вообще не религия, а мифы, сказки — и о пошлых существах. У вас нет религии, а только какие-то имена богов. У вас нет плача Изиды об Озирисе, — и целования возлюбленного. Уйдите. Уйдите с глаз наших".

Когда они это сказали... греки задумались, загрустили и основали тоже у себя "таинства" с обонянием цветов и целованием плодов.

У Гомера нет упоминания о таинствах. Они, как и номады, имели случки. Около случек — небольшая проституция. Семьи у них не было, а кое-что. К поцелуям и вдыханиям они перешли слишком поздно. И уже развращенных, — их не могли поправить таинства.

* * *

4.IX. 1916

Чтобы *открыть* Египет, нужно было собственно *в себе открыть семью*. Ибо параллельное сознается только параллельным. "Непараллельное" никогда не познает себе не параллельного, хотя бы и "узнал о нем все". Ньютон ему будет представляться "человеком в 5 пудов", и он даже не догадается с него снять портрет. Сократа он отравит. Ученые собственно "травили Египет", как афиняне отравили Сократа, хотя он был им соотечественником и они "знали его во всех подробностях". Поразительная история, что никто не передал даже "матери с поднятыми над нею руками", т. е. матери, "над которой молитва и из которой самотечет молитва", — показывает, что у ученых не было "ключа к Египту" и потому, что они были просто ученые скопцы, даже не знавшие, есть ли у их жен груди. Нельзя заметить ни у одного источника Египта — семейности. А это — все. В отношении Египта это — все. И писались о нем просто глупости и пошлости, — как "о французских Людовиках", с постановкой на место Людовика "Рамзеса" и с несколько иными приключениями. Там ничего не было египетского, а только французское, немецкое, английское, итальянское.

* * *

4.IX. 1916

Египетская улыбка есть сущность всего, — и его самого, его всю цивилизацию можно назвать улыбкой истории. О "блаженстве египтян" можно судить по этой улыбке. В Египте она разлита по всем лицам, кроме "мастодонтовых": глупые колоссы из гранита, "рубили", а не "делали".

Улыбку эту, суть коей заключается в том, что *свет льется из лица*, — не губы улыбаются, а лицо улыбается, "в свете", я наблюдал *отчетливо и ясно* у одного юноши, — который имел аномальность в поле, самую обычную и распространенную. Почему я не встречал у других — не знаю: но у этого юноши она явно была связана с его аномальностью и истекала из нее. Доказать этого я не умею, но ясно это чувствую. И когда я даже другим сообщал об его ненормальности (кой-какой, — почти неосуждаемой), то другие, тоже замечавшие у него эту улыбку, сами и независимо от меня говорили: "Это оттого, что он — такой". Он был очень бедный, большой идеалист, "отчаянная голова" в разных случаях и очень любил жену. Правда, "был гениален": но улыбка явно текла не от гения.

Все это надо бы усложнить наблюдениями. Раз все египтяне были "так близки к животным", то я догадываюсь, "хотя без достаточных доказательств", что таинственная их улыбка происходила из отношений к животным — и из того, что, освятив их, они почувствовали такую радость ко всему миру:

И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду...

* * *

5.IX. 1916

Всякая нация живет умственными "центрами" и волевыми центрами. Некоторым могущественным "хочу" и некоторым могущественным "понимаю".

Увы, Россия, кажется, не имеет таких центров. И вот отчего у нас все разваливается. Мы, собственно, художники и живем по "мне нравится" и "это прелестно".

* * *

8.IX. 1916

Тот, кто молится, — сам достоин молитвы.

(Изида из "обыкновенной матери") (начало "святых" и у христиан)

* * *

17.IX. 1916

Страшная сторона революционершеск заключается в том, что ими никто не занят, а они думают, что ими занят весь свет. Ими "занят" только известный департамент и праздное общество болтачей и журна-

листов. Чиновник не занят, мужик не занят, поп не занят. Но "заняты" Бурцев, Крапоткин и Вергежская. Да, они в германском парламенте "сделали заявление". Да, "Либкнехт произнес речь". Да, "Розу Люксембург арестовали на таможне". Но ведь все это "из дальнейших похождения" (хвастунишка в "Мер. Душах" бил чубуком Чичикова, забыл фамилию; Ноздрев) — Ноздрева.

"И на сем основании они переверстывают весь мир и объявили войну правительству".

Да. Еще Мережковский ими занят. Сегодня статья о Горьком.

Горький, Мережковский, Роза Люксембург, Либкнехт и Вергежская. Это малое стадо — кому оно нужно и кто им занят, кроме их самих. Это не только пустоцвет, но это пустоцвет из пустоцветов.

"Но все о нем говорят". А вот это — дело. Говор всех. Да. Дела нет, но говор есть. "Всемирная мысль" что-нибудь стоит. И даже "всемирный язык" — тоже стоит. "Была провалившаяся фирма и дело Эмбах, наследницы миллионов, о котором говорил весь Париж, Франция и значительная часть Европы".

Так. обр., революция представляет дикое явление, которого на самом деле нет, к которому никто не торопится, никто не идет, никто ее не желает и не ожидает: но весь свет говорит, что "ждут гостью", что она "страшна", "с мертвыми глазами" и "всех похоронит". Разливанное шампанское: и какие-то трутни, "наклонясь к дамам", заглядывают им за корсет и делают вид, что они страшатся "второго пришествия Христа" и "собирают чемоданы на тот свет".

* * *

30 сентября 1916

Голова Государства.

Приставленная к совершенно безгосударственному телу.

(*"Что такое Русь"*)

В сущности, все азиатские страны безгосударственны. Начало государственности лежит в Европе и присуще только Европе. В Азии — "номады" и "ждут воскресения Христа". В Халдее ждали, что девка забеременеет от Бога. Вот это "по-нашему" или, вернее, "мы по-ихнему". В Египте фараоны сосали вымя коровы. "Какое же это к черту Государство".

И — не надо. Я думаю — не надо.

* * *

3.Х. 1916

Утолщай "вчера", чтоб было толще "завтра".

Т. е. нажимай в прошлое уважения, почитания, всяческого честного пиетета. И роза будущего вырастет пышнее.

* * *

3.X. 1916

В "Святом святых" Скинии и Храма были перечислены и описаны те предметы, которые можно было назвать и описать. Но совершенно не подлежит сомнению, что не ради этих описуемых и называемых предметов, которые раз можно было "описать вслух народа" в книгах Моисеевых, а следовательно, можно было увидеть, п. ч. между "слуховым зрением" и "глазным зрением" разницы нет, закутано было "Святое святых" в такой глубокий мрак, запрещено было туда кому-либо входить: а раз в год входивший туда священник входил ощупью, без света, и тоже ничего не видел. Совершенно, значит, несомненно, что там были некоторые совершенно в "Левите" и "Исходе" не описанные предметы, виды и образы.

И "по высвечиванию" это было что-то разительнее всякой миквы... Что-то, на что действительно и взглянуть невозможно.

Я думаю ("по высвечиванию"), изображено было то, что, увидев в сновидении перед обрезанием, Авраам "пришел в великий ужас".

* * *

15.X. 1916

Ах, цветы не надышали своего запаха в "Истории Египта".

Из них не растет деревцо. "Где же тут Озирис".

И не слышно пота ни быка, ни коровы, ни теленка. Но без пота — разве это Египет? Это — Франция.

* * *

Ты не рассказывай мне, что "они поклонялись коровам". Пот. что это сказка, которой — я по глазам вижу — ты и сам не веришь. А ты сам поклонись коровьему началу. Тогда это будет действительность.

— Но как???

— Вот чудак. Любишь же ты цветы. А "кольми паче корова цветка"? Это даже если по-славянски взять, то выходит.

* * *

О красоте греческой и египетской. Тут уж мелькает что-то религиозное в "озирианстве". Посмотрите: ближе к Озирису — ближе к вечности, к религиозности; удаление от Озириса — ближе к гибели, могиле и, главное, ближе к греху, тоске и гробу. Греческие Афродиты — явно афалличны. Они такие пухленькие и так закруглены в себе, что к ним "и не подойти". Суть Афродит, — что они — бесполы, без брюха, а лишь имеют "очень изящный живот", который — для погляденья. И в самом деле, из Афродит ни одна не вышла замуж, ни Книдская и ни которая; египтянка же "до того явно к замужеству", что и говорить нечего. Здесь — демаркационная линия. Египетская и вслед за ней еврейская красота отделяется от европейской непроходимой пропастью, от той "европей-

ской красоты", которой собственно начало и канон положила греческая Афродита и ее предшественница — Троянская Елена. Взяв большие масштабы, измеряя не днями, а веками, мы скажем, что и Елена, и Афродиты, и европейские женщины повели и ведут свои народы к гробу. И потому, что они — бессеменницы ("груша бессемянка"). Наоборот, еврейские (и ранее египетские) женщины "выручают свой народ": они ведут их к вечной жизни.

Женщина без сути — вот Афродита. Женщина-пустышка. "Ни в каком случае не дети". Что же она? Увы, приходится сказать, неодолимо сказать: для "волокичества", порнографии и худых художников.

Этого никто не смеет сказать об еврейке. Не придет на ум. Да она и запретит. "Я — для детей", а "портрета с меня можете и не снимать" (суть Афродиты — портрет). Но что же мерцает отсюда? Глаз Озириса, — уже воистину "святой глаз Озириса". "Бессемянка" и "плодоносная" сказывает нам глагол изумительной новизны, — и тут только схватишься за скарабея.

— Вот видите ли, — скажет еврейка, — на мне нет глаженных воротничков, и я их не надела, п. ч. к моей шее до миквы и после миквы — это не идет. Вы проходите дальше — к Афродитам. Я — грязна, сальна, вонюча. По мне "навозный жук Египта" ползал. Грудь у меня — как у египтянок, живот — как у египтянок. Я — неприлична и, как вы говорите, — порнографична. Вы зажимаете нос и говорите — "фи". Я останусь в гетто, с евреями, и, по воспоминанию, — с египтянами.

Действительно, еврейка "вся коровой пахнет". И этот запах будет длиться очень долго, очень долго, века. Но зато через века, когда уже Афродиты будут все в гробу, она засверкает такою особенною красотою... такою... Да христиане это знают. Опять скажем: "Христос спас человечество". П. ч. у христиан, несомненно, неизмеримо больше родительного элемента, и вот: христианство живет дольше Греции: и "жены христианские" выше смертных гречанок и выше смертных Афродит.

* * *

Ромер — дочь его Бемова. Подозрительный культ отца.
*Je soupçonne qu'elle était maitresse de lui*¹.

* * *

21.X. 1916

Русский человек слишком теплый человек: он возьмет глыбу мрамора, подержит ее в руках и бросит, сказав: "Ой, как холодно".

По холодному матерьялу скульптуры у нас и не вышло искусства.

И запоет песенку, пьяненькую, глупенькую. И в этой песенке — все тепло мира.

И живи им, Русь.

---

¹ Я подозреваю, что она была его любовницей (фр.).

Нам искусство не нужно. Определенным образом не нужно.
И красоты не нужно. "Наша костромская баба вкуснее Афродит".
Это канон Розанова для Костромской губернии.

* * *

Кривошеина Елена Геннад., сестра Лихачевой, прелестнейшая по благородству и уму женщина из рода Морозовых, жена министра.

* * *

26.X. 1916

Каждый народ живет до тех пор, пока не истощилось в нем благородство.

∞

Благородство это — не громкое, не в речах, не в битвах. А молчаливое, про себя, ни в чем не выраженное, косноязычное.

∞

Потому-то, добрый мой читатель, вот что тебе надо сохранять. При этом благородстве ты не только себя сохраняешь, а сохраняешь все свое отечество.

∞

Как, почему: я не знаю. Но чувствую, что Бог покидает ту страну, народ, в котором уже ни одного благородного человека более не осталось.

Тогда "приходят враги и истребляют его". Но этих врагов "допустил Бог".

* * *

Нисколько не интересно. Губы сжаты? Верно ты зол? Жена рога наставила, и очень хорошо сделала.

С тех пор как открылся Восток — жены вообще ставят "роги" мужьям, и поделом: "не завоевывайте весь свет, к тому же имея довольно небольшой желудок и короткие фаллы".

Познакомясь с Востоком, римлянки естественно пошли "в путь Суламифи", т. е. "кой-кого", хоть раба.

Предоставив сенаторам рассуждать и Нерону играть на цимбалах.

* * *

МИРОВАЯ СОБАКА

— это я. *Canis*. Даже *canes*¹. Во мне тысяча собак, и все с острыми носами и раздувающимися ноздрями, розовыми; и эти собаки бегают по задворкам и нюхают: не родил ли кто. Швейцариха — радуюсь и швей-

---

¹ Собака... собаки (лат.).

царихе. Горничная потихоньку — радуюсь и ей. Честная жена в постели: удвоенно рад.

Но, женщины, я скрыл от Вас. Во мне есть сладострастие к рождению, не потому что "статистика показывает больше рождений", но по сладострастию к чреслам вашим. Я не самого младенца люблю (хотя и его люблю тоже: но оттого, что, рождаясь, он приневолил мать свою лечь в постель: и вот она, чудно раздвинув ноги, показала "из себя" сперва головку, плечики, ручки и потом всего ребенка в 6 фунтов весом. Иногда — в 8. Он весь красный и пищит. А она, "дав миру" (тайнственно каждая женщина в родах "дает" (совокупляется с...) всему миру). И когда родила: детородные органы всех людей, с которыми будет общаться, разговаривать ее младенец в течение всей жизни, — они вошли в мать его и как бы извергли семя. Вот отчего "роды" есть "такой восторг". Поистине "совокупление с планетой". Каждая мать "в родах" подержала земной шар меж своих бедер: и облила земной шар своей родильной влагой.

Вот ее-то я и люблю. И не у одних женщин, а у коров. У коров, и собак, и зайчих. Лучше этого запаха я не знаю и детей люблю в пропорцию этого запаха. Отвратительно? "Но таков, Фелица, я развратен".

Я не хочу быть развратным. Я не хочу быть целомудренным. Позвольте на 100 000 000 целомудренных людей, "которые все не хотят вони", быть одному развратному, который в высшей степени любит вонь.

И вот я бегаю по задворкам с обонянием: "А кто родит". И подбегаю, у "честных" и у "нечестных" нюхаю приплодные воды. Но, собственно, не их: меня ворожит запах самих родивших органов. И вот источник моего сладострастия. Пусть. Не каюсь и не отрицаюсь. Пусть весь мир целомудрен и не любит этого запаха. На весь мир может прийти "1 человек", который только этот один запах и любит.

Никто не поверит, что это у меня с 8—9 лет (до гимназии, хорошо помню). Но это — так.

Мое особое "emploi"¹. О мире.

И вот я нарисовал бычьи ова². Кои люблю как производителя "ребят во всем мире". Корень-то не в женщинах, а в быке. Женщина — пустота, темнота, глухое: пока на нее не вскочил бык. Но бык вскочил: и мир расцветает. Посему в ова его я начертил цветок. Вот этот-то "цветок в я..." и есть суть всего. А посему и целовать, собственно, надо не женщин, а я... быка.

О, как я хочу разврата. О, как я хочу страсти быков. О, не обращайтесь внимания на протесты женщин. Они притворяются. Насилуйте их: это единственно, что они от вас желают. Бык: хочешь ли ты. Это единственное важное. А если "она" и не хочет, овладей ею. Бык хочет — и мир хочет. Это я и нарисовал.

¹ занятие (фр.).

² яйца (лат.).

* * *

— Что́ такое обрезание? — Это Песнь песней, включенная в одно чирканье ножа. И евреи танцуют, и еврейки вспрыгивают, услышав, увидев, почувствовав носом родную их, древнюю эту Песнь песней. "Мы будем ждать, мы будем ждать, когда ему будет 13 лет".

∞

Дам тебе я на дорогу
Образок святой.
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой.
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...

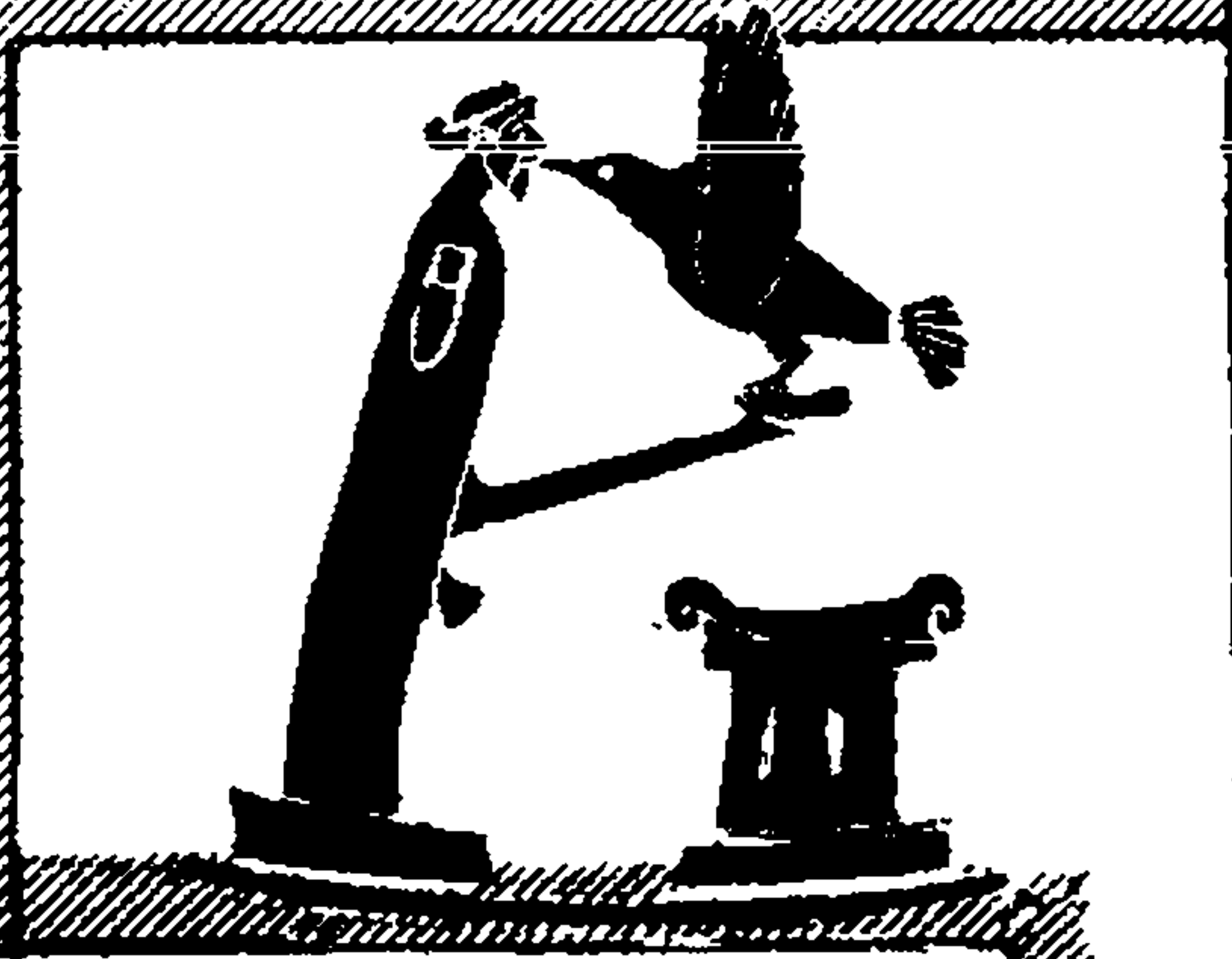
.....

Вот эмбрион *всех* кистей Рафаэля... *всех* его образов, понятий, чувств, волнений и никакого *еще*, как этого в "Книге мертвых", т. е. в книге "оживших там, на Небе", какой начертали египтяне на свитках папируса, дававшихся в руки почивших ("уснувших"). И никто, никто, никто и доселе до "ресторанов Парижа" не смог от этого образа подвинуться ни вправо, ни влево, ни назад, ни вперед.

И радуйтесь, что именно — *так*. Что — корова с теленком: ибо если вы в радости их не пощадите их, то Отец Небесный Мира не пощадит и вас, человек, — и за кровь теленка взыщет кровью ваших Николаев, и Владимиров, и Сергеев.

И что так *просто* — хорошо: из этих "теленочка с коровой" потом мог выйти Рафаэль. А из 100 Рафаэлей нисколько и никогда не вышло бы этого рисуночка.

Ибо у Рафаэля были кисти, ну и слава Богу, есть кисть волшебница: а Египет вложил сюда сердце и мудрость.

Последние листья. 1917 год

1.1. 1917

Я пристал к мамочке, как проститутка к Мадонне.
И вся жизнь моя обратилась в плач.
Вот суть.

* * *

1.1. 1917

Суть-то в том, что ведь я никак не могу избыть из себя проститутку. Несмотря ни на какие плачи. А "художественный план" угадывает Мадонну.

И я колеблюсь. Люблю вонь и розу, Господи: но разве нет. Создам и вонь, и розу.

* * *

1.1. 1917 (в трамвае ночью)

Из планеты земледелия не докажешь, сколько ни изнуряй ум. А из земледелия планету докажешь. И отчего земля пузата, и горизонт, и все.

И солнышко. Как ты докажешь из планеты, что должно быть и солнце? А из земледелия: сколько ни сей — без солнышка ничего не вырастет.

Значит: земледелие есть душа между землей и солнцем. Оно протягивает одну руку к земле и другую руку к солнцу. И солнце и земля суть "заключение земледелия".

Как же ты говоришь, что человек вошь? И как же воображаешь ты, что для рождения такого "чуда — Ангела" женщины не должны залезать на небо?

Стоит планета. Стоит планета. Еще сто из миллиона лет стоит: как же, однако, из миллиарда лет стояния пустой планеты вырастет из нее трава.

Говорят — почва. Но почва — из перегноя. Откуда же "перегной", если прошлый год не было травы. А на "камне" трава не вырастет. На камне "не косят, не сеют".

Сеют: и посмотрите — ведь земля в самом деле брюхата. И посев есть совокупление зерна и земли. Всякий посев содержит в себе тайну совокупления. Зерно, падающее с дерева или севалки на землю, — оплодотворяет ее — совершенно как мужчина женщину. Растения — дети семени. И они же таинственные ее мужья. Страшно. Эдиповская тайна: сын оплодотворяет свою мать. Но смотрите, смотрите: если старик 60

лет женится на 15-летней (в Талмуде 15-летняя племянница равви Акибы хотела выйти только за него), она все же обнимает его сверху вниз. Не он ее будет держать у себя под мышкой, а она будет держать его голову под мышкой. И баюкать на подушке. И вообще относиться как мать к нему.

Таинственная по психологии — вот жены суть, матери мужей своих. Отсюда особенная, страстная любовь, когда молодые люди женятся на пожилых женщинах: и не просто на *несколько* старше себя; на "несколько" никогда не женятся или — случайно, и брак будет несчастлив. Всегда женятся на "очень старше", на лет 15. И тогда — хорошо. Он у меня сосет груди, как бы мог сын у матери.

И ему хорошо. И ей хорошо. "Вот думала будет сын. А он муж мой".

И груди-то ведь устроены как: только у человека так, что их не может не сосать муж. Высоко, под шеей. И — красивы, обаяние. Целуя в губы, муж переходит к шее и неодолимо всякий переходит к грудям. Но, когда он перешел к грудям, он есть "ребенок, сосущий свою мать". Опять Эдипова тайна: но в каком она теперь ореоле. Она переходит в мадонну.

Так Деметра переходит в Мадонну.

Об этом, об этих случаях мне в жизни пришлось услышать: один рассказ от Ник. Никанор. Глубоковского; один — от студента, которому рассказал о себе товарищ; третий — от Фад. Конст. Андреева. Но когда случай, о коем рассказывал Андреев, я передал на другой день, — мне был передан следующий:

"Поехал я к сестре своей в В. У них в доме жил, занимая две комнаты, инженер. Лет 40. Красивый, сильный. Сестра и говорит мне: "Заметь, как они целуются". — "Глупость ты говоришь", — отвечаю я. "Вот обрати внимание. Я же, летом, сижу бывает в светелке, а они, не видя меня, спускаются к шлюзу. И вот — несколько шагов пройдут — и целуются. Не целуются, а он зацеловывает. Пройдут еще, и опять остановились и также долго, долго целуются. Удивительно. Я не обратила внимания, но когда ты сказал о подобном, я невольно вспомнила. И в сказках, я знаю, об этом есть".

О сказках меня удивило замечание; даже поражало больше остального. Потому что Андреев мне, слыша, и рассказал, что есть в сказках.

А восходит к "посеву — зерна", и к устроению грудей, и к тому вообще, что "есть на свете Деметра: которая, будучи Матерью дерев, — в то же время есть супруга сыновей своих".

* * *

15.I. 1917

Не тогда солнце двинулось, когда Лаплас сказал "двигься", а когда женщина, почувствовав зачатие, поставила ногу на радугу, хочет и поднять другую на Сириус, но видя, что не хватает, закричала: "Да двинься же". И небо пришло в движение, а из всех звезд потекло молоко.

С этого времени материя стала светиться. Она начала светиться, п. ч. женщина потребовала ее в роды себе.

(трамвай)

* * *

29.II. 1917

Грехов нет других при зачатии, кроме слабости и бесстрастия.

Но "бесстрастие" в грехе и "слабость в похоти" есть идеал духовный.

Вот отчего "брак, данный духовенством" и исторически им одним выработывавшийся, — весь и от начала грешен. Он ведет к вырождению, бездарности, тупости и "порокам в зачатии". И приведет к вырождению все европейские расы. Все — к пользе евреев. И к ех oriente — lux¹.

Да. "Свет не взойдет с Запада". Никогда, никогда. И здесь "предначертанный конец европейской цивилизации".

* * *

1.III. 1917

"Начально Божество сотвориша Небо и Землю" — и скорбя и рыдая и нимало не упрекая, мы тем не менее должны сказать:

первую строку Востока на все западные языки перевели подделано: частью от смущения перед истиною, частью от неразумения Востока:

"Бара Елогим...". "Начально Божества сотворили небо и землю".

И как Филарет, изъясняя генезис не только мысли человеческой, но и языка человеческого, сказал, что "как от гнилого источника рождается кладезь гнилой воды, а от печального источника рождается печальный кладезь, так от смущенно-неверного перевода вышло уже все прочее богословие мучно, с песком, с гальками и прочее. Тут-то родилось понятие Бог как сущий до Неба Начальник. А не о старом Отце и седом муже. Тогда как истинно-то именно второе.

(проснувшись ночью)

* * *

11.III. 1917

Нельзя, чтобы внуки и внучки наши, слушая сказку "О Иване Царевиче и сером волке", понимали, что такое "волк", но уже не понимали, что такое "царевич". И слушая — "...в тридесятом царстве, за морем, за океаном", не понимали, что такое "царство". И вообще без "царя", "царства" и "царевича" русской сказке так же не быть, как русской песне не быть без "чернобровой девицы". И они почувствуют, через 3—4 поколения, что им дана не русская история, а какая-то провокация на место истории, где вместо "царевичей" и "русалок" везде происходит классовая борьба.

— Мама, что такое классовая борьба, — спросит пятилеток.

Вопрос этот покажет, что уже не только нет "няни и мальчика" у русских людей, но нет и "самой мамы", и самих мальчиков, а все серьезные люди. С классовой борьбой их. И вот евреи имеют Библию. Куда же они девали Библию русского народа? Вот эти сказки, песни, вот праздники русского народа. Себе свое они оставили, а у нас отняли. Уже на 3-е царствование после Николая I, вздумавшего "облагодетельство-

¹с востока — свет (лат.).

вать евреев через объединение их с русскими" (образование и уничтожение особого обличья в одежде), они "в благодарность" уничтожили русское царство. Ибо Лернер (еврей-пушкинианец) сказал Ренникову, посмеиваясь: "Вы если бы дали вовремя евреям равноправие, то ничего бы не дали".

С другой стороны, от Мануилова я еще в 1905—6 году выслушал на извошке: "Русское правительство нисколько не сомневается, что дать евреям равноправие — значит прекратить революцию. Но не хочет, п. ч. это значит отдать русский народ на съедение евреям". Отметим эту благородную черту русских "бывших" царей, что они предпочитали гибнуть, чем отдать "волку русских детей". Все было прекрасно в наших старых сказках.

* * *

15.ІІІ. 1917

Теперь не заживешь "своим хозяйством".

И не оснуешь "своего хозяйства".

Пришел лупоглазый Карл Маркс.

И сказал, что *ему* ничего не надо.

И то же сказал Лассаль.

В клетчатых панталонах и с руками в карманах.

Объявивший, что "вся наука против него спорить не может".

Ибо у него в другом кармане все цитаты.

И в другом кармане шкловский пунцовый платок.

И то же подтвердил Шпильгаген.

Написавший о них роман.

"Сии три", бысть для Руси Рюрик, Синеус и Трувор.

Русский праздник будет лизать у него з..... .

И добродетельная курсистка обнюхивала у обоих панталоны.

Как "наша золотая Анечка" у носатого Зака.

И увлекла всех моих бедных девочек к Томуля.

Они были доверчивы, мои девочки.

И во всем верили "бедной Анечке".

Которая имела "печать на лице" и шутовство в сердце.

Теперь везде показались жидовские носы.

И их страшные губы.

И запах — из их панталон, который так тянет к себе бедных русских девушек.

(15-й день Русской Республики)

* * *

19.ІІІ. 1917

С евреем "вести дела" приятно и полезно. На этом все основывается. Он помогает вам умом, расчетливостью, сообразительностью, ловкостью, неустанностью и еще более тем таинственным "благоприятствованным", какое именно он покупает от Иеговы во всех делах своих ("и о семени твоём благословятся все народы"). Поэтому у вас все начинается

идти "успешно", раз ты "в дружбе" с евреем. Ну, а отказаться от "успеха" — значит отказаться "от всех дел". Отказаться же "от всех дел" — значит просто "не жить".

По-видимому, все евреи "бл...". Вчера встретился в электро-лечебнице капитан и рассказывает: "Евреи ничего не щадят ради рубля. За рубль они торгуют своими" (он не сказал "дочерьми", а просто почему-то "своими"). — "Как? — воскликнул я. — Вы же только что сказали, что семья у них лучше нашей, теплее, заботливее, благодатственнее..." Он был недалекий человек, только правдивый, и говорит: "Да. У них все работают для семьи, а не один отец, как у нас. С 7-ми лет мальчик работает для семьи. Мать — в труде и почти исходит". — "Ну как же?" — Он: "Я не понимаю, как. Я жил в Ковне. Там множество евреев, — в крепости... И — военные. И вот, все дома терпимости содержатся еврейками... бендёршами... Русских — нет. И все же дома переполнены еврейками-проститутками. И вы всегда можете получить за деньги и дочь от еврейки".

Я был поражен. Это совершенный Вавилон и его Милитта. Они не то чтобы "любят совокупляться". Они "дают в совокупление" (дело Милитты), они "угождают вам, если у вас есть желание совокупиться", — они — чуть только у вас пробудилось желание совокупиться — точно тают, разнеживаются и "со всех ног" бегут и ищут вам девицу. И если нет — кидают вам дочь свою. Это совсем другое дело и совсем другой разговор. Это именно озирианство, "религия", а не просто "так". Но вот, тайна: и посмотрите, это "дело Милитты" у них в психологии, в обращении. И оно-то именно и делает еврея неодолимым. Всматривайтесь, и вы увидите чудеса: вчера я получил письмо от еврея, и как не назвать его чарующим:

"Санаторий для туберкулезных. *Дергачи* Харьковской губ.

Дорогой милый Василий Васильевич! Получил Ваше письмо, но почерк письма неясный — многое не понял. Благодарю. Милый! Напишите, как Вы умеете писать *правдиво* и *страстно* мне о "мартовских" днях. Тут зима, и лютая, весны еще нет. Весь этот шум противен моей душе. В санатории дня 4 война. Смерть сильнее всего на этой планете. Есть ли душа? Есть ли "загробная жизнь"? Вот это важнее всех революций! Жаль Царя Николая. Догадываюсь, что он был человек мягкого характера и безвольный очень. Все, все пройдет, но что будет там? Вам 61 год, вы много думали, страдали — скажите мне. Вы, дорогой, душевный друг?

Лейзар Шацман
(открытка)

Чувствуете ли вы, как я чувствую, что он совокупился с Вашей душой и что вы безвольны в нем и не можете ему отказать и не можете сказать "нет". Это и есть жидовская "Песнь песней" Израиля, которою он чарует и которою отдает вам "дщерей своих" (Милитта) и получает все успехи. Раньше чем вы "отказались" — вы уже совокупились, а потому и "муж" его и не можете ему "ни в чем отказать". Это — всемирная бл...,

с французом, с англичанином, но чаще всего, я думаю, с русским. Вы тонете в меду его.

Она то ластится, как змей,
То жжет, то.....
Несокрушимый мавзолей...

И — гибнете. "Через 100 лет" нет русского + еврей, а только одни еврей + погибший около него русский человек.

И вот этой-то тайны их я и боюсь, и кричу, и говорю моим милым русским: "Не надо! Не надо! Не общитесь с иудеями. Иначе вы все погибнете".

В их вульве потоки патоки, меда, "кисельные берега и молоко в них". Но все это — для потопления, для удушения мира.

Сирена. О, бойтесь песен этой сирены.

* * *

24.III. 1917

Помолимся о Царе нашем несчастном, который в заключении встречает Пасху. И о наследнике Алексее Николаевиче, и о дочерях Ольге и Татьяне (других не знаю, кажется, Анастасия)...

О немке — нет.

Что такое царь? Надо ли написать КНИГУ О ЦАРЕ. Обязанность его, исключительно к величавости, настолько трудна и неизъяснима, что почти нельзя "быть хорошим царем". Хороших царей было 5—6: Кир, может быть, Дарий II, Рамзес, Тутмес, Артаксеркс (Сассаниды). Петр. Карл Великий. Цезарь и Август. Фридрих Великий. Наполеон.

"Великий шаг", "великое слово", "великие дела". У Петра — Великая Работа.

"Се творю все новое". Царь всегда "творит все новое". Если он "подражатель", "повторяет", он уже "каша" и "шут", а не царь. Екатерина не повторяла, хотя и говорит, будто повторяет Петра. Это было неверно, и скромность, и лицемерие. Она была "сама".

И вот попробуйте выдерживать это величие во всем. Нет, что же "выдерживать": быть подлинным и оригинальным во всем величии. Конечно, это почти божеское качество, и цари недаром называются "земными богами". Так это и есть. Это не слово, а дело; не лесть, а истина.

У царя есть мерцание бога. Царь есть ресницы Божии. Их глаз: о, тогда лицо ли... Но — решил...

"Царь всегда прекрасен". Царь не имеет права быть некрасивым.

Бедный наш царь был некрасив.

Но мы должны любить его и некрасивым. Отношение к царю вообще должно быть безумным. Если оно не безумно, то тогда, кто относится к нему не безумно, он должен казнить.

Он бог. Земной и на земле, если бог — то все-таки чрезмерен.

* * *

Почему наше время, состоящее исключительно из смердов, и должно было "низвергнуть царя", и самый сан его, и державность, и смысл в истории. Как же "потом сядут за стол вместе с богом". И как царь учредил "пошлость в Госуд. Думе", то, естественно, и должен был умереть сам. Не только в личности своей, но и в сани своем сам ушел, сам в могилу.

Это хорошо. "Отсюда пойдут рабы, — и что же делать царям".

О, это хорошо. Правильно. "Но хорошо, что совершается".

* * *

6.IV.1917

Конечно, царство есть более аристократическая форма правления, существования: это — золото мундиров, длинные "трены" платьев "в русском стиле" и лесть придворных, и рабский страх министров, и великолепное витийство духовных ораторов, которое так прекрасно в лепке слов, что было бы жестоким неистовством требовать от них хотя бы скрупола еще правды, — все это так прекрасно и так освежает народ, что к чему же ему думать о какой-то "пользе" для себя.

Мы — единого прекрасного жрецы.

Но что́ делать? — "шаблон". Кончена "священная суббота" славянского Израиля, и он возвратился к будням. Пиджаки, выпитая физиономия и запах машинного масла, "Америка, сударь, Америка", — ничего не поделаешь.

Смирись, гордый человек.

И русские смирились. "Будем, очень просто, как все".

* * *

15.IV.1917

У других народов содомичность есть индивидуальное качество, но у евреев вся нация свернута в содомический тип (их носы и губы), и это-то и есть причина их интимности, вкрадчивости начала и вообще всего социально-исторического могущества.

* * *

16.IV.1917

И соскальзывает сердце мое с острой иголки христианства.

П. ч. я не хочу страдать. О, не хочу, не хочу. Так страшно.

И отваливает от цветка язычество.

П. ч. я не хочу Победы.

Что же я? Кто я?

Я в тенях. Вижу христианство и подаюсь в язычество.

Вижу язычество и бросаюсь к христианству.

Испуган. Да. Вот сердце мое — в испуге.

И бьется оно. Умирает. И никак не может умереть. И все ищет воскресения.

Я в полусне и в полувоскресении. И кто хватает меня, говоря, вот ты где? — он уже находит "совсем другого Розанова".

23.IV.1917

Нация ленивая естественно переходит в трудообладание другой нации. Вот малороссы и евреи. По-видимому, то же русские около евреев и немцев.

Люди без идеалов внутри переходят в хулиганство. Вот русская революция.

И несамостоятельное умствование переходит к компиляции (русская наука).

Чего же я тоскую, мучусь? Подемизирую? Все так естественно.

* * *

25.IV.1917

Нельзя совокупиться, не "пролив крови", и, с другой стороны, не "излив моего семени". Ведь вещи "сродняются" на этом, и нет другого средства родства. Но "вступить в родство" — что́ многоценнее. Когда я "строю дом" — я сродняюсь с землею, и, когда "мы строим город" — мы "сроднились с материком". Так римляне сроднились с Лациумом и москвичи с "верховьями Волги". Не на этом ли основано, что "закапывали в землю живого человека при основании города" (бррр...); "будет крепче, будет только тогда — крепко. Я становлюсь, мы становимся мумьями этой земли". И, наконец, Бог: "Сына своего едиnorodного отдал земле (людям)" и через это точно "уроднился (Бог) с землею" (человечеством). Все это мистерия истории, градооснований, так же и Авраама, как и Шнеерзона (глупый Бейлис). Тут, я думаю, и война, эти маленькие Монтекки и Капулетти, эти феодальные войны...

В "Царстве Русском", я думаю, надо бы допустить образоваться королевствам, царствам, республикам — Грузиям, Имеретиям. "Царство Русское" вообще должно жить, "как у Артаксерксов": города от города не видно, и "от Месопотамии до Экбатан". Царство Русское не должно походить на Римскую Скуку или на мещанские французские департаменты, или на глубокую пошлость Соединенных "Штатов". Все это мерзость перед Господом. Царство Русское должно быть домовитым, со сказочками, с песенками, с легендами.

* * *

8.VI.1917

Удивительно, "Святая Русь" спасается собственно с "Окаянной Русью": и из этого сцепления, кажется, объясняется "вся Русь". Из "Св. Руси" — Руси не объяснишь. Но из переплетения двух получается как-то свет на Великую, Белую и Малую Русь. Все понятно.

Но где же родник? Окаянный? В Православии видишь (или хотел бы видеть) Святую. Что́ же тогда окаянная — этнография? Едва ли.

20.VI.1917

Царь есть легенда и молитва. Царей нет ни в какой службе и действительности. Действительность — это вонь, и уже потому не может существовать "о самой себе", прочно, внедрено. Чем же живет она? Вздохом, сожалением, душою. Она живет вот и нашей мечтою, которая "есть душа", т. е. "невидимое" действительности. Царь вот и может, и должен давать эту "надбавку" действительности, — и замечательно, что чем странней государь и необычнее, тем больше его любят, помнят, чтут.

Даже когда было народу страшно трудно около него.

Самые любимые наши цари суть самые страшные. Иван Грозный, Павел. Народ все простит царю, но не простит одной обыкновенности, вульгарности, повседневности.

(дожидаюсь трамвая)

* * *

29.VI.1917

Россия будет раздавлена Германиею физически, после того как она была раздавлена ею духовно.

Россия (и славяне) — действительно слабая страна.

Слабо рождена, слабо и крещена.

Наша судьба — поболеть и умереть.

∞
∞
∞

Радикалы, социалисты — только этапы отчаяния.

Гоголь — этап отчаяния.

∞
∞
∞

Ничего не можем. Но всему бессильны.

* * *

3.VII.1917

Я работал, как собака в конуре: беги к телефону, лай ответ. Дети телефонят (безумно любят) — слушай сквозь работу. Шура вечно телефонила к подругам о здоровье. Письмо из П.: о разводе, — ну, это интересно. Между всем этим строчу фельетон о Достоевском. И к этому — счет о монетах (ант.). И соображение об египтянах. Как же тут не нагородить иногда и чепухи. "Простите ее грешному Василию", ведь он — устал.

Помогите — устал.

И эта усталость — 30 лет.

12.VII.1917

Всегда, когда это "случалось", происходит небольшое "попотнение" ("пот выступает") лица, омоложение и живость его, и милостивое выражение.

Я живу у чухонца. Так как у меня склероз мозга, то я поставил условием летнего отдыха "молчание". И Непенин определил мне жить у чухонца, который русского языка не знает. Действительно, для склероза мозга нет более удобного сотоварища. Немного мычит и ничего не поймешь. Но, "помахав руками", кивнув головой и ласково потрогав (я) по плечу, все понимаем. Есть же язык пчел и муравьев.

В первый день он посадил меня обедать с собой, но потом "освободился", и я уже обедал в его комнате, а он в своей крошечной столовой с кухаркой, мещанкой лет 50, а ему 45. Она худа, ледаща, очень некрасива и более всего похожа на высушенную камбалу (один бок). Но страшно старается угодить (мне), застенчива и скромна.

Но стара, очень стара. Я думаю, лет 55, — ему 50. Но он значительно моложе ее и гораздо крепче.

Сегодня в ночь мне почувствовалось "что-то". Было очень холодно, и я отворил дверь к хозяину, п. ч. у него натоплено, а у меня не топились печь. "Помахав руками", он объяснил, что назавтра и у меня натопит. Спит он рядом со мной, а кухарка его "в той маленькой столовой", которая рядом с его комнатой.

И вот, когда она сегодня утром подала чай, я увидел по приятно помолодевшему лицу и более потому и оживленному, что "было". Как бы пергамент лица ее получил свежий сок на ее кожу, и вся она окрепла и сделалась живой в движениях. Так помню в Сахарне молодой монашенок, от которого вышла поломойка. Он тоже был "вспотевши", но глаза его бегали виновно, и это было отвратительно. Но чухонец — вдовец — закон, и она вдовица. Все было естественно, натурально и ни перед кем вины.

Но я очень хорошо заметил это укрепление (сил), помолодение и будто переход в дворянство. Хотя совокупление всегда есть "переход в дворянство", но все-таки она есть раба его ("в услужении"), и она живет "по образу его жизни", а не он "живет по образу ее лица". К тому же так ясно старше его. "Совсем раба". И вот он захотел ее. "Час пришел". А она: "Все-таки я нужна кому-нибудь как женщина". Это другое, чем служба, работа. "На работу берут на рынке".

И она счастлива, тем прелестным счастьем, какое бывает только у женщин.

"Я полна".

И ссохшиеся жилы ее расправились и наполнились кровью, и поворот шеи другой (более живой), и вся она зааристократилась. А была камбала (не на что смотреть!).

Совокупление есть чудный дар социальной связи. Ничто так не уравнивает, не объединяет. Ибо нет случая, когда бы не прибавилось

ласки, нежности, мурлыканья. Это есть действительно "соединение душ", связь народа.

И вот "узнали бы они", что "я знаю". Какой испуг, какой стыд. Это-то и есть "Каин и Авель общества", увы, всегда сопутствующий европейской цивилизации. Ибо европейская цивилизация вся полна сплетен об этом, злобы на это (попы в основе, а потом поганые повестушки).

Еще бы хотелось написать, но не знаю, что писать.

Как все прекрасно устроено в мире. Но человек все расстроил своим "предрассуждением".

* * *

15.VII.1917

Ах, это милое обрезание... февральский цветочек. О нем расцветает весь мир.

(сегодня Рыбинские поднялись до 303 с 298. У меня их 40. Не купить ли еще 20? Есть свободные деньги. Поставить покупку "на обрезание")

Если бы не было обрезания — мир не нужен.

Праздник выше будня. Что такое буден?

Работа, департамент. Ну его к черту.

Пот. Проклятие.

Цветочек не весь розовый. Так я раз видел: расцвели молодые олеандры. И вся комната наполнилась благоуханьем.

Мир же и сотворен именно и только для одного вдыхания благоухания обрезания. Мир им пропитан. И без него бы засох.

Нет, хуже: он проклял бы себя и засох.

* * *

18.VII.1917

У нее выпала грыжа. Запоздали операцией. И через 2 часа она умерла. Стало слабеть сердце. И она говорит оператору: "Посмотрите, какой у меня внук. Верно, вы не видали такого мальчика". Это был от дочери 1-й внук.

Скажите же мне, старые люди, и христиане, и ей: заменит ли ваша "благодать Господа нашего Иисуса Христа", которую говорит с амвона священник, предлагая приложиться к кресту, этой чистой радости бабушки. Между тем, соглашаюсь, она только коровья радость, солнечная радость. Бык, корова, род — и еще ничего. Египет — по силе радости. По радости радости. И вот это — Египет. Его осознание. "Он первый открыл". В бычачьей сущности мира. До него никто.

И Тураев этого не понимает. Не может понять. У него жена ученая, и им детей не нужно. Но миру-то каково же с Тураевым? Миру и Египту?

И вот умерла бы бабушка "без честного погребения христианства". И пришла бы "куда-то". Вопрос о "куда". Египет ее принимает? А Христос, христианство?

Пусть она пришла без всякого погребения. Но ведь есть же ОБЩЕЕ?
Как бы это ОБЩЕЕ поступило?

Неужели, п. ч. она так похожа на траву, ее бы отвергли?

Вот она радуется только коровьей радостью. Но почему коровья радость не радостна небесам? Солнцу, вселенной она радостна. "Но солнце не Бог". "Бог есть дух". "У Бога нет крови". Найти все космологические и религиозные вопросы. Христос, однако, сказал о лилиях полевых. Где же они в церкви? В Церкви лилий полевых явно нет, и, след., Христос *не только церковен*.

А Фл. говорит: "Нет Христа вне церкви". Эта любовь к церкви — это хорошо. Но такова же ли любовь ко Христу?

Не расщепляются ли в некоторых случаях Христос и Церковь. В некоторых случаях, по-видимому, расщепляются.

(Неннина)

* * *

27.VII.1917

Уже коченеющею рукою (склероз мозга) я разбираю монеты Августа. Какое великолепие, какое великое, как великолепен! О, наш бедный Государь! — если бы ты не копался в соплях кадетской политики и дьявольского блока и всей этой знаменитой ерунды, а позвал благородного Маркова и стал "определять" по Cotten'у и Vabelon'у, ты увидел бы: то два миртовые деревья, то они же, но между ними уже круглый римский щит... то корму корабля и якорь, с воздвигнутым над ним трофеем: монета эта выбита в год битвы при Акциуме, 30 г. до Р. Х., и потому такой знак. Или вот — козерог: Август "родился в месяц вступления Солнца в знак Козерога" (именины милого Маркова, — и Ник. Алекс. мог бы это услышать от Маркова!): Козерог держит руль, и к нему привязан шар (земной). Их 2 монеты у меня, чудной сохранности. Еще: круглый храм Марса. Еще — венок и в нем:

ob
cives
servatos

т. е. "за спасение граждан", это — от тогдашних "буев", Родичевых и Катилин. Еще: круглый щит, по сторонам его — римский орел, знак когорты:

signis
S P
Q R
receptis

и летящие Ники, возлагающие венок лавровый на щит! Какое великолепие, какой смысл!

А ты предпочел заниматься гнусностями строяемого социализма "в уложении" Петрункевича.

О, несчастный, несчастный.

* * *

Вот вам, змееныши шипящие и крапива кусающаяся, хлебца. Дал добрый человек. Прокопá из "Нов. Вр.". Огромный пшеничный хлеб и 10 яиц.

(но не сказал, придя домой) (Сегодня газеты и письмо. Я уже чувствую, что "не пошла", волнуюсь и механически спросил: "От кого письмо?" Василий грубо ответил, — Марэушка. — Надежда рядом заметила, что "не умеют воспитывать"). И я нес хлеб, оставленный Прокопá, в редакции, устал, и все хотел сказать, и лег усталый, отказавшись от обеда. Но не сказал, а покорно сел к "опозданному обеду").

(Конец июля 1917) (22 часа 3-го дня не спал) (не знаю, что делать от безработицы)

* * *

16.IX.1917

Ярко солнышко встало.
Ярче кровь заблестала.
Жилушки напряглися
— хочется работать.
(язычество)

Пасмурно небо.
Сон клонит к земле.
Выспаться бы?
Не выспаться ли?

Все ленивы. "Но можно и как-нибудь обойтись". Тут запасено "покаяние". И в расчете на него можно и в самом деле еще похватать.

(потом)

* * *

Сижу и плачу, сижу и плачу как о совершенно ненужном и о всем мною написанном (классифицирую отзывы — по годам — печать обо мне). Никогда я не думал, что Государь так нужен для меня: но вот *его нет* — и для меня как нет России. Совершенно нет, и для меня в мечте не нужно всей моей литературной деятельности. Просто я *не хочу*, чтобы она была. Я не хочу ее для республики, а для царя, царицы, царевича, царевен. Никогда я [не] думал, чтобы "без царя был нужен и народ": но вот для меня вполне не нужен и народ. *Без царя я не могу жить.*

Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже — не нужно, чтобы она была без царя.

Эта моя мысль 23—28 сентября (не помню числа), да будет она истиною и священной.

* * *

12 октября нового стиля

"Завтра, завтра — не сегодня", —

Так ленивцы говорят.

И слушая снисходительную песенку, — ей-ей, ну как не залениться еще более русскому человеку.

"Да ты бы его батогом, а не ласковой песенкой!"

* * *

24.X.1917

"Довлеет дневи злоба его"

И еще:

"Утренний собою печется".

Вот и я вхожу в состояние старичка и подставляю под щекою рукою, который, засыпая, думает: "Как я утром завтра выпью *кофейку с молоком*. И, м. б., будет сахарок, кусочек". А после обеда: "Будет сон, тихо, и опять от сна *чаек*, эти горяченькие три стаканчика и, м. б., кусочек же сахарку или Таня приготовит "папочке" изюм (вм. сахара), медок". Без сладкого не могу жить: а изюм уже, особенно медок и еще особенно сахар — не по силам купить.

И вот это животное существование "дневи его" — *единственно* горячо забыть, и сам я превратился в "с лысой белой головою", о коем пел Никитин, и я часто приноровлял к "сути христианства" и "хотел знать" и "писать о том" в "Оп. л.". Но странно: и на "Оп. л.", и на Египет я смотрю как на что-то *вчерашнее*.

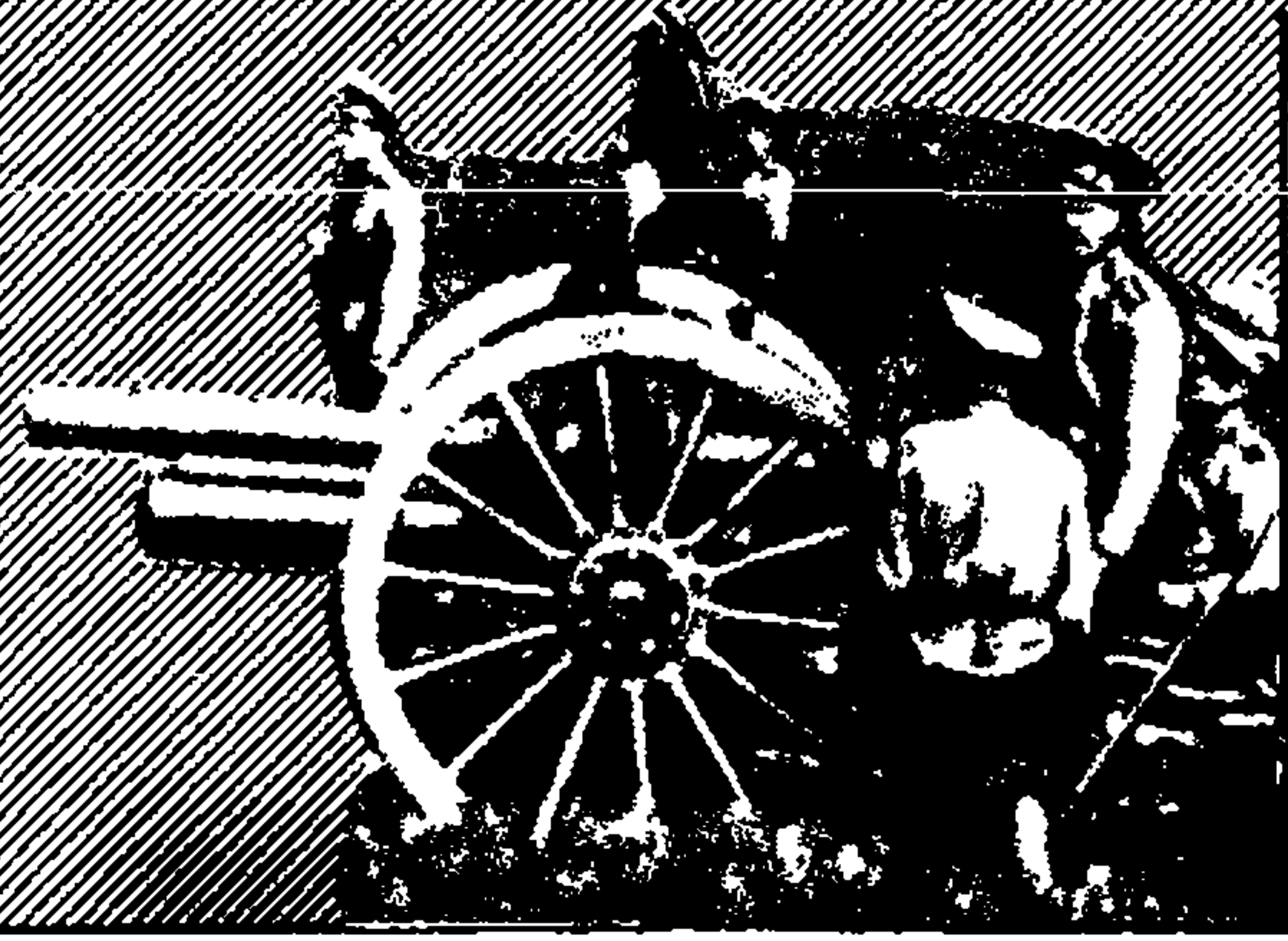
О, старость, как ты грустна. Как ты страшна.

* * *

3 ноября 1917

Эту ночь мне представилась странная мысль: что, мож. быть, все мое отношение, — все и за всю жизнь, — к России — не верно. Я [на] все лады, во все времена ее рассматривал с гражданской стороны, под гражданским углом. У меня был трагический глаз. А, м. б., ее надо рассматривать с комической стороны. "Римляне из нас не вышли". И "католики тоже не вышли". Между тем римско-католический взгляд и есть гражданский. Уже Греция — мягче. Францию Мольер тоже рассматривал политически. Вообще в комедии есть свой смысл. Комедия, в сущности, добрее. Комедия снисходительнее. А греки имели не одного Эврипида, но и Аристофана. Трагическое начало сходно с Молохом: который и пожирает. Во мне это было что-то *пожирающее свое отечество*. В тайне вещей я его ненавидел и — за отсутствие *добродетели*.

Тогда же оправдывается и Гоголь, которого я всю жизнь так ненавидел? Но если ошибка: то как до 62-го года прожить в ошибке?! О, мойры. Как вы смеетесь над человеком.

Война 1914 года и русское
возрождение

НА УЛИЦАХ ПЕТЕРБУРГА

I

Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг... Какой-то прилив молодости. На улицах народ моложе стал, в поездах — моложе... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысл слил огромные массы русских людей в одного человека... В Петербурге ночью — то особенное движение и то особенное настроение, разговоры, тон, — то самое выражение лиц, какое мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь.

Ведь и Пасху мы называем "красною"; христосуемся красным яичком, окрашенным в этот именно цвет по символу искупительной крови... Дрожит напряжением русская грудь и готовится вступить в пасхальную "красную" годину исторических судеб своих, дабы подвигом и неизбежною кровью купить спасение тех остатков братских народов, одна половина которых лежит мертвыми костями под тевтонским и мадыарским племенем, а за другую, еще живую половину наших братьев, теперь пойдет последний спор и окончательная борьба. В русском народе — глубоко историческое чувство. Он сознает громаду свою, мощь свою; он знает, что мощь и громада эта "не напрасно лежат у Бога". И знает также, что множество народов смотрят на эту громаду: одни — с ревнованием, ненавистью и опасением, другие — с надеждою, как на покров и щит свой. И вот пришел год испытания, "крепок" ли щит этот, надежен ли этот покров?

Ни одной нигде хвастливой фразы не приходится слышать. Все инстинктивно чувствуют надвинувшуюся грозу, и знают, что около грозы никакое праздное слово неуместно. А хвастливость — праздное слово. Но слышится решительно везде одно великое, радующее слово: "Будем все как *один*, забудем все свои *разделения* и все домашние былые *ссоры*". И этот энтузиазм к единству и радость о единстве входят большим стимулом в народные уличные движения и придают им возвышенную нравственную окраску. Поистине можем сказать, как в пасхальный искупительный день: "Да друг друга обьемем".

Так мы обьемем все друг друга перед великою и страдальческою "нужею", как называют летописи всякий народный труд, и терпение, и страдание. Мы входим в историческую годину. Оттого-то мы все и помолодели, и приосанились, что теперь каждый день пойдет как исторический день, каждая неделя пойдет как историческая неделя, и всякий из нас, решительно всякий — большой и малый, старый и молодой, — уже сейчас делает историческое дело вот этим самым энтузиазмом своим, готовностью выносить, терпеть, нести жертвы для Отечества, которое воистину становится сейчас престолом и алтарем. Нам придется много терпеть, но и счастливы, однако, мы, потому, что ведь редкому поколению выпадает на долю пережить настоящую историческую эпоху.

И вот бьются наши сердца тревогою, готовностью и героизмом. Теперь у всех погоны на плечах — у крестьянина, у рабочего, у чиновника, у купца; у многих эти погоны лягут на плечи, и, видимо, у других они лягут невидимо, заставив вздыматься его грудь по-солдатскому, по-военному. Ныне мы все воины, потому что наша Россия есть воин, а с Россиею — мы все. Вот что подняло нас... Ноги не стоят, а бегут. Всем куда-то хочется... Все точно идут в поход: одни — физически, другие за ними — мысленно, и верою, и крестом.

Великая минута, великий год. Много он унесет, но много и принесет. Теперь мы все живем день — за неделю, неделю — за год. Души расширились, и тело не поспевает за душою и от этого так торопится, спешит и трепещет. Оттого не сидится дома, оттого хочется выйти каждому на улицу и слиться с волнами народными.

Старый былинный Микула Селянинович пробуждается, — и около него будет много хлопот немецкому гренадеру.

17 июля

II

Напор германских племен на славянские — завершился: Германская империя объявила войну Русской империи. Исполин пошел на исполина. За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев — и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это — не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой.

Да не будет малодушного между нами. Сейчас одна мысль: об единстве, крепости духа, твердом стоянии перед врагом. Будем все как один человек, будем как в войну 12-го года. Это — вторая "отечественная" война, это — защита самых основ нашего отечества. Забывшаяся Германия видит, и всегда видела, главное ограничение своего могущества и необузданных притязаний в могуществе России и силе духа ее армии.

Германия повторила в объявлении войны России тот жест, какой сделала Австрия в отношении Сербии перед войной. Что́ это значит? Не хотела ли Германия выразить этим, что она смотрит на Россию и уважает Россию не более и не иначе, чем Австрия — маленький славянский народ? Ближайшие недели и месяцы покажут, так ли всепобедителен немец, как он представляется самому себе.

Мужайся, русский народ! В великий час ты стоишь грудью за весь сонм славянских народов, — измученных, задавленных и частью стертых с лица земли тевтонским натиском, который длится уже века. Если бы была прорвана теперь "русская плотина", немецкие воды смыли бы только что освобожденные русскою кровью народы Балканского полуострова...

Да пошлет Бог свое благословение на нашего Государя и на нашу Родину в ее великом и правом деле!

19 июля

III

Люди, которые совершают дурной поступок, но в предположении, что это — поступок хороший, что он — нужен, полезен и до известной степени славен, конечно "заслуживают снисхождения" по суду присяжных всего света. Тут есть грех неведения, но нет греха злобы, злодеяния; даже нет "дурного поведения", о котором ведь нужно предварительно знать, что оно — "дурное поведение", и тогда хороший человек от него удержится, а дурной человек его пожелает. Вот об этой разграничительной линии между "дурным человеком" и "хорошим человеком" мне и хочется сказать по поводу разгрома германского посольства как свидетелю со стороны... Хочется сказать, дабы торопливо отбросить тот сконфуженный и извиняющийся тон, какой и официально, и неофициально принят печатью, — и не одной печатью, — в отношении народной толпы в Петербурге, якобы становящейся бурной и угрожающей, сорной и порочной... Ничего подобного!

Было за полночь, когда группа человек в 200—300 принесла "трофеи" разгрома, "отнятые у германцев", именно портреты Государя и Государыни, к подъезду одной редакции, прося принять победные знаки, т. е. поставить отнятые у немцев портреты — у себя. Они пропели гимн, *очень стройно* (чего без выучки едва ли можно сделать) и ожидали... В редакции сказали, что, конечно, "нельзя принимать", что это вообще — дурное дело, и "дурным пахнет", а потому никто к манифестантам не вышел и ничего им не ответил. Ночь была теплая, и я сбежал на улицу и вмешался в толпу...

Были люди "навеселе"... Где, как и откуда они взяли "спиртного", я не знаю... В трамваях и в вагоне я слышал, что по всем аптекам забран весь "рижский бальзам", идущий в пользу при заболеваниях желудка;

может, употребительны и другие специи... Этим или другим способом, но люди были навеселе — только *не было между ними ни одного пьяного.*

— Принесли портреты!.. Примите!!.. Неужели не примете?

В вопросе звучало полное недоумение и почти готовность обвинить в политической измене... Не прямо в "измене", но все-таки — в равнодушии к Родине, в холодности, в отсутствии патриотизма.

Я растерялся. Говорить им о правах собственности, что портреты — германская собственность, "собственность германского посольства", и что это "не трофей, а кража" и тем паче "разбой" — было также невозможно, как невозможно уверять матросов, берущих на abordаж неприятельское судно и подвергающих его разгрому, что они совершают "разбой и убийство". В том и дело, что стоявшая толпа была толпа победителей, и окунать их в холодную воду разочарования было люто, жестоко, и у меня не хватало духу сказать им правду...

Передо мной стояли люди-простецы, маленькие русские люди, ничему или почти ничему не выученные, но грех которых и заключался в этой невыученности... Сейчас же за нею начинались героические русские чувства, которыми живем и все мы, которыми мы и будем совершать подвиги на войне: но там — это будут "подвиги", ибо все будет дисциплинировано и по закону, а у этих бедных и маленьких людей вышел "разбой", потому что *вне дисциплины и не по закону...* Они посмотрели на свой поступок с "германским посольством" как на героизм, подвиг и некоторое величие, потому что ведь посольство действительно являет собою дворец в стиле средневекового замка, и "взять" его и "уничтожить" для толпы простяков казалось чем-то грандиозным.

Будь посольство поменьше, поскромнее, потише — может быть, его бы и не разгромили. Но здесь контраст между "я" и "дворцом" был соблазнителен. Ведь действовала и та иллюзия, что дворец стоит как дворец, что невероятная мысль, будто он не защищен, пусть, будто его можно взять голыми руками и без сопротивления — была не ясна этим людям, и совершенно необразованным, и немножко навеселе. "Ребята, ухнем!" — "Авось, осилим!" — И они вбежали, именно штурмуя его и *отнюдь не грабя, отнюдь не с мыслью грабежа, разбоя и озорства.*

"Он пуст? Тем лучше! Враги *разбежались от страха!* Но мы камня на камне не оставим от *вражеского корабля...*"

Мне передавали — один, другой, третий — не о своем поступке, а о поступке *других*, — как разрезали ножами дорогие ковры, как срывали с окон занавески, разбивали бронзовые украшения... Тут, вероятно, пошла и пассия разрушения как разрушения, которая, увы, ведь сопутствует и всякому штурму, битве, психологии "победителей внутри взятого города". Позвольте, да снаряды, выпущенные в Либаву, которая мирно дремала, которая не имела оружия в руках, многим ли разнится от разгрома германского посольства? Только та и разница, что германское посольство — в Петербурге, а та — на берегу моря. Но в обоих случаях — нападение на безоружного, что в данном случае и образует

марающее преступление. В газетах они читают, что в портах захватываются германские торговые суда — тоже отнюдь не воюющие: и для простолодыня в высшей степени смутна разница между всеми этими актами "захвата германского имущества", конечно захвата — не с целью вернуть, а "себе в собственность", — с тем, что сделали они, что сделала толпа с имуществом германского посольства, "захваченного на русской территории". Мне это не очень ясно, в физической, а не юридической стороне дела, — а я учился в университете: как же вы хотите, чтобы это было ясно людям вообще необразованным. Необразованный действует по так называемому "естественному праву", *jus naturale*¹, а оно разрешает "громить и уничтожать имущество вражеское на войне".

Ну, а стоявшие передо мною люди чувствовали "войну в груди", "войну в сердце", "войну в душе"... Ведь в чем же и состоит суть манифестации, как не в этой работе воображения и чувства, которая "войну далеко" и "войну завтра" переносит в войну "сегодня и здесь". Я более холоден и в манифестацию не пойду. Но они — более горячи и пошли, чувствуя "войну" в камнях под ногами, которые будто шевелятся и жгут. Совсем другое чувство, другая мера чувства, и чувства — не худшего!

Вина, мне кажется, заключается в том, что манифестантами слегка не руководили... Есть вещи, которых темный человек совершенно не понимает; и он особенно темен по части границ и разграничений: "можно" и "не можно", "хорошо" и "грех". Он действует "вообще" и слишком "прямо". Мне грустно и прямо страшно, что этим прекрасным людям, которые в ту ночь, когда я с ними разговаривал, чувствовали себя "Миниными и Пожарскими", отомстившими врагу "за отечество", — на другой день сказали и объявили, что они совершили "хулиганский поступок", что они были только "громилами". "На войне, как на войне", — чувствовали они. "Война и вообще есть разорение, разгром". "Убивают", а не то что "бьют посуду" или там какие-то "бронзовые статуэтки". "Позвольте: в *Петербурге* никто войны не объявлял, она идет *на границах*". — "Но, позвольте, — война идет между Германией и Россией, т. е. между всем русским и всем германским..."

Убедить, конечно, можно, если бы они учились. Но они не учились, — и в этом вся вина. Арестовали же внутри Германии Кассо: а какой же он воин? Он не воюет, а его взяли в плен. Большая ли разница с тем, что германское посольство не защищается, а его все-таки взяли *штурмом*?

Его явно надо было охранять, и охранять тому правительству, которому поручены германские подданные в России. Тут сделан промах, но не толпою, а администрацией. Здания такого громадного дворца нельзя было оставлять нежилым, безжизненным. Оно и подверглось стихийному разгрому, как именно "нежилое помещение", "выморочное имущество", которое "никому не принадлежит". Каким образом в гро-

---

¹ естественное право (*лат.*).

мадном доме никто не дал знать полиции, что на него "нападают". Каким образом архив и документы, которые (печатали в газетах) были выброшены в окно и сожжены, не были заперты достаточно крепко и вообще никем не охранялись? Все это странно, все это неосмотрительно. А где неосмотрительность, там беда.

Народ не может вести себя, как общество; народ чувствует все непосредственное, живое, горячее; он прямее нас и лучше нас. Но он совершает иногда грубые поступки, которые отнюдь не есть гнусные (избави Боже подумать!) и хулиганские. Моя мысль заключается в этом и ограничивается этим, чтобы убедить читателей и тех, "кому ведать надлежит", что разгром посольства был поступком "в затмении", но отнюдь не на худой моральной почве и даже не на худой морально-бытовой почве.

Вытащив из кармана кусок германского флага, молодой человек оторвал мне край и сказал:

— Нате. Храните на память. Германский флаг.

Я поблагодарил. Полюбовался. И положил в карман, зная, что все — "не дело". Но как я ему скажу, когда он счастлив "победой"? Иллюзии священны, как и факты. Милые петербуржцы пережили прекрасную ночную иллюзию — и Господь с ними. Скажу по секрету и про себя, что это стоит каких-то там бронзовых статуэток. Хорошая народная минута стоит статуи. А что они ошиблись, то ведь кто же из нас не ошибается.

— Вы, пожалуйста, *поподробнее* напишите в газете, все как было, — говорили они о разрыве ковров и срыве занавесок.

— О, непременно! Непременно!! — отвечал я, зная, что "не дело"...

Повторяю, я *видел* этих людей, а кто будет читать меня или вообще, кто сейчас в душе судит этих людей, — *не видел* их. А видевший имеет более прав суждения.

Что касается убитого человека, найденного на чердаке, то это какая-то тайна; мне в поезде пришлось слышать, что "на чердаке нашли уже несвежий труп (т. е. не сейчас убитый) убитого человека". Говорившие утверждали, что толпа, ворвавшись туда, *нашла там его*; и у говоривших не было и подозрения, что это — дело рук толпы.

Для оттенения я должен заметить, что в толпе, с которой я разговаривал, был "жар победы", но именно — чистый: ни гнева, ни ярости собственно против "немцев" я не чувствовал. "Важно, что мы *победили*", а что побежденный — худой человек, — этого мы не "говорим". Обыкновенное русское добродушие. И капли злодеяния *как возможности* — тут не было.

22 июля

Нет ничего непонятнее и даже малоизвестнее, нежели часто произносимые слова, но которые уже выветрились в истории, потеряли душу свою, — и теперь, сухие и мертвые, перебрасываются в речи и разговорах как простое украшение этих разговоров. Возникали они — и тогда чувствовались. Потом тысячу лет повторялись и теперь представляют собою то же, что паспорт без человека, или паспорт — покойника. "Слово" — есть, "описание примет" — есть; ну, а вот *он*-то сам, — *его* нет. Он лежит в гробу или на кладбище, скрестив руки и нем. В текущее время предстоит "воскрешение слов", почти еще труднейшее, и даже действительно труднейшее, чем рождение слов. "Новая мысль родилась" — это не так трудно; и с нею, естественно, рождается новое слово. Ну те-ка, а поднимите вы на улице ржавую медную пластинку, остаток разбитой, изорванной гармонии, — или обрывок струны от скрипки и заставьте ее сыграть песню...

Так я думал, поговорив с молоденьким, лет 28, артиллеристом... Небольшого роста, худенький, он весь светился своими глазами, полными такого ума и ясности, что вам хотелось смотреть и смотреть в эти глаза, а уже кстати и слушать речь. Спешно вызванный с работ, где-то в Финляндии, он приехал в Петербург и здесь получил приказ немедленно ехать на место постоянной службы. "Мы все военные: у меня отец — полковой врач, сестра — замужем за офицером". Еще какие-то "дяди" — все военные.

Я заметил в верхней части лба две большие, массивные выпуклости — признак напряженной работы мысли. Артиллерия — это ведь высшая математика. Передо мной сидел не только "офицер такой-то бригады" (цифра на эполетах), но и ученый: и всему — 28 лет!..

Думается, нет и 28 лет: лицо юно, неописуемо юно! И эта непередаваемая ловкость, небольшая любезность и скромность движений. Со всем другой чекан человека, чем "чиновник", "журналист", "актер", "профессор", среди которых живешь и "слишком хорошо знаешь"...

Заговорили о войне, о предполагаемом командном составе армии, он — о "своей родной крепости" и ее командире... О видах на будущее, надеждах и опасениях.

Все, что он говорил, было в высшей степени *утвердительно*. Не стану этого исчислять, не стану этого и передавать. Выйдет похоже на сплетню, на слухи, а всего этого не надо около войны и... около священного воинства, как мне надышала в душу эту мысль фигура поистине прекрасного и замечательного человека, с которым я говорил. Скажу читателю вообще и отдаленно, что в нашей армии, по его разъяснениям, "все обстоит благополучно".

Вспомнили Японскую войну. Заговорили о технике.

— Ну, — сказал я, — ведь теперь энтузиазм не решает дела, а решает его техника.

— Вовсе нет!!.. Сражаться без одушевления — невозможно. Тогда за спиною армии была какая-то пустота: народа не чувствовалось, России не чувствовалось; одинокая армия билась точно в какой-то пустыне, — потому только, что "отдана команда". И эта армия уже до битвы была неживая.

Он говорил как-то выпуклее, ярче и резче, чем я. Мысль была та, что существует невидимый ток, соединяющий армию с народом; и армия и живет и побеждает силами этого тока. А без него и без этих таинственных сил армия есть только склад оружия, амуниции, людей и ученой техники.

У офицера же я ясно читал в глазах:

— Умру, и хорошо.

На меня как пахнуло чем-то... Ведь он оставит вдову и ребенка. Будет плакать сестра и "все дяди"... Тут, может быть, вмешался случай, о котором он мне попутно рассказал, точнее — упомянул. Приказ "явиться", какой он получил, — получил и его товарищ, у которого именно в эти дни умирала от чахотки молоденькая жена и было двое детей, что-то лет 5—6. И что же произошло: "приказанный" офицер уехал, оставив умершую и *непохороненную* жену и крошек детей. — "И у него родных нет".

— Как же? Как же? — спросил я в гражданском и общечеловеческом испуге. Он ответил: "Окружающие знакомые сказали, что жену они похоронят, а детей пока подержат у себя. Он же пусть спешит скорее". Говоривший это — военный, и у него я не читал того страха, которым трепещет вся смертная тварь.

— "Бывает", — заключил он коротко. В уме светилось полное понимание сути дела. А тон слов говорил:

"Что́ делать, — нужно".

Ни жалобы, ни критики, ни истерики.

"Да ты железный", — подумал я о юноше. "Факт и молчание", — говорила его фигура. Я мысленно досказывал:

— Да что́ же такое в самом деле "мы", если *нужно* России... Что́ же такое "наша" воля, выкрики, стоны, если *посылает история!!*

"Посылает история"... Кого??? Этого юношу! И таких, как он! Всю армию!!

"Боже мой! Боже мой! Как же мы все это понимаем и чувствуем?!.. Ведь нам корифеи литературы нашей рассказывали, что это "полковник Скалозуб", который "развалился на софе", да "генерал Бетрищев", который, умываясь, остриг с Чичиковым? Кто же не поверит Гоголю и Грибоедову? И мы вообще-то и думаем, что офицеры "позвякивают шпорами", а батальные живописцы рисуют их "в кавалерийской атаке" с саблями наголо на красивых лошадях. Но ведь это же совсем не то, и это бесстыдство так думать, и как же нам решились внушать такие мысли, — хотя бы и "корифеи слова"! Дело-то ведь действительно

в героизме, самое представление и чувство которого исчезло, и осталось пустое слово, "паспорт без человека"; а он — *есть*, этот настоящий человек, к которому относится паспорт, т. е. *существует* действительный героизм, и лишь при наличии его можно победить, а армия есть живое и выразительное лицо стоящего за нею народа...

"Умереть..."

Это не так просто, это — уже не "паспорт" и "прописка примет", а — *дело*. Газеты и полиция кратко отмечают об умершем на улице человеке: "он умер". Литература очень кратко говорит о войнах: "они умерли"... "Какое нам дело? Это — *шовинизм*".

Услышав так, можно дать в физиономию или разрыдаться.

"Дьяволы: у вас кто-нибудь умрет, то вы — и речи, и венки, и воспоминания, и некрологи. А тут 20 000 умерло, и вы — ничего, "шовинизм". Да ведь это только ругательство, тогда как у них...

Вот у того офицера, который и сам через два месяца, может быть, будет убит, за два месяца до его смерти умерла жена, и он, *даже не похоронив ее*, поспешил к "месту службы"...

Почему??!..

Потому что Россия не хочет, чтобы страдали, умирали, гибли, оплеывались и опозоривались единоверные и единокровные нам славяне...

Потому что России больно от боли славян...

И она хочет переболеть сама, чтобы им не было больно..

И офицеры идут.

Идут солдаты.

Не литературные "солдатики", слащавые и маленькие, а — бронзовые, большие, великие, герои...

Боже, истинно и велико это слово — "героизм", и — *живо* оно!! Живо, живо, *есть, есть!!* "Не выдумка"... О, и будь же проклята эта гнусная выдумка, что "освобождают славян" Скалозубы и Бетрищевы и что они же бились с Наполеоном и вели Отечественную войну.

Боже, кто научил нас этим гадостям? Кто внушает?

"Учим с детства"...

Все это — из истории; из нашей страшной — увы, литературной — истории о том, "как нас делали нигилистами".

И бронзовая армия проходила молча мимо этого нигилизма и среди нигилистов.

23 июля

Среди того смятения всяких известий, всяких слухов, всяких предположений, какие носятся в воздухе, как стрижи перед грозой, — не нужно выпускать из виду того основного электричества, которое насыщает атмосферу Европы вот уже тридцать лет, и также тех основных ветров, которые нагнали теперешние тучи. Эти ветры тоже не вчера зародились; и, присматриваясь к ним, мы можем не поддаваться тому угнетающему недоумению, которое в последние дни держит под собою Петербург. "Что же Англия? Мы и Франция воюем, а она еще молчит?.."

"*Будущность Германии — на морях*", — произнес император Вильгельм в начале своего царствования. И тем определил программу этого царствования, страстно желаемый финал его, — и вместе заставил вздрогнуть старую властительницу океана, Англию. Поэтому не только удивительны, но вполне изумительны выступления либеральной части английского общества и двух-трех ее газет, равно как и представителей рабочей партии в парламенте, — которые "предостерегают Англию от впутывания в европейский конфликт". Правительство Англии, которое имеет перед глазами не программы партий, а заботу о достигнутом уже величии и могуществе отечества, и этому величию грозит крах, — никак не может следовать такому требованию либеральной партии, потому что *само-то* оно — и не либеральное, и не консервативное, а просто есть английское правительство. Нельзя быть правительством Англии и забыть об Англии. Нельзя заботиться о будущем, перед которым стоит величайшая угроза, — и думать о вкусах партий и угождении этим вкусам. Несомненно, вся Европа и даже весь мир не кинулись бы, как сейчас это есть, — к оружию, что бы ни произошло в отношениях Сербии, Австрии и России, даже включительно с Германией. Все это определенный угол мира, а не весь мир. Между тем *встревожен весь мир*, — и закрыты биржи не в юго-восточных странах Европы, но в Амстердаме, в Брюсселе и в Лондоне. И можно сказать, что хотя кровь льется и рушатся здания сейчас в Белграде, — но напряжения мирового электричества гораздо больше над Лондоном и Берлином.

Поэтому рассуждения о том, что "Англия, может быть, останется вне конфликта", как и сообщения о том, что "Берлин предлагает Англии сохранить нейтралитет и в таком случае Германия ограничится сухопутною войною", — суть поистине выкрики встревоженных стрижей. Неужели Англия и Германия в 1914 году вдруг позабудут о том, для чего и для кого они лихорадочно строили дредноуты и сверх-дредноуты?!.. Да и вообще о *столкновении на морях Германии и Англии* существует ведь целая литература, — тоже писавшаяся с лихорадкою в душе.

Это есть один центр электричества, и вместе — одна тяга исторического ветра. Если Англия в наступающем конфликте не уничтожит толь-

ко что отстроенного великолепного флота Германии, но пока все-таки слабейшего, нежели английский флот, то через два или три года германский флот перевезет в Англию сухопутную германскую армию для завоевания Англии. Когда, года четыре тому назад, в Петербург и Москву приезжала английская миссия из первых лордов страны и епископов, — то смысл этого посещения не был нисколько темен ни для России, ни для Англии. Ни славянство и Россия, ни Франция, ни сама Германия не положили так много из своей будущности "в залог" при начинающемся чудовищном "метании карт", как именно Англия. Если другие положили "ничто" и даже "много" в игру, то Англия в ней "заложена вся". Вообразить, что этого не знают и не видят на берегах Темзы, — могут только притворяющиеся или дети. И только такие могут говорить, как теперь говорят со смущением многие в Петербурге, о каком-то "нейтралитете Англии".

Второй центр напряжения электричества — это все нагнетаемая и нагнетаемая на славянство тоска обид и унижений от немцев и от мадьяр, в данном пункте опирающихся на немцев. Прусская провинция "Померания" — это старое славянское "Поморье". Славянское название немецкой провинции происходит от того, что когда-то была она населена славянским племенем, от которого не сохранилось ни языка, ни веры — ничего. Все славяне были совершенно онемечены, т. е. изглажены в лице и языке своем. Также немецкая река "Эльба" — есть великая река "Лаба" славян. Самая середина Пруссии лежит на славянских костях, как равно прекраснейшая провинция Австрии Богемия, — есть окатоличенная, разбитая и униженная славянская Чехия с великим своим священником Иоанном Гусом, которого живого сожгли на костре. И во всю историческую судьбу свою Австрия, подталкиваемая Германиею, мучила и издевалась над славянством и православною церковью. То, что она так жадно и ненавидяще бросилась сейчас на Сербию, — собственно отразило давно знакомый миру аппетит старой Волчицы. Она всегда питалась славянской кровью и славянской верою.

Немцы, которые всегда любили подводить философию под свои грубые и хищные аппетиты, — сочинили даже целую теорию о полной непригодности всего славянского племени, в том числе и русских, к образованию и культуре. Устами теперешнего императора своего и великого Бисмарка, они высказывали мысль, что славяне слишком мягки и женственны и не умеют и не могут быть самостоятельны; но что в слиянии с мужественным тевтонским племенем они могут дать превосходную помесь, способную к культуре и политике. Это значит, что славяне могут быть отличными рабами немцев, и их ученые даже производят имя "славян" от латинского слова "sclavi", "рабы". "Природенно-рабская нация", русские и славяне могли бы превосходно быть батраками у их дворян, нести солдатчину под "прусским лейтенантом",

которым так восхищался Бисмарк, — и вообще продолжать роль полабских славян возле рыцарственной и философствующей тевтонской расы...

И вот ныне поднялся этот "бесхарактерный" и "женственный" русский мужик, чтобы показать соседям, что не такая уж он "баба", как рассчитывает его сиятельство, прусский юнкер.

Вот два электричества. Вот две тяги ветра. Это будет великая расовая и культурная борьба. Это будет именно — не война, а борьба.

Славяне борются за свое достоинство.

Англия — за свое спасение.

Против — всеподавляющего немца.

Душно стало от немцев. Сперло от них воздух. И разразилось все грозой.

21—23 июля

VI

Англия объявила войну Германии. Тягостное ожидание разрешилось...

Величественные слова Государя в манифесте к народу и армии:

"Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни, вместе с нами встали доблестные союзники наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию".

ВОЙНЫ КАК ВЕЛИКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Войны завоевательные нередко бывали нравственно разрушительны для победителя; но войны оборонительные всегда и безусловно построют дух народный, сжигают в нем нечистые частицы, объединяют его, уплотняют его — ведут к жертве и героизму. Это всегда суть войны нравственно-воспитательные. Такова была у нас война 12-го года; с таковыми же чертами у нас начинается великая война 14-го года. Последние войны Германии — все завоевательные. Обобрав Данию, Австрию и Францию, — Германия, когда-то бывшая страной Гёте и Шиллера, Шеллинга, Фихте и Гегеля, стала государством "крови и железа", по формуле и по зову Бисмарка, — но без всякого идеального, светоносного содержания.

Уже сейчас Россия неузнаваема. Где этот горький и часто низкий и циничный смех над собою? Где этот тон постоянного отрицания себя и преклонения перед всем чужим и, в сущности, мало знакомым? Как налет пыли, как поверхностная — более некрасивая, чем опасная — болячка, все это сметено очистительной бурей, поднявшейся у краев нашей державы. Как в лучшие времена истории, Россия стоит одна и неразделенная, — потому что на границе встал враг, угрожающий тоже нам "без разделений", угрожающий нам *всем*. Вот смысл и прекрасный слов лифляндского дворянства, и гораздо менее прекрасного заявления "кадетов", которые на это время могли бы спрятать свою громовую "оппозицию правительству" и совершенно промолчать о ней... Но ни скромностью, ни особым умом кадеты никогда не отличались, и оставим это их *testimonium pauperatis*¹, вечный знак их бедности. Возьмем то, что есть ценного в заявлении: "Россия и все русские должны быть перед врагом *нераздельны*".

Но вот и еще воспитательная и до известной степени учебная сторона войны. Эти дни, когда зашевелились могучие части военного тела России, мы осязательно и зрительно ощутили воочию и плечом около плеча, что такое "Государство" и что такое "Отечество". Увы, в мирное время мы слишком чувствуем себя только "членами общества" и мало-помалу вовсе утрачиваем сознание в себе "гражданина", т. е. члена именно колоссальной государственной организации. Теперь, когда в лице "запасных" вдруг мы видим своих товарищей по работе, по гражданской службе, своих сослуживцев по конторе и магазину — "воинами", совсем в другом платье и принявшими другой вид и осанку, — мы вдруг чувствуем "свое Государство", точно поднявшееся во всеоружии из мирных рядов вчерашней "публики". "Население" и "публика" поднялись "вооруженным народом", и обыватель скрылся в "гражданине", в его строгих и ответственных чертах. Вот этой-то "строгости" и этой-то "ответственности" было мало у нас, — по доброте и снисходительности Государства к нашей обывательщине. Государство в обыкновенное время стоит уже слишком задрапированное, слишком закрытое бытом. Мы его вовсе не чувствуем. Как Гоголь сказал, что у нас от иного города "три года скачи — ни до какого государства не доскачешь", так можно сказать, что у нас "от публики и быта — до Государства и гражданственности сколько хочешь скачи — не доскачешь". Этим отчасти можно объяснить невероятную распущенность русской мысли и русского слова в отношении России, в отношении Государства, в отношении именно "обязанностей гражданина", которые на столько лет точно вымерли в нашей печати. Сейчас все, решительно до одного все, чувствуют и говорят точь-в-точь так, как говорил бывало Ив. Серг. Аксаков в "Руси" перед турецкой войной. Это — совершенно неслыханное чудо, и преображение вызвано тем, что "враг показался вблизи", — враг

---

¹свидетельство о бедности (лат.).

опасный, не то́ что былые турки, о которых мы и заранее знали, что "победим", — и что из мирного населения и обывательских рядов поднялись воины и оружие...

Вот это ощущение Государства есть вещь, ничем не заменимая в смысле обучения. В год войны мы многому научимся, — прямо перед нами многое новое и неожиданное *раскроется*, — и в новую Думу соберутся люди с запасом совсем иных чувств и иного сознания в груди. "Научиться Государству" — нельзя из лекций и из книг, а газеты и вообще печатная "обывательщина", — газеты, беллетристика, театр — только "разучивают Государству", закрывая и затягивая его все бытом и бытом, все житейскими и житейскими "язвительностями". Все это имеет свою цену и хорошую цену; но, однако, все это совершенно закрывает от нас одну великую драгоценность — вооруженное, могучее Отечество, готовое пойти на врага. В "быту" мы все, естественно, слишком раздробились и только в войне чувствуем себя "все вместе". Это несравненный опыт. Это то́ политическое воспитание, которого вовсе не дают нам юридические факультеты, которые суть какое-то "книжничество и фарисейство государственности".

Скелет и душа государственности, т. е. ее "твердое" и вместе ее "одушевление", есть действительно воинство на полях битв. Воинство — с его великой готовностью умереть... Что́ может быть выше, что́ может быть героичнее, что́ может быть священнее этой готовности и решимости! Так умирали мученики за веру: и вот *так же* умирают воины за Отечество. Отечество вдруг представляется колоссальным складом высших идеальных ценностей, какие вообще носимы народом, — но это-то "носимое", как крест за воротом рубахи, остается вообще от нас и от постороннего скрытым. Но, когда "идут и умирают за *это*", "за Русь", "за веру", за "единокровность", — какое же может быть сомнение, что это все есть *великое сокровище*. Ибо умирают с готовностью и радостью, и значит, всей целой армии, всем вооруженным частицам народа это исчисленное — "вера", "Русь", "единокровность" — есть воистину драгоценность. И тогда у кого не поколеблется сердце перед тем, как напасть на это сокровище, начать его поносить и ругаться ему? А ведь мы "в мирные годы" только и делаем и делали, что это грубое отношение к родине и всем ее вековым святыням.

Мы живем в чудные дни. То́, что представлялось совершенно непобедимым, и то, что́ казалось совершенно невозкресимым, побеждается с одной стороны и воскресает — с другой. На наших глазах, в каждой точке родины, точно показывается свеженький, молоденьких хлеб, — без старой ржавой "спорыньи" на нем. Поистине — молодой хлеб; поистине — новый хлеб. Что́ бы ни было, какой бы ни был ход войны, каковы бы

испытания ни предстояли нам, мы будем помнить и будем утешены тем, что мы в них — выздоравливаем; что труд страдания будет вознагражден и уже вознаграждается сейчас сторицею.

26 августа

ЗАБЫТЫЕ И НЫНЕ ОПРАВДААННЫЕ

(Поминки по славянофилам)

Вихри и бури исторические уносят и мысли наши... Человек — не камень: с душой колеблющейся, неуверенной, с сердцем жалостливым, он не останется "тем же", когда вихрь переменяет все кругом его, уносит одни зрелища, приносит другие зрелища, меняет "да" на "нет" и "нет" на "да"... Человека "сдувает" с его места та мощь бури, которая — увы! — иногда сдувает целые царства, троны и королей...

Писатели, поэты и мыслители всего менее могут сохранять те "стройные мирозерцания", которые они вырастили в себе в ясную погоду, под теплым солнышком и при безоблачном небе. Вырастили, и возлюбили, и долго любовались на них, — и указывали прохожим: "Посмотрите, как это прекрасно и истинно!" Все было "прекрасно" — пока горело под солнышком. Но нашли грозные тучи, и вдруг все потемнело...

Ничего нет поучительнее и интереснее, как наблюдать нашу умственную жизнь сейчас; и особенно — для того, кто избрал это наблюдение до некоторой степени специальностью.

С 19 июля под внезапно налетевшим вихрем все легло у нас "плашмя": все, что стояло гордо, и, казалось, этому стоянию — и века не будет; все, что высказывалось как "окончательная истина" и как решенное "на все будущее", — снесено вихрем, которому всего истекло десять дней... Это ведь памятная история нашего общества и литературы, когда в 40-х годах и в Москве прощались и расходились друзья: Аксаковы, Хомяков, Погодин, Киреевские — в одну сторону, Герцен и Белинский — в другую. Раз Грановскому, общему другу тех и других, случилось поместить одну статью в "Москвитяине" Погодина. Статья была интересная, и друзья спросили Белинского: "Читал ли он?" — "Нет", — отвечал молодой энтузиаст: "Потому что я не люблю встречаться и с лучшими друзьями в неприличном месте". Так был назван им единственный в России славянофильский журнал, — "влачивший существование". Предтеча грядущих журнальных судеб славянофильства... От "Москвитянина" и до аксаковской "Руси" все они, эти славянофильские журналы, только "влачили существование"... Подымая так *тон*, — "я не хочу заглядывать в неприличные места", — Белинский тоже предугадал вперед на 70 лет *победный тон* целого хора шумных и непрерывно успеш-

ных, непрерывно любимых журналов, которых читателями с самого же начала сделались все русские, все образованное общество — в Москве, Петербурге, в провинции, по самым далеким и захолустным уголкам... Это не была победа. Какая же "победа", когда и *борьбы* никакой не было, — когда в самый же момент разделения наиболее пылкий и несколько наивный член одной группы друзей откровенно сказал, что он людей противоположного лагеря "не читает" и, — по мотиву, о котором что же сказать? "Неприличное место"... И так как это был идейный мир, так как дело касалось спора или, вернее, того, что *могло быть* "спором", — то он бросил моральное обвинение, в своем роде плеснул кислотой в лицо целому лагерю людей, где стояли Аксаковы, Киреевские, Хомяков, Погодин, "Славянофилы! Наши сла-вя-но-фи-лы! Ха-ха-ха..."

"Спора" никакого не было и не вышло... Было — гонение; было преследование; было на семьдесят лет установившееся заушение, плевки, брызги жидкой грязи, лившейся с колес торжественного экипажа, где сидели Краевские, Некрасовы, Благосветловы, Шелгуновы, Скабичевские, Чернышевские, Писаревы, — на людей жавшихся куда-то в уголок, не слышимых, не разбираемых, не критикуемых. Какое имя в литературе С. А. Рачинского? Никакого. По *имени* — знают, *книг* его — никогда и никто не читал. Да что он? кто он? Дворянин, помещик — в родстве поэта Баратынского, — профессор ботаники в Московском университете, переводчик "Жизни растений" Шлейдена и "Происхождения видов" Дарвина. Доселе ничего позорного, отрицательного? — "Ничего", — скажут. — Вышел, еще молодым, в отставку и поселился в родном имении Татево Смоленской губернии, где построил школу и, не отходя от нее, как от долга и службы, начал учить крестьянских детей окрестных деревень... Ничего? — "Даже похвально", — слышится ответ. — Брал в средство обучения, выполняя требуемую законом программу низшего народного училища, жития святых, церковные и богослужебные книги, "Часослов" и Евангелие. Из школы его вышел знаменитый живописец Богданов-Бельский, а сам со школьниками-детьми он начал первые в России школьные экскурсии, но не за границу, а в знаменитые древностью и историчностью монастыри. Ну? — Нет ответа, молчание. Хуже: имя Рачинского и как общественного деятеля, и как педагога, и как писателя и ученого выброшено совершенно вон из литературы западников, т. е. из всей почти русской литературы; и на их оценку лицо Рачинского и труд его есть пустое место в русской истории. Так как совершенно невозможно было что-нибудь сказать против труда его, так как в нем совершенно не было ничего для критики, порицания, возражения, насмешки, — то имя его за все двадцать лет деятельности не было ни разу названо, принесено в "Отечественных Записках", "Вестнике Европы", "Русском Богатстве", "Русской Мысли"...

— Почему? Ведь педагог, просветитель? Для крестьян!

— Да. Но он был христианин. Он любил церковь. Он учил детей любить Россию.

Других преступлений не было... Так вот в чем дело и вот где *корень* расхождения московских друзей 40-х годов, которое определило собою на семьдесят лет ход русской общественности и литературы. Дело было вовсе не в "славянофильстве" и "западничестве". Это — цензурные и удобные термины, прикрывавшие собою далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и — в существе своем — ошибку истории, суеверие, пережиток, "то, чего нет".

— Религии нет, а есть одна осязательность, реальность, один материальный мир; предмет физики, химии и биологии.

— Души нет. Загробного мира нет. Наград и наказаний за эту земную жизнь нет. Бога нет.

— История — путь ошибок и суеверий. Нужно все начинать сначала. История реальная началась с Французской революции, и ее продолжаем, — т. е. поддерживаем принципы Французской революции, — мы, Стасюлевич, Некрасов, Щедрин, Краевский и передовые профессора университетов.

— Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна. России собственно — *нет*, она — только *кажется*. Это — ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем; и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет; и его рассеет мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только "среда", "материал", "вещество" для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщенно именуется "Европейскою цивилизацией". Никакой "русской цивилизации", никакой "русской культуры"...

Но тут уже даже не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о "русской цивилизации", "русской культуре" — сводила с ума, парализовала душу... Это было то черное, что если не заставляло болеть и умирать Стасюлевичей и Краевских, Пыпиных и других профессоров, то лишь единственно потому, что они были в обладании всеми средствами, чтобы заставить умереть и захворать своих противников. В "обладании всеми средствами": ну, понятно, какие это "средства" в духовном мире, в идейном мире. Это — лишение права слова; моральное его лишение, литературное его лишение. Белинский дал понять "своим", т. е. дал понять всей читающей России, что славянофильство есть некоторое "неприличное место" в духовной жизни нашего общества. Писарев, которому вся Россия также кинулась навстречу, — называл славянофильских писателей и ученых "Ванькиной литературой".

— Потому, что они верят в Бога и признают Россию.

”Признают Россию”... Славянофилы действительно учили, что Россия содержит в себе зерно самостоятельного и *другого* развития, чем по пути какого прошла Европа. И покоится это на двух фактах: другая церковь, другая история. Вся западная политическая история представляет собою *насилие сильного над слабым*. Тот способ, каким произошли наши остзейские бароны и графы, — этим способом произошли и западноевропейские княжества, сливавшиеся в королевства и выросшие до империй. Везде один факт: в мирное, тихое, живущее натуральной жизнью население приходит толпа закованных в железо воинов (”рыцари”), ставят укрепленный дом (”замок”), окруженный рвом и высокой стеной; и насилем, принуждением обращают население, окружающее эти ”замки”, в рабство. ”Господа” и ”рабы”, ”феодалное дворянство” и, с другой стороны, ”крестьяне” и ”ремесленники” — суть всего, зерно всего; это — общая ткань, из которой выткана вся Европа. Итак, запомним: *насилие и угнетение*. Тот же факт господствует и в церкви, не из иной ткани сшиты и ее золотые ризы: католичество всегда было воинствующее, борющееся. ”Воин” есть в то же время ”католический священник”. Папы — воины, епископы — воины. Сперва они dokonчили разрушение Римской империи и римской культуры, начатое германскими королями-конунгами (König), а затем также насильственно, кроваво или огненно, погашали всякое восстание против себя. Так, огнем и кровью они потушили гуситство в Чехии, вальденцев в южной Франции, пробовали погасить Лютера и его реформацию, — но последнее не удалось. Однако эта реформация, это лютеранство, едва родившись, сейчас же кинулось в борьбу и насилие против прежней веры (30-летняя война). Без ”насилия” не было там ни королевства, ни церкви, ни короля, ни папы.

А у нас? Власть у нас есть скорее бремя и долг. Это ”бремя власти” новгородские славяне возлагают на призванных из чужа князей: таково было ”призвание князей”, начало русской истории. Власть есть что-то тяжелое, от несения чего мирное население положительно отказывается. То же повторилось при избрании Михаила Федоровича Романова на царство. Епископы, архиереи, святители Киевской и Московской церквей, — какие же все они ”вояки”? Можно улыбнуться только такому предположению. А папы и архиепископы германские определенным образом вели войны.

Вся русская история есть тихая, безбурная; все русское состояние — мирное, безбурное. Русские люди — тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, добрых людей. ”Русские люди — славные”. Кстати, прилагательное ”славный” сливается с именем племени — ”славяне”.

Конечно, во всем этом бывали исключения; но исключение — не правило. История идет большим путем, широкою дорогою. История есть именно выражение ”правила”. И что оно *таково* в русском бытии, — это простая очевидность.

Но здесь вышло осложнение. Славянофилы не только кротким взглядом отметили кроткие черты русской истории, — мягкое, не каменистое русло ее течения (кое-где с болотцем), — но и личным духом своим и личным характером стали звать сюда же. Они дали не только объяснение, но и дали идеал. Этот идеал опять простирается до самых далеких далей. В самом деле, "борьба", потому именно, что она — "борьба", должна иметь какой-то исход и разрешение. Борьба ищет мира и ведется из-за мира. Славянофилы, отклоняясь от неразрешимой проблемы о "конечном смысле человеческой жизни", который в руках Промысла и Судьбы, — дали ближайшую и широчайшую концепцию, в сущности, целой *цивилизации*, как непременно *мирной*, без "обиды" и притеснения, без угнетения и в полном мире. "Да житие мирное и тихое проживем, во всяком благочестии и чистоте", — эти слова богослужения выражают все. Это слово — совершенно полно и совершенно окончательно. Тут нет далеких гор, далеких горизонтов; это — состояние, ответ на "как жить", а не указание — "к чему *стремиться*". Хотя категория "к чему стремиться" — понятным образом тут не исключается. Идеал "сидячий" до некоторой степени, а не "бегучий". Что́ делать. Западные реки бегут с горок; наши — тихо покоятся в широких берегах.

Как хотите, а идеал хорош, широк. Он именно отвечает довольно измученному и раздраженному положению и Западной Европы. И славянофилы недаром говорили: "К нам *все придут*, у нас *все позаимствуются*". Это не было хвастовство. Просто — это дело. После большого странствия (Европа) — хороший отдых (Русь).

Не целая ли в этой мысли цивилизация? О, да! Это — *прямо видно*.

Западники хотя и накинулись на славянофилов с остервенением, но в самой злобе своей доказали их истину. "Не хотим *бороться* с Западом", "на Западе даже *все лучше*, чем у нас", — кричали они, совершенно как славяне с озера Ильмень о варягах. Во всей истории нашего "западничества" повторяется то же, на что́ указали славянофилы: отречение от себя, смиренное о себе сознание, что "не умеем" и "не способны", и искание, кто бы нас "управил". Мы звали "Бокля, Спенсера и Конта", совершенно так же, как когда-то "Рюрика, Синеуса и Трувора". Тогда — "княжить и владеть землею, понеже она велика и обильна, но порядка в ней нет", а теперь от времен Белинского — "управить наши головы, понеже они хотя и талантливы, а *нечесаные и заспались*". О всех этих свирепых Чернышевских скажешь: "все-таки они *славные* (славяне)"... "Себя не помнят, все отдают чужому, и, приняв чужое господство, — кланяются не накланяются".

Право, наши западники и есть "славяне". — "Как можно бороться с Западом? Ведь мы — *мирные*".

Славянофилы же были поставлены в воинственное положение. Однако, как же бы иначе они высказали свою мысль? Они отрицали вечную *борьбу* на Западе (конкуренцию), вечную *вражду* на Западе (партии, партийность). А "отрицание" есть борьба. Но поистине это есть та

"борьба", которую святые ведут против ссор человеческих, против не-мирности человеческой. А западники со своим "миром с Европою" и с воплями, что "у нас все хуже", — суть грешники, не понимающие, что они на веки вечные утверждают в мире начало злобы и вражды (знаменитая "конкуренция" как принцип Европы).

Таковы были мысли. Таков ход развития русской литературы.

* * *

И вдруг все легло плашмя; я не могу иначе назвать ту совершенную перемену тона газет и журналов, которые вчера "западнические" — сегодня повторяют "славянофильство". Но как больно, как больно, как больно, что, говоря "от нутра" и "под давлением событий", никто не вспомнит, какие праведники впервые сказали на русской земле это слово. Из статей, появившихся эти дни, выдаются: "Родине" С. Н. Булгакова и "Наше мщение" Т. Ардова (обе в московском "Утре России"). Они не говорят одного и того же, да это — и не нужно. Славянофилы всегда и проповедывали "хоровое начало", т. е. множество *разных* голосов, дающих в общем впечатлении, однако, единую общую гармонию.

"Казалось (говорит Булгаков), высокомерное *пренебрежение* к родному (как верно! — В. Р.), пустопорожнее "западничество", через посредство интеллигенции, становится уже всеобщим. Но ныне и "западничество" умерло с шумом, умерло навсегда под ударами тевтонского кулака, вместе и с фантомом "международного" социализма и братства социалистических легионов... Перед лицом мировой европейской войны, показавшей всю ограниченность и условность европейской культуры, нельзя уже в нее верить, как в царство небесное, как в земной рай; европейскими легионами расстреливаются западнические кумиры русской интеллигенции, вера Белинского и его потомков. Для вдумчивого наблюдателя понятно, что теперешняя война знаменует *общий кризис европейской цивилизации*, свидетельствует об ее зрелости и приближении ее конца, как бы ни был продолжителен по времени этот конец. "Новая история" кончается, и Запад уже сказал все, что имел сказать. *Ex oriente lux*¹. Теперь Россия призвана духовно вести европейские народы, на нее возложена страшная ответственность за духовные судьбы человечества. Но для этого она должна стать духовно свободной, выйти из своего духовного вассальства у "Европы".

Окидывая взглядом русскую действительность, автор говорит, до чего всегда мы, русские, недооценивали этой действительности; и лишь сквозь наше уже априорное отрицание родины, в угоду западническому идеалу и западнической программе, находили все у себя отвратительным:

---

¹ С востока свет (*лат.*)

”Казалось, раздор и недоверие между правительством и обществом искони составляли неизлечимую болезнь нашей государственности. Этой распрей духовно отравлялись и интеллигенция, и власть, причем обе стороны были духовно неправы: *общество не умело ценить высокой трудоспособности русского чиновничества* (везде мои курсивы): бойкотируемая же ”бюрократия” болела ревнивой подозрительностью к свободной общественности. И вот в час испытания распря исчезла совершенно, новый дух повеял в русской государственности. Это не тот паралич и испуг власти, при которых она *делается достоянием проходимцев и авантюристов*, но твердое, мудрое, воистину народное правительство, сильное своим единением с народом. Проблема, доселе одинаково неразрешимая ни для реакции, ни для революции, ныне просто и естественно разрешена в общем порыве любви к родине: мать осенила и примирила сынов своих на груди своей. И нам не страшна борьба с неурожаем, с тяжестью несения войны, с промышленным застоєм... Так, под ударами вражеского меча, празднуем мы светлый праздник государственности”.

Давно пора... Давно пора говорить такие речи! Не страшны бы, — нет, больше, — *не тяжелы бы нам были и легко бы мы справлялись со стихийными бедствиями страны своей, вроде местных неурожаев и эпидемий, которым как же и не случиться где-нибудь на пространстве целой 1/6 части земной суши?* — если бы не эта виснувшая на плечах правительства и, пожалуй, на горле правительства злоба и самые бессовестные обвинения общества и печати... Старая, семидесятилетняя язва Руси! Наконец ты закрываешься. Наконец слышится гражданский язык, а не язык каких-то угнетенных и возмущившихся рабов, которые ничего не могут, кроме бешенства и злобы. И, обессиливая во сто крат власть, буквально ”вися на ней”, — только лишает ее возможности делать то, что она могла бы сделать и чего они сами заместо нее никак не могут сделать, потому что в них нет ни той ремесленной и наследственной ”трудоспособности”, какую так пронизательно усмотрел автор в чиновничестве, ни знания техники государственной работы, не обладая которой, шага нельзя в ней сделать. Да и, наконец, кто высовывается и протягивает к власти руки из ”общества” в дни волнений и переворотов государственных — по существу, мотива своего, по существу, сердца своего, — суть ”проходимцы” и ”авантюристы”. Так говорит профессор политической экономии, знаток революционных движений в Европе, член 2-й нашей Думы, автор серии крупных книг. Много перегорело в душе его. Но не сгорела самая душа, а выплавил в себе золотой слиток таких глубоких признаний.

Он же говорит, — разумея общество и печать:

”Не погребали ли Церковь в душе народной? Не стало ли легким, дающим успех, выгодным занятием (о, какие слова! — В. Р.) ее постоянное заушение и оплевание? Но

и здесь ошиблось маловерие. Смиренно, кротко и ласково опять собирает Церковь детей своих, и небо слышит всенародные моления тысяч людей, преклоняющихся на стогнах и в храмах, и попрятались в свои щели привычные ее зашители. И религиозный пламень, который зажигается ныне в сердцах людей, не пропадет втуне и не погаснет, ибо на религиозных путях таятся сокровища религиозного духа, — религиозно-историческое призвание св. Руси”.

Обществу нашему действительно пора оглянуться на то, какое огромное, какое непосильное бремя возложило оно на порицаемое ”правительство”, — которое стояло перед задачей управления $\frac{1}{6}$ -ю частью суши среди населения — в одной части темного и не могущего ему умственно и технически помочь в работе, а в другой части — хотя внешне и учебно как будто образованного, но на самом деле, вследствие неправильности своего школьного и книжного образования, вследствие изуродованности всего литературного развития, — вполне непонимающего, — что́ такое Русское Царство, что́ такое Русская Церковь, что́ такое наша совершившаяся история? Пройдет не очень много лет, и истекшие $\frac{3}{4}$ века поистине страстотерпения русского ”правительства”, шедшего вперед и вперед, обливаясь кровью и слезами (плевки со всех сторон), — будут оценены как одни из самых великих смиренно-героических страниц всемирной истории. Будет это, будет — настанет, настанет. Глаза общества наконец откроются...

* * *

Столь же прекрасна высоко патетическая, горящая огнем и правдой статья г. Т. Ардова (в ”Утре России”, 14-го августа):

”Как-то весь холодеешь, сжимаешься, дрожишь от подступающего к сердцу и к вискам темного, одуряющего возмущения, когда читаешь о том, что делали и делают немцы.

К прискорбию, в нашей культурной толпе, обладающей в силу уже своей численности стадностью воблы, слишком быстро усваиваются шаблоны. Появился и тут шаблон: ”Мы воюем не с немецким народом, а с прусским империализмом, милитаризмом” — со всякими ”измами”. Кто станет противоречить, тот сам сейчас же клеймится ”измом”: ”шовинизм!”.

— ”Народ немецкий ни в чем не виноват, виноват Вильгельм и прусское юнкерство, народ — везде народ”.

”Ради Бога, довольно, господа! Все это — благородные слова, но разве вы не видите, что это чепуха, софизм, которым могут утешать себя только малоумные филистеры, набитые нарочито добродетельными прописями и от этого не умеющие разобраться в простых вещах.

Нет, нет, не закрывайте глаз на жизнь. Относитесь как угодно к отдельным немецким пленным, но помните: все-таки *мы воюем с народом, с немецким народом.* Не

с правительством, не с Вильгельмом, не с прусским лейтенантом, не с "измами", присущими германскому "рейху", мы воюем, а — с народом, который породил все эти милые феномены, как он породил и все другие гадости, вплоть до пасхальных берлинских открыток, на которых изображены свиные зады и женщины, сидящие в укромном месте. Вот эту самую художественную открытку и воплотили в жизнь те немцы, которые, везя в вагоне русских дам с детьми, запрещали им в течение тридцати часов пользоваться уборной, а потом остановили поезд, выгнали всех в поле, заставили отправлять естественные надобности и смотрели, как это совершается. Вы думаете, что это они "озверели" во время войны, потому что им так кайзер приказал. Нет, нет, нет, наивные русские люди, — они *озверели уже давно*, они были скотами, когда рисовали эту художественную открытку, они тогда мечтали, чтобы посадить этак женщин и поглядеть.

А когда они бросали русских дам на грязный пол свиного хлева и затем брали по три марки за связку соломы, — нашим русским казалось, что они издевались над нами *по случаю войны*. Наши любители немецких курортов должны бы знать, что каждый паршивый немецкий метрдотель, с хамской надменностью беседующий с русскими победнее, называет назначаемые цены специальным термином: "дурацкие или русские цены (*пагген oder russischen Preisen*)" и всегда издевается над русскими.

"Народ немецкий ни в чем не повинен"... Да, конечно. Есть огромное, подавляющее большинство *отдельных* немцев, которые ни в чем не повинны, но *все* немцы, но *народ* немецкий — другое дело.

В Берлине был врач, притом профессор, одна из тех знаменитостей, к которым всегда ездят лечиться "русские свиньи", — который, едва лишь разразилась война, выбросил из постели больную, несчастную страдалицу, г-жу Туган-Барановскую, которая имела роковую наивность довериться его немецкой культурности. Изнеможденная, перенесшая ряд тяжелых операций, с лицом и головой, лишенными кожного покрова, она лежала вся в повязках, а он выгнал ее вон, отдал ее солдатам, и они сорвали с ее гноящегося лица бинты и открыли обнаженное человеческое "мясо", потом бросили ее в вагон и снова выбросили, не довезя до границы; кто-то подобрал ее и донес на руках, а через несколько дней она умерла от заражения крови. Заражение крови — это был ужас, висевший над ней постоянно, каждую минуту, оно угрожало ей при каждом неосторожном прикосновении грязных рук к ее лицу, при каждой случайности; и немец-врач хорошо знал это; он знал, что она потому-то и в его лечебницу пришла, что верила в его профессиональную аккуратность и в его гуманность; он знал, что ее не то что к солдатам отпустить нельзя, но нельзя позволить ей переступить порог лечебницы. И она умоляла его не отдавать ее, "спасти" ее. Однако он выбросил ее вон.

Скажите мне теперь, кто же это — "Вильгельм", "прусский юнкер", "империалист"? Кто это сделал? И что такое этот народ, если ученый, образованный человек и представитель гуманнейшей из всех профессий, которая

призвана делать дело милосердия даже среди ужасов войны, совершает такое зверство?! Будьте покойны, германская врачебная корпорация и не подумала исключить этого "врача" из своей среды. Да и не удивляйтесь особенно. Вы напрасно думаете, что этот "человек науки" озверел во время войны, слепо повинувшись кайзеровской дисциплине озверения. Он озверел давно, в мирное время, вместе со всем своим народом; он озверел еще тогда, когда, принимая приехавших за тысячи верст русских больных, нагло объявлял им вперед, что окажет помощь, если ему заплатят не меньше как сто марок.

Пусть мне скажут еще, кто же были те железнодорожные кондуктора, что не пускали женщин в уборную, что хватали дам за платье и срывали с них одежду? Кто был тот добрый Михель, что близ Инстербурга выбросил из вагона интеллигентную русскую девушку прямо на руки солдатам, которые тут же сорвали с нее платье и погнала шинками в казармы? Член империалистского правительства, "с которым мы воюем", не правда ли?

А те милые, добродушные Михели, что на станции дразнили несчастную мать с ребенком, умирающим у нее на руках, потому что у нее от волнения пропало молоко, — дразнили, показывая ей в окно вагона бутылку с молоком и отдергивая ее прочь, — это тоже "юнкера", пангерманисты? А тот армейский младший офицер, что на глазах старика-отца и брата-юноши насилует четырнадцатилетнюю русскую девочку и, когда отец хотел ее отнять, велел расстрелять старика? А те сотни и тысячи людей разных званий и состояний, которые набрасывались на русских, как звери, ощупывали их, обыскивали, снимали с дам юбки, заставляя их стоять голыми среди мужчин; те, что улюлюкали, били, щипали русских, проходивших сквозь их толпу, осыпали их скверной руганью на любимом "русскими свиньями" языке Шиллера и Гете; те, что выбрасывали из домов пожитки несчастных русских курсовых и заставляли их ночевать на улице?

Это что же, все идеологи милитаризма и империализма, а не *народ*? Не добрый и милый немецкий народ, не самый настоящий, подлинный народ Германии?

Да, это, конечно, народ. Я нарочно не говорю о тех, других, о немцах из разных ландверов, резервов и ландштурмов, которые, приехав из самых глубин народа, тотчас принялись резать раненым уши и другие выступающие органы, прикалывать пленных и стрелять в санитаров. Это — солдаты, и я нарочно отделяю их от народа. Но все остальные, но все остальное?.. Если этих жалких, потерявших разум от страха солдат заставил озвереть ужас войны, лава русских казаков, то там-то, в мирной-то Германии, где же оправдание зверству?

Его нет. Да и нечего искать его, потому что народ этот озверел, оскотинел не сейчас, а *давно, очень давно*...

Он зверел вместе со всеми своими высшими классами, со своими кенигами и кайзером, со своими учеными и идеологами Германии, со своим *школьным учителем*, перед

которым преклоняется наше общество, со своими учеными и философами недавнего прошлого, воспитывавшими эти толпы посредственностей в хамской морали сильного, в преклонении перед материальной силой.

Он зверел годами от далеких дней упоенья победами 1870 года, от пятимиллиардной контрибуции, когда из крови и горя униженной Франции создано немецкое самомнение; он скотинел и наливался, созрел в годы раздувшегося "укрепления" Германии и в годы мошеннического грюндерства. Все материальное, все кровавое, все сытое выперло вперед в когда-то бедной, но великой духом Германии времен прекрасного Гейне и жидкого картофельного супа. Моралью страны, создавшей Канта, стало уважение к богатству и толстому животу, набитому колбасой и налитому пивом. Все, все, над чем с болью издевался Гейне, — заносчивость, надутость, алчность, продажность, бессердечие, — все это разлилось потоком по Германии. Победа 1870 года погубила "скромный трудолюбивый фатерланд"; случилось превращение — точно Франция времен Наполеона III перелилась в Германию целиком, со всей ее развращенностью, со всей заразой упадка. И началось падение немецкого народа.

В упоенье величием и силой, в мечте о всесветном захвате, о грабеже, о деньгах; о грядущем обилии свиных туш во дворе у каждого Михеля и кровавых колбас рос этот народ, росло то поколение, которое сейчас идет на нас войной. Вы думаете, почему Вильгельм так спешит налагать контрибуции на все города и городки, какие только попадают на его пути?! Потому что вот уже сорок лет, как каждый "сознательный" пруссак спит и во сне видит контрибуцию будущего, которая должна превзойти контрибуцию 1870 года. Опаиваемый пивом, обкармливаемый колбасой и мясом, немецкий мопс пухнул и хмелел из года в год, глаза его наливались кровью, и скоро вся Германия стала похожа на одного огромного Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарным пеплом, пропахшую прогорклым вчерашним пивом и гордо выставившую вперед живот. Вся Германия, как та статуя Бисмарка, — нелепый колосс, глупым пятном испортивший зеленую долину прекрасной реки; точно насосавшийся клоп, уселась она посреди Европы.

В глубоком опошлении, в последнем угашении духа, коллективная немецкая посредственность зачеркнула все на свете, кроме "богатства" и "силы", и сделала своим идеалом колониального "плантатора" из Камеруна, расстреливающего своих рабов, — Круппа из Эссена и его великого кайзера, этого Нибелунга двадцатого века, потомка "кровожадных азов", едущего на автомобиле, рожок которого играет "шествие богов в Валгаллу". Все символично в этой Германии — от Вагнера до Цеппелина, похожего на обширную колбасу, и до открыток со свиным задом!

И сам он, Вильгельм, — символ. Вовсе не он "идеолог" этой Германии. Какой он идеолог! Вовсе не он "виновник" этой войны. Болтливая посредственность, он сам — лишь воплощение этого народа, он сам только

первый из немцев; и им самим движет та же стихия, что росла и наливалась гноем все эти годы. Он — только самый видный нарыв на этом общем гнойнике.

Нет, не Вильгельм, нет, не правительство, не юнкеры, а народ, германский народ.

Не нужно быть "мистиком", чтобы понять, увидеть, что народ этот — *глубоко падший*. И в этом объяснение всего".

* * *

Р. С. Государь повелел именоваться нашей столице "Петроградом". Внешность, названия, одежды, как нам объяснял с кафедры историк Серг. Мих. Соловьев, — не пустяки. Они знаменуют поворот духа, это есть знамя движения, которое собирает и объединяет около себя людей. Взяв немецкое имя для столицы, им устроенной, Великий Петр сказал ясно, чего он хочет, как он думает. Мы два века шли по этой думе, по этому "хочу" — и пришли сперва к его "реформам", к благополучным войнам, и вообще ко многим успехам политики и гражданственности; но одновременно пришли и к построению целого мирозерцания "западничества", отвратительное и неотвратимое дитя коего есть маленький уродец — "нигилизм". Все стало мелеть и мелеть — и государственность, и политика: ибо какие же *строители царства* суть "нигилисты"? Они и на своих ногах не стоят — пьяны без алкоголя. Могучее "хочу" Государя в отношении наименования столицы указывает нам другие родники бытия: славянский мир и все те нравственные и политические начала, какие указывали славянофилы. Итак, заря новой войны — не только племенная борьба с германским миром, а и культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах. Ныне царствующий Государь твердо держит путь, начатый Его великим Отцом. Это путь новых идеалов...

Давно пора... Но вспомним же в дни этой войны славянофилов и поклонимся до земли праведным могилам их.

Кстати: теперь читается только "относящееся до войны"; но, господа, ничто так не "относится до войны", как творения Киреевского, Константина Аксакова, Ив. Серг. Аксакова, Хомякова, Тютчева, как "Россия и Европа" Н. Я. Данилевского, "Борьба с Западом" Страхова, "Восток, Россия и славянство" Леонтьева. Идите-ка, добрые люди, по магазинам да выбирайте эти книжки, и штудируйте по ним ваше завтрашнее "будущее". Учитесь, учитесь, господа, — учитесь другой и новой для нас науке! Новые зори — новые книги!

16 августа

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЗВЕРСТВА

Исключительные зверства немцев заставляют спросить себя: "Христиане ли они?" Вопрос естественный, на который ответ может быть очень любопытен.

Никто во время этих зверств не слышал окрика друг другу: офицера — солдату, солдата — офицеру или кого-нибудь вообще из толпы: "Ты — Христа забыл". В запальчивости, в раздражении, в мускульном движении можно "все забыть", и стать животным; но тогда, если дело происходит в толпе, сейчас кто-нибудь напомнит около плеча: "Да ты Бога забыл! что ты делаешь?" О немцах нет воспоминания, чтобы кто-нибудь напомнил.

Очевидно, забыли все.

Не удивительно ли?

Отчего?

* * *

При "обязательном всеобщем обучении" все проходили в школе "закон Божий", да и правилами лютеранской религии требуется, чтобы перед первым причащением каждый причащающийся сдавал пастору краткий экзамен по христианской нравственности и по истории христианства. Лютеранская церковь благоустроенная, и пасторы — благоприличные, упорядоченные, нравственные люди. В университетах есть богословские факультеты, и лютеранское богословствование по научной высоте первое в свете. Кроме того, богослужение их почти все состоит в том, что пастор говорит проповедь слушателям, и эта проповедь всегда — на возвышенные религиозные темы, и преимущественно — темы нравственные.

Столько нравственного внушения...

А когда дошло до дела, вдруг все стали действовать как звери.

Стали действовать как толпою, массою, улицею. И ни в ком, ни в ком не пробежал религиозный испуг...

В нем почти и все дело... Ни в ком, ни в едином не пробежал тот безотчетный, суеверный, невольный испуг, который так же быстр и приходит вдруг, как и животная ярость, и тогда, вмешиваясь в пути ее, ломает ее. "Хочется убить, да испугался"...

"Вырвал у матери ребенка, хотел бросить под ноги толпе на растоптание, да вдруг почувствовал ужас"... "Поднял кулак над старухой-женщиной, да что-то остановило"...

Вот этих невольных движений, слепых, но уже не разрушительных, а удерживающих разрушение, не было в немецкой толпе, столь религиозно обученной.

По-протестантски, по-лютерански обученной.

Никто не станет возражать мне, если я скажу, что таковое отношение русского человека и толпы русских людей к *беззащитным, к больным, к старым и к младенцам* — совершенно у нас немыслимо и непредставимо, что этого не только *нет* как факта и очевидности, как зрелища и действительности, но что этого настолько нет в нервах русского человека, в тайных эмоциях его, в порывах, что мы вообще и не боимся, чтобы это *когда-нибудь случилось*. Мы вполне уверены, что этого не будет и *в будущем*. Почему? По множеству причин, из которых назовем хоть некоторые: 1) просто — "не хочется". Могучее "не хочется", неодолимое "не хочется" таскать чужую, иностранную, лично ничего нам не сделавшую женщину — за седые волосы. Скажем грубым мужицким языком: "антиреса нет" (т. е. нет по́зова, сладости, удовольствия так бить постороннего человека). 2) От татарского ига до теперешнего времени много прошло случаев, зрелищ, событий, и никто решительно не помнит, чтобы толпа накидывалась на ни в чем *лично* неповинных иностранцев, даже на больных иностранцев, и напр., срывала повязки с ран!" Ничего подобного за все века!!!

При всех бывающих ужасах и мраке народной жизни, у нас *лютость души* является всегда как *личное исключение*, обыкновенно — патологическое, на которое толпа и улица кричит и топает ногами. Никогда *толпа* не наслаждается тем, как бьет *один*. Толпа всегда делается озлобленною на бьющего. Этому, вероятно, всякий видал примеры.

В общем, в массе (об этом и идет дело) русская душа — сердобольная. Это никто не станет отрицать. Душа народная — грубая, темная, суеверная, но *сердобольная*. И еще другой признак: *испуганно вспоминает Бога*. Одно заглавие пьесы все говорит: "Власть тьмы". Взята и среда темная, мрачная; да и тема и мораль пьесы: показать тьму во всем ее развертывании. Чтó же, однако, мы видим: все *вспоминают Бога*. Аким *всем напоминает Бога*. Да и сам грешник, убийца собственного ребенка, говорит: "Ох, скучно мне! Гасите свет, убирайте водку" (со стола). Вот этого страха и тоски ни разу не выкрикнулось у немцев.

Столь образованных...

Чтó это? Отчего? Как?

Допустим особенную мягкость славянской породы, славянской крови, нашего русского "костяного состава". Она есть, конечно, и это — первый факт. Но я думаю, и на это хочу обратить внимание, что к доброму факту крови присоединился счастливый способ воспитания души, проистекающий из особого воздействия Церкви.

Как? Что? Где особенность?

Да в каждой церкви нарисовано большими красками на стене зрелище *болящего Лазаря!* Именно — в ранах и пластырях, как многие русские в Германии. Как же русскому может прийти на ум такого человека тронуть, когда он уже по количеству ран своих есть почти святой

(народное "глупое и суеверное представление", но имеющее силу — запретить!).

И не трогают. *Больного никогда не трогают.*

А Змий на задней стене церкви? Для нас — смешно, а народ вглядывается и трепещет. Читает под самыми изображениями о "лютых" и "немилостивых" людях, которых Змий всех тянет в бездну. Девчонки-то тринадцати лет как трепещут (сам видал). А впечатление отрочества — на всю жизнь. И русские вообще "милостивы", этого вся всемирная цивилизация не отвергает.

Таким образом, картины поучают "с непременноостью" и "страхом Божиим". Тут слава Богу, что все глупо и суеверно, что тут — лес, где "ничего не разберешь". Ведь этот "Змий" с его подробностями ни в каких догматах не написан. Но оттого-то и выходит, что "смотрим и трепещем", и "больному иностранцу — непременно поможем", трепеща о душе своей. Душа русского человека, во всяком случае, *испугана грехом*, чего решительно нет у немцев, и чего в протестантском богословии отнюдь не содержится.

Теперь я и перехожу к этому делу.

Лютер, Цвингли, Кальвин, — если говорить жестко, — все были в сущности *резонеры*, "рассуждатели о богословских предметах", теоретики, мыслители, писатели и говоруны. И по образцу их невольно все протестантские пасторы — резонеры же. Благочестивые, соглашаюсь, корректные, правильные, но — резонеры. И именно они "внушают" веру, внушают, как "правило поведения", которое в экстатический момент, как в июле — августе у германцев, "на ум не пришло", "забылось", "выскочило из головы".

* * *

Лютер, Цвингли, Кальвин и все пасторы не суть "святые", и протестанство (вообще) не знает самого этого дела — "святость". Там нет "святых" и нет "святого", и даже, например, сказать: "святая лютеранская церковь" — странно. Она есть (в сознании самого Лютера и всех лютеран) "правильная церковь".

— Мы, лютеране, имеем правильную церковь.

— Мы, русские, имеем святую церковь.

Совсем разница! Совсем другое дело! Совсем иная нежность души, совсем иной полет души! Наше отношение к Небу и Богу совсем другое: испуганное, томящееся, умиленное, восторженное, "обнимающее ноги Спасителя нашего". Христос незаметно переделан лютеранами в резонера же и есть просто Добрый Учитель, Благой Пастырь (пастор), совсем по образцу "их пасторов": существо корректное, правильное, всех обучающее.

В Христе у них нет тайны и чуда. У нас Христос есть изводитель чудес и тайн и всего святого порядка на земле. Совсем разница.

И святые, "где-то по горам", "где-то в лесах", — были всегда, не прерывались и дотекли до XIX века на Руси. Это есть самый главный факт русской церковной истории, стержень всего жития ее, — куда важнейший, чем все церковные реформы, все синодальное управление, все четыре духовные академии, все русское — без исключения — богословие. Без "святых" русская церковь немыслима. Как нет "святых" — всему крах. А есть "святые" — хотя бы один-два-три за век, — все есть, цело, блистает, сияет.

Что же такое *святые*? Да вот приблизительно такой "Лазарь болящий", который "будет взят на небо". Образ святого показан в Евангелии, и Русь только "приняла" образ, ничего не выдумывая. "Приняла" — когда, напр., лютеранство ничего в этой стороне Евангелия *не поняло*. Лютеранство осталось глухо и незряче к категории *святого*; Лютер был слишком груб, слишком не утончен, чтобы воспринять эту тончайшую и главнейшую струю евангельского света.

И вот идет русский мужик, русская старуха, "в грехах и болезнях", "в страхе и недоумении", к "святому в лес": к преподобному Сергию — из Москвы, к преподобному Серафиму Саровскому — из Петербурга. Придет, заплачет, мямлит неразборчивые слова, а тот, отложив сухой хлеб в сторону, — и не слушает, а все знает, всю ее видит от рождения до "теперь", — и тоже заплачет, сердца как-то встретятся, и сердце мужика или старухи рассветится светом, и "узнала радость, какой никогда не видела". Что такое? Как выразить? Но разве для чудес есть выражение? Прошла "тайна Божия" между человеком и человеком, между святым "совершившимся" и святым "в возможности", — и второй вдруг поднялся на аршин над землей. "Точно будто лечу и крылья есть". Потом опять стал на землю, но уже память небесного — есть. Есть и неистребима. Он узнал сладкое, после которого "житейское" ему кажется горьким.

И он ест это горькое, питается им: но воспоминание сладости — есть, и "праведное" и "грешное" навсегда разделилось в нем.

А у немцев? У них есть только "корректное". И когда в движении мускулов и сердца ему пришлось совершить "некорректный поступок", то ведь что же в этом особенного и о чем будет томиться душа? Он за "нелояльный поступок" и ответит "перед судом": но на этот раз (германские зверства) суда, кажется, не будет. "Тогда, значит, я совсем прав и чист".

Таким образом, немцы суть общественно-воспитанные люди, публично-воспитанные люди, но они не суть нравственно-воспитанные люди и религиозно-воспитанные люди. И потому, что у них нет категории *святого*, — а жизнь души начинается с нее. Русские же уже всегда, с тех пор как есть "Церковь" и в ней "святые", — уже воочию зрят и зрили постоянно собственно действительно высочайший образец человечности: и для всякого совершенно понятно и убедительно, насколько "поговорить наедине с Серафимом Саровским" воспитательнее и поучительнее, и просветительнее, нежели "прочесть страницу Гёте". Вот разница. При

всей литературе и философии, при всех обильных и древних университетах, в душу немецкую не вплеснулись капли той "воды живой", "воды святой", какие вплескивались в русскую душу уже от времен татарского ига и киевских пещер. "Что-то сказал"... — Что? — "Не важно, *что*, а — *как* сказал и *кто* сказал"... "Даже *промолчал*, а только провел *пальцами по щеке*, — и я *утешился*".

И прикосновения... и слова... и жесты: у святого все это — *другое*, чем у нас, потому что *он сам* — *другой*. Русские люди и воспитались, видя "лицо святого". "В *лице*" уже все есть, все сказано, — сказано осуждение всякому греху, сказано поощрение всему доброму. Отсюда русские люди, кроме "святого в *живом*", так чтут "святые *лики*", и "образа", и "иконы". "*Лицо* все скажет", "все запретит", "к праведному подвигнет". Нужен был особенный тупой глаз немцев, чтобы не понять этого (отмена икон; а умный русский глаз подсмотрел "тайну *лица*" и икону удержали возлюбил. "Икона все говорит", "икона молитве учит". Как только пали "святые", у лютеран и исчезла вся категория "святости", — "иконы" неодолимо стали для них непонятны и не нужны. Только и ответишь: "Тупой немец".

Они и тупы все. Самые ученые. И — самый их Гарнак (личный друг императора Вильгельма), написавший "Сущность христианства", где подразумевается все это же его нищенское резонерство. Он написал, сам об этом не догадываясь, не "Сущность христианства", а "Христианство без сущности". В зверствах их и есть эта тупость. Это — не жестокие зверства, т. е. они сотворены вне игры сладострастной жестокости (зверства Французской революции), а грубые, тупые жестокости, какие-то деревянные и какие-то болванные. Именно — "нет икон", и из матерьяла дерева у них выходит только "крепкая мебель". Так из материала "человек" германская якобы культура соделала только тупоголового "немца". Он и проявил в теперешних зверствах именно это тупое свое отношение к лицу человеческому. "Лицо человеческое никогда не свято, и по нему всегда можно колотить"... — "Больного? Старуху?" — "Больной есть только слабейшая и худшая форма человека, также — старуха: и если мы колотим здоровых, то тем паче старух и больных". Это просто осел рассуждает, но, поверьте, эти ослиные рассуждения суть обыкновенные немецкие рассуждения, — и они были, и непременно были, у совершавших зверства немцев.

Испуг? Почему никто не вспомнил Бога? Это все — вне категорий немецкого мирозерцания. "Лютеранство" и не есть "церковь", а — религиозная община, как наши штундисты или баптисты, той же категории и сути. "Собираются в залах", "слушают", "читают". Я как-то привел русского верующего в кирку в Петербурге. Было так чисто, хорошо, и я спросил: "Хорошо?" — "Скверно", — ответил тот. "Почему?" — "Да вы сказали, что приведете меня в *церковь*, а привели в *залу*. Против *ожидания* моего, это — скверно. А как зала — хорошо". — "Но орган?" — "Зала с музыкой и пеньем". Действительно, "кирка" не есть церковь,

— никакая кирка. И Вильгельм справедливо надевает "воротнички" и "форму" пастора и "проповедует", потому что, что же тут особенного? Это как "старички" у наших беспоповцев: всякий может быть "старичком". Суть в том, что у немцев есть религиозные видимости, есть "очерки карандашом" как будто бы церкви и как будто бы духовенства, а на самом деле — ничего нет, кроме русской "беспоповщины", но без русского фанатизма, энтузиазма и подвига. Холодная, формальная беспоповщина. У них нет не только "святого" и "икон", а нет и священников, нет храмов, нет вообще религии, а только "рассуждения о религии".

Они забыли Бога: не в одних зверствах, а — и вне их, до них, в самой жизни. С ними нет Бога — вот откуда зверства. Не они "Его не вспомнили", а Он о них забыл, как о существах малоодушевленных, плоских и грубых. Разве эксцессам толпы не предшествовала целая эпоха воспевания "бронированного кулака", т. е. "кулачной расправы" в истории и в цивилизации, — в международных отношениях, в племенных отношениях; "кулачное право", — да ведь это даже не явление только новой Германии, это и страница средневековой германской истории... Грубая нация; немцы всегда были грубы. Только тонкою кожицею, только поверхностным слоем лежала в их поэзии и философии культура — плод индивидуальных немецких воспарений к небу. Наверху, в одинокой башне астролога и алхимика, копался Фауст, а внизу двигались чудовишные образы Брунегильды и Фредегонды и всей кровавой и жестокой истории Нибелунгов... Чета ли это нашим благодушным Илье Муромцу, Святогору-Богатырю, Микуле Селяниновичу, Владимиру Красному Солнышку. Совсем другие сюжеты и напевы...

И вот с этим "напевом крови", которая всегда тянулась зажать крепкий кулак, совпала грубая якобы "реформация", под покровом которой, в сущности, произошло сбрасывание с плеч своих "церкви, как мира связанных между собою необъяснимостей, чудес, может быть, и суеверий, но — святых и возвышенных, суеверий глубоких. "Христианство рационализировалось" у немцев, т. е. перестало быть чудом и небесным, повелением, заменившись рассуждениями господ пасторов, — и рассуждениями самого честного, но грубоватого Лютера и его ученого друга Меланхтона. Все это не то, что чудеса св. Николая Мирликийского, — в его движениях благостных, порывистых, святых... "Связь Лютера с Богом" или "связь с Богом Николая Чудотворца"? Страшно даже сравнивать. О Лютере мы знаем, что он бросил чернильницею в черта, т. е., что у него были галлюцинации; но о нем не рассказывается ни одной из тех святых легенд, которые рассказываются о бесчисленных святых древней христианской церкви и русской церкви. Вся "история лютеранства" есть чисто светская история, характерная "история из Иловайского", а отнюдь — не "священная история", не "жития" святых и мучеников. Все это — необыкновенно важно. Самая почва Германии — какой-то религиозный булыжник, а не живые цветоч-

ки, сплетенные из вздохов, из слез, из мученических подвигов, страданий и кровей. "Как им не быть грубыми", — скажем мы в оправдание зверств. Они — несчастны.

Несчастливы религиозно и несчастны морально; как и "бронированный кулак" — есть несчастье международное и несчастье культурное. Он никого не зашибет и никого не искровянит, этот "кулак", — потому что на земле больше людей, чем зверей, и зверя в конце концов свяжут, а на "безумца" наденут смирительную рубашку. И не случилось бы это теперь, то случилось бы после, случилось бы со временем. Человеческая история есть и непременно должна быть частицею "божественной истории"; с которого-нибудь бока, но она должна освещаться небом и солнцем, а не быть только земляною, грубою, косою, болотною. Натиск "бронированного кулака" угрожал всему миру угнетением, а угнетение есть уже начало рабства. Вот чем грозила Германия Европе, — и грозила в беспредельных формах; так как что могло бы сдерживать и ограничить этот авторитет, дорвавшийся до господства? "Власть помещиков", естественно, ограничивалась и угрожала царскою властью; но, спрашивается, чем ограничилась бы власть и захваты прусских юнкеров с выставленным вперед императорским кулаком Гогенцоллерна, по мановению которого двигаются многомиллионные армии? На Европу положительно надвигался ужас... Мы знаем хорошо, что значит эксплуатация народа — народом, государств — государством. Тут завоюют, в нищете и прислужничестве, целые племена, города, страны. "Крепостное иго" может быть неисчерпаемо разнообразно, и оно везде гибельное; в нашу утонченную и хитрую эпоху оно выражается и оно достигается просто через торговые договоры, через разные формы юридических обязательств.

* * *

Выкидывая патологичные, всегда личные исключения и обобщая историю и быт, мы вправе повторить и сказать, что русский народ всегда был жалостлив и сердоболен, всегда был памятен о болящем, о калеке, о заключенном в темницу. Это "канон" русской жизни и русской души, из которого исключения мы и назовем исключениями. Исключениями нельзя корить народ, потому что они относятся к характеру и нервам лица, а не к "нравам народным", за каковые одни и ответствен народ. И "нравы" эти у нас — кротки и человеколюбивы. И вот мы тут вспомним Церковь и ее незаметное тысячелетнее воспитание, раньше грамоты и письма, слухом. Не западет в ум одному, то западет другому, — и на протяжении целой жизни *каждому* самому легкомысленному "западет" хоть раз слово, — что диакон на ектении молится о "страждущих, недугующих и путешествующих..." Как раз попадает в то самое, чем явились русские в Германии: болящие, разбегающиеся, испуганные, вне родины, "в пути сущие" (ектения). У русского просто "не поднимется

рука" на такого и — *никогда* не поднимется. И нельзя не сказать и не вспомнить, что здесь, кроме доброй крови славянской, действует и тот "канон" души и жизни, какой нам тысячелетие давала Церковь, давала и дает во всем христианстве *одно православие*. Просто "случилось", что эти ектении "не выпустили", "удержали". "Понравилось народу" и "сохранили в Церкви"... Ан пришел *случай*, и вдруг — "пригодилось"... Так-то незаметно сохраняются и сгребаются в кучу драгоценные частицы истории, привычек, быта, обрядов, по-видимому, "утративших" современность и более ненужных". И у католиков эти ектении не удержались, а Лютер вообще "все это и подобное" выбросил вон. И в ХХ веке прусские лейтенанты и вахмистры вдруг предстали перед миром какими-то голыми и дикими, — религиозно-оголенными.

Много доброго, много хлеба и всякого зерна хранится по русским деревням, — по лесным и степным равнинам, но лучше всего эта пшеница Господня, сохраненная Церковью и которою питается русский народ. От нее — доброе и простое сердце, всех милующее и о всех болящее. Спасибо вам, попы, и спасибо вам, дьяконы, и спасибо им, нашим древним дьячкам, а теперешним псаломщикам, и господам звонарям. И в самом звоне они воспитывали русскую душу: ведь какой он добрый и ласковый. Я поражался за границей, до чего *психологически* несходен с нашим тамошней церковный звон... Мяукающий у католиков и какой-то пустой у лютеран.

Вот об этом мы все теперь должны вспомнить — и поклониться тому, кто это заслужил.

ОБРАЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО О ПОЛЬШЕ И О ЧЕРВОННОЙ РУСИ

I

Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия, — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение креста — символ страдания и воскресения народов.

*Верховный Главнокомандующий
генерал-адъютант Николай*

II

5 августа.

Русскому народу!

Братья!

Творится суд Божий.

Терпеливо, с христианским смирением, в течение веков томился Русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы.

Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы Русский народ в его порыве к объединению.

Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Данила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России.

Да свершится Промысел Божий, благословивший дело собирателей земли Русской.

Да поможет Господь Царственному своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу Всея Россия завершить дело великого князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на сретение русской рати.

Освобождаемые русские братья!

Всем вам найдется место на лоне Матери России. Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои к Богу, с молитвой за Россию, за Русского Царя.

*Верховный Главнокомандующий
генерал-адъютант Николай*

СУДЬБА ПОЛЬШИ И СЛОВО ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Слова Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, обращенные к полякам, — о воссоединении всех трех частей разорванной Польши под скипетром Русских Царей, с твердым тоном о даровании полякам вероисповедной, школьной, вообще всяческой бытовой самостоятельности, — дабы цел был и сохранялся впредь польский народ, как единый из славянства, — необыкновенно важны, и сразу почувствовались как необыкновенно важные всеми. Они глубоко и всесторонне приветствуются поляками, во всей Польше, нашей и еще пока зарубежной. Слова эти глубоко подводят заступ под наступающие и грядущие события. Ведь война могла быть и "такая" и "этакая", с переменою границ и выгодами, но — без мысли. Война могла быть мелкою по душе, при громаде жертв, лома, шума, гама. Но не так хочет Государь, воля которого молча присутствует за словами Главнокомандующего...

Государь дал мысль войне; война, в которую психически набиралось много истории, но все эти "собирания", естественно, бессильны без царского слова, — через это слово получают осуществление. Пыл народа, пыл населения, чтобы война была *историческою*, — получил себе фундамент. Ибо слово царское поворотов назад не знает и не может быть не осуществлено: весь народ встанет, дабы защитить и охранить слово царское в его чести, т. е. в его истине и осуществленности. Сказано и кончено. Поставлена цель войне, которая не может быть достигнута, *если бы мы не победили*: следовательно, слова Главнокомандующего уже молча *подразумевают победу*, уже вставляют победу как *содержание войны*. Мы не просто "воюем", завязываем и оканчиваем битвы, двигаемся сюда и туда, входим с триумфами в города или отступаем по необходимости. Это "шаги", и число их не считается в "походе". Совершается именно "поход", и конец его — Единая Польша под Русским скипетром.

Ни шагу в сторону. Ни движения назад, иначе как только временного, "покуда"...

Что же это знаменует? Осмысление польской истории и "как бы свежий ветер продул" в огромном, темном, сыром и каком-то чахлому углу русской истории. Боль Польши всем нам была больна, всему населению. Об этом говорилось и писалось разное, — но подспудно у всех русских была мысль, что "с поляками что-то неладно". Взглянем назад. Велики были преступления разных Августов Понятовских и (смотри "Записки князя Адама Чарторыжского") велика была порочность и падение целого того поколения, при котором произошли разделы Польши. Но *то* поколение, как и последний польский король, — и должны были быть наказаны. Однако народ есть не "это поколение", а — *все поколения* от того же одного корня. За что стало бы страдать

наше теперешнее польское поколение, нам современное, а самое главное — за что страдали бы внуки и правнуки теперешних поляков? Без вины. Они уже не ответственны ни за грехи Августа Понятовского, ни за моральное падение людей конца XVIII века. Виновны ли теперешние фабриканты Морозовы и профессор Ключевский за то, что в XVIII веке были Митрофанушки и Скотинины? Не в большей мере виновны и теперешние поляки — свежие поляки — в том, что тогда гноилась Польша. А они — *свежие*, эти теперешние поляки. Они трудятся. Они патриотичны. Они молятся. Они много страдали, и этим уже сказано все.

Но оказалось нечто светозарное и скрываемое, что собственно и открылось полякам и что их так и обрадовало. Именно это единственное и обрадовало. В то время, как Австрия манила их приманками провинциальной свободы, — только провинциальной, не пророняя слова о *целизне* Польши, — и явно, что эту провинциальную свободу она увеличивала не по расположению к полякам, но для укора единокровной им России и для наибольшего увода поляков вдаль и вдаль от славянства, во вражду и вражду к главному средоточию славянского мира, а Пруссия цинично и явно поклялась стереть поляков с самого лица земли и убить самое население их в своих владениях, распылив его на бессвязанные индивидуальности, в это самое время был некто, кто казался им самым суровым, наименее обещающим, но втайне он-то болел о главном их страдании, не проронив никогда ни слова. Первые же слова Главнокомандующего и члена Царской Семьи — это-то особенно и важно — выявили воочию всего мира главное страдание поляков с такою полнотою, что сами поляки затрепетали, ибо и сами они скорее путались в этих мыслях, все говоря только о провинциальной свободе, надеясь на нее, хлопоча о ней, отчаиваясь даже в ней и представляя себе "восстановление разорванного народа" пустой мечтой, для которой нет в мире никакой опоры. Да и не было никакой. Самим русским это казалось несбыточным, и никто решительно из русских никогда не говорил об этом. В самом деле, как это "восстановить", когда это невозможно иначе, как по взаимному и разом согласию трех держав, в европейском авторитете равных и приблизительно равносильных? Желание одной которой-нибудь явно ничего не значило, — "одна" и оставалась при "1/3 Польши", которою она владела, и могла ее "восстанавливать", т. е. оживать отрубленный член. Притом отношения к России уже были испорчены двумя восстаниями, а Пруссия явно была заинтересована в старой "полабской политике" (полабские *вымершие* славяне), т. е. чтобы поляков было как можно меньше и как можно скорее они превращались в пруссаков. Австрия же играла и хитрила около вопроса, конечно еще меньше желая лишиться Галиции, чем сколько она могла воздержаться от захвата Боснии и Герцеговины. У поляков не было друзей в мире. У поляков в мире были только враги. И поистине это была предсмертная нация, нация в агонии, которая, казалось, протянет еще век, и затем все кончится. Борьба за Польшу кого-нибудь? Кого?

Если даже взять, что пышное слово Наполеона I осуществилось бы, то ведь нужно было, чтобы преемники его, наполеониды, не только сидели на престоле Франции, но и были все, в целой генерации своей, ровно столько же сильны, талантливы и всепобедоносны, как первый Наполеон. А раз они ослабли и только держатся во Франции, — узурпация трех держав опять вступала в силу. Кто же от "дедовского" отказывается, кто же "дедовское" не хочет вернуть себе? А "дедовское" — это "Галиция" и "Познань" и наш "Привисленский край". Опять три "трети", опять — "разорвано"... Да и Франция слишком вообще удалена от Польши, не прилегает к ней границами; и органически слишком с нею не связана, чтобы сделать настоящее и гигантское усилие ради, чтобы она была "цельна и полна". Откуда же "цельность"-то придет, т. е. главное?.. Неоткуда прийти, неоткуда ждать. Но прибавим еще худшее.

Цивилизация вообще, Европа вообще уже втянулась в рамки того сухого и циничного существования, когда вообще ничего не делается ради идеала. "Век крови и железа", о котором высказался Бисмарк с трибуны парламента, — высказался первый ее политический авторитет, сокрушивший две империи и которому внимал мир, как оракулу, — казалось, протягивал над Европой какой-то раскаленный чугунный свод, под которым отныне будут жариться народы, будут корчиться народы, будут высовывать жаждущие языки, и на них не упадет никакая капля росы. Ужасно, — и вместе точно, математично. "Сила создает право" — тоже формула Бисмарка, услужливо и удивленно подхваченная теоретиками государственоведения. "Ужасно, но зато научно", — и людям оставалось жариться по-научному. В Европе действительно настала и стояла какая-то удушливая атмосфера, которая казалась бесконечною, потому что, скажите, что ее ограничивало, кто ее ограничил бы? Тут не то что полякам, но и всем людям вообще становилось жутко и тревожно... Посмотрите, как "разделили" Африку? что началось было в Азии? во что превратилась, через какие-то неуловимые манипуляции, старая Турция, с Багдадскою дорогою и немецкими инструкторами, с низвержением старого султана и торжеством младотурок?.. Пять колоссов, и только эти пять, расхватили по кусочкам землю (Россия не участвовала), — не озабочиваясь о других... И из колоссов об одном, о Франции, явно уже заходила и речь, и мысль... Франция трепетала. Безмолвно, но уже витала мысль о самой ее смерти, о гибели... "Останутся только четверо, — и там посмотрим, чей черед". На "чреде" еще стояла мысленно одна старая монархия. В сущности, в мире оставались, идейно и всячески, три колосса — Россия, Германия и Англия, или Англо-Саксонский, Германский и Славянский мир... Опять — с противоречием, опять — с антагонизмом. — Не эти державы, но вся цивилизация вступила в какой-то Молохов ужас... Без надежд, без исцеления.

Мы мало отмечаем черты родной истории. Мы, русские, чрезвычайно мало уважаем родную историю, смотря все в "иностранщину", все пяля туда глаза... Может, теперь это пройдет. Дай Бог. Не гадая о будущем, оглянемся на прошлое.

Когда наш добрый царь Александр III был приглашен к обеду Германского Императора, то по этикету ему был подан список приглашенных гостей. Он посмотрел и вычеркнул "Бисмарка"... Спокойно и не волнуясь, не запрашивая ни дипломатов, ни церемонимейстеров. Как Самодержец Российской Державы. Этикета нельзя было нарушить, нельзя было отказать Гостю и Императору. И создатель Германии отсутствовал.

Это было давно, в годы моего учительства. Года не помню. И прочел я это не в газетах, а как теперь помню — услышал от учителя С., следившего по газетам. Было это около 1890 года приблизительно. Товарищ С. был очень доволен, и когда я поднял голову с удивлением, что это значит, он с улыбкой ответил:

— Царь сказал: "Не хочу..."

— Как "не хочу"?!!

— "Не хочу сидеть за одним столом с Бисмарком"... "Я позван и мне будет неприятно". "Вы меня спрашиваете по этикету, с кем мне приятно, и я отвечаю чистосердечно, что с этим — неприятно". Вот и все. И он залился своим немного хитрым смешком. Добавив:

— И Бисмарк не был приглашен.

Передаю во всей подробности, как я узнал, дабы не было сомнения у читателя, что это — точный факт. Да историки и специальные политики, конечно, и знают его. Я не придавал *особенного* значения поступку, как и все, кажется, — пока не наступили наши дни, когда все это получает предзнаменующее значение. Ведь мы живем в царствование сына Александра III... С., мне рассказывавший (по роду он был из крестьян Смоленской губернии), формулировал свою мысль так:

— Царь не стеснился выразить Берлинскому двору, что лицо Бисмарка ему противно, потому что противен Бисмарк *как человек*... не вступая в пререкания, "гений" он или нет.

Поразительно, глубоко и объясняется только теперь. Царь Русский, может быть и даже неверное, — единственный из светочей, горевших верховенством в Европе ("верховная власть Государя"), почувствовал свою несовместимость хотя и с гением, но — с отвратительным человеком. Больше, сильнее: почувствовал и *сказал это*. Сказал и не смутился в великой своей человеческой ясности, в совокупности тех нравственных черт, о которых много говорили в связи с именем Александра III. Александр III, как известно, совершенно не выносил лжи и лживости в людях. А Бисмарк был весь ложь и лжив. Ему бы только "свой интерес" (германский). Он был циник. Цинизма и жестокости тоже не выносил Государь.

Ведь он — Русский...

И в нем как бы вся крестьянская Русь, вся бытовая Русь сказала о Бисмарке:

— Не хочу с ним есть одних щей.

Шабаш. Ничего не поделаешь с таким "не хочу".

Волевое расхождение.

Другое — Гагская конференция. Еще когда накануне ее никто и ничего не думал о возможности эры мира на земле, Русский Царь вынес из великого сердца своего жалость к истощению сил всех народов на непрерывные вооружения, — и предложил доброй воле европейских могуществ ("потентаты") им самим разоружиться, мирно выработав такие нормы вооружения, за которые "никому не переступать". Великое слово, великое движение, — и поистине оно украсило конец XIX века, как какая-то иная звездочка иного неба. Если бы мы, русские, не проходили мимо своей истории, если бы мы были к ней внимательны, а не недостойны ее, мы отметили бы особое значение этого слова. Во-первых, самого движения сюда не было ни у одного политика, ни — у Государя, ни — у министра; очевидно, все были совершенно в других и правдоподобно обратных темах; и, таким образом, движение это было *новым, впервые в истории*. Во-вторых, слово Государя вообще есть уже *факт*, и этого тоже мы не сумели отметить. В книгах могут пролетать и пролетает много мыслей, — которые авторы и плодят тем обильнее, что это вообще ничего не значит. Посему книги звенят "миром" и всякими благами, всяким счастьем человеческим, всякими человечеству общениями, которые едят мыши, съедая книги в библиотеках. Это вообще ничего не значит, пока есть мысль о мечте... Мечта подобна сну и содержит не более, чем сон. Но слово Государя совершенно на эти книги не похоже; оно не истлевет в библиотеках, потому что оно сказано миру и мир его слышит; слышит и приуготовляет сердце, перестраивает сердце. И отсюда, после слова изреченного — Государь уже связывается и связует сам себя этими перестроенными сердцами, этими обрадованными сердцами, этими отныне обрадованными сердцами, этими отныне надеющимися сердцами. Великое дело, совершенно недоступное никакой книге, ни единой. Отчего же все сразу слышат, когда даже Канта слышат одни его ученики? Царя слышат ученики и не ученики, его подданные и чужие подданные, согласные с его словом и несогласные с его словом. Друзья и враги. Весь мир. Отчего? откуда? Да оттого, что за словом царским стоит многомиллионный народ, стомиллионный народ, который только ожидает прибавления — "повелеваю", чтобы ринуться и исполнить, ринуться и осуществить. Этого не может ни Аристотель, ни Кант, ни Шиллер, ни Шекспир. У всех только желания, и эти желания — ничто; хороши — и мы называем их благородными, худы — и мы называем их злыми. Но из злого желания выходит хоть преступление, а из доброго желания даже и этого не

выходит, если это не есть желание только личное и домашнее. Царь качает горами; повелел бы скрыть, и наша губерния, "не усомнясь", — скрыла бы. Горищу скрыла бы, самую огромную. "Повелел" — и Русь покрылась железными дорогами; Петр "повелел" — и вырос Ладожский канал, такой огромный и трудный. Все философы в мире не прокопали бы. Вот эту-то черту в лице Государя и в слове Государя мы и не уловляем, думая и соображая, что его слово есть как наши же слова, им подобное и лишь большее, но — *в одной категории*. Вовсе не в одной категории и совершенно разное. Мы даже не догадываемся, не умеем подняться умом до объема слова царского, из которого исходят миры; исходят и изошли уже, и ведь мы все это знаем, но видим и не видим, понимаем и не понимаем. В противоположность всем философствующим и всем поэтическим словам, всем бессильным словам, слово царское есть творческое, живородящее, создающее, как я сказал, целые миры. Сила, которая накоплена историей. За Наполеоном I не стояло накопленной истории, и дело его рассыпалось при всем личном гении. Таким образом, "сила накапливающей истории" гораздо могущественнее даже гения. А ведь мы-то лично, земные человеки, выше гения ничего не знаем. "Что же еще может быть выше гения?" Я указываю — история.

Отсюда вытекает, что слово царское не может никогда коснуться неосуществимого, и слово нашего Государя о всеобщем разоружении, или точнее — об ограничении вооружений в целой Европе, сказывало в самом своем изречении возможность, исполнимость. Кто указывает задачу — знает, как ее и разрешить. Предложение было совершенно мирное, — "к доброй воле"; оно было к "хочу", — но за этим "согласен и тоже хочу" других Государей, конечно, должны бы последовать определенные меры, план которых, пучок которых непрерываемо уже держался в уме. Таким образом, это не было вовсе одним "движением души", как у нас бы и как мы мысленно приравнивали к себе; "предложение разоружения" было колоссальным *поступком*, "началом переноса горы в другую сторону", но — только началом, за которым "совершения" не последовало. Как я сказал уже, предложение было совершенно мирным, обращенным к чужому "хочу" и поставленное от них в зависимость по той естественной причине, что Россия не есть Европа. Оно было именно "предложением" во всех его нравственных границах. Мы опять тут, русские, ничего не заметили, — а заметить было что. "Разоружение" или "ограничение" — это содержало перестройку всей политической системы Европы; именно оно содержало как бы прорыв того имеющего наполниться кровью пузыря, страх перед которым и заставил всех вооружаться... "Не дошла бы до меня очередь наполнять *моей кровью* этот пузырь..." Предложение устраняло задачу европейской политики, — эту циничную и злую задачу, которую дал тот, с кем кто-то один в Европе "не захотел есть щей". Итак, — колоссальное дело. Вовсе это не значило только "распустить войска", "уменьшить число пушек", что пока механично и арифметично, но — начать *иначе думать, перестро-*

иться самому душевно, перестав прежнего желать и прежним грезить... И что же, характер "мирного предложения" уже начинал эту перестройку души, — очевидно, произойдя уже из перестроенной души. За все время европейской дипломатики и политики, представляющей Вавилонскую башню хитросплетений, истинную "неразбериху" хитросплетения, — это был простой и ясный зов к всемирному человеколюбию, простое и все-таки несколько укоряющее указание, до чего вооружения тяжелы и непосильны населению Европы; это было предложение удовлетвориться тем, что каждый имеет, и оставить замыслы против соседа... Политическая система Европы возвращалась к простоте и ясности, к добру и правде. "Довольно плести паутину для другого", пусть каждый "пашет свое поле и ест свой хлеб". Вот новый план. Совершенно новый замысел европейской истории.

Из Берлина раздался циничный смех. Он вышел оттуда, откуда и поднялся кверху кровавый пузырь, — с родины Бисмарка. Смех обнаружил моральный центр Европы, черную точку этой морали. Вильгельм II, в сущности, единственный в Европе выразил несогласие на предложение нашего Государя, — но, при громадных вооружениях Германии и постоянном росте их именно здесь, парализовалось все дело. Тут опять не отмечено было кое-что важное. Вооружалась держава, положим, 20 лет; в случае, если она сокращает наполовину свои вооружения, то она не просто ломает половину ружей и разбивает половину пушек (говорю образно и грубо, сокращая речь в ее побочных частях), но она упраздняет прежнюю *систему* набора солдат, комплектования офицеров, сокращает число учебных заведений для подготовки офицеров, погашает многие должности, многие кафедры, перестраивает некоторые учреждения и законы. Словом, это — не "порвать паутину", а — расплести кружево, сохраняя нитки. Тут — работа, копанье, а не одиночное "повелеваю", хотя началось все с него. Хотя Петр в определенный *день* сказал "повелеваю" о Ладожском канале, но копали его десять лет. Это — раз. Другое: только через десять или двадцать лет, и притом упорнейшего труда, можно было бы восстановить ту часть или ту половину вооружений, от которой данная страна "отказалась бы". Что же сделал Вильгельм II своим ответом: "Если Россия разоружится *первая*, то тогда и *после того* мы тоже разоружимся". Вследствие потребности *годов* на восстановление вооружений, как я сказал, слова эти означали только: "Я тебя съем и после того разоружусь".

Оставалось готовиться...

Что же еще делать с хищным зверем, который грозит всем, который не скрывает угроз, который действительно голоден и действительно силен?..

По-мужицки:

— Да переломать ноги зверю, чтобы потише бегал. Тогда волк овцу не догонит.

Раз все втянулось в пещеру Молоха, — остается выкинуть статую и разломать стены. "Воздуху! Воздуху!!" — "Жарко, душно!", — вот теперешняя война в ее корне, помимо подробностей политики. В сокровенности подробностей политики все-таки лежит царское "хочу". Это "хочу" сказало на Гаагской конференции. Совершенно параллельно идет суровое "не хочу с ним есть" — в отношении Бисмарка. Решительно ничем Германия теперешняя и даже будущая не угрожала России. Россия действительно и реально не имеет в войне других мотивов, кроме как идеалистических. Будучи по населению вдвое больше Германии, ускоряясь в росте населения скорее чем Германия, и будучи по технике вооружения одинакова с нею, Россия могла никогда не опасаться Германии. Германия объявила России войну в страхе перед ее естественным ростом, зная, что "теперь легче", чем "потом". Вот что создало обстановку и подробности войны.

Но в корне и глубоко лежит расхождение добра и зла. Лежит с одной стороны — "хочу поглощать", и с другой — "не допущу поглощать". В отношении Франции, а теперь также и Англии ("будущее Германии — на морях!") это настолько известно и не оспаривается, что говорить здесь нечего.

Вернемся к Польше.

Та полнота мысли о польской судьбе, какая содержится в словах Верховного Главнокомандующего, не оставляет места сомнению, что она родилась не в воинской ставке, пришла не в обстоятельствах событий, а зрела и вынашивалась давно. Здесь мы должны сказать упрек славянофилам. Они малодушествовали о русской истории. В горячей и, нельзя не сказать, поспешной полемике они твердили о себе, что одни только несут боль о славянстве, скорбь о славянстве, скорбь о "дедине русской", называя так стародавние века России и стародавние пределы России. И теперь только можно понять и постигнуть, почему официальное правительство говорило им — "сидите смирно". Мы всегда предполагали в этом холод, бездушие; славянофилы говорили, что это — непонимание. "Как! преследовать людей, стоящих на страже Державы, Веры Православной, Царя Самодержавного!" Действительно странно и, наконец, дико. До того странно и дико, что давно пора было догадаться или по крайней мере начать искать, не скрывается ли тут чего-нибудь другого. И были "отметины", по которым можно было начать следить и догадываться.

"Нас преследуют, когда западничество и, наконец, откровенный радикализм оставляются в покое". Западничество — только разговоры, радикализм мучил только студентов и гимназистов; и было ведь совершенно очевидно, что славянофилы и журналы их, к которым в высшей степени внимательно прислушивались "дружественные державы", вот у которых были в зубах кусочки Польши, — мешает чему-то гораздо

более существенному, нежели смута в юношестве и либеральная оппозиция правительству. В преследованиях, напр., аксаковских журналов, богословия Хомякова, исторических идей Константина Аксакова, в быстром закрытии "Европейца" Ив. Киреевского, сквозило что-то едкое, пугающееся, спешащее скорее "потушить" и чтобы "не было разговоров"... Тайна. И — какое-то ревнование. Можно было начать догадываться. Официальное правительство стояло "во всей форме" перед линией европейских держав — совершенно "европейское", как и они, и даже с говором ее дипломатии по-французски. "Язык салонов Франции и России, Парижа и Петербурга"...

Когда вдруг Главнокомандующий и Великий Князь заговорил крупно, по-русски. Заговорил... о Польше, о которой славянофилы не говорили ни разу тепло. Между тем как что за "Славянский мир" без поляков? где "Мир" именно мирный, славный и славянский, без удушения даже и малейшей его частицы, раз польская народность раздроблена? Где идеал Гаагской конференции — "каждый да пашет свое поле и ест свой хлеб"?!

Если бы слово Главнокомандующего и Великого Князя родилось только накануне дня его объявления и в трудах войны, — то, конечно, оно повторило бы только известные давно во всей России слова славянофилов. Но оно оказалось полнее их, и — в существенной части. Оно глубоко самостоятельно по тону — прямому и очень ограничивающему, по слову именно "государственному", а не литературному. Таким образом, оно стоит совершенно вне традиции славянофильства и, следовательно, открывает собою какую-то другую традицию.

Какую? Чью? Кто думал? Никто не думал.

Вскрывает традицию великокняжескую? Таковой никто не может предположить, уже потому, что все Великие Князья повинуются, как и мы, хотя и единородные и близкие к средоточию Рода; и никогда они не изъявляли Государственной воли и Государственного решения. Этого не было и как поползновения.

Чья же традиция?

Престола Царского. Вот о чем радость поляков. Что им мнения всех славянофилов, и постоянно говорливого Петербургского Славянского общества? Из него "шубы не сошьешь", — поистине "не сошьешь". Прекрасные и благородные мысли славянофилов суть именно то благородство, из которого ничего не выходит. Как, впрочем, и из книг Аристотеля. А поляки были голодны. Без шубы, на морозе. Они были без надежды в истории. Вдруг им открылось, что был Некто, кто всегда о них думал, — думал и молчал, болел и молчал... Пока не дошло до поры "сделать". И он "сделал".

— "Повелеваю"...

Разговоры кончены. Славянофильство "село на мель", или, пожалуй, оно в то же время "сошло с мели" творчески и огромно, блистающе и сверкающе. Мнение есть мнение, пока его не "захотел Царь". А он

”захотел” — и мнение стало *фактом*. Славянофильство умерло, потому что оно оказалось ненужным и напрасным, только мешающим в параллельной мысли тому ”официальному правительству”, которое *одно* и могло *сделать*, — впрочем, когда Царь приложит к его способностям и силам: ”*Быть по сему*”. Великая ошибка славянофилов — ошибка за весь почти уже век их существования — заключалась в том, что они видели ум только в себе и сердце только в себе, отрицая ум и сердце в других и в другом. Грех их — в малодушии. Они были именно малодушны о Русской Истории твердя, но отвлеченно, о ней, что она ”святая”. Я продолжаю мысль о ”Руси Святой”: ибо откуда же бы эта святость самой земли, если бы она имела черную или грязную историю? По истории — историческое существо. Итак, Святая Русь им казалась менее умной и менее правдивой, чем их литературная и общественная партия. И вот откуда на них гонение, довольно понятное. ”Что вы о себе думаете?” — ”Кто вы и давно ли вы?” Ропот понятен — ропот того говорившего по-французски правительства, которое ведь могло думать и по-русски.

Как Пушкин, писавший французские стихи, так любил песни своей няни.

Неблагодарное непонимание — уж нечего скрывать.

Мысль славянофильства оказалась не только бессильна, но и узка и даже холодна (участь Польши) — сравнительно с той громадой жара, какая жила и тлела, и горела, и дожидалась случая, как традиция Престола. Вот что стало очевидно. Славянофильство умерло и паки воскресло. Но оно и воскреснуть-то может, только выговорив великое ”прости”. Ибо в его подозрительности было, конечно, много оскорбительного. Легко ли: оно обвиняло почти вслух все ”официальное правительство” в отречении и от православия, и от народности, и даже от самодержавия!! Министрам можно вскочить, как в горячке: ”Да ошалели вы — что же, дьяволу, что ли, мы, по-вашему, служим? Изменили Отечеству и втайне живем на содержании иностранных держав??!” Действительно, как было понять постоянную формулу славянофилов: ”Мы служим православию, самодержавию и народности, — а правительство нас за это гонит”. Поистине, их даже мало гнали. Они были просто глупы.

Они говорили...

Они не понимали...

Они не имели веры... в того Суворова, который звался ”фельдцейхмейстером”, носил прусский мундир по уставу, — и пел за дьячка на клиросе, о чем не сообщал, конечно, Принцу Саксонскому, своему другу.

Русское ”официальное правительство” было двойственно по двойственному сложению русской истории, начиная уже с Петра; но как Петр, заимствуя технически необходимые средства самозащиты с Запада, был,

однако, коренным русским человеком, — так и правительство после него все-таки было в душе своей русским, несмотря на мундир и формы, на язык и внешние приемы. Но этот его русский характер выразался не в разглагольствовании и фразах, а в русской работе и в заботе о России. Да и странно было бы иначе. Какой же, позвольте, предмет имело бы правительство без этого? Без этого оно было бы не с "худым предметом" перед собою, но вовсе без предмета — что физически невозможно, что духовно невозможно. Разве может быть статуя без пьедестала, бронзовый всадник на ней без опоры? Между тем несчастье, ошибка и порок славянофилов заключался именно в таком воздушном представлении своей якобы воздушной истории, якобы безматериальной истории. Несносное было в этом то, что в корне такое представление держалось на личной переоценке себя: "мы всех умнее", "мы всех сердечнее", "мы только и умны", "мы только и сердечны"... Если взять, например, позорную страницу в "Хаджи-Мурате", где показан "день императора Николая I", то что же мы увидим и какой смысл вписал Толстой в эту страницу? Его можно бы спросить: "Так вы и думаете, что Русская История сложена из удачных и неудачных эпизодов ухаживанья за барышнями и дамами и что в самом деле *le roi s'amuse*¹ и только?.. Извините, из этого ни Реймского собора не получится, ни нашего Кремля". Ведь и Реймский собор есть факт, и Кремль есть факт. История фактична, в камне и делах, в чугуне и событиях, — и этого колосса фактичности не опровергнешь изображением. История не виновата, если ее не понимает историк, но историк виноват, если он не понимает истории. И преступен, если не понимает ее по легкомыслию. "Вы прогулялись и мимо Кремля, и мимо Реймского собора", — можно бы сказать мнимой историчности и Толстого, и Гюго, — и это именно вы *qui vous amusez*, а вовсе не *les rois s'amusent*". Между тем мы берем еще гениев, Толстого и Гюго. Что же сказать об остальных? Мы были неучтивы к своей истории, человек вообще был неучтив к своей истории; один из сыновей Ноя худо назывался, и историки не были ни Симом, ни Иафетом предмета, который они излагали и изъясняли.

Вот откуда все вытекло, и славянофилы почти фатально приняли ту точку зрения, которую имели все. Не они сотворили, а приняли яд, им поданный. Неоспоримо, что они были достойнейшими людьми своей действительности, своего времени, — и одни были "сынами отечества своего", а не "рабами отечества своего", — но и на солнце есть пятна. Таким пятном на славянофильстве было то, что они за официальнойностью не видели сердца. Мундир распахнулся, и мы увидели сердце, которое всегда болело. И болело по-своему, никому не подражая, болело из себя.

Болело Сердце Царское о Польше — болело особым Государевым болением, а не человеческим, которого мы и постигнуть-то не можем по той простой причине, что никогда не были царями. Есть особое "место

---

¹ король забавляется (*фр.*).

царское" в мире, в действительности, — которого мы не знаем, потому что никогда на нем не бывали. И на "месте" этом есть своя мудрость и глубина, свои гнев и своя нежность, свои бури и свой штиль, и мы их совершенно не знаем, потому что это не "наше". Все — из веков, из седины, из незримой традиции от отца к сыну, от деда к внуку; традиции, которой мы никогда не подслушивали, и она едва ли есть в документах. "Реймский собор откуда-то вырос", и "Кремль как-то сложился" в стенах и башнях своих. Ни мы, никакие Иваны Семеновичи и вообще частные люди, ни все герои Толстого, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островского, Гончарова, Писемского — не слепили бы всеми силами ума и характера "стен Кремля". Вышел бы или обыкновенный домик, или коммерческая постройка. По жилищу — и человек. Но также и обратно: по жилищу — дом. Если жилищем Царя был Кремль — не по величине, а по художеству и своеобразию своему, — то мы должны же смиренно сознаться, что вообще в Лице Царском ничего не понимаем, что оно есть совершенно для нас непостижимо по совершенно другому историческому устройению. Мы — частные люди, он — Царь. Этим все сказано.

Посмотрите на слова Главнокомандующего: он не изъясняется, не заискивает (страшное предположение!), а — велит. Вот на что не обратили внимания, — что он *велит* истории, почти обходя людей. Как и подобает, ибо что же такое "теперешние поляки" перед умершими и еще которые будут жить?! Величие Государя — отпрыска царского, что у него шаг в версту, когда у нас в аршин, — и он даже и мыслить, и представлять себе не умеет "теперешнее поколение", а лишь генерацию их, весь народ. Поэтому Главнокомандующий говорит собственно в присутствии поляков, но — о Польше. Ему больна Польша, а не теперешние поляки. И теперешние поляки должны мыслить в зависимости от того, "как бы лучше Польше". По-народному бы говоря: "А иначе я вас прибью". Тон Главнокомандующего ни в ком не заискивает, ничего не ищет, ни в чем от людей не нуждается, а речет волю о Польше, и даже велит "*так-то* быть Польше". Только смерд может понять слова о "быть под державою Царей Русских" в смысле эгоистическом и своекорыстном. Но сверху далеко видно, из Кремля виднее, чем из частного дома. Уже "место царское" потеряно в Польше, и давно потеряно, да и не было искусно, и давно в Польше было не искусно. "Место королевское" там было маленькое и не мудрое. Короли, начиная с Владислава IV, не знали, что делать с Польшею. "У вас есть свои сабли — и защищайтесь", — ответил он украинцам, жаловавшимся на притеснения шляхты. Это — разруха; это "раздел Польши" за два века до ее реального раздела. Не было "управы с поляками" — народом пылким, увлекающимся, мечтательным, даровитым, но не государственным. И в долгих думах о Польше — в думах беззвучных — о судьбе ее, о будущем ее, конечно сложилось это бесповоротное решение не зарождасть там "своего гнезда", ибо "гнездо-то" это было, по существу,

мало, и всегда мало, а оставить ее лежать в Большом Гнезде, но лежать не стесняясь и емко, благоустроенно и богато (талантливо). Не все народы живут государственно. Это особое призвание Божье, особый талант от Бога. Но народ может быть вполне прекрасен и вполне талантлив, если он целен, жив и спокойно раскрывает свои силы во всех областях, кроме единственной, которая ему "не далась", — политической. Поляки, конечно, погубят себя, если будут стараться выйти за пределы слов Главнокомандующего; да и не достигнут ничего, а только разобьются. Стена у Кремля — крепкая, и вообще большие царства живут в больших и прочных стенах.

"Тому дому тысячу лет стоять", а "та хибарочка через десять лет валится". Вот и все.

Поляки все это не столько обдумали, сколько этим всем "пахнуло" на них из слов Главнокомандующего. Слова как свалили их: такая радость! Именно, именно "восстановить племенное, государственное единство", залечить этот страшный порез и разрез. "Где бы ни лежать, а лежать *в целости*". Громадным, в версту, словом — им указано "лежать в славянском Гнезде". Конечно, это не то, что "в немецком гнезде", где им вообще нет никакого места, никакого духа, где только ожидается всеми, ожидается *самими жителями, а не правительством*: "когда же вас — *не будет?*", "когда же вы *вымрете* или *переродитесь в нас?*". Ужасное ожидание, ужасная психология. Она давит на вас из соседнего дома, она уничтожает вообще "милого соседа", подкладывая на место его "врага". Как жить среди врагов, исключительно врагов, только врагов, везде врагов, всегда врагов? Душа застонет. Всякий человек есть человек, и он умирает без любви. А любви негде взять, а любви нет. Все враждебно, враждебно из самой ситуации: "*поляки среди немцев*". География и быт, где антагонизм — в каждой точке. Зародится отчаяние — то последнее отчаяние умирающего, когда он молит о скорой смерти. "О да, и в самом деле — *переродиться в немца*", "*взять жену немку* и народить детей с нею полунемцев; в них останется *полуполяк*, во внуках — *четвертьполяк*, и через десять поколений — *вовсе нет поляка*". Вот. И нечего делать. Смерть. Умирать всем больно, а умирать всем приходится. Тяжелая болезнь рак, а как пришла — что же сделать. Поп знает, что делать; и могильщик знает, что делать. Этот поп — немец, эта могила — Германия.

А в России — жизнь, единая, целая, племенная, вечная и обеспеченная. "Определенная квартира, которую не расширить". Что делать, "все живем по квартиркам", домохозяев — не много. Дай мне дом, и я его проживу; заложу и начну на него "издавать сочинения". Такое — призвание, а к "дому" — нет призвания. Чтобы быть "домохозяином", надо практичный и крепкий ум, нужно постоянство в характере и неувлекательность картами, музыкой, коллекционерством и сударушками. Вот сколько лишений и ограничений, вот сколько отнято самою судьбою у "хозяина". Зато у него дом вековой и все ширится. И садочком,

и полем обрастает; свои лошади и недалеко роща! Чтобы "собирать" — надо талант, и "собираение" само по себе довольно томительная вещь, без удовольствий. Суровая вещь, скучная вещь. Я бы не стал, а все бы растратил на коллекции. В космической экономике, в конце концов, "хозяин" собирает для жидьцов — для этих музыкантов, коллекционеров, художников и (что делать!) прощальг. "Хозяин — он *терпеливый* и всяких жильцов терпит". Терпение? Вот качество, которого никогда не было у поляков и которым решительно богат русский народ. Это всем очевидно, это все признают, и это одно соделывает русский народ государственным. Русский народ не просто государственный, но он глубоко и обширно государственный. Кроме терпения, его молчаливость, его скромность, его "неразболтливость" — какие все качества! Ведь русские качества "в литературе" и русские качества "в действительности" далеко не похожи друг на друга. В действительности-то русский народ именно не болтлив, в противоположность персонажам литературы, где лица "должны разговаривать" по самым задачам книги и читаемости. "Зачем же я тебя, дурака, вывел, если ты не разговариваешь?" — может улыбнуться на Рудина Тургенев. Вот почему все персонажи романов есть приблизительно Рудины — разных тонов и цветов и оттенков. Это задача ремесла и невольность техники. Литература имеет свои секреты, но и действительность тоже позволяет себе иметь свои секреты.

Молчаливый, деловитый народ. Серьезный народ. Посмотрите в церкви. Вы смотрите его не в клубе, не в газете, а в арсенале, в мастерской, за плугом в поле. Он везде молчит. В поле молчит и пашет, в церкви молчит и слушает. "Мудрствует" и "умиляется" — два качества царственности. Газетный народ и клубный народ государства не строит и истории не делает. Это — пустой народ, и вовсе не с ним Цари делают историю и построили свое Царство. Они в молчании строили с молчаливым народом, который не роптал, когда его наказывали за дело, не роптал и тогда, когда казнили за преступление. Все это — серьезно, и серьезный народ понимал, что жизнь — не игра, а ответственность. Ему было любо Государство в самых казнях, — ибо, казня, Государство видело в нем душу и человека, а не игрушку, с которой позабавиться. Увы, литература только "забавилась" около человека. Народ любит ответственность, народ хочет ответственности, потому что все это кричит ему: "Ты — человек". Ведь литература ни разу ему не сказала дорогого — "ты человек", все забавляясь и обмазывая его вареньем, как куклу. Ему не варенья нужно, а царства, истории, страдальчества и величия. Таков мужик. Таков поп. Таков солдат. Посторонитесь, господа литераторы.

Полякам все это открылось. Они поняли. Им открылось не одно милосердие, но мудрость и твердость. Милосердие может и не спасти; на слова — "Христа ради", может сказать — "Бог подаст". Но мудрость и твердость упасет "жезлом железным". Жезл-то он жесток, да зато

спасает. А полякам нужно спасенье, они задыхаются, и им не до газет и рудинских разговоров. Теперешний поляк серьезен, и он давно уже стал серьезен — с тех пор, как ушибся о два восстания. Он терпел и размышлял — главное, терпел. Он смирялся — великое царственное качество. С великим терпением Цари и дожидались "своего времени", и дар угадать "час" — есть дар именно хозяина дома.

Царь угадал час.

Благословим этот час.

15 авг.—16 сент.

НЕМЦЫ У СЕБЯ И У НАС

— Пожалуйста, когда вы вернетесь в Россию, скажите же всем русским, что мы любим их и всегда любили, — и чтобы они поскорее заключали с нами мир!

Русская умная барыня, которой говорили это берлинцы несколько дней назад, низко кланялась им и отвечала серьезно:

— О, я передам в России все, что вы говорите мне, и, может быть, мир в самом деле...

Трудно было выговорить, что "мир заключится" от этого обмена любезностями, — и потому она оканчивала свою речь не определенным обещанием, а неопределенною улыбкою.

Накануне объявления войны Берлин затих, как перед грозой, и улицы обезлюдели. И было жутко видеть, как кайзер один носился по улицам на своем известном каждому немцу автомобиле, всюду жаждая встретить толпу и ища оваций. "Он был как пьяный, — передавала мне наблюдательная знакомая, — в этих поисках народной поддержки. Только приехав сюда и прочитав манифест Государя о войне и изложение дипломатических переговоров перед войною, я узнала истину. В Берлине и Германии Вильгельм всех заставил поверить себе, что войну объявила Россия Германии, а не Германия России. И разные политические партии, между прочим социалисты, бывшие в принципе против войны с Россией, после этих уверений Вильгельма перешли на сторону берлинского правительства, — и даже сокрушенно стали говорить, что Вильгельм, предвидя такую коалицию против себя, был прав, требуя все новых и новых ассигновок на армию, а они, делая оппозицию этому, были не правы".

— Берлин постоянно расцвечен флагами, и немцы держатся в постоянной уверенности, что они одерживают непрерывные победы... Только австрийцев они упрекают, что те плохо дерутся с русскими...

Она переждала время суматохи, не старалась вырваться сейчас же по объявлении войны и выехала совершенно спокойно — на Стокгольм

и далее, морем, в один из портов Финляндии и в Петроград. Ничего с ней особенного не случилось. Может быть, от случая, и может быть, от любезности. Она уже не первый год лечилась в Берлине, и знакомства и связи у нее там были старые.

Она определенно передает, что в Берлине учитывали пьянство при мобилизации; вообще, рассчитывалось на смуту, на забастовки, на восстание Польши и Кавказа, а во внутренней России — на алкоголь. Вполне рассчитывалось на смуту в Прибалтийских губерниях и в Финляндии. "То, что мне говорили уже на пути к Петрограду — о полном единодушии в России и о чудном виде трезвой страны, — было в высшей степени удивительно после берлинских выкриков на улице. А теперь в Петрограде я вижу, что Россия точно вступила в какой-то Светлый праздник".

А знаете ли, отчего стоит Светлый праздник не только на улице, а в сердце каждого русского? Обывателю, особенно мелкому обывателю, не очень понятны международные отношения и далекие исторические и политические перспективы, но ему в высшей степени понятна бытовая сторона жизни, и вот в ней-то он чувствует начало громадного и благодетельного переворота. Если "Германия" давила и давит на все в Европе, то "немец" давит и с незапамятных для обывателя времен давил на все в Петрограде и во всей России. Возьмите телефонную книжку Петрограда, возьмите "Весь Петроград" и "Всю Москву", да, пожалуй, и "Всю Россию", и посвятите вечер на вчитывание в эти достопримечательные книжки и на изучение по ним "служб в России" — служб, должностей в Петрограде. Поистине, Петроград и Россия — какая-то колония для Германии, колония богатейшая естественными произведениями, но безлюдная в смысле культурного элемента, — и вот немцы посылают своих "молодцов" сюда, младших сыновей патриархальных семейств, "обучать уму-разуму русских" и извлекать выгоды из богатой "первобытной страны". Но "молодцы" не обучают, потому что какая же им выгода обучать? Чем темнее и невежественнее Россия, чем порочнее и пьянее русские — тем все это хлебнее и выгоднее для немца. Возврат к трезвости русских — это нож для немца и для немецкой работы в России. Чем конкурент слабее — тем его противнику легче и выгоднее. Русские, у которых так счастливо и поистине провиденциально слилось начало войны с Германией с началом освобождения от зеленого змия, — почувствовали оба движения как начало сваливания с груди тяжелого камня, под которым мы прямо задохались. Россия задохалась в немце и задохалась в своих пороках. И как-то эти два зла шли рука об руку. Я как-то, лет десять тому назад, спросил немца, открывшего "свое заведение" по части портняжной:

— Что же, у вас работают русские?

— Нет, — ответил он, — эстонцы.

— Эстонцы? в Петрограде? отчего?

— Невозможно или очень трудно найти русского мастерового, который бы был трезв. А вы знаете, наше заведение требует рабочего

приличного, чисто одетого, потому что к нам приходят заказчики — не простые люди.

Я не мог не пережить боли в груди: что же остается русским, если даже портные в Петрограде — преимущественно не из русских?!

И так — везде. Посмотрите телефоны. Русские везде спущены "как можно ниже"... В службах, и очень высокопоставленных, и в средних, в службах официальных и в работах практических. Возьмите приготовление лекарств, возьмите запасы лекарств — оптовые их склады. Я думаю, такого чуда, как "русская аптека", никто не видывал. Я говорю о "русской аптеке" не по фирме и выставке, а по существу, т. е. с русским составом служащих от верха донизу. Что же делает, как работает для России кафедра фармации в наших восьми университетах? "Фельдшеры" — все русские, но "провизоры" — все немцы или евреи. Неужели для бедных русских нельзя было назначить стипендии специально для приготовления фармацевтов, ввиду исключительно по всей России занятия службы при аптеках нерусскими? Неужели здесь нельзя было приставить зоркого глаза и деловитой руки? Как себя чувствует в эти дни и как ведет себя с давних пор Медицинский департамент Министерства внутренних дел?

Эти бытовые вопросы стоят у каждого обывателя в душе. Русским, хотя бы из той же несчастной учащейся молодежи, нашей бесприютной молодежи, — надоело "топтать тротуары" в собственном отечестве; топтать тротуары и заниматься революцией, при благосклонном содействии посольств некоторых былых "дружественных держав", которые, к счастью, теперь с нами раздружились. Клики "война!" слился с другим криком — "русские — к работе!!". И вот отчего у всех так хорошо на душе. "Наконец-то мы этот немецкий ошейник сбросим с себя".

* * *

— Немцы очень трудолюбивы. Притом они все сплошь трудолюбивы, а не некоторые из них. Этим трудолюбием они достигли всех своих успехов в Европе. И если прислушаться к их суждениям, то заметишь, что они смешивают самую культуру человеческую с *трудолюбием*. Они решительно разъярены теперешнею войною, и по странному мотиву: "Мы, немцы, *работали* — а теперь другие народы хотят отнять у нас плоды этой работы, хотят быть *чем-то* в человеческой культуре наряду с нами. Но мы — *высшие*, потому что мы прилежны, а другие народы суть *низшие*, потому что они бездеятельные". Мысль эта такой же плод немецкой школы, как и немецкой семьи. Но...

И моя собеседница, очень умная южнорусская помещица, рассмеялась:

— Вы знаете, о чем они сокрушаются при теперешней войне? Они кричат и жалуются: "Сколько же нам будет *стоить прокормить* всех этих пленных?!" — говоря о взятых в плен на войне!! Их занимает *счет*

расходов. И в душе каждого немца лежит расчетная книжка. Все к ней приноровлено, все с нею сообразовано. И самое "прилежание" немецкое не есть что-то человеческое и прекрасное, не есть русский "подвиг", не есть русская "страда" (летняя уборка хлеба), а что-то машинное, тупое и бесчувственное. Немцы глубоко нехудожественная нация, глубоко некрасивая нация. Во всем — в понятиях нравственных, в бытовых явлениях — они лишены всякого вкуса. И живя среди них — как мне подолгу приходилось жить, — все находишь в высшей степени удобным, но самая жизнь как-то скучна, бессодержательна, неинтересна.

— Например?

— С ними "не о чем поговорить", и этим все сказано. Русский худ или хорош, умен или глуп, но он сам по себе. У каждого русского есть свое лицо, есть свои личные взгляды и своя особая личная биография. У немцев есть только толпа, общество, масса. И есть взгляды или, вернее, выкрики толпы. Например, вы знаете, почему они особенно уверены, что "победят"? "Разве мы можем не победить, когда у нас каждый солдат знает, из-за чего ведется война?" — Собеседница моя улыбнулась. — Но вы знаете, в чем заключается это "каждый солдат знает"? Действительно, в каждом полку и в каждой роте офицер почти по шпаргалке прочитал солдатам краткое "разъяснение о войне", составленное в Берлине в тупой канцелярии и изложенное тупым, казенным, бездушным языком. Солдаты счастливы, что начальство сочло долгом "разъяснить" им; но вы понимаете, какое это "разъяснение" и чего оно стоит! Есть какая-то безграничная тупость и в этих "объясняющих" офицерах, и в этой краткости, и в этой казенщине дела, которое все кипит огнем и кровью. На вопрос их: "Есть ли что-нибудь подобное у вас, русских?" — я ответила: "Наши солдаты знают, что войну объявил Царь. Они не имеют никакого колебания в том, что Царь знает смысл войны, знает ее необходимость и пользу. И они готовы умереть за Царя и идут на войну, как на святое, правое дело. По моему мнению, это "у нас" еще лучше и крепче, чем "у вас"... Немцы ужасно сердились. "О, да, у русских вся сила в Царе".

— И, поверьте, — договорила она, — немцы ужасно завидуют этой особенной русской исторической крепости. И боятся ее...

Все это очень умно, все это очень верно и совпадает с тем, что мне приходилось читать о Германии и о немцах; совпадает и с тем, что лично мне приходилось улавливать в многочисленных разговорах с немцами.

Немецкие книги интересны и нужны, но сами немцы неинтересны и как-то ненужны. Если без кого можно обойтись в мире, то это — "без немца". Вот уж без кого не "затоскует" душа, не "защемит" сердце... Пиво, а не виноградное вино; бочки пива, а не драгоценный фиал душистой влаги. У немцев есть собственно одно великое и благородное явление — Гёте, и "помимо Гёте", их всех можно бы вытолкнуть из человеческого общежития. Но "Гёте" в теперешней Германии угас; в прусской Германии — он и не зарождался. Пруссия — это

грубость и самодовольство, и самый их "патриотизм" — как-то собрание словесных шаблонов, а не тайна души и сердца. Знакомая моя говорила еще:

— Их церковь — не в кирке, а возле памятника Бисмарку, против рейхстага. Вот куда они ежедневно сходятся, с детьми, с женщинами, и преклоняются перед этим памятником. И, смотря на их отупенелые лица, на их жесты и позы, — видишь, что это религия, что это молитва... Государственная религия, — и другой немцы не имеют. Они молятся молитвами королевской Пруссии и императорской Германии, и эти молитвы — к захвату еще и еще, к господству над другими, но к господству совершенно бессодержательному и бессмысленному. Во имя чего захват? Что самое главное наверху? Нет ответа, — они сами не знают. И они так тупы, что не спрашивают об этом. Это действительно страшная и тупая нация, — и горе подпасть под нее, потому что она раздавит, не рассуждая, — съест вас как простой бифштекс. Вы знаете, живя в Германии, я никогда не слыхала слова "Христос" или "Божия Матерь"; и наше привычное, наше повсеместное — "Христа ради" — не только отсутствует у немцев, но и есть что-то невообразимое у них. У них есть только "Gott", "Бог" — чисто отвлеченное, чисто пантеистическое понятие. Впрочем, не очень пантеистическое", — она произнесла по-немецки поговорку. — "Бог — это есть немецкий Бог" (чуть ли не "Бог — немец")...

И она засмеялась их чистосердечному выговариванию этой поговорки.

Страшная нация.

— Победа погубила бы немцев; пораженные — они, может быть, опомнятся. Потому что человеческое и разумное убеждение не может на них подействовать.

Все это любопытно. Все это мы должны знать, чтобы знать, с кем мы боремся. Зверь сильный; воистину, ницшеанский "сверх-человек", или старый библейский "Навуходоносор", лишенный от Бога разума и питающийся, по подобию бессловесных, полевыми травами...

ДЕПАРТАМЕНТСКИЕ НЕМЦЫ

Ум и даровитость человека ни в чем так не выражается, как в скромности. Это — светская и житейская сторона того, что у святых и в Церкви именуется "смирением". Слова Христа: "Кто из вас хочет быть *первым*, — да *послужит* всем", "первые да будут *последними*" — падают сюда, указывают эту особенную ступень человеческого достоинства. Без превеличения можно сказать, что нет человечности там, где нет скромности; что ее отсутствие зачеркивает все прочие стороны души, все другие качества и таланты. "Хвастливый *победитель*", "хвастливый *ум*", "хвастливая *филантропия*" — как все это несносно, как черно, как некрасиво...

Тут-то мы и уловляем немца и его "культурную роль". "Скромный немец", "немец, который *послужит всем*", и, наконец, "скромный немецкий ученый" — это что-то неслыханное, это — такое, чего мир не видал. Немец — всегда с нахрапом, стучает ногами, высоко держит голову и требует себе первого места. "Германия в Европе" вполне отражает собою "немца в обществе", "немца в колониях", "немца в Петрограде". Роль их в России, казалось бы, требует величайшей деликатности. Все-таки они сюда *пришли*; все-таки они здесь получили себе *хлеб, жизнь, все*; здесь они "сыграли свою роль", "выковали свою судьбу". Помните, в 60-е годы, когда русские образованные люди толпами бросились в Соединенные Штаты, в та-мошнюю "гражданскую свободу" и "свободный труд", то как богомольно они туда приходили, какой культ к новому отечеству питали и какие благочестивые легенды рассказывали о новой стране; легенды, столь непохожие на все, что писал о Соединенных Штатах Ч. Диккенс. Вот отношение. И от крестьянина до барина, от паломника Даниила, ходившего "ко Святым местам", до князя Одоевского и Тютчева — все русские, приходя в чужие страны, — отдавали прежде всего чужим народам и землям удивление, любовь, уважение. Презрительных описаний "заграницы" в русской литературе почти нет, встречаются только краткие афоризмы в этом роде какого-нибудь ипохондрика-сатирика.

Писать об этом тяжело и трудно, ибо как будто впадаешь в хвостовство. Но *дело* показывает именно такое отношение русских к иноплеменному. То же — в отношении *инородцев*. Читайте у М. Пришвина о лопарях, о киргизах. Право, русскими похвалами можно устлать всю землю. Всюду-то в мире мы приходили, чтобы "полюбоваться чужим". Да это общеизвестно.

Что же сделали немцы, приходя к нам не только тысячами, но миллионами, — как колонисты, как промысловые люди, как чиновники? — "Свинья". — Они нас "обозвали", а они нас не полюбили. В русской доброй душе они ничего не увидели, кроме (извините) свиного рыла. Немцы так говорят, культурные немцы так выражаются, что приходится извиняться. Русская душа, русская жизнь — все осталось темно для них. Русский может сказать только:

— Тупой немец, ты вообще *ничего не понимаешь*.

И еще:

— Между вами есть ученые; но между вами совершенно не попадается умных людей.

Это — вполне заслуженно. Это просто показывает глаз. Это не похуление, это — определение.

И вот несносное положение. Говорю особенно о Петербурге. Придя сюда "в шлейфе" разных высокопоставленных особ, — они ничего не поняли в окружающей стране, кроме "хлева", и расположились в нем совершенно просто... Поистине, и — "ноги на стол"... Они не поняли, и вот уже два века не понимают, что русские уступают им только по скромности; что они не говорят своих настоящих определений о гостях своих — только из учтивости. "Пришелец — то же, что *сирота*, пожалеем его". "Не осудим, не возразим". "Особенно — не пересмеем". Но немцы ничего не поняли в этой деликатности. Они к определению русских "свинья" прибавили только: "это ни к чему не годная свинья, которую и *выучить невозможно*". Таковое отношение, наконец, прорывает терпение...

Довольно, господа немцы... Мы вас всегда видели, всегда понимали, но жалко было огорчить колонистов и странников. "Они на чужой земле, тоскуют об отечестве, — пускай поругаются, легче станет". Те так и распустились...

Мне пишет по поводу указания на немецкие *служебные* захваты один петроградский департаментский чиновник:

"Хочется вам передать давно накипевшую горечь ста русских чиновников одного из важных департаментов — департамента NN.

Секретарем и *вершителем* (подчеркивания везде мой, в письме их нет. — *В. Р.*) судеб личного состава служащих там является фон Д., человек *малообразованный, плохо владеющий русским языком*, но почему-то он пользуется у директора полным влиянием. Так как фон Д. глуп и ему нельзя поручить ж..... дел, то ему поручено заведовать личным составом, благодаря чему создалось покровительство немцам при назначении на должности, прибавках жалованья, приеме на службу, и т. п. Он получил генеральство, ничего не делает, а сваливает работу на других, русским же всегда старается подложить свинью. Говорят, что ему протезирует какая-то ф..... немка.

Вопрос этот — типичный, общий. А потому если я пишу, то делаю это не в личных интересах, тем более что я уже там не служу.

Немцы везде так давили нас до сего времени, что мы, русские, пикнуть не смеем. Никто не решается на то, что я делаю в данный момент. Но я уже не служу там и потому застрахован от непосредственных пакостей немца, могу позволить себе написать вам такое письмо.

Крайне грустно, что директор этого департамента — русский Г. Я бы мог вам порассказать много интересного про поведение немцев в стенах этого департамента".

В письме прописаны полные имена — и департамента, и русского его директора, и воротилы-немца. Я начал с рассуждения о скромности. Никто не запрещает немцам служить. Но естественно ожидать, чтобы они служили в России и жили в России скромно. Неужели это не бесстыдный "нахрап" со стороны немки, жизнь которой состоит в "ком-

натных услугах” в очень высоком доме, — рекомендовать соотечественников на гражданские и технические службы совсем другого ведомства, и, рекомендовав и устроив, потом на этой службе и ”протезировать”. Вспомнишь стих Лермонтова:

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю *твой длинный хвост.*

Но немцы — и особенно немки — у нас всегда с ”национальным хвостом”... И вот такой немец, опираясь на соотечественницу, вместо того, чтобы смиренно кушать служебный хлеб и не помышлять о большем, заводит ”немецкую тенденцию”, или случается — ”армянскую тенденцию” (встречал сам это), польскую тенденцию, финляндскую тенденцию, — решительно ко вреду русской службы, русской работы. Он разбивает дружные русские ряды, дружную русскую тягу... Ведь каждое министерство и даже всякий департамент — это хорошо сплоченный и замкнутый в себе мир, в котором непременно должна возникнуть ”своя душа”, свое одушевление, своя ”честь”, своя забота, свое тепло, горячность и ревность в деле, и непременно — взаимное и общее уважение и доверчивость. Что же это за ”служба” — русская служба, — где всем приходится ”оглядываться на немца”, притом, как пишет автор письма, ”глупого”, не умеющего даже хорошо говорить по-русски. Служба целого департамента испорчена, служба целого департамента расстроена. Расстроено некоторое нужное русское дело, — и ”никто не смеет пикнуть, пожаловаться”. И что же это за назойливая ”немка”, которая позволяет себе ”рекомендовать на службу”, и что за медный лоб сам ”немец”, позволивший себе воспользоваться такою рекомендацией и влезть в русскую работу ”с калошами” и не снимая их. Смешное и жалкое положение русской службы, да и русской государственности...

Господа, возвратитесь к скромности!

Господа русские чиновники: вы, как *частные люди*, можете быть очень ”смиранны”, — но на службе вы должны блюсти русское государственное достоинство.

18 сентября

ИСПОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Возражение Н. А. Энгельгардту)

Не ”попорченная механика”, а ”испорченный человек”: вот что стоит в сердцевине Германской империи, которая изумила мир зрелищем, открывшимся в ней в начале XX века! Так хочется мне поправить и дополнить прекрасную и, конечно, верную мысль г. Н. Энгельгардта в статье его ”Попорченная механика”. Он говорит: ”Суть дела в том, что

немцы все и давно уже — *механичны*"; что "отсюда вытекли их зверства", повторять и исчислять которые нет нужды. Да, суть — в механичности, слово попало в центр дела. Но нужно же досказать, что пытаться сделать из человека *механизм*, начать превращать человека с его детских лет, с его школьных лет, в "усовершенствованный механизм", ключ от которого и завод которого лежит в руках правительства или "его королевского прусского и императорского германского величества Вильгельма II", — это значит начать портить целую нацию, это значит посягнуть на божественный образ "человека" в "немце"... "Задумал это Бисмарк, и в его руках завод был хорош", — говорит Н. А. Энгельгардт. Завод был *всегда скверен*, завод этот *не может быть хорош* по существу своему, — и опять именно по существу сокрытой здесь борьбы с божественным планом сотворения человека "по образу и подобию Божию"... Эх, о чем я говорю: знают все это русские мужики, знают все наши нечесанные (по насмешке Л. Толстого) попы, знают страннички и живущие по лесам и в пещерах древние "старцы", — да помнят даже и гимназисты, когда блаженно шалят и дурачатся в классах и никак не дают надеть на себя педагогической муштры. Сам был учителем и свидетельствую, что из русского, черт его побери, гимназистика никак не сделаешь "казенную штучку".

Знает *вся Русь* это! Знает, что нельзя сделать из человека "штучку", с казенным заводом знает, что это глупо, что это порочно и преступно и, наконец, запрещено Богом!!..

"Страх Божий" забыли немцы, — забыли сию известную по всей Руси мысль, которую нам вдолбляют в голову с детства, и хорошо, что вдолбляют. В тайне вещей они все безбожники, и давно безбожники; безбожник был и их Бисмарк, безбожен и император Вильгельм, хотя и произносят, где машинка указывает произнести — "Gott", "Gott"...

Все это — фразы: никакого Gott'a у них нет, а есть — кулак, сила и "я господин всего". Зверства *только из этого* и объясняются, т. е. из того, что человек стал самодовлеющим, выше которого по существу дела и по тайному сознанию каждого немца никого нет; и ныне в их ученом богословии и их морализирующем фразерстве не Бог говорит свою волю человеку, а какой-нибудь Гарнак, Штраус и Баур подсказывают свою волю, свои мысли и свои гражданские и культурные пожелания Богу. Бюхнер, Молешотт и Фохт пренебрегаются по своему маленькому масштабу, но ведь бывает же, что вши заедают человека. На *самом деле* они-то, а вовсе не идеалисты, как Шеллинг и Гёте, господствуют и давно господствуют в Германии. И господствуют не только в обществе немецком, до чрезвычайности грубом, механичном и плоском, но и в самой *науке германской*, у всех знаменитых и препрославленных их Вирховых и т. п., которые по основным и обширнейшим философским воззрениям своим не идут дальше и не идут глубже того же Молешотта и того же Бюхнера. Бог давно умер в германской науке; Бог "философски не принят во внимание". Вирхов или Гельмгольц сделали великие *специаль-*

ные открытия в физиологии и физике; но около великих открытий непременно и невольно есть и общая философия открывающего человека, хотя бы он и не рассказывал об ней. Вот философия-то немцев и идет вся от этих плоскодонных душ, от этих поистине "вшей" философского горизонта — от их несчастных Молешоттов и Бюхнеров, философствующих врачей. О, эта "популярная наука" и "общепонятная философия", которая съела настоящую науку и настоящую философию!

И Бисмарк, и Вильгельм, конечно, были и есть не иного чекана люди... Остановимся на Бисмарке. Он был великий политик и дипломат, но каково его измерение как *культурного человека*? Странно спрашивать: да *то же* "по Бюхнеру и Молешотту"... *То же* — как даже специалисты и открыватели вроде Вирхова, Гельмгольца и Момзена. Разве у нас профессор и академик математики, притом талантливый в своей сфере человек, не обращался в Св. Синод с официальной просьбой разрешить ему отречься от христианства? Слава Богу, что этот случай *был*, ибо он объяснил нам и всему миру множество родственных или близких и аналогичных явлений. Специалист, и притом талантливый, в науке может быть совершенно глупым или по крайней мере совершенно неразвитым человеком вообще, а специалист, и притом гениальный, в дипломатике и политике, т. е. великий мастер *практических приемов* в житейских государственных делах, может быть совершенно слаб в созерцании и в комбинировании высших культурных идей. Будучи в корне-то вещей всего только "по Бюхнеру и Молешотту", великие государственные люди Германии, начиная уже с Бисмарка, и заварили ту механическую и плоскую кашу, ту позитивную и физиологическую кашу, которую расхлебывают теперь немцы, поражая мир криками: "Мы перебьем русских и съедим всю их икру". Такого дикого крика, такого идиотического крика не раздавалось с начала всемирной истории. "Убьем и съедим икру"... Это как "зарезу на дороге человека и съем колбасу, которая у него в кармане", пропойцы-хулигана. Что такое немцы в войне 1914 года. Да просто — хулиганы. В слове — разгадка всего.

В то же время — как будто ученые и образованные. По *форме* — барин, лейтенант, барон, питомец берлинского университета; в душе — хулиган. Я видел этих ужасных берлинских студентов в компании пришедших в Тиргартен — и тогда же записал свое впечатление ("Итальянские впечатления", глава о Берлине), которое оказалось *вещим и правильным*. Огромного роста, упитанные, без единой мысли в лице и, очевидно, без всякой тоски в душе, — без тоски, тревоги и сомнения, — они были ужасны, эти прусские студенты!! Господи, из сотен наших не встретишь ни одного *такого!* Ни одного — подобного, *приближающегося* сюда! Очевидно — пути развития разные, культура разная! Наша культура — скромная, и *этим объясняется все*; объясняется, что мы никогда не сделаем "зверства" среди беззащитных, больных, приехавших к нам лечиться... Ведь этого не только *нет*, это совершенно *немыслимо у нас*.

Так вот в чем дело! В порочной культурной ошибке уже Бисмарка и Вильгельма I, которые только отразили в практических приемах политики и государственности "свой век" — увы, век отвратительный. Давно уже, именно после 50-х годов, когда пала в Германии идеалистическая философия и были забыты заветы Гёте и заветы романтической литературы, в Германии водрузилась грубая образованность, водрузилась некоторая умственная пошлость, корифеев которой усиленно пересаживали и к нам. Это наш же "нигилизм", только не получивший там этого имени; нигилизм, позитивизм и материализм. И у нас он привел к огрубению сперва понятий, а потом и нравов, о котором нечего напоминать тому, кто знает литературу 60-х годов. Но вот я скажу удивительную вещь, против Германии борется *народная Россия*; говоря литературными терминами, борется славянофильская Россия. Ибо Россия всегда была славянофильская, как славянофилы исповедовали только народное миросозерцание, отрицая "новейшую европейскую культуру" — не всю, но вот эту "механическую" культуру, этого "немца-куклу", о котором говорит г. Энгельгардт. Итак, борется народная православная Россия. Но "культурному немцу", "немцу-машинке", — нечего противоположить тому господствующему в русской интеллигенции типу, который "заведен по Молешотту и Бюхнеру", заведен тоже "по Марксу и Энгельсу", — и вообще нечего противоположить интеллигенции без "Господи, помилуй" и без "Вечная память"... Читатель обобщит мои слова и поймет их корень. Конкретные идеи ведь перестраиваются по требованию времени, но живуч их общий корень. Все эти господа из "Русского Богатства", все эти наши "экономические материалисты" и приверженцы "классовой борьбы" готовят России духовную участь Германии и призывают в корне вещей и русских "не стесняться" и проявлять "зверства"... Сейчас это — во имя "Интернационала" и "рабочего класса", но, когда конкретные нужды переменятся, то — по послушанию вообще "партийного завода", "демократического завода" и, наконец, "казенного завода"... Ведь Бисмарк одно время очень дружил с Лассалем — это характерно. Ну, умный читатель договорит мои слова: "Бога забыли" — одни; "Бога нельзя забывать" — вот что говорит народная и славянофильская Россия.

К РАЗРУШЕНИЮ РЕЙМСКОГО СОБОРА

Война ускоряет дыхание и укорачивает его... "Идем в гору..." Но хочется переброситься с читателем хотя короткими мыслями.

Реймский собор взволновал весь мир. И хочется сказать взволнованным: "О чем вы плачете? что погиб памятник искусства?" — Ведь об этом все крики, все вопли; и вот только вчера я прочел фельетон о нем художника-еврея-протестанта, о котором хорошо знаю, что он никогда,

проходя мимо церкви, не положил креста на лоб. Никто не плачет решительно, что погиб *народный дом молитвы*. Вспомнили все, что Реймский собор упоминается в "Жанне д'Арк" Шиллера, и не вспомнили, что всего только вчера в нем молились горожане, крестьяне, военные, — вообще верующие... Все оплакивали *музей* и никто решительно не плакал о *религии*. И вот мне кажется, что гораздо раньше прусских ядер его разрушило общее, вовсе не прусское только, но вообще европейское отношение к религии, к молитве, к Богу... Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся. Зачем вообще этот "Музей XIII века", который практически и в живых дыханьях перестал быть "собором" — собором для страны и государства, совершивших "отделение государства от церкви", — и оставлен только снисходительно для обывателей, для темных мещан и верующих женщин, "не понимающих пока своих предрассудков"?.. Ах, Европа, Европа, ах, дорогая Европа: если бы ты переменяла дыхание с этою ужасною войною и оплакала многое в себе, о чем давно не плачешь, но что поистине достойно слез! Эта проклятая каннибальская война рвет, как дикарь кружево, великие святыни веры, поднятые руками веков, — руками, и верою, и пламенем. Но не великая ли это угроза с небес: "Вы отвернулись от *молитвы* и вам не будет больше *просвещения*". Вот смысл, вот говор и язык событий. Дорогие европейские братья: вы должны плакать о каждой хижине-церкви, если она разрушается, о деревянных церквях стоимостью в две тысячи рублей, — и тогда, только тогда у вас не будут разрушаться и Реймские соборы! Если нет религии — *à bas*¹ храмы! — Но есть ли религия-то? Разве не тысячи усилий положены писателишками всех рангов и философами всех степеней, чтобы "раскрыть глаза этим мещанишкам и верующим баранам на их глупость и невежество"... Да *вся литература* уложена... на разрушение Реймского собора? Боже, как жалко племя, не понимающее себя и судьбы своей.

Разве мы не несли в триумфах и не носили несколько десятков лет поганенков Дрэпера и Бокля, своих поганцев, начиная от Чернышевского, которые орали, кричали, визжали: "*à bas* храмы, церкви и всю эту темную смрадную ветошь". Господа, да разве вы этого не слышали? Господи, неужели никто этого не видит, что под "разрушением Реймского собора" стоят тысячи одобрительных подписей, стоят такие авторитеты, что страшно выговорить. Эту зиму мне случилось попасть в полковую церковь "Свободного полка" в Царском Селе: я был на хорах, и мне было все видно. Вся церковь, не очень большая, была наполнена солдатами этого "Свободного полка" (повторяю термины, мною услышанные, которых не очень понимаю), и на правом клиросе, или в особом месте, соответствующем клиросу, молился Государь с Царицею и дочерьми. Немного молящихся на хорах... Церковь не была очень

---

¹ долой (*фр.*).

освещена (всенощная), и, может быть, от этого, как показалась она мне, угрюма и одинока и как бы заброшена в мире. "Это — *проходит*, это — *никому не нужно*", — как бы шептали времена вокруг. И как-то шепталось в противобор этом временам: "Стой крепко, наш Царь, в Церкви: потому что, пока ты стоишь здесь, ты стоишь в самой середочке народа своего, еще верующего, — может быть, единственно "не сумнительно" верующего в мире, — и никогда, никогда, никогда чрез спины и плечи этого народа (вид солдат) не перехлестнут волны торопливого века и не опрокинут Твоего Царства, которое создали Отцы Твои в такой же крепкой вере". И вот этот "случай" в Церкви — какой свет бросает на всю теперешнюю войну: которая есть война племен, но в значительной степени есть война и за святые идеалы Европы, за ее серьезные идеалы, взятые не из песенки и романа, а из древних молитв и от могил мучеников.

Европа, пора задуматься! Страшен не вандал, у которого молот в руках, — страшен хитрец, у которого подленькая мысль в мозгу, плоская мысль низкой душонки, в которую не уместится поминание ничего благородного, ничего возвышенного, ничего небесного. Она хихикает, эта мыслишка, в убожестве не понимая, что она всего только мысль мыши, — видя толпу людей, которая стала на молитву. "Зачем? К чему? Ведь небеса пусты, а сердце всего только мускул с красною жидкостью"...

Так нам пели с Запада. Русские дурачки подхватывали. Они все подхватывают, эти наши русские дурачки... Германия Бисмарка, верящая не в Бога, а "в свой кулак", только повторяет и осуществляет умственную Германию времен Молешотта и Бюхнера, Фейербаха и Макса Штирнера, поверившего в свой замечательный "мозг", в тот мозг, который, по образному выражению толстобрюхого Карла Фохта, "выделяет мысль не иначе, как почки выделяют *урину*".

Европа поклонилась этому замечательному "мозгу". Чего же она взволновалась, когда поднялся этот железный "молот"? "Назвался груздем — полезай в кузов"; "кто любит кататься — люби и саночки возить".

Нет, не *теперь* нам плакать — и не об *этом* Реймском соборе. *Давно* надо было начать плакать: о том, что отнята у нас душа бессмертная и на место ее мыслителишками вложена кривая сухая палка. Вот где *пункт*.

ИЗ АРМИИ И ВОЗЛЕ АРМИИ

Как задыхающемуся нужно глотнуть воздуха, так вся Россия внутри себя жадно глотает каждую весточку с войны. Тут входит жажда слиться воедино с лучшими сынами своими, которые, в лице двух миллионов героев, отстаивают грудью 160 миллионов живых душ; отстаивают

древнюю землю, и земли этой — $\frac{1}{6}$ часть суши всей нашей планеты. Немалая "тяга земная"... И солдаты, офицеры, генералы, полководцы, Главнокомандующий — знают это. Невидимые духовные токи, незримые нити сердца соединяют "здесь" России с "там" России.

— Слышите ли вы тоску нашу и тревогу нашу и любовь нашу к вам? к бессонным ночам вашим, ко всему великому *труду самого похода*, не говоря об опасностях уже, о боли, о ранах, что и представить невозможно, о чем можно только молчать, ибо слов не находится... Велик уже самый труд *движения навстречу* неприятелю, и труд быть лицом к лицу с неприятелем, у которого одна мысль — *истребить вас*... Эти дни и недели, когда соснуть некогда, поесть негде, когда человек с лошадей и орудием и живет, как лошадь и орудие, и выносит все, что выносят бока животного и сталь орудия... чего все это стоит!! И вот мы все это знаем, и каждая минута вашей тяжести тянет за душу и нас, наши дорогие воины!

И, чутся, отвечают нам:

— Знаем! Слышим! Разве мы не русские? Знамо — одна душа. "Там" наша Мать-Русь, здесь томимся, трудимся, но и радуемся мы, ее детки.

I

Вот из одного письма:

"Я был бесконечно тронут полученным письмом. Сегодня мы все получили первый раз почту из России. Радости не было конца. Мне бы очень хотелось повидать вас и быть на вашем попечении, но не скрою, что здесь очень хорошо, и, если придется уехать, — буду очень огорчен расстаться с полком и с моим эскадром. Нельзя представить себе, что за солдаты. Орлы. У меня был случай. У дозорного убивают лошадь и его ранят. Подскакивает другой. Его убивают. Третий сажает на лошадь раненого, ведет лошадь под уздцы, перерезывает колючую проволоку и доводит до эскадрона. Все под сильным огнем. И так всегда. Немцы удара не принимают, уходят. Офицеров своих бросают. И зверствуют вовсю. Ну, да Бог их накажет¹. Мне лично не пришлось убить ни одного поганца, но в бою 6 августа я с эскадром много их перебил. С удовольствием послал бы вам вещей, но трудно, даже невозможно, — так как письма — и те урывками посылаем, потому что мы все время отдельно действуем. Вещей — всего, чего угодно. Не знаю, получила ли сестра: я послал еще в июле винтовку, каску и т. п. Сколько верст мы сделали, трудно сосчитать. Мы все время в тылу у немцев. Много взяли городов. Всего у нас много. Солдаты говорят, что не война, а в гостях у тещи: немножко кусается, но хорошо принимает. Надоели сигары, а папиросы у них

---

¹Какое добродушие тона! И, вместе, это *по форме* — наша бытовая, житейская и вместе церковная поговорка. — В. Р.

дрянь. Пишите. В сестры милосердия не советую идти, лучше ухаживать за ранеными в Петрограде. Настроение здесь чудное, и если бы не приходилось спать то в гробовой мастерской, то у сапожника, — а в замке, как сейчас — было бы превосходно. Здесь дороже жизни письма, не ленитесь, не ждите ответа, а пишите”.

10 авг., 1 час ночи.

Эти письма — как ”дыхание” оттуда. Никто о наших лучших теперь людях не скажет так хорошо, как они сами.

II

Еще от того же лица:

”Дорогие друзья мои, В. и Н. М.!

Не мог писать все это время, так как, во-первых, у нас не было почти никакого сообщения с нашей армией, так как мы все время находились на фланге и в тылу у немцев; а во-вторых — и это главная причина — у меня не было положительно времени писать. Конница находится все время в очень тяжелых условиях. Люди и лошади измучены страшно. И все это благодаря тому, что немцы отступают с такой поспешностью, что их догнать очень трудно. Бросая снаряды, амуницию, все бежит к Кенигсбергу. Туда же тянутся бесчисленные обозы местных жителей, которые теперь возвращаются назад. Они говорят, что их предупреждали, что русские убивают всех жителей и что казаки едят детей. Мы надеялись, что теперь начнется осада Кенигсберга и конница немного передохнет, но не тут-то было, так как я сейчас узнал, что вас посылают на помощь 2-й армии. Я лично сильно измучился как физически, так, главное, нервами. Единственное, что поддерживает, — это наши безусловные удачи как пехоты, так и конницы. Все действия немцев указывают на полную их растерянность, доходящую до паники. Часто находясь в самой ужасной обстановке, вспоминаю вас обоих, и те славные часы мирной обстановки, которые проводил с вами. Как бы я хотел хотя бы на несколько дней уйти из этой обстановки крови и человеческой (у немцев) животной разнузданности. Только здесь на границе жизни и смерти узнаешь человека во всей его отвратительной наготе. Если я останусь жив и, Бог даст, мы увидимся, то я многое скажу вам из того, что я достал тяжелым опытом, — и что имеет близкое касательство к тому, о чем мы так часто беседовали в свободные с вами, дорогие мои друзья, часы. Человек создан для мира, и никакая идея не может сбить его со стремления к миру. Ну, довольно философии. К счастью, тут мало времени для философии. Если будет возможность — напишу опять. Пишите чаще. Хотя я и не получил ни одного письма из Петрограда, но надо надеяться, что когда-нибудь я получу. Шлю вам мой самый искренний и сердечный привет”.

”Эту бумагу потрогала женина рука”, ”эту бумагу потрогала дружеская рука”, словом, в письме что-то перенеслось *вещественное* ”оттуда” — ”сюда”, ”с родины” в ”Германию” или в ”Австрию”, перенеслось и *дотронулось до души моей*, — этим чувством только и можно объяснить то волнение, какое испытывают наши родные и друзья, получая письма от нас. Маленькое *язычество* через перо, бумагу и чернила, маленький первобытный *фетишизм*, вот что действует в корреспонденции, а не одни мысли, сообщения и известия. ”Что такое дома?” — ”Да ничего особенного”. — ”Все по-старому, как в те дни, когда недавно отправляла тебя из Петербурга”. Мысли известны и не новы; но через письмо происходит *касание душ*, и вот оно волнует и радует. Иначе как понять этот тон письма военного врача к жене:

”Наконец сегодня получил твое первое письмо. Здесь такая радость получать письма. Все набрасываются на них, как коршуны. Неполучившие завидуют получившему, а последние чувствуют себя именинниками. Сегодня 3-е число, и вот только первое письмо пришло от тебя. Наши войска победоносно перешли в Австрию, о чем ты, наверно, уже знаешь из газет. Войска наши неудержимо рвутся вперед, так что командиру корпуса пришлось отдать в приказе, чтобы при переправе через реку войска не спешили и не напирали друг на друга. Передвигаемся мы очень быстро. Победа следует за победой. Давай Бог, чтобы так продолжалось дальше”.

Да, волна войск имеет свою тайну. ”Вступаем на чужую территорию”, ”завоевываем”; ”их земля — сейчас наша земля”, — все это секреты ощущения, неизвестные мирному обывателю, неведомые у нас здесь. Войска несутся каким-то духом, и например, ”вскочили на мост на плечах отступающего врага”, ”заняли укрепление на плечах бегущего неприятеля”, — эти вещи и особый вихрь, несущий армию, можно понять только неся солдатскую или офицерскую амуницию, держа в руке ружье или саблю наголо.

”Расскажу тебе о том впечатлении, какое на меня произвело вступление в местности Польского края, где происходили сражения. Целые деревни выжжены австрийцами дотла, — и одиноко стоят на месте их печи с трубами. К своему пепелищу собрались погорельцы. Виден скарб, наскоро собранный и унесенный во время нашествия австрийцев куда-то в глубь страны, верст на 10—15 от селения. Это в наших пределах, куда на первых порах прорвались враги. Скарб жалкий — подушки, одеяла, а у некоторых еще сундучки. Около оставшихся печей суетятся женщины, ставят котелки и горшочки на плиту и топят печь. Интересно, что, несмотря на то, что весь дом сгорел дотла, ни одна печь не развалилась. Вот женщина около развалин своего дома перед скарбом при виде проходящих войск возносит молитву к небу и осеяет себя

крестным знаменем. Ее взоры направлены на нас, проходящих. На полях валяются ружья австрийские, неразорвавшиеся гранаты, осколки. Стены домов имеют отпечатки от шрапнели и пуль.

Из прудов и речек вытаскивают ящики, полные гранат, в парусинных мешках плавают порох, со дна добывают ружья. Это австрийцы при отступлении побросали, отступая в панике.

Одна граната впиалась в дерево, и только видно ее дно. Она не разорвалась.

На полях нарыты ямы и сделаны окопы. Отвал земли задрапирован деревцами. В лесу на деревьях видны ссадины коры, — это следы от гранат, осколков и пуль.

Некоторые деревья снесены пополам. Боя нам видеть не пришлось, лишь грохот орудий напоминает, что мы находимся на войне.

Пишущий — доктор, находящийся при бригадном обозе.

”Жители сел и деревень рассказывают, что австрийцы при вступлении в деревню требовали от них провиант, угрожая револьвером. Это было в деревнях, отстоявших дальше от австрийской границы, в период начала наступления русских войск. До тех же пор они рассчитывались с жителями деньгами и квитанциями за забраный товар.

Во время отступления австрийских войск в свои засады они забирали жен и детей польских крестьян и ставили их на насыпь, из-за которой стреляли в наши войска; но наши молодцы сумели обойти их сзади и выгнали из окопов, не нанося вреда женщинам и детям”.

Стынет кровь, читая: из детей и женщин войны делают ограду себе, как из мешков с землей! Вот чувство человека, вот ощущение человека! И что же делают русские мужички, они же и солдаты? ”Разбираются” и не стреляют, а, обойдя сзади, схватывают мошенников за руки. Да, это — мошенники, а не воины. Однако не забудем, что *наш* ”Вестник Европы” 43 года твердил и старался внушить русскому и польскому обществу, что под австрийскою властью, ”при конституционных гарантиях” полякам живется лучше, чем под русской властью. Этого мы не забудем, — под какими внушениями профессорского журнала жило русское общество!

”Пленные австрийцы сами рассказывают про русских: ”И не знаем, как это выходит. Видим русское войско спереди, начинаем вести бой, — а они уже и справа, и слева, и сзади, не знаем, куда и деться”.

Рассказывают и про издевательство, и про мучительство подробности; трудно передать связно, так как рассказывают больше по-польски, и едва понимаешь десятую часть.

Ближе к границе опустошений нет, так как при быстром отступлении они уже не могли ни заниматься грабежом, ни поджогами.

Вода в колодцах сильно пахнет карболкой. Ко всему оставшемуся после австрийцев мы относимся с подозрением”.

Читая эти и другие письма с войны, мы в самом тоне изложения как-то чувствуем тот русский дух, издревле крестьянский и христианский дух, который скорее сам потерпит муку, чем, например, подставит детские и женские груди под пули, "потому что это больно, и я не хочу, чтобы мне было больно, а пусть лучше будет больно им"... Этот разбой в душе леденит кровь русского обывателя, как какое-то "светопреставление"...

Ведь воистину "переставляется" свет: ибо где мы верили и думали, что находится свет, явилась ужасающая тьма; ну, а о "своих", когда же мы и не думали, не кричали и не плакались, что у нас все "темно и грубо", и между тем... вот тон этих добродушных писем, где нет ни одного слова желчи, раздражения, нет воистину ненавидения даже и врага на поле битвы! Точно борется добродушный Илья Муромец с поганим половчанином и говорит свои былинные шутки и прибаутки. Ищет он правой христианской победы и нисколько не хочет терзания врага.

IV

Если бы, однако, знали и там, на войне, как здесь все дышит ими, нашими дорогими воинами, — друзьями, родными, — ушедшими далеко, в чужие края... Все умерло для нас, кроме их, вся страна замерла и не хочет ничего, не ждет ничего, кроме "весточки оттуда"... Точно лучшие птицы на сильных крыльях поднялись к небу, чтобы лететь дружным полетом далеко-далеко, и вся страна подняла глаза и следит этот мучительный и грозный полет, полный опасности, риска, но и неизмеримых обещаний...

Мне пишет из Вильны жена директора гимназии, вся возмущенная промелькнувшим в газетах не то сообщением, не то предположением, что и в нынешнем году женщины могут заниматься туалетами:

"Статья глубоко возмутила меня и многих моих знакомых в городе. Мне кажется, что автор ее или не видал никогда (близко) ни одной русской женщины, или видал только каких-нибудь нравственных уродов. Ведь есть же женщины горбатые, но нельзя утверждать, что все женщины горбатые. Странно и обидно читать, что женщины будут делать себе новые платья, новые наряды. Мы не только не будем делать, мы не носим то, что у нас есть. Вокруг меня есть целый круг милых дам, многие из них хорошо одевались прежде, но теперь ни на одной из них вы не увидите даже не только туалета, но просто хорошего платья: мы все в тех платьях, что нас захватила война, и мы первый раз заговорили о платьях, когда нам попалась на глаза эта статья. Стыдно автору, он не знает женщин, он не видал их, видно, рос круглым сиротой, без матери, сестры, тетки, кузины, а вырос — его не согрели ласки жены. Как русским женщинам думать о нарядах, когда наши мужья, братья, сыновья проливают кровь, да

и это еще не главное: раз они воины — они обязаны проливать кровь, но они борются, главное, с подлым врагом, — врагом, который стреляет в спину, стреляет в больного, в раненого. Надевши на себя святой знак Красного Креста, он в виде чудовищ-немок сестер милосердия стреляет в тех, кто жизнь свою положил за Веру, Царя и Отечество. Статья автора особенно печалит тем, что она может попасться на глаза в армии: ведь наши дорогие воины, прочитав, могут ему поверить, — могут подумать, что мы их позабыли, и для чего? — для тряпок. Этого не только нет, но ради воинов, дерущихся там, мы забываем о драгоценнейших наших украшениях, о наших детях, — но не тряпкам вытеснить их из нашей души! Вот двое детей одного моего брата, сын и дочь, оба в армии: сын в 21-й артиллерийской бригаде, а дочь Лиза на передовых позициях сестрой милосердия; младший брат в действующей армии, но где — мы не знаем. Уезжая, он только написал матери, что просит его простить, благословить и знать, что за себя он ничего не боится, а только боится за те тысячи людей, которые ему вверены (он командир батальона). Сестрин муж ранен под Львовом, и его перевезли в Ровно, так как милые австрийцы обстреливали госпиталь. Я теперь с обществом дам моего круга — женами и матерями учителей — шьем на раненых, работаем на питательном пункте и устраиваем в городском попечительстве жен запасных.

А. К.”

V

Около этих строк зрелой женщины, матери семейства, наши труженики за землю русскую в серых шинелях прочтут с улыбкой ученический лепет своей сестренки, если они — братья, и своей дочурки — если они отцы. Пишет гимназистка 4-го класса:

”У нас очень много в школе случилось событий. Теперь мы, девочки, занимаемся шитьем каждый день. При нашей гимназии лазарет, который состоит из 16-ти раненых. Начальница гимназии, сестра милосердия и Маруся Н., прошлый год окончившая у нас курс, — ей помогают. А нас, девочек, живущих в пансионе, начальница только тогда пошлет в лазарет, когда она увидит, что мы совсем исправились. Наши мальчики (школа смешанного типа) ездят во дворец и там тоже помогают. Теперь в школе совершенно все другое. Многих из наших учителей (гимназия частная) взяли на войну. Но в школе, конечно, продолжают занятия, между прочим они интересные. Мой класс прямо чудный, до того все у нас заняты работой, все страшно заняты делом”.

Есть что-то спасительное в этой войне, поднявшей мужчин и женщин, взрослых и детей... Поднявшей и кинувшей всех — в *единство*... Последствий ее, действия ее — нельзя обозреть; во всем объеме оно

скажется через десяток лет. Мы было закисли в разговорах, в рассуждениях, и в обычном оттенке их — в раздражительных спорах. Превосходная сторона войны заключается в том, что она в сердцевине своей есть страшная до страдальчества *работа* и вокруг себя на необозримом пространстве вызывает тоже *деятельнейший труд*, безостановочный ни на одну минуту. На всю страну пахнуло реальным, свежим воздухом. Многие явления, терпимые в мирное время и в которых душа невольно загнивала, — стали немыслимы. Например, сплетни. Ни злословию, ни кутежу, ни мелкому "ничегонеделанью" — нет места, некуда упасть. Таким образом, без борьбы и оговорок многое просто исчезло... Это ли не свежий воздух и здоровье?

Еще из письма одной учительницы:

"Привезли в наш школьный лазарет еще партию раненых. Раны не тяжелые, — но от дальнего пути они все такие истомленные и жалкие, такие беспомощные сами по себе, что я от души теперь жалею, что моя необходимость ходить по частным урокам лишила меня возможности пройти курсы сестры милосердия и дать этим страдальцам более существенную помощь, чем та, что я могу сейчас дать в роли только заведующей. В сущности, это вовсе не высокая фраза, а правда, что для женщины счастье в том, чтобы себя отдавать, служить слабому, например, ребенку или страдающему. И тогда на душе мир. Как-то теперешнее время особенно коробят разные житейские благоглупости: разные сплетни, гаденький смех, излишество в еде, — даже когда это обыкновенный обед, хорошо приготовленный. Ведь *этого* там не имеют".

Так чувствуют, живут здесь. Оглядываясь, видишь на всех черненькие платья или — серых, тусклых цветов. Это — не траур и не печаль, а просто *серьезность*. Война и работа всех сделала деловитыми, и эта деловитость все подобрала в некоторый аскетизм, не преувеличенный и спокойный. Нашим воинам радостно будет узнать, если попадет этот листок "туда" или — попадет в руки слишком близких и страдающих за них лиц, что нет *дома*, где не поднялась бы *к идеалу жизнь вследствие войны* и где бы не болели души о наших воинах "там".

VI

Иногда получаешь новое и неожиданное впечатление, выслушивая рассказ уже о давно известном, но — от таких лиц, которые обычно в исторических рассказах не участвуют. Так я пережил что-то совсем неожиданное, выслушав передачу рассказа о случившемся с нею в Берлине и затем вообще в Германии и о возвращении на родину одной из учениц старших классов частной гимназии М. Н. С. в Петрограде. Не зная, вероятно, в точности, что именно случилось с другими, она передает, что

”все было еще гораздо ужаснее, чем описывают и говорят. При внезапно сделанном объявлении войны мы очутились как выброшенные морем в какую-то дикую, злобную и враждебную себе страну, — не получая ниоткуда помощи и не зная, к кому обратиться. На русских кидались, ругали, кто отвечал — тех били. Никуда проехать нельзя. Немки иногда были еще грубее и жесточе мужчин. На слова не отвечали, в разговор нельзя было вступить, ни о чем нельзя было справиться и узнать. Когда у меня вышли последние деньги в Берлине, я, не зная, что делать, стала упрашивать управление отеля допустить меня в прислуги, горничною. То же, как я узнала в дороге от встречных подруг, делали и они: тоже просились в горничные, чтобы было, что есть. К счастью, в самый последний день я получила через кого-то деньги, присланные из Петрограда родителями. Когда я встретила в дороге подругу по гимназии, то мы, только сказав друг другу фамилию, обе узнали, что подруги по классу. Так мы были измучены и испуганы, что на нас лица своего не осталось”.

Возвратилась ученица каким-то совсем диким путем — через Гибралтар, и огибая всю Западную Европу, — в Архангельск. Где-то около Англии

”германский крейсер, потопивший уже пять английских пароходов, сторожил это место и мог заметить наш пароход и тоже бы потопил. Поэтому капитан и команда пустили его во всю силу хода, не обращая внимания, что была страшная буря. Ночью же потушили огни, и мы шли совсем в темноте... Волны хлестали через палубу, и мы каждый час ждали, что погибнем”.

О самой Германии:

”Там ничего похожего на наше не было. Когда сделалась мобилизация и потребовали запасных, то жены вцеплялись в них и не хотели отпустить. Такое полное отчаяние везде, точно им приходилось идти каждому на верную смерть. Плач и стоны, злоба и остервенение на начавшуюся войну — стояли везде. Тогда как у нас, я вижу, все спокойно”.

Тогда не этим ли объясняется германская моментальная озверелость? Это — действие последнего испуга и *личного* последнего *отчаяния*. И это — не из лучших для них объяснений: какое же у них чувство ”фатерланда”? Удобная контора, где ”мне тепло”, и — чтобы ”хозяин не беспокоил”. Мне передавали наблюдатели из глубоких провинций по Волге, что при расставании с запасными нигде не было плача жен и матерей, — отпускали как на ”нужное”, на ”нужную и правую войну”. Передавали, например, одну сцену:

— Ну, вот, миленький, ты пойдешь немцев бить. Хорошенько их поколотит, да только и немочек побить тоже не забудь.

Верно, у немцев баба была в услужении. Мне пришлось жить студентом в немецкой семье. Лично я не видел ничего, кроме самого прекрас-

ного, и "фрау Констанция" была для мужа, дома и жилья своего совсем как Доротея из известной поэмы Гёте. Она и любила читать Гёте и Шиллера. Но... до чего же они не чувствуют чужого инопородного человека, например, русского. У них была кухаркою старуха Афимья, и всякий раз, когда эта Афимья отдавала купленную провизию на кухню и пыталась возразить на упреки, что "дорого дала", прелестная Констанция вспыхивала гневом и, топая о пол ногою, говорила:

— Цыц!

Никогда *другого слова*. Только это одно собачье обращение. Между тем она была гуманна, деликатна — к мужу, ко мне и вообще, "кого знала". Была вполне и безукоризненно порядочна. Но вот подите же. Ее муж, инспектор Московского Страхового общества, тоже корректнейший человек, говаривал мне:

— Я изъездил всю Россию, а вам еще 22 года. Вы не знаете русского народа. Он — везде свинья. Неряшливая и грязная. И — ленивая.

Вот воззрение. Конечно, он не знал русских поговорок, пословиц; не знал русской песни. И не интересовался. Он интересовался только русскими гусями, которые ему заготовляла и откармливала во дворе его "Доротея", когда он бывал на долгих ревизиях (поездки на крупные пожары). И вот, приехав, он так же, едва сказав "здравствуй", становил перед собой "под отчет" свою "libe Frau", как та — Афимью: она, бледная, путалась, конфузилась и оправдывалась, когда он, произнося некоторые строки "Приходно-расходной тетради", укоризненно поднимал на нее глаза. Вся милая, в фартучке, она стояла перед ним, — неизменно стояла. Длилось это час и иногда более. Но вот все прошло. Вечер, гости, — все немцы. Русский был один я. И вот тут — гусь.

Ах, какой был гусь. Весь в масле, с чудно поджаренной капустой... Весь поистине прекрасный.

Но только гусь. А остальное?

VII

В редакцию газеты прислано и редакциею передано мне письмо, — по-моему, *трогательнейшее*. Оно написано совершенно безграмотно: но вчитываясь в сплошные строки его, везде без "ъ" и с пропуском многих букв, я нашел, что эта груда рядом поставленных слов, напоминающая харатейные рукописи древности, представляет собственно собою попытку стихотворения или, вернее, невольное стихотворение. И я разделяю его на эти приблизительно строфы. Редкое это стихотворение сказано прямо солдатам, и пусть наши "солдатушки-ребятушки" прочтут это от своей "крестьянской сестры". Но над ним задумается и ему умилился и иной образованный человек:

"Пусть Божия Матерь с Покровом над вами!
 Вы, бодры[е] вояки Царя;
 Пусть добры[е] сердца не страшатся
 Тяжелых¹ орудий врага!
 Вы борствуйте² в кругу незнакомых,
 Чужих и друзей,
 Когда же наступят тяжелые минуты,
 Вы Божию Матерь просите
 На помощь скорей.
 Она дорогая Защитница наша
 Спасет вас от злого Вильгельма врага.
 Утрет у нас наши горькие слезы
 Как плачем по вас мы всегда.
 Мы ждем не дождемся вас на родину милу[ю],
 Вас, добрых кормильцев своих!
 Мы веруем в Бога и просим
 Царицу Небесную вас защитить,
 Чтоб вы нам вернулись на помощь,
 Как трудный нам век доживать.
 Без вас мы остались, сиротки,
 Бездомны по свету блуждать.
 Ах, Божия Матерь Царица Небесная,
 Накрой их Покровом своим³.
 Спаси, сохрани и помилуй
 Ты доброе наше войско.
 Пусть наша Россия победу прославит
 Над подлым Вильгельмом врагом.

От прислуги".

VIII

Целительница-война — так, может быть, будущее назовет эту войну 1914 года... Нет, это не 2-я "Отечественная война", как в первые минуты, в конце июля, мы называли было ее. Она совсем другая, в ней что-то новое. Что?... Будущее темно, неведомо. Дивное сплетение ее начала с полным *отрезвлением народа*, — которое *одно* подобно величайшей *религиозной реформе* и недоступно ни для какой партии, ни для какого частного усилия, ни для какой власти парламента и совершилось по строгому слову Старой Царской Власти, — предрекает что-то необыкновенное... Никогда социальные реформаторы даже в мечтах не имели столько положить в народную суму, сколько кладет эта одна реформа. И насколько одна эта реформа *облагородит* все лицо народа... Удивительное сплетение! А между тем оно случайно, — ибо сделан был только опыт "закрывать винные лавки на время мобилизации". Но это случайное "закрытие" вдруг показало лицо народа в таком необычайном свете, что

¹ В подлиннике "чезолых". — В. Р.

² Может быть, "бодрствуйте"? Но может быть и "боритесь", "борствуйте". — В. Р.

³ Получено стихотворение на другой день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. — В. Р.

...но было удержаться от восторга "порешить совсем". Теперь это "запрещено" со всей неукоснительностью, как выделка или торговля фальшивыми кредитками...

И все чудно сплетается в этой войне... Сплетается как-то *особенно*... Даже там, где мы проливаем слезы, где родители и жены безутешно рыдают, исторический глаз отмечает сплетение искупительного *венка над Россией*... "Все к лучшему", даже то, что так страшно... Когда повезли в Петроград тела Шувалова, Воеводского, Кауфмана, Бобрикова, кн. Кильдишева, братьев Катковых, братьев Курчениновых, — и еще других многих, качали головами старые: "Как юноши *Лейб-Гвардии Конного полка*, из первых аристократических семей, могли поскакать прямо на пулеметы?" — то никому не приходило на ум, что они *дали тон войне*, — как регент "задает камертоном" тон поющему хору... Всё — бросилось! Все — за ними! все — *как они!!!* И война, с этого 14 августа, повелась в этом быстром, неудержимом, восторженном духе...

Не благословенна ли их смерть, в таком случае? Родители рыдают и *будут рыдать*. Но Россия будет *помнить и благословлять*. Ну а умереть "благословенным всею страной" — это прекрасно, и наконец, это счастливо и для юноши, и для старика...

И вот так же "первым подскакал" к неприятелю Олег Константинович...

Все — "первым", все "вперед"...

Та Россия, которая столько десятилетий, а в сущности, целое столетие "плелась" и "отставала"...

Все подымается... *Благословенный год.*

4-е октября, 3 ч. 35 мин. утра.

IX

Эти последние дни я получил еще несколько писем:

а

"У меня служили рабочими два брата. В первую мобилизацию взяли одного, а в призыв ратников — и другого. Мать их, также живущая у меня, провожая второго, сказала ему, рыдая: "Сыночек, об одном прошу тебя: Царю-то будь верен".

Не могу не сообщить вам этого прекрасного слова, за подлинность которого ручаюсь.

Примите уверение в совершенном уважении

Н. Горбов".

Село Покровское, Мценск, Орлов. губ.

Это слово одинокой старухи, сказанное сыну при отправлении в войну, — не стоит ли фальшивой многоголосицы, какая неслась по Петербургу в знаменательный день 9-го января (Гапон)...

Еще, от гатчинской учительницы:

б

"В. В.: Извините, если письмо мое не покажется вам нужным и напрасно займет ваше время; но мне очень хочется написать. Признаюсь, я не всегда вам сочувствовала, а иногда и очень на ваши слова в печати сердилась; но сейчас вы для меня самый родной, самый дорогой писатель: так отчетливо говорите то, что переживаем теперь мы, те русские люди, которые остались дома, защищаемые нашими любимыми, родными воинами; и именно потому, что сейчас вы лучше, чем кто другой, учуяли русское чувство. Я хочу предложить вам одну мысль (извините, если на ваш взгляд не ценную): собрать в одно целое — в одну чудную книгу — наши драгоценные письма с войны; они ведь хранятся в каждой семье, каждая строка в них всем получающим кажется такою важною, такою общезначительною, и я думаю — если бы вы, "наш" писатель, — сейчас дали бы мысль о "книге писем", к вам без конца посылали бы подлинные, точные копии ненаглядных страничек; какой бы это был душевный, подлинный памятник великим дням! Ваше дело — было бы, с свойственной вам яркостью и чуткостью в извнутренних обобщениях, — разобрать, распределить, подчеркнуть, договорить недосказанное — словом, построить книгу, которая стала бы, думаю, любимейшей книгой для нас, переживающих события, и ценнейшею книгою для будущего.

Может быть, вы уже и решили так сделать?¹ Но скажите это нам, чтоб все объединились и помогли бы в предварительной работе. Меня очень увлекает эта мысль, и, если бы вы ей посочувствовали, я была бы бесконечно рада и тотчас же принялась бы за доставление вам "материала", если только тут уместно такое холодное слово.

Это была бы книга насквозь живая.

Преподавательница средне-учебн. завед.

Е. Н. Н-ва.
Гатчина, 14 сент."

в

"Хотя у меня теперь очень мало свободных минут, но я не могу удержаться от желания написать вам. Я думаю, ни одна душа в России не могла прочесть хладнокровно, без дрожи, без слез на глазах... напечатанных вами писем наших воинов. Вы выразили в статье с этими письмами

---

¹ Да! да! да! У меня была уже эта мысль. Лучше *говора с войны* ничего не может быть для *истории войны*, для памяти о ее *частностях, подробностях*. И я очень прошу, кому попадет эта книга, исполнить предложение умной и рачительной учительницы, — к тому же горячей русской женщины, — и присылать мне копии с писем по адресу: *Петроград, Коломенская, д. 33, кв. 21. В. В. Розанову.*

именно то, что чувствует каждый русский, когда думает о нашей чудной армии. Какое счастье сознавать себя русской, иметь возможность назвать "своими", "родными" всех этих чудных героев! Они сражаются там, над ними с зловещим пением разрываются вражеские шрапнели, убивают, калечат их; попадая в плен, они подвергаются оскорблениям, на них плюют проклятые немцы... Чтобы избежать этого ужасного плена, они предпочитают стреляться... Они переносят такие ужасы, а мы можем только непрерывно думать о них, страдать душой, ждать с трепетом каждой весточки с войны, будь то весточка от бывшего карьера (на службе), ставшего солдатом, или от офицера-улана, или летчика. Я получила открытку от одного бывшего сослуживца. Он был уланским офицером, вышел в отставку, недолго прослужил у нас, как началась война. Он опять надел форму, из маленького невзрачного чиновника превратился в храброго офицера и пошел на войну. Когда он прощался с нашим отделом (на службе), никто из нас не догадался спросить его адрес: прямо никто не думал о письмах, так мало мы были с ним знакомы. И вдруг он присылает мне открытку, где пишет, что, вспоминая с симпатией наш отдел, шлет мне и всем нашим привет чуть не с поля брани. Вы можете себе представить, как тронула меня эта открытка, как безумно сожалею, что не знаю названия его воинской части, чтобы послать ему весточку от далеких сослуживцев, сказать ему раз: "Храни Вас Боже! возвращайтесь победителем!" Я думаю, что весточка от родного не тронула бы меня больше, чем эта открытка.

15 сентября

Не послала сразу письмо, а теперь начинаю раздумывать, стоит ли посылать: вы, наверно, подумаете — "экзальтированная" совсем стала! Ну, все равно пошлю, думайте, что хотите, а это письмо — порыв, вызванный вашими из души выходящими словами.

Д. Р-ва".

Нет, это не пустое письмо, а чрезвычайно важное. Это — история. Ибо и "мы здесь" — имеем также историю, глубокую *духовную историю*. Не спросив даже адреса у отъезжающего сослуживца, "такого невзрачного", девушка, очевидно, пылает не личным чувством, а *отечественным чувством*. И пыл этот относится слиянно и к сослуживцу, и к *каждому воину*. И воинам не может не быть радостно, как они *чувствуются в России*. Слова принадлежат прелестной 20-летней девушке, поступившей по смерти отца на службу. Семья — славянофильская.

2

"Глубокоуважаемый В. В.

Прежде всего низко вам кланяюсь. Шлю здоровья на долгие, долгие годы.

Сердечный привет всему дорогому вашему семейству.

Давно, давно мечтал и собирался я вам писать — поделиться с вами своими впечатлениями, поговорить с вами, как принято говорить, *по душе, по сердцу*.

Рассказать про житье-бытье солдатское; но частые переходы, переезды из города в город, из одного конца России в другой, лишили меня возможности взяться за перо или карандаш; конечно, было время, но не было обстановки. Было с собою несколько открыток, но я их посылал семье по пути — на скорую руку сообщал о своем здоровье.

Начну по порядку. После мобилизации 19 июля из Петербурга я был назначен в Финляндию в один из стрелковых полков; выехали из Петербурга 22-го утром; эшелон — 440 человек; благополучно добрались до места назначения. По пути познакомился со многими своими будущими товарищами. Сразу узнал, увидел, почувствовал, познакомился и подружился со всеми. Сперва — баптистами, с евангельскими христианами и вообще с богоискателями, потом и со своими злейшими врагами — соц.-демократами. Но мы никто не спорили.

Всех соединила одна идея, одна заветная мечта, единая воля и единая святая мысль защиты родины, святой Матери-Руси. Куда делись вечные споры православных с сектантами, большевиков с меньшевиками, кадетов с октябристами, правых с левыми. Как рукою сняло все это.

В моих ушах, в моей памяти звучали слова манифеста; и невольно вспомнились мне слова поэта, обращенные к толпе. Чудо стало — все сбылось, как наяву; сбылись слова песни, которые маленьким ребенком в сельской школе я пел вокруг рождественской елки.

Меня очень радует глубокое сознание, которым проникнуты все те, которых приходилось и приходится видеть среди нашего брата, нижнего чина, по отношению к войне.

Нет вина, нет брани, нет слез, нет скверных слов, не слышишь ни жалоб, ни ругани; даже вечной спутницы русского солдата — гармоника — и той нет; все сосредоточены, серьезны; больше говорим о серьезных делах, чем о пустяках.

Ни пить, ни есть никто не думает, а если иногда и запоем что-нибудь, то что-нибудь хорошее, серьезное или же божественное.

Раздора нет; всех сковала чудотворная воля — победить немцев, защитить веками поработенных братьев-славян и духовно и экономически выйти из плена немцев.

В Финляндии пробыли с лишним месяц и теперь едем в действующую армию, в самый центр; но место секретно, его даже не знает командир полка. Едем благополучно, без всякой пересадки, — и при проезде через передаточный путь Фин. ж. д. на Никол. ж. д., далее на Варш. ж. д. невольно вспомнил инициатора соединения Фин. ж. д. с русскими генерала Н. И. Бобрикова. Благодаря его энергии, громадной воле и государственному уму, было положено и осуществлено это важное дело.

При войне с таким опасным врагом, как Германия, каждая минута страшно дорога.

Финляндцы относились к нам очень корректно, были лояльны, очень предупредительны и вежливы. Тоже старой ненависти как будто и не бывало. Как рукой сняло.

В лавках, при покупке товаров, обманывали иногда на курсе русского рубля, но и то не всегда и не все.

Теперь они уже охотно идут в ряды русских войск, а многие студенты университета поступают в офицеры и юнкерские училища.

Бог в помощь — давно пора!

Теперь большая разница между службою 10 лет тому назад, когда я первый раз после действительной службы был уволен в запас, и как в настоящее время вижу, вновь принятый. Во всем решительно громадная, поразительная перемена! Мысленно окидываешь прошлое: вспоминается Севастополь, кремневые ружья, бездорожица, поголовное безграмотство, тьма и невежество. Кампания 77—78 года. Шипка — Плевна, голодные, оборванные солдаты, разбойники-интенданты и поставщики армий, которые грабили днем и ночью, заставляя войска страдать и умирать не от вражеской пули, а от корысти, злоупотреблений и хищничества проклятых поставщиков и бессовестность чинов интендантства. Дальше, японская война, — русская самоуверенность — "шапками закидаем", " Куропаткинское сидение; терпенье и топтание, все назад и назад. Мукден, Цусима, Порт-Артур — все это русское "авось" да "небось", "ладно", "наплевать". Шли на войну не со знаменем победы или смерти, а с жаждою скоро преходящей человеческой славы.

Шли за орденами и крестами, шли без любви — *по-казенному*. Так просто, без огня в душе, без порыва святого огня, без вечно движущего сознания правоты дела. Скажу сильнее, т. е. вернее, — без религиозного сознания, без экстаза, без веры; а где нет веры, там не может быть и торжества. Все то, что разлагается "на дне"¹ души, — во всем этом не может быть живого дела, не может быть ни победы, ни творчества. Помнятся слова Евангелия: "Не угашайте духа", не теряйте веры, все остальное приложится. Будем же верить и, по словам Государя, — свято помнить "с крестом в сердце и железом в руках!" Ибо иначе не может быть победы.

Теперь перейду к событиям наших дней и по-своему, как Бог мне на душу положил, передам вам их.

Была раньше применена поговорка: "До Бога высоко, до Царя далеко". По немецкой системе учили только маршировать назад и вперед, — становиться во фронт и отдавать честь. Стрельба, маневры, учения, — необходимые для войны, — были на заднем плане.

Сейчас не то. Обращение совсем другое: вежливость, корректность, уважение к человеческой личности — на первом плане. Занятия серьезные, толковые, без глупых напрасных примечаний, без пинков и пощечин. Видно, что многому-многому научили прошедшие годы.

Следы мощного народного представительства, следы работ законодательных палат — видны по каждому шагу; везде видно уважение к делу и сознание ответственности перед родиною.

Никто не прячется за чужую спину, каждый отдает свое умение и силы с сознанием.

---

¹ Бумага размокла и слова не разобрал. — В. Р.

Воровство — не видать, кормят — хорошо; не знаю, может быть, бывают какие-либо сделки, но наружных следов не видать. Я очень интересуюсь этим, так как для одного члена Государственной Думы собираю материал. Что делается вообще в тылу, — до нас не доходит; каких-либо газет и писем давно не видели и не читали. Одеты тоже очень прилично, все новые мундиры, — брюки, сапоги и другие вещи сшиты хорошо, и материал доброкачественный; всюду видна заботливость, всего вдоволь, — каши, чаю, сахару, — а щи настолько хороши и вкусны, что, я думаю, многие-многие петербургские господа не отказались бы попробовать; да и наши офицеры пользуются заодно, и 3 ротных командира; всем всего хватает; не знаю, как вперед будет.

Конечно, нельзя — было бы преступлением требовать — на передовую позицию всего этого: для этого — и солдаты, чтобы иногда терпеть лишения, если этого требуют обстоятельства¹; будем живы и здоровы и снова заживем в мирной обстановке безмятежно, чередуя труд с отдыхом, физическую работу с религиозными исканиями; а теперь — за дело, за родину. ....

.....²

Бывают минуты, когда тоска охватывает все существо, т. е. с ног до головы, — тоска, грусть о горячо любимой жене, о детях, — ласкающихся и играющихся, — о возлюбленных детях. Вся радость и опора, и даже временем кажется, что весь смысл жизни остался там, в жестоком бессердечном Петербурге, где люди и не чувствуют, и не хотят знать ни чужого горя, ни чужой души.

Бедную свою семью я оставил без всяких средств.

Хотя я и зарабатывал много, но много кое-кому и помогал, в особенности — *левой идейной братии*; не буду указывать имен, — это неприлично ни для тех, ни для меня. Потерплю.

Когда я прощался с семьей на В. ж. дор., я указал жене, в случае безвыходной нужды, обратиться с просьбою. Я указал ей ряд фамилий известных общественных деятелей, гласных думы, членов Г. Думы, а также и знакомых писателей, — она махнула рукою, горько улыбнулась, но невольно сами собою крупные красивые горячие слезы полились из ее глаз. Я старался успокоить, как только мог и умел; оказывается, она уж была в то время, когда я находился в Финляндии,

---

¹ Удивительное рассуждение, впервые мне попавшееся в литературе (миндали): "на то он и солдат, чтобы иногда потерпеть, быть в лишениях для родины". Я сперва не мог ни разобрать, ни понять в письме, — до того непривычна была эта не интеллигентная, а народная мысль. Как она нова и прекрасна!! "Должны и лишения терпеть" — вот он, страдалец-государственник народ! Какое спокойствие, разумность!! Поистине Цари наши с народом строили Царство свое, профессора же, юристы и мы, интеллигенция, тут "ни при чем". Потому-то народ так и любит Царей, что помогал им; помогал вот подобными мыслями, да и просто фактом терпения, любви и преданности. От этого народ так любит Русское Царство, — как свой дом, где и он был плотником; а интеллигенция его ненавидит, потому что только разоряла этот дом, — и ни "дощечки" от нее в этот дом не положено. Чужие люди. — В. Р.

² Две строки точек в письме. — В. Р.

— обращалась ко многим и многим, к кому — лично, к кому — с письмом, но повсюду ее гнали и гонят до сих пор. Так, например, с квартиры¹ выгнали три раза: два раза кухарка, а третий раз сам барин. В конторе одной газеты она стояла четыре дня (во дворе) под проливным дождем, — и также выгнали, не дав ни медной копейки на черствый хлеб.

А один общественный деятель, член Городской управы, который посредством печати предлагал женам запасных работ; а когда моя жена указала, что она не в состоянии работать по своей физической силе предлагаемую работу, то почтенный господин ей громко заметил: "Ах, вы, сударыня, белоручка, идите на легкую работу — на Невский проспект", т. е., проще сказать — идите торговать своим телом, благо смазливое личико.

Конечно, моя жена плюнула и ушла; но я очень жалею, что она не ударила его по морде; жив буду, я рассчитаюсь с этим господином, ей-Богу.

С голоду, конечно, не умрет; найдутся добрые люди, а прежде всего, своя энергия и большая честная воля. Найдут работу и хлеб, свет не клином сошелся, — не все Петербург. Можно найти людей и в другом месте и заработать кусок честного насущного хлеба.

Да и с казенными пайками творится неладное. Дают как попало, но прежде всего — мало для Петербурга; тем более, квартирный вопрос — нож острый: не столько думается о хлебе, сколько о жилище. Домовладелец — человек богатый, а с квартиры гонит; в одно к одному и умер сын. Бедный хворал долго; хорошо, что Бог убрал, взял к Себе существо, которое по рукам и ногам связывало жену; а девочки уж большие, их можно оставить на день у кого-нибудь. Не верит моя жена в общественную помощь; все она толкует — и понимает, что все те, которые пишут в газетах, — жертвуют ради славы и почести, — очень далеки от помощи. Во всех учреждениях, куда ей приходилось заходить и искать помощи, — больше видела светского флирта и пренебрежения к своим обязанностям. Эти господа от скуки ради занимаются филантропией, — губя Христово христианство, Христову правду, Христово дело.

Язычники по делам и по вере. Прощайте, дорогой Василий Васильевич, целую вас. Преданный вам бывш. С.-Р.². Простите за ошибки, очень торопился".

2 сентября. Вагон № Пр. ж. дороги.

Фамилия на письме густо зачеркнута, и я только могу догадываться о ней. На письме штамп краской: "Из действующей армии". На последней странице письма, пересланного не по почте, а "с оказией", карандашом приписка: "А православные батюшки все говорят да говорят — "Терпите, терпите; чем темнее здесь, тем светлее там, на небе", — какое кощунство!"

---

¹ Названо имя знаменитого во всей России общественного деятеля и богача. — В. Р.

² ... "бывший социал-революционер", — отсюда в начале письма: со своими смертельными врагами (встретился) — социал-демократами. — В. Р.

Письмо в разнообразных отношениях интересно и важно. В благотворительности, конечно, есть много нарядных одежд; вся благотворительность должна бы идти народнее, тусклее, серее, обыденнее. Она должна идти повсеместнее, "вот — тут, в своем уголке". Нельзя не прийти к мысли опять же о "своем брате" около народа, о священнике, отце диаконе и старинном дьячке; нельзя не вспомнить в нужде и о древних дьякониссах. Вообще нельзя не подумать о приходе. На тему письма этого отвечает письмо, мною полученное еще в пору мобилизации, когда только выбрали из населения "запасных". Вот оно:

Х

"Спешу послать вам воззвание священника приходской Благовещенской церкви в г. Зарайске, отца Сергия Тимофеевича Субботина, сказанное им вчера во всеобщую, перед шестопсалмием, и сегодня в обедню после Евангелия. Приход наш беден, никто не был подготовлен к призыву на пожертвование, а вчера за всеобщей, по случаю дождя, народу почти не было: и все-таки в два раза было собрано семь рублей девяносто копеек. Это для нашего прихода сбор значительный. Но в призыве отца Сергия, по моему мнению, наибольшее значение имеет обещание, что причт войдет в сношение с уездным воинским начальником, через него узнает, в какие части войск направлены наши прихожане, и будет сообщать находящимся на службе о помощи, которая будет оказываема их семьям. Важно также предложение причта своих услуг семейным, призванным на службу, для сношений с ними; важно приглашение, чтобы прихожане сами указывали нуждающихся; и обещание каждую неделю сообщать как о том, что пожертвовано, кому, в каком размере пособие оказано, так и о ходе событий на поле брани.

Я считаю это важным потому, что если примеру отца Сергия последуют и другие настоятели приходов, то деятельность прихода, вызванная войною, не послужит ли началом жизнедеятельности приходов, которую едва ли возможно возбудить одним обращением прихода "в юридическое лицо, с правом приобретать и распоряжаться всякого рода имуществом". Мы вообще мало внимания обращаем на имущество свое и не свое, и едва ли обращение прихода в юридическое лицо пробудит в нас особое расположение к заботе о церковно-приходском имуществе, едва ли это возбудит приходскую жизнедеятельность. Нельзя не отметить также, что юридическое и экономическое не только ничего общего с церковным, религиозным не имеет, но, по словам Н. Ф. Федорова, на стр. 369 1 т. "Философии общего дела" — "юридическое и экономическое есть мерзость перед Троициным Богом и многоединным человеческим родом", так как юридико-экономическое противоположно родственному, т. е. нравственному, — противоположно братству и отечеству.

Душевно вам преданный Н. Петерсон".

"27 июня 1914 года — память св. целителя Пантелеймона. исцелит ли он от столбняка, в котором находится наш приходская жизнь? Прошу вас, прочтите из 1-го тома несколько страниц, начиная с 297-1 и кончив на стр. 301 словами: и рассмотреть действие литургии в этом небольшом кругу, коего численность определяется возможностью личного знакомства всех его членов и от надлежащего устройства коего зависит строй всей церкви". Прочтите до конца 301-й страницы, сделайте мне это одолжение, всего пять страниц".

Вот самая проповедь отца Сергия Субботина касательно помощи семействам запасных. Читатель обратит внимание на теплоту, конкретность и реальность:

"Христоролюбивые и братолюбивые прихожане! Господь наш Иисус Христос сказал: "По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (Иоан. XIII, 35). Наступившие события испытывают, точно ли мы ученики Христа, любим ли мы друг друга, готовы ли на деле доказать свою любовь к братьям нашим, призванным положить душу свою за нас, за наше спокойствие, за наше благоденственное и мирное житие. Вы уже знаете, что наше отечество, наша Русь Святая, несмотря на крайнее миролюбие нашего Государя, вовлечена в войну с немецкими государствами, Германиею и Австриею. Дело началось с того, что Австрия предъявила к братскому нам народу сербскому, освобожденному нами от турецкого ига, такие требования, исполнение которых равнялось бы полному подчинению ныне свободной Сербии немецкому владычеству. Тогда Государь наш, внушив сербам исполнить все требования Австрии, за исключением тех, которые обратили бы их в совершенных рабов немцев, обратился и к Австрии с увещанием умерить свои требования. Сербия последовала совету нашего Государя; но Австрия дерзко отвергла посредничество нашего Государя и объявила Сербии войну, надеясь превосходством военных сил своих быстро раздавить небольшую страну. Это вынудило нашего Государя, не объявляя Австрии войны, призвать на службу часть запасных, в надежде остановить этим нападение Австрии на Сербию. Тогда выступил Вильгельм, император Германии, и потребовал, чтобы Государь наш отменил свое распоряжение о призыве запасных, угрожая войною, если это не будет исполнено в течение двенадцати часов. Ответом на такое в высшей степени грубое и дерзкое требование было распоряжение о призыве запасных со всей Империи нашей; и немцы, давно уже задумавшие напасть на нас и только ждавшие к тому предлога, объявили нам войну.

У призванных запасных остаются семьи, и многие — без всяких средств к существованию. Долг перед защитниками нашими от немецкого порабощения требует, чтобы мы приняли на себя заботу об их семьях. Заботою об их семьях мы выразим нашу признательность, нашу любовь к защитникам нашим и дадим им уверенность, что семьи их ни в чем нужды терпеть не будут. Такая забота о семьях защитников наших и в них возбудит любовь к нам и вооду-

шевит их в борьбе с врагом. Казна будет ежемесячно давать жене и детям призванных на службу, а также и всем ближайшим родственникам их, бывшим на их содержании, стоимость 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла, причем дети не старше 5-ти лет будут получать половину, а достигшие 17 лет будут получать казенное пособие лишь в том случае, если будет доказано, что к труду они не способны. Однако это пособие может удовлетворить лишь самые насущные потребности и не может быть выдано тотчас же, ввиду необходимости соблюдения разных формальностей. Мы не должны позаботиться, чтобы семьи наших защитников не испытали нужды при самом расставании со своими кормильцами, — и, по возможности, скрасить их существование.

Из наших прихожан, взятых на службу, наиболее нуждаются семьи нашего церковного сторожа Матвеюка, семьи Муравьева, Трусова, Кузнецова и Цыганкова; у последних остались жены и малолетние дети, а Муравьев — вдовец; 3-х летнюю дочь его взяли в приют, а 5-летний сын его остался на руках старухи матери, у которой на руках еще два внука, 15-ти лет и девяти лет. Правда, у них есть усадьба с постройками, которые могут быть отданы внаем, но все это заложено, и с уходом их кормильца они лишаются 20—25 рублей в месяц. И вот всем этим пяти семействам необходима немедленная помощь; в распоряжении же церковного причта имеется на этот предмет лишь десять рублей, из которых, с согласия жертвователей, было выдано жене церковного сторожа Матвеюка 5 руб., матери Муравьева — 3 руб., и жене Трусова — 2 руб. Больше средств нет, а потому причт церковный и обращается ко всем прихожанам восполнить недостающее, а также указать, нет ли и еще нуждающихся в помощи семей призванных на службу из прихожан нашей церкви. Причт обратится к уездному воинскому начальнику за сведениями, кто из наших прихожан в какую часть войск назначен, и — сообщит находящимся на службе о том пособии, которое будет оказано их семьям; семейные призванных, которые плохо владеют грамотой, если пожелают дать весть о себе своим родным, находящимся на службе, пусть обращаются к причту, и причт укажет им человека, который напишет им письмо и отправит по назначению. Каждый воскресный день будет сообщаться, сколько собрано в пособие семьям находящимся на службе, и кому, в каком размере пособие оказано. Каждую неделю будет сообщаться также и о том, что произошло на поле брани. До сих пор ничего особенно важного не произошло: австрийцы напали на сербов еще 16 июля; в этот день они начали бомбардировать столицу Сербии, Белград, который находится на правом берегу Дуная, при впадении в эту реку — Савы. На другом берегу Дуная, против Белграда — австрийский город Землин: из этого своего города австрийцы и бомбардируют Белград. Но до сих пор, несмотря на громадное превосходство сил, австрийцы не могли перейти через Дунай и вторгнуться в Сербию. Все семь попыток их переправиться через Дунай сербами были отбиты, а сами сербы уже вступили в Австрию. На нашей границе с Герма-

ниею ничего важного не произошло, так как Германия объявила войну и Франции, и по-видимому, главные силы свои намерена направить сначала на Францию и, разбив Францию, всеми своими силами обрушиться на нас. Но справиться с Францией не будет, кажется, так легко, как это думали немцы; с первых же шагов они наткнулись на крепость Льеж, и, положив под эту крепость восемь тысяч человек, они не завладели ею. Задержка под Льежем дает возможность французам сосредоточить большие силы. Может быть, и англичане успеют прийти к ним на помощь, так как немцы в войне не с нами лишь и Францией, а также и с Англией, и с Бельгией; они обидели и многие другие страны, так что можно надеяться, что через неделю мы будем иметь еще более утешительные вести с поля брани”.

26 июля 1914 г.

Г. Зарайск, Рязанской губернии.

Действительно, такое отношение приходского батюшки к своим прихожанам соединяет всех их в близкую, теплую семью, где никому не холодно, где каждый поданный кусок хлеба попадает в голодный рот и где нет места тщеславию уже потому, что все это никому, кроме самих прихожан, неизвестно.

XI

Я позволю себе привести еще письмо, из дней начала войны... Пишет мать четырех сыновей, отправившихся офицерами на войну, — пишет естественно в мыслях, что не все-то четверо вернутся к ней живы и целы:

”П-но. Тульской губ.
20-го августа 1914 г.

А если бы вы, Василий Васильевич, видели, как вижу я в глуши деревни, *трезвые* ”престольные праздники”, то ваша статья¹ была бы еще горячее.

Народ недоумевал и как-то смущенно спрашивал: ”Чем же мы гостей-то угощать будем?” Под ”угощением” подразумевается, конечно, водка, — и без водки как же? чем же? И вот теперь, вместо трех дней отчаянного пьянства, как бывало (часто начиная с самого батюшки и кончая чуть не трехлетними ребятами), во время которого совершались драки и всякие безобразия, — праздники к вечеру кончались. Прислуга, живущая у помещиков, и рабочие вечером уже были на местах. Нечто небывалое.

Вообще в деревнях тишина и серьезность трогательные. Бабы в церковь надевают не яркие наряды, а темные — больше все черные с белым, — особенно головные платки.

Старосты, десятские тех волостей, которые подчинены земскому начальнику, у которого я сейчас нахожусь (мой сват), поражают своей серьезностью, своим отношением

---

¹”Кто победит Зеленого Змия?” — в ”Нов. Вр.”. — В. Р.

к возложенным на них обязанностям, и сильно влияют на народ. К несчастью, со стороны здешнего священника никто ничего не видит (он брат Ев-ия). Этот деревянный, недобрый человек, к тому же пьющий, никак не откликнулся на свершающиеся события; даже перед запоздалым молебном о даровании победы он ни слова не сказал прихожанам. И бабы — это было простое воскресенье, и, кроме нескольких баб, никого в церкви не было — не поняли, "чей" это молебен. А молебен этот он "отвалял" скорее, чем обыкновенно.

За обедней теперь, когда молитвы о православном воинстве особенно нужны, особенно трогают, — он особенно их быстро читает; вот, кажется, стал бы на его место и так бы вознес ко Господу эту молитву о "христолюбивом воинстве", что все зарыдали бы.

От "страждущих и плененных" у него ничего не осталось: проглотил — и перекреститься не успеешь, а не то что в землю долгим поклоном за этих плененных поклониться.

Мои четыре воина с радостью пошли навстречу врагу за родину, за славу, за честь постоять.

Улан мой, уходя, писал мне: "Как ты, дорогая мамуля, должна быть счастлива и горда, что все твои 4 сына идут на защиту родины. Недаром ты нас родила и недаром казна нас кормила".

С тех пор как *все это* началось, я как бы постоянно сердцем мысленно стою на коленях, — и не здесь на земле, а где-то выше. С воздетыми к небесам руками я повторяю: "Да исполнится воля Твоя". Какое время! И как нужен был огонь и кровь, чтобы многое очистить. Многое уничтожить и много хорошего породить. Да будет воля Твоя, Господи!

Поклон вам, Варваре и со чада.

Н. Л. Ив-а".

И это письмо — дворянки, помещицы, собирающей по французским и русским государственным архивам историю художественных и ремесленно-художественных сношений между Россией и Францией (эпоха Петра Великого и позднее), — тоже пусть ляжет засохшим цветком в стог душистого сена, которым мы дышим эти дни и месяцы. Я не выпустил печальных слов о священнике, — ибо мы совсем запутаемся, если не будем передавать во всех направлениях — одну правду. На ниве произрастает и пшеница, и плевелы, и хлеб, и короста, но будем верить и даже будем помнить только — пшеницу.

ХII

Это было лет одиннадцать тому назад.

Я брел по Вознесенскому или Воскресенскому проспекту (к Шпалерной) и был погружен в те думы или мечты, в каких всегда пребывают литераторы. Был чудный день, 6-й час. Теплота. Сушь. Почти пустынная тихая улица.

Шел я, опустив голову, когда с какой-то минуты, не знаю, что-то начало беспокоить мой слух. Но как это было какое-то шуршанье,

”что-то” вообще не угрожающее, с чем бы мне столкнуться, то я шел, не поднимая головы, ”в плену воображения”. Это воображение было далеко от Петербурга, от России, где-то ”в небесах” и между ”землей”. Где реют ангелы и ”прогуливаются” писатели...

Беспокойство в ухе все возрастало. Но ”сладость плена” была велика и я не поднимал головы, уверенный, что ”днем не задавят”... ”Что же может случиться? Я иду по тротуару, правильно...”

Шуршанье стало переходить в шум, гул, — неясный, далекий... Ближе, ближе... Когда, увидав мелькающие ноги около своих ног, я наконец поднял голову.

Почти наваливая на тротуар, шла конница. Совсем необыкновенная.

Гимназистом от покойного брата я слышал однажды рассказ, что в войсках гвардии есть один особенный полк: в него набираются исключительно солдаты непомерной величины и чтобы лицо было непременно уродливое. Может быть, брат в чем-нибудь ошибался или преувеличивал, но я не запомнил бы самого рассказа, если б в нем не было этой поразившей меня отметины: ”безобразные лица”, что-нибудь свирепое, какой-нибудь нос, ”глазищи”, — и тогда ”годен”.

”Это идет *тот полк*”, — подумал я. Лошади были такой величины, что, я думаю — спина выше моей головы. И на них огромные, некрасивые — и неловкие и ловкие — солдаты. Они были ”ловки” по существу военного и ”неловки” — потому что как же при таком росте?

Шли они очень близко к тротуару, наваливая на него, — почти. И я не отрицаю, что часть моего впечатления обязана происхождением этому обстоятельству. Но это мне пришло на ум потом. Теперь же...

Я все робко смотрел — прямо перед собою — на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелых всадников, из которых каждый был так огромен сравнительно со мною! — и их такое множество, кажется — никогда не кончатся... Малейшая неправильность движения — и я раздавлен. Конечно, я знал, что этого не произойдет. И между тем чувство своей подавленности более и более входило в меня. Я чувствовал себя обвеянным чужою силою — до того огромною, что мое ”я” как бы уносилось пушинкою в вихрь этой огромности и этого множества...

Идут, идут, идут...

И не кончаются...

Стройные, стойкие, огромные, безобразные...

Когда я вдруг начал чувствовать, что не только ”боюсь” (это определенное чувство было), но — и обворожен ими, — зачарован странным очарованием, которое только один раз — вот *этот* — испытал в жизни. Произошло странное явление: преувеличенная *мужественность* того, что было передо мною, как бы изменило структуру моей организации и отбросило, опрокинуло эту организацию — в женскую.

Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне — любовью... Мне хотелось бы, чтобы они были еще огромнее, чтобы их было еще больше... Ни на чье

лицо я не глядел, да и лица "мелькали", каждое видно было только секунду... Чувство мое относилось к массе, притом столько же людей, как и лошадей... Этот колосс физиологии, колосс жизни и, должно быть, источников жизни вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности, и ненасытного желания "побыть вблизи", видеть, не спускать глаз... Определенно — это было начало влюбления девушки.

Волны все шли... Этот однообразный гул... Эти "ни на что не взирающие" лица... Как они горды, *самостоятельны* — именно тем, что ни на кого не смотрят... Суть армии, что, кроме полководца, она никого не видит, не знает...

Суть ее в великой самодовлеемости...

.....

Я вернулся домой весь в трепете. Чтобы сохранить в себе "это", я ни с кем не разговаривал некоторое время. Мне кажется, я соприкоснулся с некоторою тайною мира и истории, вообще неизвестною. Передам, как она сказала у меня в шепотах:

— Что́ женская красота, "милое личико" и т. п., что́ красота одежд и, наконец, мертвая недвижимая красота зданий, дворцов, соборов?..

— **Сила** — вот одна красота в мире... около которой только "понадобится" чему-то всякая другая красота...

— **Сила** — она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, молятся... Молятся вообще "слабые" — "мы", вот "я на тротуаре"...

— В силе лежит тайна мира, такая же, как "ум", такая же, как "мудрость"... Может быть, даже такая же, как "святость"... И, во всяком случае, она превосходнее "искусств и изящного"...

— Но суть ее — не что́ она "может дробить", а — другое. Суть ее — в очаровании. Суть, что она привлекает. "Силою солнце держит землю, луну и все планеты". — Не "светом" и не "истинною", а что оно — **огромнее их...**

— **Огромное, сильное...**

Голова была ясна, а сердце билось...

Как у женщин.

Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых; трепещущих, обнимающих воздух...

Одним — более, другим — менее; но *сколько-нибудь* — каждого...

И почти скажешь словом Песни Песней:

"Где мой возлюбленный?.. Я не нахожу его... Я обошла город и не встретила его..."

Комментарии

Указатель имен

КОММЕНТАРИИ

"Последние листья. 1916 год" и "Последние листья. 1917 год" продолжают книги В. В. Розанова, созданные в жанре "уединенное": в 1912 г. вышла первая книга этого ряда — "Уединенное", в 1913 и 1915 гг. два короба (тома) "Опавших листьев", в 1913 г. написана "Сахарна" (впервые издана в настоящем Собрании сочинений в 1998 г.), в 1914 г. написано "Мимолетное. 1914 год" (впервые напечатана в томе "Когда начальство ушло..." в настоящем Собрании сочинений, 1997 г.), в 1915 г. создана книга "Мимолетное. 1915 год" (впервые опубликовано в томе Собрания сочинений, вышедшем в 1994 г.).

С 1916 г. Розанов стал именовать свои подневные записи "Последними листьями". В конце 1917 и в 1918 г. эта "листва" превратилась в книгу "Апокалипсис нашего времени".

В издании сохраняются принятые Розановым сокращения: Н. вр. ("Новое время"), Оп. л. ("Опавшие листья"), У. ("Уединенное"), Б (Бог), люди л. св. (люди лунного света), а также обычные словосочетания: м. б. (может быть), п. ч. (потому что), т. е. (то есть), т. к. (так как) и др. Сохраняются также лексические и синтаксические особенности текста, написания собственных имен и шрифтовых выделений. Других авторов Розанов обычно цитировал по памяти, и его цитаты нередко являются лишь свободным пересказом чужого текста, хотя и поставленного в кавычки. Наиболее существенные случаи расхождения "цитат" Розанова с цитруемым текстом отмечены в комментариях.

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ.

1916 год

Печатается впервые по рукописи Государственного литературного музея (Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 25—47). Фрагмент напечатан в журнале "Наше наследие" (1998. № 45).

С. 7. "Альцест и Чацкий" — статья Алексея Николаевича Веселовского "Альцест и Чацкий: Отрывок из этюда о "Мизантропе" опубликована в журнале "Вестник Европы" (1881, № 3); перепечатана в его книге "Этюды и характеристики" (М., 1894; 4-е изд. М., 1912).

С. 10. *Дух истории...* — Запись сделана на "Повестке Совета товарищества А. С. Суворина "Новое время" с приглашением на Чрезвычайное общее собрание пайщиков 15 января 1916 г."

Терсит — незнатный воин, участвовавший в Троянской войне. Изображен в "Илиаде" Гомера безобразным, горбатым, хромоногим, болтливым и злобным.

"Мечты и звуки" — первый сборник стихов Н. А. Некрасова (СПб., 1840), вызвавший резкий отзыв В. Г. Белинского, который написал об этой книге: "Посредственность в стихах нестерпима" (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 119).

На куртаге случилось оступиться... — А. С. Грибоедов. Горе от ума. II, 2. Цитируется неточно.

С. 11. *...какой топор ваш талант.* — В письме к И. С. Тургеневу 19 февраля (3 марта) 1847 г. В. Г. Белинский писал о Некрасове: "Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!" Розанов мог читать это письмо в третьем томе "Писем" Белинского, вышедшем под ред. Е. А. Ляцкого (СПб., 1914. С. 177—181).

Поэтом можешь ты не быть... — Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин (1856).

Все эти "Светланы"... "Леноры" — речь идет о балладах В. А. Жуковского "Светлана" (1813) и "Ленора" (1831), представляющих собой переложение баллады немецкого поэта Г. А. Бюргера (1747—1794) "Ленора" (1773). Стихотворение Жуковского "Певец во стане русских воинов" (1812) написано во время пребывания поэта в армии, когда Москва еще была занята Наполеоном.

С. 12. *См. фельетон.* — Частично настоящая запись вошла в статью Розанова "По поводу новой книги о Некрасове" (Новое время. 1916. 8 января), представляющую собой отклик на книгу В. Е. Евгеньева-Максимова "Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов" (М., 1914).

На посмертном портрете К. Маковского. — Семейный портрет К. Е. Маковского с женой и двумя детьми опубликован в иллюстрированном приложении к "Новому времени" 26 сентября 1915 г.

С. 18. *Сопоцько писал...* — Сопоцько М. А. Знамение времени: Три письма к гр. Л. Н. Толстому. Вступл. Н. П. Аксакова. СПб., 1896 (прилож. к "Русской беседе").

С. 20. *У меня был только друг Кропотков...* — Розанов писал о нем в "Опавших листьях", короб второй: "В Симбирске был у меня товарищ, который называл себя и подписывался "Kropotini itatio" (Кропотов)".

С. 21. *...был взят братом Колею в Нижний.* — В 1872 г. старший брат Розанов Николай Васильевич, у которого жил будущий писатель, переехал из Симбирска в Нижний Новгород, и до окончания гимназии в 1878 г. В. В. Розанов учился в нижегородской гимназии (IV—VIII классы), где его брат был учителем.

С. 22. *Товит посылает сына Товию...* — Тов. 4—5.

С. 23. *Вальпургиева ночь.* — В средневековой германской мифологии ночь с 30 апреля на 1 мая (день святой Вальпургии) — время ежегодного шабаша ведьм на горе Брокден.

С. 25. *..."горьким смехом"*. — В седьмой главе "Мертвых душ" Гоголь пишет, что "озирает жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы".

До 1-го марта — имеется в виду 1 марта 1881 г., когда народовольцы убили императора Александра II.

С. 27. ...*вот он дует, плюет на меня* — А. С. Пушкин. Бесы (1830).
...*"плач и скрежет зубовный"* — Мф. 8, 12.

С. 30. ...*в Ельце*. — Розанов жил в Ельце с лета 1887 по август 1891 г. 5 июня 1891 г. состоялось тайное венчание его с Варварой Дмитриевной Бутягиной (урожд. Рудневой).

"Современник" — журнал выходил в Петербурге в 1836—1866 гг.

"Русское дело" — еженедельная газета, издававшаяся в Москве С. Ф. Шараповым в 1886—1890 и 1905—1910 гг. Вероятно, Розанов имеет в виду журнал "Дело" (Петербург, 1866—1888), издателем которого до 1880 г. был Г. Е. Благодетель.

Благодетельский журнал — "Русское слово" (Петербург, 1859—1866), редактором-издателем которого был с 1863 г. Г. Е. Благодетель.

С. 31. *И пусть у гробового входа...* — А. С. Пушкин. "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." (1829).

За статью о Волжском — речь идет о статье Розанова "Призвание Руси" в "Новом времени" 15 января 1916 г. о книге А. С. Волжского "Святая Русь и русское призвание" (М., 1915).

...*фельетон о Дарском* — опубликован под названием "Не в новых ли днях критики?" в "Новом времени" 3 февраля 1916 г. о книге Д. С. Дарского "Чудесные вымыслы: О космическом сознании в лирике Тютчева" (М., 1913).

...о *Третьяковке* — речь идет о рецензии Розанова на книгу И. Э. Грабаря (возглавлявшего в 1913—1925 гг. Третьяковскую галерею) "Третьяковская галерея" ("Новое время". 31 января 1916 г.).

...о *Тэне* — опубликовано под названием "Об Италии" в приложении к "Новому времени" 6 февраля 1916 г. о книге И. Тэна "Путешествие по Италии". Т. 2. Флоренция и Венеция (СПб., 1916).

С. 33. *У Гоголя вещи ничем не пахнут*. — Это утверждение не следует понимать буквально. Как неоднократно говорил Розанов, его интересуют не факты, а общие идеи. Запахи у Гоголя, конечно, присутствуют. В начале "Невского проспекта" читаем: "...с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами"; в повести "Шинель" Акакий Акакиевич взбирается к Петровичу по лестнице, которая была "пронизана насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов".

"*Благодарю, не ожидал*". — Выражение принадлежит В. А. Соллогубу (1813—1882), который в 60-е гг. читал экспромтом стихотворение, каждая строфа которого заканчивается этими словами. Использовано также как рефрен в стихотворении П. А. Вяземского "Ильинские сплетни" (1869).

С. 36. "*Не надо на рынок*". — В первом коробе "Опавших листьев" Розанов рассказывает, как его дочь Таня во время прогулки читала стихотворение Пушкина "Когда для смертного умолкнет шумный день", а его жена Варвара Дмитриевна, прослушав эту запись, сказала: "Как мне не нравится, что ты все это записываешь. Это должны знать ты и я. А чтобы рынок это знал — нехорошо".

С. 37. *Ехав из Сахарны.* — В Сахарне, бессарабском имении Е. И. Апостолопуло, Розанов с женой и дочерью Варей гостил в мае — начале августа 1913 г.

Не стая воронов сбиралась — см. начало поэмы А. С. Пушкина "Братья Разбойники" (1821—1822).

С. 39. *...выбежала медведица и растерзала 40 детей* — 4 Цар. 2,24: "И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка".

"Изложение Ветхозаветной истории" — Гладков Б. И. Краткое изложение священной истории Ветхого Завета. СПб., 1909.

С. 40. *Начиная с Гарриса...* — Под псевдонимом Гаррис 15 марта 1912 г. в газете "Утро России" Мария Александровна Каллаш (1885—1954) напечатала едкую рецензию на вышедшую в начале марта 1912 г. книгу Розанова "Уединенное". В 1929 г. в эмиграции М. А. Каллаш под псевдонимом М. Курдюмов выпустила в Париже книгу "О Розанове", полную интересных философских размышлений о наследии писателя. *Передонов* — учитель в романе Ф. Сологуба "Мелкий бес" (1907).

"Голый Розанов" — название рецензии В. Ф. Боцяновского на второй короб "Опавших листьев" Розанова, появившейся в "Биржевых ведомостях" (вечерний выпуск) 16 августа 1915 г.

С. 41. *Потеряла Ковну и Вильно* — Ковно (Каунас) и Вильно были заняты немецкими войсками в августе — сентябре 1915 г.

О "Коробе 2-м"... — выход второго короба "Опавших листьев" Розанова в июле 1915 г. был встречен многими журналами и газетами весьма критично, что видно уже из названий рецензий: Н. П. Ашешов. Позорная глубина (Речь. 1915. 16 августа); Ю. Айхенвальд. Неопрятность (Утро России. 1915. 22 августа); П. Мокиевский. Обнаженный нововременец (Русские записки. 1915. № 9); И. М. Василевский. Гнилая душа (Журнал журналов. 1915. № 15. Подпись: Л. Фортунатов); С. Б. Любощиц. "Бобок" (Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 16 августа).

"Лукоморье". — Второй короб "Опавших листьев" вышел в петроградском издательстве "Лукоморье" с указанием типографии Товарищества А. С. Суворина, но без обозначения издательства.

...Ренников сказал. — Фельетонист и драматург А. М. Ренников (настоящая фамилия Селитренников, 1882—1957) редактировал в "Новом времени" отдел "Внутренние известия". 10 октября 1915 г. опубликовал в этой газете рецензию на второй короб "Опавших листьев". В 1920 г. эмигрировал.

Марк Николаевич — имеется в виду Марк Николаевич Бялковский, редактор еженедельного литературно-художественного и сатирического журнала "Лукоморье", выходившего в Петрограде в 1914—1917 гг.

"Семейный вопрос". — В 1903 г. в Петербурге в двух томах вышла книга Розанова "Семейный вопрос в России. Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятие незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия".

С. 42. *Мих. Ал.* — речь идет о сыне издателя "Нового времени" А. С. Суворина издатель-редакторе журнала "Лукоморье" Михаиле Алексеевиче Сувороне (1860—1936).

"Благодать". — На горе Благодать на восточном склоне Среднего Урала с 1735 г. велась разработка железной руды, залегающей на небольшой глубине.

...от Миртова ("Исторические письма"), что это — Ноздрев. — Один из псевдонимов народника П. Л. Лаврова (1823—1900) — Миртов. Его "Исторические письма" публиковались в 1868—1869 гг. и пользовались популярностью среди молодежи. Цензор и историк литературы А. В. Никитенко (1804—1877) писал о нем: "У нас есть особенный тип прогрессиста, который как нельзя осязательнее воплотился в Петре Лавровиче Лаврове. Он страстно любит человечество... В награду за свою бескорыстную любовь Петр Лаврович хочет одного: быть признанным великим человеком между своими современниками... Едва прочтет он в заграничном журнале какую-нибудь ученую и политическую новость, тотчас, как Бобчинский, бежит разглашать ее везде, куда только дозволен ему доступ" (Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 456).

С. 45. История сыновей Тарквиния Гордого... — Младший сын римского царя Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.) Секст обесчестил жену царского родственника Лукрецию Коллатину, после чего народное собрание Рима лишило Тарквиния царской власти и приговорило к изгнанию вместе с сыновьями.

С. 46. И как поет Мариэтта Шагинян — 24 марта 1913 г. Розанов опубликовал в "Новом времени" рецензию на книгу стихов М. Шагинян "Orientalia", из которой Розанов цитирует строку. В архиве Розанова сохранилась статья М. Шагинян "В. В. Розанов", напечатанная в газете "Кавказское слово" (Тифлис) 20 ноября 1915 г.

С. 47. ...панихида по Ал. Серг. Суворине — 29 февраля 1916 г. отмечалось 40 лет, как А. С. Суворин стал издателем газеты "Новое время" и оставался им до смерти в 1912 г.

...Боря "управлял" — имеется в виду Борис Алексеевич Суворин (1879—1940), сын А. С. Суворина, владелец и издатель в 1911—1917 гг. газеты "Вечернее время" (Петроград).

"Синяя птица". — Бельгийский драматург и поэт Морис Метерлинка (1862—1949) создал свою драму "Синяя птица" в 1908 г. и передал право первой постановки К. С. Станиславскому (поставлена на сцене МХТ 30 сентября 1908 г.). О философских сочинениях Метерлинки Розанов записал во втором коробе "Опавших листьев": "Начал "переживать" Метерлинка: страниц 8 я читал неделю, впадая почти после каждых 8 строк в часовую задумчивость (читал в конке). И бросил от труда переживания, — великолепного, но слишком утомляющего".

Новый Т. Ардов. — О писателе и журналисте Т. Ардове (псевдоним В. Г. Тардова, 1879 — после 1918) Розанов писал в статье "Возле "русской идеи"...", вошедшей в его книгу "Среди художников" (СПб., 1914). Серия статей Т. Ардова о настоящем и будущем России печаталась в газете "Утро России" в июне 1911 г.

"Зеленая палочка". — Л. Н. Толстой в "Воспоминаниях" (1902—1906) рассказывает о том, как его старший брат Николенька объявил, что у него есть тайна, через которую, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми и будут любить друг друга. Тайна эта написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги на краю оврага в яснополянском парке (глава "Фанфаронова гора").

И скажет Наживин... — имеется в виду книга крестьянского писателя И. Ф. Наживина (1874—1940) "Из жизни Л. Н. Толстого (М., 1911), написанная в результате встреч и бесед с Толстым.

С. 51. *...к Скворцову за гонораром.* — В. М. Скворцов (1859—1932) был издателем церковно-политической газеты "Колокол", в которой Розанов часто печатался в 1916 г. под псевдонимом В. Ветлугин. В феврале 1916 г. в газете появились его статьи: "Из старых портретов" (5 февраля), "Г-н Н. Я. Абрамович об "Улице современной литературы" (12 февраля), "Московские литературные и художественные кружки" (24 февраля), "К выходу сочинений Аполлона Григорьева" (26 февраля).

...(клиника; делают вливание) — эта запись посвящена болезни жены Варвары Дмитриевны.

С. 52. *"Проснувшись — увидел, что женился не на той"* — Быт. 29, 25.

С. 53. *"Евр. и евр."* — книга Розанова "Европа и евреи" (СПб., 1914).

"В соседстве Содомы" — книга Розанова с подзаголовком: "Истоки Израиля" (СПб., 1914).

"Ангел Иеговы" — книга Розанова "Ангел Иеговы у евреев (Истоки Израиля)" (СПб., 1914).

"Русская монархия" — книга Розанова "О подразумеваемом смысле нашей монархии" (СПб., 1912).

...с письма Чехова — имеется в виду единственное письмо А. П. Чехова Розанову из Ялты от 30 марта 1899 г., в котором он давал свой московский адрес и писал: "У меня здесь бывает беллетрист М. Горький, и мы говорим о Вас часто... В последний раз мы говорили о Вашем фельетоне в "Новом времени" насчет плотской любви и брака (по поводу статей Меншикова). Эта статья превосходна..." (речь идет о статье Розанова "Кроткий демонизм" в "Новом времени" 19 ноября 1897 г.).

С. 54. *...я не виделся и с К. Леонтьевым.* — Розанов переписывался с К. Н. Леонтьевым, жившим в Оптиной Пустыни, в последний год его жизни. Письма Леонтьева к нему Розанов напечатал в "Русском вестнике" (1903. № 4—6) со своими пространными комментариями о покойном философе. В последнем письме 18 октября 1891 г. из Сергиева Посада незадолго до смерти Леонтьев писал: "Надо нам видеться". Письмо заканчивается словами: "Постарайтесь приехать... Умру, — тогда скажете: "Ах! Зачем я его не послушал и к нему не съездил!" Смотрите!.. Есть вещи, которые я только вам могу передать".

...и с Толстым... одни сутки. — У Л. Н. Толстого в Ясной Поляне Розанов был вместе с женой 6 марта 1903 г. Толстому о Розанове впервые рассказывал Н. Н. Страхов, с которым Розанов переписывался, а в январе 1889 г. встретился в Петербурге.

...секретарь редакции — литератор Александр Александрович Добровольский, секретарь редакции "Новое время".

С. 59. *Николай Валентин Алексеевич* — журналист, сотрудник "Нового времени".

С. 66. *"Да не будет тебе бози шии разве Мене"* — Мк. 12, 32.

С. 70. *"И дана была суббота сынам человеческим"* — Ис. 16, 29.

С. 71. *"И мирра капала с рук моих..."* — Песн. 5, 5.

С. 74. *...извозчики покрывали лошадей шерстяными одеялами.* — В книге "Литературные изгнанники" (СПб., 1914. С. 385) Розанов писал о лошадях, которых извозчики в лютые морозы старательно укутывали попонами: "Вид толстой ковровой ткани, явно укутывавшей лошадь, произвел на меня впечатление... Между тем каждое утро, отправляясь в контроль, я на углу Павловской прощался с женой: я — направо в контроль, она — налево в зеленую и мясную лавку. И зрительно было это: она — в меховой, но короткой, до колен, кофте. И вот увидев этих "холено" закутываемых лошадей, у меня пронеслось в мысли: "лошадь извозчик теплее укутывает, чем я свою В...", такую нежную, никогда не жалующуюся, никогда ничего не просящую".

С. 75. *Тертий* — Тертий Иванович Филиппов (1825—1899), директор Государственного контроля.

Берг уже переставал платить — речь идет о журнале "Русский вестник", где Розанов печатался в 1889—1896, 1902 и 1903 гг., и его редакторе Федоре Николаевиче Берге (1839—1909).

С. 76. *"Сумерки просвещения"* — сборник статей Розанова по вопросам образования, вышедший в Петербурге в 1899 г.

Получай я 11 000. — В рукописи далее следуют зачеркнутые слова: "как Оль д'Ор".

...сизжу в банке у Нелькена — запись сделана на обороте адреса: Банкирский дом Маврикия Нелькина. Петроград. Существует с 1863 г. Господину Розанову. 21 марта 1916 г.

С. 77. *...читая Бругша — Бругш.* Египет. История фараонов. Пер. Г. К. Власкова. СПб., 1880.

С. 79. *"И мои безделки"* — сборник произведений поэта Ивана Ивановича Дмитриева "И мои безделки" издан в Университетской типографии в Москве в 1795 г. Назван по аналогии с "Моиими безделками" Н. М. Карамзина, отпечатанными там же в 1794 г.

С. 81. *"Древо жизни, приносящее плоды 12 раз в год"*. — Откр. 22, 2.

С. 83. *..."консул"* — в семинарии, бурсе — старший из воспитанников, избираемый для наблюдения за поведением своих товарищей.

..."губной староста". — Губа — территориальный полицейский округ в Московской Руси XVI—XVII вв. Пословица: "Умный, староста губный: всяк его боится".

С. 84. *..."чин чина почитай"* — из Петровского гражданского устава. Ср. письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г.

С. 85. ...стихотворение о Рас. — то есть о Г. Распутине.

С. 86. *Это было в Брянске...* — Розанов преподавал в прогимназии Брянска в 1882—1887 гг.

С. 90. *"Цветочки"*. — После смерти Франциска Ассизского (1182—1226), учредителя названного его именем монашеского ордена, появились народные рассказы о нем — *"Цветочки"* (русский перевод — в 1904 г. в журнале *"Новый путь"*, где печатался Розанов).

С. 91. *"Апокалипсическая секта"* — книга Розанова о хлыстах и скопцах, изданная в Петербурге в 1914 г.

"Червоный валет" — плут, пройдоха.

"...чертя что-то на полу" — Ин. 8, 6.

С. 92. ...*слова Куприна о душевной чистоте...* — см. повесть А. И. Куприна *"Яма"* (1909—1915).

С. 95. ...*его "Вес. Европы"*. — Об издателе журнала *"Вестник Европы"* М. М. Стасюлевиче Розанов писал в *"Мимолетном. 1915 год"* (второй том настоящего Собрания сочинений, записи 3 мая, 7 июля).

... *Лассалья с его дуэлью...* — Ф. Лассаль был смертельно ранен на дуэли из-за своей невесты Е. Даннигес и умер 31 августа 1864 г.

С. 96. *Коллатин* — племянник Тарквиния Гордого, муж обещанной Лукреции.

Разговор вдовы Сарепты Сидонской с Ильей — 3 Цар. 17, 9—24.

С. 97. ...*написал и о Левитане, и о Гершензоне* — имеется в виду статья Розанова *"Левитан и Гершензон"* в журнале *"Русский библиофил"*. 1916. № 1.

С. 98. *"Вешние воды"* — студенческий журнал, издавался в Петрограде в 1914—1917 гг.

С. 99. ...*"сим победиши"* ("сим победиши"). — Римский император Константин Великий в 312 г. накануне сражения увидел на небе крест с греческой надписью: "Сим победиши", после чего одержал победу и прекратил преследования христиан.

С. 100. *"Крестьяне на Руси"*. — Историк И. Д. Беляев (1810—1873) в своем главном сочинении *"Крестьяне на Руси"* (1859) дал первый в русской историографии систематический обзор истории русского крестьянства со времен Киевской Руси до XVIII в.

"Куль хлеба" — книга *"Куль хлеба и его похождения"* (1873) писателя и этнографа С. В. Максимова (1831—1901).

С. 108. *"И понесут вас другие народы на плечах своих"* — Ис. 49, 22.

С. 112. *Ретирада* — отхожее место, уборная.

Но лишь божественный глагол... — А. С. Пушкин. Поэт (1827).

С. 114. *"Весь израиль спасется"* — Рим. 11, 26.

"Мне в вас тесно..." — 2 Кор. 6, 12.

С. 115. *Гиль* — вздор, нелепость (устар.).

"Кривое зеркало" — театр миниатюр в Петербурге (1910—1918). Создан актрисой Суворинского театра З. В. Холмской и ее мужем А. Р. Кугелем, осуществлявшим руководство театром и назвавшим его "театром скепсиса и отрицания" (пародировалась классика).

"Вы любите ли сыр?" — Козьма Прутков. Эпиграмма № 1.

С. 116. *Есть речи — значенье...* — из одноименного стихотворения М. Ю. Лермонтова (1840).

С. 117. *Паремия* — читаемый в православной церкви во время богослужения отрывок из Ветхого Завета, содержащий пророчество или поучение.

Белый Орел — польский орден (1325), приравненный в 1831 г. к российским орденам.

С. 118. *Падайте, падайте, Божие семя...* — Очевидно, имеется в виду стихотворение А. Н. Майкова "Летний дождь" (1856): "Золото, золото падает с неба!"

Кольми паче... — тем более (староцерк.).

Завтра 60 лет — Розанов родился 20 апреля (2 мая) 1856 г.

"дробя стекло, кует булат" — из I песни поэмы А. С. Пушкина "Полтава" (1828—1829).

С. 120. *Опер.* — Имеется в виду операция жены Розанова.

С. 123. *...в Казачьем переулке* — в Большом Казачьем переулке (д. 4, кв. 12) семья Розанова жила с января 1906 по июль 1909 г.

С. 124. *"Земщина"* — газета, выходившая в Петербурге в 1909—1917 гг., в которой в 1913 г. печатался Розанов.

"Голос Руси" — газета выходила в Петрограде в 1914—1917 гг. Розанов печатался в ней в 1916 г.

"Московские ведомости" — Розанов печатался в этой старейшей московской газете в 1889, 1891, 1892, 1914—1917 гг.

С. 125. *Домна Васильевна* — Алешинцева, гувернантка в доме Розановых в 1910—1917 гг.

С. 126. *...датского критика-жиды.* — Имеется в виду Георг Брандес (1842—1927).

Омофор — епископское облачение, надеваемое на плечи.

С. 130. *Выстрел Соловьева.* — Народник-террорист А. К. Соловьев совершил 2 августа 1879 г. неудачное покушение на императора Александра II.

С. 131. *Екатерининский канал* — место убийства Александра II 1 марта 1881 г.

С. 133. *Ктебс* — обладание (греч.).

С. 137. *Нарушаю все законы...* — Д. С. Мережковский. Дети ночи (1896).

С. 138. *...у Лепсиуса* — *Lepsius R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien...* 12 Bd. Berlin, 1849—1856.

С. 141. *Мы так должны полагать...* — на рукописи помета Розанова: "Списано для Египта".

С. 148. *Халила* — санаторий в Финляндии (около Выборга), где Розанов отдыхал в июле 1916 г.

С. 149. *Когда у нас умерла первая Надя* — первая дочь Розанова Надя умерла 25 сентября 1893 г., не прожив и года.

С. 150. *"Федор Глинка" 1812 г.* — имеются в виду стихотворения Ф. Н. Глинки, участника войны 1812 г., об Отечественной войне 1812 г., печатавшиеся в сборнике "Подарок русскому солдату" (СПб., 1818) и в журнале "Сын отечества" в 1818—1819 гг.

Майков рассказывал. — Розанов был знаком с поэтом А. Н. Майковым (1821—1897) и напечатал его некролог в газете "Свет" 11 марта 1897 г.

...сделал ученое издание "Русских ночей". — Под редакцией Сергея Алексеевича Цветкова (1888—1964), друга Розанова и его библиографа, издательство "Путь" (Москва) выпустило в 1913 г. "Русские ночи" В. Ф. Одоевского.

Я писал Любавскому. — Историк М. К. Любавский (1860—1936) учился вместе с Розановым на историко-филологическом факультете Московского университета. Розанов вспоминает о нем в "Мимолетном. 1915 год": "Какая радость, что наш выпуск в Московском университете дал трех СЫНОВ России: Любавский (М. Куз.), Зайончковский, Вознесенский и я" (запись 20 апреля 1915 г.).

...классовой борьбой профессора Виппера — имеются в виду труды профессора Московского университета историка Р. Ю. Виппера (1859—1954). Его учебник "Новая история для старших классов гимназии" (неоднократно переиздававшийся) Розанов видел у своих детей-гимназистов.

С. 152. *Господи, избавь русских глупости...* — Запись сделана Розановым на бланке конторы и редакции студенческого журнала "Вешние воды" (Фонтанка, 88), в котором Розанов печатался в 1914—1917 гг.

С. 154. *"Кто или что счастливый человек" или "О счастливейшем времени жизни"* — речь идет о статье Н. М. Карамзина "О счастливейшем времени жизни" (Вестник Европы. 1803. № 13).

С. 156. *Далмат Александрович* — Д. А. Лутохин (1885—1942), журналист, экономист.

С. 159. Записи 4, 6 июля и ряд последующих имеют в рукописи пометы Розанова: "Списано для Египта" (т. е. для будущих выпусков книги "Из восточных мотивов", над которой он продолжал работать до смерти).

С. 162. *Шепот, робкое дыханье...* — из одноименного стихотворения А. А. Фета (1850).

Из груди Благой Природы — Ф. Шаллер. Кратости. 1785. Изд. Ф. И. Югченца (1829).

С. 163. *Пробст* — старший пастор в лютеранской церкви.

С. 164. *"Пастырь"* — апокалиптическая книга римского христианина Ермы (конец I в.). Русский перевод в *"Памятниках христианской письменности"* (М., 1866).

С. 166. *"Стальной щетиною сверкая"* — А. С. Пушкин. Клеветникам России (1831).

"Адмиралтейская звезда" — то есть *"адмиралтейская игла"* во вступлении к *"Медному всаднику"* А. С. Пушкина.

История одной квартиры на Моховой улице. — Роман И. А. Гончарова *"Обломов"* (1859) начинается с описания квартиры Обломова в Гороховой улице.

"Щит Ахилла" — Гомер. Илиада. Песнь 18. Изготовление оружия.

С. 167. *Непобедимой силой / Привержен я к милой* — лакейская песня Смердякова в *"Братьях Карамазовых"* Ф. М. Достоевского (кн. 5, II).

...половина населения вырезана турками. — В апреле 1915 г. турецкое правительство провело массовое уничтожение армян в Западной Армении.

Пену сладких вин... — М. Ю. Лермонтов. Спор (1841).

Заметил же только Лукашку... — Речь идет о повести Л. Н. Толстого *"Казаки"* (1863).

С. 168. *"Физиологические письма"* (1845—1846) — русский перевод книги К. Фохта вышел в 1863 г. в Петербурге и затем переиздавался.

"История цивилизации в Англии" — русский перевод труда Г. Т. Бокля *"История цивилизации в Англии"* (1857—1861) печатался в *"Отечественных записках"* в 1861 г. (отд. изд. 1863—1864).

В одном письме, приехавший в Ялту Чехов... — Розанов читал *"Письма"* А. П. Чехова, изданные в шести томах сестрой писателя М. П. Чеховой в 1912—1916 гг. В томе VI (с. 66) письмо к А. С. Суворину от 10 марта 1900 г. из Ялты: *"Тяжелых больных не принимают здесь ни в гостиницы, ни на квартиры, можете себе представить, какие истории приходится наблюдать здесь"*. С участием Чехова в Ялте был создан первый общедоступный санаторий для туберкулезных больных *"Яузлар"*, а 27 мая 1900 г. Чехов был избран участковым попечителем о нуждающихся приезжих больных, о чем 31 мая сообщал *"Крымский курьер"*.

С. 170. *"...времен Очаковских и покоренья Крыма"* — А. С. Грибоедов. *Горе от ума*. II, 5.

С. 173. *Адриан... казнивший друга.* — Римский император Адриан начал свое правление в 117 г. с казней друзей-военачальников по обвинению в заговоре.

С. 174. *...переводом "Истории Шлоссера"* — *"Всемирная история"* (1844—1857) немецкого историка Ф. К. Шлоссера вышла в русском переводе под редакцией Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева в 1861—1869 гг. в 18 т.

Воспитательный дом. — Екатерина II в 1764 г. открыла в Москве, а в 1770 г. — в Петербурге (первоначально как отделение московского Воспитательного дома).

С. 175. *В сад гулять не выйдет няня...* — Я. П. Полонский. Солнце и месяц (1841).
...о "заключении завета" — Быт. 15, 18.

С. 178. ...у Мечникова я прочел знаменитую фразу... — имеются в виду
"Этюды о природе человека" (1904) И. И. Мечникова (ч. I, гл. 5).

С. 179. ...*"как Силоамская башня"* — Лк. 13, 4.

С. 181. *Фл., Волж., Кож.* — П. А. Флоренский, А. С. Глинка-Волжский,
В. А. Кожевников.

Нет сомнения, что некоторым небольшим % входят в проституцию...
— К этой записи Розанов сделал в рукописи помету: "Печатать на самостоятельном отдельном листе".

С. 182. ...о хасидах ("Энци. Слов." Эфрона) — статья С. Дубнова "Хасидизм"
в "Энциклопедическом словаре" Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. 37).

*"Тетраграмма" Феофана — Феофан. Четыре беседы по руководству книги
"Пастырь" св. Еремы. М., 1898.*

С. 183. *"самаритянка у колодца"* — Ин. 4, 18 (пять мужей).

...помазала Ему ноги мирром из алавастрового сосуда — Лк. 7, 37—38.

..."иди и впредь не греши" — Ин. 8, 11.

С. 184. *"Аще пшеничное зерно..."* — Ин. 12, 24.

С. 185. ...*"лепта вдовицы"* — Мк. 12, 41—44; Лк. 21, 1—4.

С. 186. ...*"два в плоть едину"* — Мф. 19, 5.

..."времени нет", "не будет" — Откр. 10, 6.

"Новый путь" — ежемесячный журнал, в котором постоянно печатался
Розанов, выходил с января 1903 по декабрь 1904 г. в Петербурге.

Тюреево — летом 1901 и 1902 гг. семья Розанова жила вблизи Тюреево
у Финского залива.

С. 189. ...к детям брата Коли (все вышли революционерами). — Подробнее
о детях старшего брата Розанова см. статью: Баранская Н. Розановский альбом
(Семья старшего брата) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6
и книгу: Баранская Н. Странствие бездомных. М., 1999. С. 245—270.

С. 190. *коемуждо* — каждому (церк.-слав.).

...в некрасовском "погулял с девицей". — См.: Н. А. Некрасов. Огородник ("Не
гулял с кистенем я в дремучем лесу...") (1846).

С. 192. ...*обе книги* — то есть Ветхий Завет и Новый Завет.

С. 193. ...и К..., и Ф..., и Б... — П. А. Кожевников, П. А. Флоренский,
С. Н. Булгаков. Во втором коробе "Опавших листьев" Розанов писал 16 ноября
1912 г.: "Ни Новоселов, ни Флор., ни Цвет., ни Булгаков, которые все время
думают, чувствуют и говорят о церкви, о христианстве, ничего не сказали и,
главное, не скажут и потом ничего о браке, семье, о поле".

...*"мой милый, мой нежный"*. — Первое письмо в книге П. А. Флоренского *"Столы и утверждение истины"* начинается словами: *"Мой кроткий, мой ясный!"*

С. 195. *"Ныне вы уже не ученики Мои, а друзья Мои"* — Ин. 15, 15.

С. 197. ...*обонять туки жертв* — Исх. 29, 18; Лев. 1, 9. Тук — жир.

С. 198. ...*"сочинения мои замешены на семени"* — запись в первом коробе *"Опавших листьев"* (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 161).

С. 201. ...*"как во сне фараона"* — Быт. 41, 1—4.

З. Н. — Зинаида Николаевна Гишпиус.

6-го августа — яблоки — яблочный Спас, когда производится освящение яблок и первых овощей.

С. 202. ...у Платона *"в безумии"* — Платон. Пир (Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 129 и др.).

С. 203. ...*"плодитесь, множьтесь, наполните землю"* — Быт. 9, 1.

С. 205. *"Титаник"* — пассажирский пароход, затонул 15 апреля 1912 г., столкнувшись с айсбергом во время плавания из Англии в Нью-Йорк. Одна из величайших морских катастроф XX века.

С. 206. ...*"тащить"* и *"не пущать"* — принцип проявления русской жизни в рассказе Г. Успенского *"Будка"* (1868).

"Алой и Белой розы" война (1455—1485) — междоусобная война в Англии между Ланкастерами (в гербе — алая роза) и Йорками (в гербе — белая роза).

"Столетняя" война (1337—1453) — между Англией и Францией, поводом которой послужило притязание английского короля Эдуарда III на французский престол.

С. 207. *Кречинский* — азартный игрок в трилогии А. В. Сухово-Кобылина *"Свадьба Кречинского"* (1855), *"Дело"* (1861), *"Смерть Тарелкина"* (1869).

С. 209. *"Взгляните на птиц небесных..."* — Мф. 6, 26.

С. 210. *"Взгляните на полевые лилии..."* — Мф. 6, 28.

...*Данае с быком* — розановская контаминация: в греческой мифологии Зевс проник в терем к дочери аргосского царя Данае в виде золотого дождя (картины Корреджо, Тициана, Веронезе, Рембрандта, Пуссена и др.). В виде быка Зевс явился к дочери финикийского царя Европе (живопись Рафаэля, Тициана, Тинторетто, Рембрандта, Ватто, Буше, картина В. А. Серова и др.).

С. 211. *"Брак или разврат"* — брошюра протоиерея А. Дернова вышла в Петербурге в 1901 г. Розанов писал о ней в книге *"В мире неясного и нерешенного"* (СПб., 1901).

...*"единого из малых сих"* — Мф. 18, 6.

...у Овидия о Мирре. — В греческой мифологии Мирра, дочь царя Кипра, стала от отца матерью Адониса. См.: Овидий. *Метаморфозы*. Кн. 10.

С. 212. ...как жалуется *Иезекииль* — *Иез.* 16, 17.

С. 214. "*Яко до царя всех подыдем*" — заключительная часть Херувимской песни на православной литургии. Речь идет о святых дарах (символе Царя-Бога), переносимых в алтарь для освящения их в таинственную жертву о здравии и спасении всех поминаемых.

Тюбингенская школа — направление в немецкой протестантской теологии конца XVIII—XIX в., стремившееся выявить противоречия в Новом Завете.

С. 218. "*Стрекоза*" — петербургский юмористический журнал, издававшийся в 1875—1908 гг. и преобразованный затем в "Сатирикон".

Вот вхожу все в один и тот же "Учетный"... — запись сделана на бланке Петроградского учетного и ссудного банка.

С. 219. ...*Соньке и двум Веркам* — Софье Перовской, Вере Фигнер и Вере Засулич. "*...будете как песок в пустыне*" — *Быт.* 13, 16; 32, 12.

С. 220. *Дикирии и трикирии* — архиерейские двусвечники и трисвечники.

С. 223. "*Двери! Двери!*" — возглас диакона перед пением "Символа веры". Как в первые времена христианства он велит, чтобы привратники бдительно охраняли двери храма от вторжения неверных.

"*Кто не обрезан, тому нельзя показать наших таинств*". — *Геродот. История.* Кн. 2 (Евтерпа). § 37 и др.

"*Лес*" именно "*зачарован*". — См. очерк Розанова "Зачарованный лес" (*Весы.* 1905. № 2), включенный в его книгу "Из восточных мотивов" (Пг., 1916).

С. 224. "*Федон*" — один из диалогов Платона.

С. 225. *Даже и подходить к изъяснению Египта...* — В рукописи при этой записи помета Розанова: "перепис. "Перед запертой дверью", т. е. предполагалось включить эту запись в один из будущих выпусков "Из восточных мотивов" Розанова.

С. 227. *В одном месте у Масперо...* — *Масперо Г. К.* Египет. М., 1915.

С. 228. "*Не сотвори себе кумира...*" — *Исх.* 20, 4.

...*должны быть истреблены* — *Исх.* 22, 19.

"*Русская правда*" — свод древнерусского права эпохи Киевского государства XI—XIII вв.

С. 229. *Номады* — древнегреческое название кочевников.

"*4 лица*" — *Иез.* 1, 6; 10, 14.

С. 230. ..."*был гениален*" — вероятно, речь идет о Ф. Э. Шперке (1872—1897).

И в поле каждую былинку... — А. К. Толстой. *Иоанн Дамаскин* (1859).

С. 231. *Сегодня статья о Горьком* — *Мережковский Д. С.* Несвятая Русь (Религия Горького) // *Русское слово.* 1916. 11 сентября. Перепечатана в книге Мережковского "От войны к революции: Дневник 1914—1917". Пг., 1917.

С. 235. *"Но таков, Фелица, я развратен"* — Г. Р. Державин. Фелица (1782).

С. 236. *Дам тебе я на дорогу...* — М. Ю. Лермонтов. Казачья колыбельная песня (1840).

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ.

1917 год

Печатается впервые по рукописи Государственного литературного музея (Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 48—50). Фрагменты книги напечатаны в "Российском литературоведческом журнале", 1996. № 8. Рукопись, начатая в Петрограде в канун Февральской революции, обрывается в начале ноября 1917 г. в Сергиевом Посаде, куда Розанов с семьей переехал в конце августа 1917 г.

С. 244. *О немке — нет.* — Императрица Александра Федоровна (1872—1918), дочь великого герцога гессен-дармштадтского Людовика IV.

С. 245. *Смирись, гордый человек* — из речи Ф. М. Достоевского "Пушкин", произнесенной 8 июня 1880 г.

С. 250. *Христос... сказал о лилиях полевых.* — Мф. 6, 28.

Фл. — П. А. Флоренский.

Непенина Елизавета Григорьевна — жена управляющего хозяйственной частью "Нового времени" Николая Николаевича Непенина.

С. 251. *...не знаю, что делать от безработицы.* — После Февральской революции Розанов был отстранен от работы в "Новом времени" и печатался в газете под псевдонимом Обыватель.

С. 252. *"Довлеет дневи злоба его"* — церковно-славянский текст Евангелия: "Довольно для каждого дня своей заботы" (Мф. 6, 34).

ВОЙНА 1914 ГОДА И РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Печатается по книге: *Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение.* Пг.: "Новое время", 1915. Книга вышла в свет до 13 ноября 1914 г. (Книжная летопись. 1914. № 45. 15 ноября). Когда Розанов подарил эту книгу С. Н. Булгакову, тот в письме 27 ноября 1914 г. благодарил "за самую прекрасную книжку Вашу, которую я местами читал с волнением и восхищением. Это истинно русские чувства, слова и любовь к народу и солдату, и понимание, единственное по художественной силе выражения. Пишите побольше таких статей, и помогай Вам Бог! Рекомендую для чтения своей семье и всем знакомым, как лакомство" (Письма С. Н. Булгакова В. В. Розанову // Вестник русского христианского движения. Париж, 1979. № 130. С. 170).

НА УЛИЦАХ ПЕТЕРБУРГА

Первый раздел статьи был напечатан под названием "Вступаем в великую годину" в газете "Новое время", 1914, 19 июля, № 13775. Второй раздел появился там же 20 июля под названием "Перед борьбой". Четвертый раздел под названием "Героизм войны" в той же газете 24 июля.

С. 265. ...имя "славян" от латинского слова... — Эти же мысли Розанов развивал в статье "Возле "русской идеи"..." в своей книге "Среди художников" (СПб., 1914).

С. 266. Англия объявила войну Германии. — 22 июля (4 августа) Великобритания и ее доминионы объявили войну Германии.

ВОЙНЫ КАК ВЕЛИКОЕ ВОСПИТАНИЕ

С. 266. ...*"крови и железа"* — слова из речи канцлера Германской империи О. Бисмарка (1815—1898) в прусском парламенте 28 января 1886 г.

С. 267. ...*"три года скачи — ни до какого государства не доскачешь"* — Гоголь Н. В. Ревизор, I, 1.

"Русь" — газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в Москве в 1880—1886 гг.

ЗАБЫТЫЕ И НЫНЕ ОПРАВДААННЫЕ (Поминки по славянофилам)

С. 269. *"Москвитянин"* — журнал, издававшийся в 1841—1856 гг. в Москве историком и писателем М. П. Погодиным.

С. 270. Шлейден Маттиас Якоб (1804—1881) — немецкий ботаник и общественный деятель. Речь идет о переводе С. А. Рачинским его книги "Растение и его жизнь" (М., 1862).

"Часослов" — богослужебная книга для ежедневных церковных служб.

С. 271. ...называл славянофильских писателей и ученых *"Ванькиной литературой"*. — Близкие мысли Д. И. Писарев высказывал в статье "Народные книжки" (1861).

С. 272. *Копунг* — военный вождь у скандинавских народов в средние века.

Вальденцы — лионские бедняки, приверженцы средневековой ереси (по имени основателя Пьера Вальдо), зародившейся в конце XII в. Жестоко преследовались во Франции и Италии.

30-летняя война (1618—1648) — первая общеевропейская война между католическим габсбургским блоком и коалицией протестантских государств. Закончилась Вестфальским миром.

С. 273. *"Да житие мирное и тихое..."* — слова из ектинии, части православного богослужения.

"княжить и володеть землю..." — вариация на запись "Повести временных лет" под 6370 (862) годом.

С. 274. *"Родине"* С. Н. Булгакова — статья в "Утре России" 5 августа 1914 г.
"Наше мщенье" — статья Т. Ардова в "Утре России" 14 августа 1914 г.

С. 279. *...победами 1870 года* — имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 гг., закончившаяся поражением Франции и провозглашением Германской империи.

..."плантатора" из Камеруна. — До 1916 г. Камерун в Центральной Африке был колонией Германии (с 1885 г.).

Азы — скандинавские языческие божества.

..."шествие богов в Валгаллу" — финальная сцена оперы Рихарда Вагнера "Золото Рейна" (1854).

С. 280. *Петроград* — 18 (31) августа 1914 г. Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

...как нам объяснил с кафедры... — В 1878—1879 гг. Розанов слушал лекции историка С. М. Соловьева (1820—1879) на историко-филологическом факультете Московского университета.

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЗВЕРСТВА

С. 282. *Аким* — богобоязненный мужик в драме Л. Н. Толстого "Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть" (1886).

С. 284. *...четыре духовные академии* — Петербургская (1797), Казанская (1797), Московская (Троице-Сергиев Посад, 1814) и Киевская (1701).

...к преподобному Сергию — т. е. в Троице-Сергиеву лавру, основанную в XIV в. Сергием Радонежским.

С. 286. *Беспоповцы* — одно из течений старообрядчества.

Брунгильда — дева-воительница, правительница Исландии в немецком эпосе "Песнь о Нибелунгах".

Фредегонда (VI в.) — королева франков, отличавшаяся жестокостью и коварством.

Николай Мирликийский — Николай Чудотворец, Николай Угодник (IV в.), христианский святой.

ОБРАЩЕНИЕ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
О ПОЛЬШЕ
И О ЧЕРВОННОЙ РУСИ

С. 288. *Червонная Русь* — историческое название Галиции в письменных памятниках XVI—XIX вв.

...тело Польши было растерзано на куски. — Имеются в виду три раздела Польши между Пруссией, Австрией и Россией в 1772, 1793, 1795 гг.

С. 289. *Грюнвальд* — битва 15 июля 1410 г., в которой польско-литовско-русская армия разгромила войска немецкого Тевтонского ордена.

Николай — великий князь Николай Николаевич (1856—1929), главнокомандующий русской армией в Первую мировую войну (до 23 августа 1915 г.).

Швабы — население бывшего немецкого герцогства Швабия в Юго-Западной Германии.

СУДЬБА ПОЛЬШИ
И СЛОВО ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

С. 290. *Чарторыжский* (Чарторыский) Адам Ежи (1770—1861) — польский и русский государственный и политический деятель. Его "Мемуары" изданы в Москве в 1912—1913 гг., т. 1—2.

С. 291. *...двумя восстаниями* — т. е. польскими восстаниями 1830—1831 и 1863—1864 гг.

С. 293. С. — очевидно, речь идет об учителе истории Елецкой гимназии Иване Ивановиче Славягинском

С. 298. *Петербургское Славянское общество* — создано в 1868 г. как отдел Славянского благотворительного общества, учрежденного в 1858 г. кружком московских славянофилов во главе с М. П. Погодиным. Оказывало помощь славянским народам, находившимся под турецким и австро-венгерским игом.

С. 300. *Король забавляется.* — Источник выражения — название драмы В. Гюго, послужившей сюжетом для оперы Дж. Верди "Риголетто".

НЕМЦЫ У СЕБЯ И У НАС

Первая часть статьи впервые под названием "Немцы в России" напечатана в газете "Новое время", 1914, 2 сентября, № 13820; вторая часть под названием "Немецкая душа и русская душа" — там же, 3 сентября.

ДЕПАРТАМЕНТСКИЕ НЕМЦЫ

С. 309. ...у Пришвина о лопарях и киргизах. — Речь идет о книгах М. М. Пришвина: "За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)" (1908); очерки "Черный араб (Степные эскизы)", печатавшиеся в "Русской мысли" (1910, № 11) и в первом томе Собрания сочинений Пришвина (СПб., 1912).

С. 311. *Люблю тебя, моя комета...* — приписывалось Пушкину (Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 35).

ИСПОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Возражение Н. А. Энгельгардту)

Впервые в газете "Новое время", 1914, 15 сентября, № 13833.

С. 311. *Энгельгардт* Николай Александрович (1867—1942) — писатель, публицист, критик, сотрудник "Нового времени". Его статья "Попорченная механика" опубликована в "Новом времени" 10 сентября 1914 г.

С. 313. *"Итальянские впечатления"* (1909) — книга Розанова о поездке в Италию и Германию.

К РАЗРУШЕНИЮ РЕЙМСКОГО СОБОРА

С. 314. *Реймский собор* — построен в г. Реймсе на северо-востоке Франции в 1211—1311 гг., достроен в XIV—XV вв.

С. 315. *"Жанна д'Арк"* Шиллера — имеется в виду трагедия Ф. Шиллера "Орлеанская дева" (1801).

ИЗ АРМИИ И ВОЗЛЕ АРМИИ

Раздел третий под названием "С войны" напечатан в "Новом времени", 1914, 17 сентября, № 13835; разделы четвертый и пятый под названием "На войне и около войны" — там же 25 сентября (№ 13843); раздел шестой под названием "Потерпевшие в Германии ученицы" — там же 30 сентября (№ 13848).

С. 320. *"Вестник Европы"* — журнал издавался с 1866 г. М. М. Стасюлевичем, а с 1909 г. — М. М. Ковалевским (редактор К. К. Арсеньев).

С. 323. *М. Н. С.* — Мария Николаевна Стоюнина, начальница частной женской гимназии в Царском Селе.

С. 324. *Мне пришлось жить студентом в немецкой семье.* — В первый год учения в Московском университете (1878—1879) Розанов жил в доме Сабуровой на Третьей Мещанской, где половина дома была отдана немцам, у которых и поселился Розанов.

С. 325. ...*Доротея из известной поэмы Гёте* — И. В. Гёте. Герман и Доротея (1797).

Харатейный — написанный на харатье (пергаменте, папирусе).

С. 327. *Олег Константинович* — сын великого князя Константина Константиновича. Погиб во время кавалерийской атаки (29 сентября 1914 г.).

С. 330. *Бобриков Николай Иванович* (1839—1904) — генерал-адъютант, с 1898 г. финляндский генерал-губернатор. Убит 3 июня 1904 г. Е. Шауманом, который тут же на месте застрелился.

С. 331. *"Не угашайте духа"* — 1 Фес. 5, 19.

С. 334. *Шестопсалмие* — шесть псалмов, читаемых в начале заутрени.

С. 337. *"Кто победит "Зеленого Змия"* — статья Розанова в "Новом времени", 1914, 17 августа, № 13804.

С. 339. ...*от покойного брата* — Николай Васильевич Розанов (1847—1894), в семье которого Розанов жил в гимназические годы в Симбирске и Нижнем Новгороде.

С. 340. *"Где мой возлюбленный!.."* — Песн. 6, 1.

- Август* (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император (с 27 до н. э.) — 244, 250
- Адриан* (76—138), римский император (с 117) из династии Антонинов — 173
- Азеф* Евно Фишелевич (1869—1918), один из основателей и руководителей партии эсеров, возглавлял ее Боевую организацию, с 1893 г. — секретный сотрудник полиции, в 1908 г. разоблачен В. Л. Бурцевым и скрылся за границей — 195, 204, 205
- Акиба* бен Иосиф (50—132/135), иудейский теолог и проповедник (законоучитель) — 71, 240
- Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, поэт, общественный деятель, один из идеологов славянофильства — 124, 267, 280, 298
- Аксаков* Константин Сергеевич (1817—1860), публицист, историк, лингвист, поэт, один из идеологов славянофильства — 280, 298
- Аксаковы* — 269, 270
- Александр I* (1777—1825), российский император (с 1801) — 141
- Александр II* (1818—1881), российский император (с 1855) — 141
- Александр III* (1845—1894), российский император (с 1881) — 141, 169, 293
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.), создатель крупнейшей мировой монархии древности — 109, 126, 153
- Алексей Николаевич* (1904—1918), сын императора Николая II — 244
- Альды*, итальянские издатели (1495—1597): Мануций Альд Старший, его сын Паоло, внук Альд Младший, изданные ими книги получили название “альдины” — 74
- Анастасия Алексеевна* — см. Вербицкая А. А.
- Анастасия Николаевна* (1901—1918), дочь императора Николая II — 244
- Андреев* Фаддей (Федор) Константинович (1888—1929), знакомый Розанова — 240
- Анна Ивановна* (Анна Иоанновна) (1693—1740), российская императрица (с 1730), племянница Петра I — 10
- Антоний* (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (с 1898) — 117
- Антоний* (Алексей Павлович Храповицкий) (1863, по др. данным — 1864—1936), епископ, архиепископ Волынский, архиепископ Харьковский, митрополит Киевский и Галицкий (1918), член Государственного Совета, с 1920 — в эмиграции — 84
- Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834), политический и военный деятель, пользовался большим влиянием при императоре Александре I — 142

- Ардов* Т. (наст. имя и фам. Владимир Геннадьевич Тардов) (1879 — после 1918), писатель и журналист — 47, 274, 276
- Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 102, 109, 179, 294, 298
- Аристофан* (ок. 445 — ок. 385 до н. э.), древнегреческий поэт-комедиограф — 252
- Артасеркс* (или Ардашир I Папакан) (ок. 180 — 239/241), основатель и первый царь (с 224) династии Сасанидов в Иране — 244
- Афанасьев* Николай Иванович (1864 — ?), сотрудник газеты “Новое время” — 59
- Ашенбреннер* Михаил Юльевич (1842—1926), революционер-народоволец, был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, освобожден в 1904 г. — 205
- Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт-романтик, член палаты лордов — 174
- Барановский* Н., соученик Розанова по Нижегородской гимназии — 106
- Баратынский* Евгений Абрамович (1800—1844), поэт — 270
- Барятинский* Александр Иванович (1815—1879), князь, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий войсками и наместник на Кавказе (1856—1862) — 167
- Батюшков* Константин Николаевич (1787—1855), поэт — 11
- Баудер* Василий, гимназический товарищ Розанова в Симбирске — 20, 21
- Баур* Фердинанд Кристиан (1792—1860), немецкий протестантский теолог — 312
- Беатриче* (Беатриче Портинария) (1265/1267—1290), флорентийка, идеальная возлюбленная Данте — 142
- Беда Достопочтенный* (672/673 — ок. 735), англосаксонский монах-летописец (в иносказательном смысле) — 182
- Безобразова* Мария Владимировна (1857—1914), доктор философии, общественная деятельница — 91
- Бейлис* Мендель Тевье (ок. 1874—1934), приказчик кирпичного завода в Киеве, обвиненный в ритуальном убийстве подростка Андрея Ющинского, на судебном процессе (1913) был признан невиновным, затем уехал за границу — 94, 219, 246
- Бейль* Пьер (1647—1706), французский философ и публицист, создатель “Исторического и критического словаря” (т. 1—2, 1695—1697) — 39
- Белинский* Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик, публицист, общественный деятель — 10—12, 100, 269, 271, 273, 274
- Белый* Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев) (1880—1934), философ, теоретик символизма, поэт, публицист, литературовед, писатель — 128
- Беляев* Иван Дмитриевич (1810—1873), историк, автор трудов по истории русского крестьянства, права, летописания — 100
- Берг* Федор Николаевич (1839—1909), поэт, прозаик, переводчик, журналист, редактор журнала “Нива” (1878—1887) и “Русский вестник” (1887—1895) — 75
- Бергенсон*, врач — 148
- Бергсон* Анри (1859—1941), французский философ — 50, 82, 126, 140

- Бердяев Николай Александрович** (1874—1948), философ и публицист, с 1922 г. — в эмиграции — 176
- Бетховен Людвиг ван** (1770—1827), немецкий композитор, пианист, дирижер — 15, 109, 110
- Бибиковы**, знакомые Розанова в Ельце — 30
- Бирон Эрнст Иоганн** (1690—1772), фаворит императрицы Анны Ивановны, обер-камергер императорского двора — 10
- Бисмарк Отто фон Шёнхаузен** (1815—1898), князь, первый рейхсканцлер германской империи (1871—1890) — 265, 266, 279, 292—294, 296, 297, 308, 312—314, 316
- Благосветлов Григорий Евлампиевич** (1824—1880), публицист, издатель-редактор журналов “Русское слово”, “Дело” — 26, 270
- Бобриков Николай Иванович** (1839—1904), генерал-адъютант, генерал-губернатор Финляндский (с 1898) — 330
- Бобриков**, лейб-гвардеец конного полка, героически погибший в начале Первой мировой войны — 327
- Бобринский Алексей Григорьевич** (1762—1813), граф, побочный сын Екатерины II и Григория Григорьевича Орлова — 211
- Богдан** (по мужу Апостолопуло) Евгения Ивановна (1857—1915), бессарабская помещица — 170
- Богданов-Бельский Николай Петрович** (1868—1945), живописец — 270
- Боккаччо Джованни** (1313—1375), итальянский писатель — 216, 218
- Бокль Генри Томас** (1821—1862), английский историк и социолог — 273, 315
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич** (1873—1955), политический деятель, историк, автор работ о сектантстве — 61
- Боткин Сергей Петрович** (1832—1889), терапевт, один из основателей школы русских клиницистов — 169
- Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна** (1844—1934), политическая деятельница, сначала примыкала к народникам, затем стала одним из организаторов и лидеров партии эсеров, в 1907—1917 гг. — в тюрьме и ссылке, с 1919 г. — в эмиграции — 41, 207
- Бругш Генрих Карл** (1827—1894), немецкий египтолог — 77, 138, 142
- Брюсов Валерий Яковлевич** (1873—1924), поэт и прозаик, литературовед, критик, общественный деятель — 128
- Булгаков Сергей Николаевич** (1871—1944), экономист, философ, богослов, публицист, с 1923 г. — в эмиграции — 193, 274
- Булгаков Федор Ильич** (1852—1908), журналист, историк литературы, художественный критик, редактор “Вестника иностранной литературы” (1895—1897) и “Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки” (с 1897), с 1900 г. — ответственный редактор газеты “Новое время” — 13
- Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович** (1789—1859), писатель, журналист, критик, издатель — 7
- Бурнакин Анатолий Андреевич** (ум. ок. 1932), поэт, литературный критик, журналист, после 1919 г. — в эмиграции — 9, 51, 67
- Бурцев Владимир Львович** (1862—1942), публицист, участник революционного движения, издатель, разоблачитель агентов охраны (Азефа и др.), с 1918 г. — в эмиграции — 231
- Бутягина Александра Михайловна (Шура)** (1883—1920), приемная дочь Розанова — 247

- Бутягина* (урожд. Руднева) Варвара Дмитриевна (1864—1923), вторая жена Розанова — 30, 338
- Бэкон* Фрэнсис (1561—1626), английский философ и политический деятель — 74, 174
- Бюхнер* Людвиг (1824—1899), немецкий врач, естествоиспытатель, философ — 312—314, 316
- Бялик* Хаим Нахман (1873—1934), еврейский поэт, с 1920 г. — в эмиграции — 33
- Бялковский* Марк Николаевич, журналист, редактор еженедельника “Лукоморье” (1914—1917) — 41, 42
- Вагнер* Рихард (1813—1883), немецкий композитор, дирижер, реформатор оперы — 279
- Василий Великий* (Василий Кесарийский) (ок. 330—379), церковный деятель, богослов, философ-платоник — 208
- Великанов* Василий Александрович, знакомый Розанова — 149, 150
- Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт, критик, философ — 11
- Вербицкая* (урожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна (1861—1928), писательница — 24, 27, 33
- Вергежская* — см. Тыркова А. В.
- Верещагин* Василий Андреевич (1861—1931) — историк искусства, библиофил — 78
- Веселовский* Алексей Николаевич (1843—1918), историк литературы и искусства — 7
- Вильгельм I Гогенцоллерн* (1797—1888), прусский король (с 1861) и германский император (с 1871) — 314
- Вильгельм II Гогенцоллерн* (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918), внук Вильгельма I — 264, 277, 279, 280, 285—287, 296, 304, 312, 313, 326
- Винкельман* Иоганн Иохаим (1717—1768), немецкий историк искусства — 166
- Виппер* Роберт Юрьевич (1859—1954), историк — 150
- Вирхов* Рудольф (1821—1902), немецкий патолог, процесс патологии объяснял нарушениями жизнедеятельности клеток — 312, 313
- Вишневский*, директор гимназии в Симбирске — 129
- Владимир* (Василий Никифорович Богоявленский) (1848—1918), митрополит Московский (1898—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1912—1915), митрополит Киевский (с 1915) — 83, 84
- Владимир I Святой* (ум. 1015), князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980), ввел в качестве государственной религии христианство (988—989) — 286, 289
- Владислав IV* (1595—1648), польский король (с 1632) — 301
- Воеводский*, лейб-гвардеец конного полка, героически погибший в начале Первой мировой войны — 327
- Вознесенский* Константин Васильевич, товарищ Розанова по Московскому университету — 105
- Волжский* А. С. — см. Глинка-Волжский А. С.
- Вольтер* (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ — 216—218
- Воронцов* Михаил Семенович (1782—1856), князь, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе (1844—1854) — 167

- Габрилович* Иван Григорьевич (1863 — ?), врач — 148
- Гапон* Георгий Аполлонович (1870—1906), священник, организовал “Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга”, инициатор шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., был разоблачен эсером П. М. Рутбергом как провокатор, убит — 31, 328
- Гарнак* Адольф фон (1851—1930), немецкий протестантский теолог и историк христианства — 285, 312
- Гаррис*, один из псевдонимов журналистки Марии Александровны Каллаш (урожд. Новиковой) (1885/1886—1954) — 40
- Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ — 58, 119, 266
- Гей* (наст. фам. Гейман) Богдан Вениаминович (ум. 1916), заведующий иностранным отделом газеты “Новое время” — 84, 177
- Гейне* Генрих (1797—1856), немецкий поэт и публицист — 279
- Гельмгольц* Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894), немецкий физик, биофизик, физиолог, психолог — 312, 313
- Гервинус* Георг Готфрид (1805—1871), немецкий историк — 214
- Геродот* (490/480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк — 223
- Герцен* Александр Иванович (1812—1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 141, 204—206, 269
- Герценштейн* Михаил Яковлевич (1859—1906), экономист, один из основателей партии кадетов, депутат I Государственной думы, убит черносотенцами — 97
- Гершензон* Михаил (Мейлах) Осипович (1869—1925), историк русской литературы и общественной мысли, философ, публицист, переводчик — 97
- Герье* Владимир Иванович (1837—1919), историк, один из организаторов высшего женского образования, член Государственного Совета — 69
- Гёте* Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 109, 110, 174, 266, 278, 284, 307, 312, 314, 325
- Гиллел* (Гиллель) Старший (ок. 60 до н. э. — ок. 10 н. э.), иудаистский законоучитель, председатель синедриона — 92, 93
- Гилларов-Платонов* Никита Петрович (1824—1887), публицист, философ, историк, издатель — 124
- Гинзбург* (Гинцбург) Гораций Осипович (1833—1909), банкир, предприниматель — 95
- Гиппиус* (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869—1945), писательница, литературный критик, с 1920 г. — в эмиграции — 201
- Гладков* Борис Ильич (1847 — ?), присяжный поверенный, писатель, автор книг по “Священной истории” Ветхого и Нового Заветов — 39
- Глинка* Федор Николаевич (1786—1880), поэт и публицист — 150
- Глинка-Волжский* (наст. фам. Глинка, псевд. Волжский) Александр Сергеевич (1878—1940), критик, историк литературы — 31, 150, 181
- Глубоковский* Николай Никанорович (1863—1937), богослов, историк церкви, вел многолетнюю переписку с Розановым — 240
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 25, 26, 33, 81, 110, 124, 152, 166, 168, 204—207, 215, 247, 252, 262, 267, 301

- Гольштейн*, знакомый Б. А. Суворина — 47
- Гомер*, полупоэтический древнегреческий эпический поэт — 88, 229
- Гончаров Иван Александрович* (1812—1891), писатель — 168, 169, 301
- Горбов Н.*, корреспондент Розанова — 327
- Горький Максим* (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), писатель, литературный критик, публицист, общественный деятель — 33, 231
- Гофман Эрнст Теодор Амадей* (1776—1822), немецкий писатель, композитор, художник — 11
- Грахи*, братья: Тиберий (162—133 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.), римские народные трибуны — 7
- Граматинов*, сотрудник газеты “Новое время” — 47
- Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855), историк и общественный деятель — 42, 43, 100, 269
- Грибоедов Александр Сергеевич* (1795, по др. данным — 1790—1829), писатель и дипломат — 7, 85, 110, 124, 168, 262
- Грибоедова* (урожд. Чавчавадзе) *Нина Александровна* (1812—1857), жена А. С. Грибоедова — 7
- Григорий VII Гильдебранд* (1015/1020—1085), папа римский (с 1073) — 202
- Грот Яков Карлович* (1812—1893), филолог — 74
- Грузенберг Оскар Осипович* (1866—1940), юрист и общественный деятель, с 1917 г. — в эмиграции — 97, 210, 219
- Грузинский*, товарищ Розанова по Московскому Университету — 105
- Грушенька*, вероятно, речь идет о Настасье Минкиной, любовнице А. А. Аракчеева с 1800 г., которую в 1825 г. убили дворовые из-за установленных ею суровых порядков — 142
- Гурфузский Ника* (наст. фам. Скворцов), стихотворец, сын В. М. Скворцова — 51
- Гус Иоанн (Ян)* (1371—1415), чешский религиозный реформатор — 265
- Гутенберг Иоганн* (1394—1399 (или 1406) — 1468), немецкий изобретатель книгопечатания — 74
- Гюго Виктор Мари* (1802—1885), французский писатель — 300
- Давид*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 1004 — ок. 965 до н. э.) — 96, 97
- Даль Владимир Иванович* (1801—1872), писатель, лексикограф, этнограф — 150
- Даниил*, игумен, первый русский паломник, совершивший в 1106—1107 гг. путешествие на Святую землю (в Палестину) — 309
- Даниил Романович* (1201—1264), князь Галицкий (1211—1212 и с 1238) и Волынский (с 1221), сын Романа Мстиславича — 289
- Данилевский Николай Яковлевич* (1822—1885), социолог, философ, публицист — 64, 280
- Данте Алигьери* (1265—1321), итальянский поэт — 142
- Дарвин Чарлз Роберт* (1809—1882), английский естествоиспытатель — 270
- Дарий II*, царь персидского государства из династии Ахеменидов (ок. 423—404 до н. э.) — 244
- Дарский Дмитрий Сергеевич* (1883—1957), критик и литературовед — 31
- Державин Гаврила Романович* (1743—1816), поэт — 10, 11
- Дернов Александр Александрович* (1857 — ?), протоиерей Петропав-

- ловского собора, сотрудник церковных изданий, полемизировал с Розановым — 211
- Де-Роберти* (Де-Роберти де Кастро де ла Серда) Евгений Валентинович (1843—1915), философ и социолог — 82
- Диккенс* Чарлз (1812—1870), английский писатель — 309
- Димитриев* (Дмитриев) Иван Иванович (1760—1837), поэт и политический деятель — 78, 79
- Добровольский*, секретарь редакции газеты “Новое время” — 54
- Добролюбов* Николай Александрович (1836—1861), литературный критик, публицист, постоянный сотрудник журнала “Современник” — 25, 30, 40, 141
- Домна Васильевна* (Алешинцева), воспитательница младших детей Розанова, ухаживала за его больной женой (1910—1917) — 125
- Дондукова-Корсакова* Мария Михайловна (1827/1828—1909), княжна, общественная деятельница — 91
- Доре* Гюстав (1832—1883), французский график — 52
- Дормидонтов* Алексей Мартынович, знакомый Розанова — 149, 150
- Достоевский* Федор Михайлович (1821—1881), писатель и мыслитель — 36, 40, 77, 96, 104—107, 132, 247
- Дрейфус* Альфред (1859—1935), офицер французского генерального штаба, родом из эльзасской еврейской семьи, был обвинен в шпионаже в пользу Германии (1894), затем реабилитирован (1906) — 94, 169, 219
- Дроздов* Николай Георгиевич, сотрудник церковной газеты “Колокол”, полемизировал с Розановым — 118, 161
- Дружинин* Александр Васильевич (1824—1864), писатель и литературный критик — 43
- Дрэпер* Джон Уильям (1811—1882), американский естествоиспытатель и историк — 315
- Дубинская* Лиза, гимназическая подруга Розановой Тани — 189
- Евдокимов* Николай Иванович (1804—1870), граф, генерал-адъютант, был сподвижником А. И. Барятинского в операциях на Кавказе — 167
- Егоров* Ефим Александрович (1861 — ?), участник Религиозно-философских собраний, секретарь журнала “Новый путь”, заведующий иностранным отделом газеты “Новое время” (после смерти Гея) — 13, 186—188
- Екатерина II Великая* (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 103, 141, 166, 174, 211, 244
- Ерма* (Герма) (кон. I — нач. II в.), раннехристианский проповедник, автор сочинения “Пастырь” — 164
- Ермак Тимофеевич* (1532/1542—1585), казачий атаман, положил начало освоению Сибири — 168
- Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861), генерал, командующий Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющий в Грузии в Кавказскую войну (1816—1827) — 167
- Желябов* Андрей Иванович (1851—1881), революционный народник, организатор покушений на Александра II, казнен — 130, 131, 135, 219
- Жихарев* Альберт Гаврилович (1865 — ?), врач — 148

- Жуковский* Василий Андреевич (1783—1852), поэт, переводчик, критик — 11, 43, 78
- Забелин* Иван Егорович (1820—1908/1909), историк, археолог — 100
- Зак* Борис Аркадьевич, музыкант — 242
- Засулич* Вера Ивановна (1849—1919), участница революционного движения, народница (с 1868), марксистка (с 1883) — 130, 131, 219
- Иван I Калита* (ум. в 1340), князь Московский (с 1325), великий князь Владимирский (с 1328) — 289
- Иван IV Грозный* (1530—1584), первый русский царь (с 1547) — 83, 247
- Иисус Христос* — 22, 27, 53, 58, 64, 73, 83, 84, 95, 105, 109, 110, 125, 146, 150, 165, 181, 183, 185, 190—193, 208, 210, 215, 216, 218—220, 231, 233, 249, 250, 281, 283, 308, 333, 335
- Иловайский* Дмитрий Иванович (1832—1920), историк, публицист — 286
- Иннокентий III* (Джованни Лотарио, граф де Сенья) (1160/1161—1216), папа римский (с 1198) — 90, 153
- Иоанн Златоуст* (344/354—407), византийский церковный деятель, епископ Константинопольский (398—404), богослов, проповедник — 128, 208
- Иголевиц* Борис, товарищ Розанова Васи — 189
- Иринеи* (ок. 130 — ок. 200), раннехристианский писатель — 65
- Кавелин* Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, правовед, философ, публицист, издатель, общественный деятель — 43, 100
- Кальвин* Жан (1509—1564), религиозный реформатор в Швейцарии — 283
- Кант* Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 116, 174, 279, 294
- Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель — 25, 43, 78, 154, 204
- Кареев* Николай Иванович (1850—1931), историк и социолог — 42, 43
- Карл Великий* (742—814), франкский король (с 768), император (с 800) из династии Каролингов — 244
- Кассо* Лев Аристидович (1865—1914), министр народного просвещения (1911—1914) — 259
- Катилина* (ок. 108—62 до н. э.), римский политический деятель (пре-тор), пытался захватить власть, организовав заговор, который был раскрыт Цицероном — 250
- Катков* Михаил Никифорович (1818, по др. данным 1817—1887), публицист, филолог, издатель, общественный деятель — 95, 106, 124
- Каткова* (урожд. Шаликова) Софья Петровна, жена М. Н. Каткова — 106
- Катковы*, братья, лейб-гвардейцы конного полка, героически погибшие в начале Первой мировой войны — 327
- Каутский* Карл (1854—1938), один из лидеров и теоретиков германской и международной социал-демократии — 127
- Кауфман*, лейб-гвардеец конного полка, героически погибший в начале Первой мировой войны — 327
- Керенский* Александр Федорович (1881—1970), юрист, депутат IV Государственной думы, лидер трудовиков, с 1917 г. — эсер, министр, с июля 1917 г. — глава Временного правительства, с 1918 г. — в эмиграции — 41
- Кибальчич* Николай Иванович (1853—1881), революционный на-

- родник и изобретатель, после убийства Александра II повешен — 130
- Кильдшисев*, князь, лейб-гвардеец конного полка, героически погибший в начале Первой мировой войны — 327
- Кир II Великий* (ум. в 530 до н. э.), царь государства Ахеменидов — 244
- Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856), философ, литературный критик, публицист, общественный деятель, один из идеологов славянофильства — 43, 280, 298
- Киреевские* — 269, 270
- Клемансо* Жорж (1841—1929), французский политический деятель, премьер-министр (1906—1909, 1917—1920), неоднократно министр — 76
- Ключевский* Василий Осипович (1841—1911), историк — 291
- Ковалевская* Софья Васильевна (1850—1891), математик, член-корреспондент Петербургской АН — 41, 57
- Ковалевский* Максим Максимович (1851—1916), историк, правовед, социолог, член Государственного Совета — 33
- Ковнер* Аркадий (Альберт) Григорьевич (1842—1909), публицист, писатель, вел переписку с Достоевским и Розановым — 93
- Коган* Петр Семенович (1872—1932), историк литературы, критик, переводчик — 43
- Кожевников* Владимир Александрович (1852—1917), философ, историк культуры, публицист — 181, 193
- Козлов* Иван Иванович (1779—1840), поэт и переводчик — 11
- Коликова* А., корреспондентка Розанова — 36
- Коллатин* Тарквиний Луций (VI в. до н. э.), древнеримский патриций, муж Лукреции, обещанной сыном царя Тарквиния Гордого — 96
- Колумб* Христофор (1451—1506), испанский мореплаватель, родом из Генуи, открыл Западное полушарие (Америку) — 110
- Кольцов* Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 83
- Кондаков* Никодим Павлович (1844—1925), историк византийского и древнерусского искусства — 84
- Коносевич*, автор рассказов об Индии — 217
- Конт* Огюст (1798—1857), французский философ и социолог — 273
- Кордэ* (Корде) Шарлотта (1768—1793), французская дворянка, убившая Марата, казнена — 131
- Корнелия* (II в. до н. э.), дочь полководца Сципиона Африканского, мать реформаторов братьев Гракхов; мужественно перенесла их смерть, отказалась от руки египетского царя Птолемея VIII — 7, 8
- Короленко* Владимир Галактионович (1853—1921), писатель, публицист, редактор-издатель журнала “Русское богатство”, общественный деятель — 124
- Краевский* Андрей Александрович (1810—1889), издатель и журналист — 26, 270, 271
- Крапоткин* (Кропоткин) Петр Алексеевич (1842—1921), князь, революционер, теоретик анархизма, философ, ученый, публицист — 195, 204, 205, 207, 231
- Красс* (ок. 115—53 до н. э.), римский полководец, подавил восстание Спартака (71 до н. э.) — 166
- Кривошеина* (урожд. Карпова) Елена Геннадьевна (1870—1942), племянница С. Т. Морозова, жена главноуправляющего земледелием и землеустройством (1908—1915) Александра Васильевича Кривошеина — 234

- Кропотов*, гимназический товарищ Розанова в Симбирске — 20
- Крупп*, немецкий промышленник, владелец сталелитейных заводов в Эссене (Вестфалия) — 279
- Кугель* Александр (Авраам) Рафаилович (1864—1928), театральный критик, журналист, издатель журнала “Театр и искусство” (1896—1918) — 115
- Кугель* Иона Рафаилович (1873 — ?), журналист, редактор-издатель газеты “День” (1913—1917) — 97
- Кудрявцев* Константин Иванович, товарищ Розанова по Нижегородской гимназии, автор писем к нему — 134
- Купер* Джеймс Фенимор (1789—1851), американский писатель — 11
- Куприн* Александр Иванович (1870—1938), писатель, в 1919—1937 гг. — в эмиграции — 91, 92, 155
- Курченишвы*, братья, лейб-гвардейцы конного полка, героически погибшие в начале Первой мировой войны — 327
- Кусков* Платон Александрович (1834—1909), поэт, литературный критик, переводчик — 149
- Лаплас* Пьер Симон (1749—1827), французский астроном, математик, физик — 240
- Лаппо-Данилевская* (урожд. Люткевич) Надежда Александровна (1874—1951), писательница — 24
- Лассаль* Фердинанд (1825—1864), немецкий деятель рабочего движения, социалист, публицист — 95, 131, 242, 314
- Лактин* Степан, соученик Розанова в Симбирской гимназии — 20
- Левитан* Исаак Ильич (1860—1900), живописец — 97
- Леонтьев* Константин Николаевич (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик — 54, 280
- Ленциус* Рихард (1810—1884), немецкий египтолог — 138, 221
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт и прозаик — 83, 166, 167, 301, 311
- Лернер* Николай Осипович (1877—1934), литературовед-пушкинист — 242
- Либкнехт* Карл (1871—1919), немецкий политический деятель, принадлежал к леворадикальному крылу социал-демократии, будучи депутатом рейхстага (1912—1916), голосовал против военных кредитов, убит контрреволюционерами — 231
- Ливий* Тит (59 до н. э. — 17 н. э.), римский историк — 96
- Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк, общественный деятель — 64, 100
- Лопатин* Герман Александрович (1845—1918), революционный народник, в 1887 г. приговорен к вечной каторге, в 1905 г. освобожден из Шлиссельбургской крепости — 204
- Лосский* Николай Онуфриевич (1870—1965), философ, умер в эмиграции — 82
- Лурье*, знакомая Е. А. Егорова — 187, 188
- Лутохин* Далмат Александрович (1885—1942), экономист, журналист — 156
- Лушковская*, сестра милосердия на войне — 83
- Льюис* Джордж Генри (1817—1878), английский писатель, философ, физиолог, критик — 82
- Любавский* Матвей Кузьмич (1860—1936), историк — 105, 150

- Людовик XI* (1423—1483), французский король (с 1461) из династии Валуа — 65
- Люксембург Роза* (1871—1919), один из руководителей леворадикального течения польской, германской и международной социал-демократии, убита вместе с К. Либкнехтом контрреволюционерами — 231
- Лютер Мартин* (1483—1546), немецкий религиозный реформатор — 202, 272, 283, 284, 286, 288
- Магомет* (Мухаммед) (ок. 570—632), основатель ислама, в котором почитается как пророк — 113
- Майков Аполлон Николаевич* (1821—1897), поэт — 118, 150
- Маковский Константин Егорович* (1839—1915), живописец — 12
- Максимов Сергей Васильевич* (1831—1901), писатель и этнограф — 100
- Мануйлов Александр Аполлонович* (1861—1929), член ЦК партии кадетов, в 1917 г. — министр просвещения Временного правительства — 242
- Марат Жан Поль* (1743—1793), один из вождей якобинцев, убит Ш. Корде — 206
- Мария Григорьевна*, бонна в семье Розановых — 101
- Марков Алексей Константинович* (1858—1920), археолог и нумизмат, работал в отделе нумизматики Эрмитажа — 250
- Маркс Карл* (1818—1883), немецкий мыслитель, основатель коммунистической теории, названной его именем — 24, 27, 95, 219, 242, 314
- Масперо Гастон Камиль Шарль* (1846—1916), французский египтолог — 138, 194, 227
- Меланхтон Филипп* (1497—1560), немецкий протестантский теолог и педагог, сподвижник М. Лютера — 202, 286
- Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865—1941), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 59, 75, 231
- Мержевский* (Мержеевский) *Иван Павлович* (1838—1908), психиатр, профессор Военно-медицинской академии в Петербурге — 225
- Метерлинк Морис* (1862—1949), бельгийский драматург и поэт — 47
- Мечников Илья Ильич* (1845—1916), биолог и патолог — 178
- Микель Анджело* (Микеланджело) *Буонарроти* (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 107
- Милль Джон Стюарт* (1806—1873), английский философ, экономист, общественный деятель — 74, 82, 226
- Милуков Павел Николаевич* (1859—1943), историк, публицист, теоретик и лидер партии кадетов, в 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства, после 1917 г. — в эмиграции — 8, 41
- Минин Кузьма Минич* (ум. в 1616), один из организаторов освободительной борьбы против польской интервенции — 259
- Миних Бурхард Кристоф* (1683—1767), военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал — 119
- Миртов*, псевдоним Петра Лавровича Лаврова (1823—1900), философа, социолога, публициста, идеолога народничества — 42
- Михаил Федорович* (1596—1645), царь (с 1613), первый царь из династии Романовых — 272
- Михайловский Николай Константинович* (1842—1904), социолог, публицист, литературный критик, идеолог народничества — 75, 76, 124

- Моисей Хоренский* (370/407—487/492), армянский церковный деятель, историк, переводчик, религиозный писатель — 167
- Молешотт* Якоб (1822—1893), немецкий физиолог и философ — 312—314, 316
- Мольер* (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен) (1622—1673), французский комедиограф, актер, театральный деятель, реформатор сценического искусства — 252
- Моммзен* Теодор (1817—1903), немецкий историк — 166, 313
- Морозовы*, фабриканты, владельцы текстильных предприятий — 291
- Мясоедов* С., сотрудник охраны, в 1916 г. был обвинен в шпионаже в пользу Германии — 41, 95, 207
- Нагродская* (урожд. Головачева) Евдокия Аполлоновна (1866—1930), писательница, дочь писательницы и мемуаристки А. Я. Панаевой-Головачевой — 24
- Наживин* Иван Федорович (1874—1940), крестьянский писатель, автор книги о Л. Н. Толстом — 47
- Напалкова*, знакомая Розанова, выражавшая сомнение в святости Библии — 211
- Наполеон I Бонапарт* (1769—1821), французский император (1804—1814, март—июнь 1815) — 99, 118, 126, 197, 244, 263, 292, 295
- Наполеон III* (Луи Наполеон Бонапарт) (1808—1873), французский император (1852—1870) — 279
- Наташа* (Вальман Наталья Аркадьевна), курсистка, подруга А. М. Бутягиной — 125
- Некрасов* Николай Алексеевич (1821—1877/1878), поэт, прозаик, издатель — 10, 11, 90, 270, 271
- Нелькен* (Нелькин) Маврикий, банкир — 76
- Непенин*, управляющий хозяйственной частью газеты “Новое время” — 248
- Непенина*, жена Непенина, знакомая Розанова — 250
- Нерон* (37—68), римский император (с 54) из династии Юлиев-Клавдиев — 234
- Нестеров* Михаил Васильевич (1862—1942), живописец — 176
- Никитенко* Александр Васильевич (1804—1877), литературный критик, историк литературы, цензор — 42
- Никитин* Иван Саввич (1824—1861), поэт — 252
- Николай* Валентин Алексеевич, публицист, сотрудник газеты “Новое время” — 59
- Николай I* (1796—1855), российский император (с 1825) — 81, 116, 141, 241, 243, 300
- Николай II* (1868—1918), российский император (1894—1917) — 206, 243, 250, 289
- Николай Мирликийский* (Николай Чудотворец), считается епископом города Миры в Ликии, святым, творящим чудеса; согласно житиям святых, годы его жизни — 260—343, лицо — в значительной степени мифическое — 286
- Николай Николаевич* (1856—1929), великий князь, внук императора Николая I, в Первую мировую войну — верховный главнокомандующий (1914—1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915—1917), с 1919 г. — в эмиграции — 289, 290
- Ницше* Фридрих (1844—1900), немецкий философ — 50

- Новоселов* Михаил Александрович (1864—1938), религиозный мыслитель, публицист, издатель; расстрелян — 176, 184, 193, 210
- Носарь* Георгий Степанович (1877—1918), адвокат, председатель Петербургского совета рабочих депутатов (октябрь—ноябрь 1905 г.), осужден, бежал из ссылки за границу, после революции расстрелян как начальник гайдамацкой полиции — 32
- Ньютон* Исаак (1643—1727), английский математик, механик, астроном, физик — 28, 64, 229
- Овидий* (Публий Овидий Назон) (43 до н. э. — ок. 18 н. э.), римский поэт — 211
- Одоевский* Владимир Федорович (1803/1804—1869), князь, писатель, философ, литературный и музыкальный критик — 11, 43, 150, 309
- Олег Константинович* (1892—1914), сын великого князя Константина Константиновича, поэта (псевд. К. Р.), погиб в начале Первой мировой войны (29 сентября) — 327
- Ольга Николаевна* (1895—1918), дочь императора Николая II — 244
- Оль д'Ор*, псевдоним писателя и журналиста Осипа Львовича Оршера (1878/1879—1942) — 97
- Ориген* (ок. 185—253/254), христианский теолог, философ, филолог — 211
- Островский* Александр Николаевич (1823—1886), драматург — 301
- Павел I* (1754—1801), российский император (с 1796) — 247
- Паскаль* Блез (1623—1662), французский ученый, философ и писатель — 64
- Переферкович* Наум Абрамович (1871—1940), филолог, переводчик, комментатор Талмуда, с 1919 г. — в эмиграции — 13, 210
- Перовская* Софья Львовна (1853—1881), революционная народница, участвовала в организации покушений на Александра II, казнена — 135, 219
- Перцов* Петр Петрович (1868—1947), критик, публицист, искусствовед, поэт, мемуарист — 166, 192
- Петерсон* Николай Павлович (1844—1919), публицист, пропагандист идей философа Н. Ф. Федорова — 334
- Петр I Великий* (1672—1725), российский царь (с 1682, правил с 1689), первый российский император (с 1721) — 100, 166, 244, 280, 295, 296, 299, 338
- Петров* Григорий Спиридонович (1866/1868—1925), священник, публицист, проповедник, депутат II Государственной думы, в 1908 г. за критику православного духовенства был лишен сана, после 1920 г. — в эмиграции — 156, 205
- Петрункевич* Иван Ильич (1844—1928), земский деятель, один из основателей партии кадетов, депутат I Государственной думы, с 1919 г. — в эмиграции — 250
- Пешехонов* Алексей Васильевич (1867—1933), экономист, публицист, член редакции журнала "Русское богатство", министр продовольствия Временного правительства, с 1922 г. — в эмиграции, консультант советского торгпредства в Прибалтике (с 1927) — 33, 41
- Писарев* Дмитрий Иванович (1840—1868), публицист, литературный критик, общественный деятель,

- ведущий сотрудник журнала “Русское слово” — 23, 168, 270, 271
- Писемский* Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель — 301
- Пифагор* (VI в. до н. э.), древнегреческий философ, религиозный реформатор, математик — 64
- Платон* (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 202, 213
- Плеханов* Георгий Валентинович (1856—1918), деятель российской и международной социал-демократии, философ, публицист — 27, 204, 205, 207
- Плющик-Плющевский* Яков Алексеевич, чиновник министерства внутренних дел — 118
- Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907), правовед, обер-прокурор Синода (1880—1905) — 149
- Погодин* Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, издатель — 269, 270
- Подолинский* Андрей Иванович (1806—1886), поэт, мемуарист — 11
- Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, один из руководителей освободительной борьбы против польской интервенции — 259
- Полонский* Яков Петрович (1819—1898), поэт — 175
- Помпей* Гней (106—48 до н. э.), римский полководец — 166
- Понятовский* Станислав Август (1732—1798), последний польский король (1764—1795) — 290, 291
- Пракситель* (ок. 390 — ок. 330 до н. э.), древнегреческий скульптор — 224
- Пришвин* Михаил Михайлович (1873—1954), писатель — 309
- Прокопа*, сотрудник газеты “Новое время” — 251
- Прохов* Адриан Викторович, знакомый Розанова — 151
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799—1837), поэт и прозаик — 11, 36, 37, 43, 83, 166, 168, 199, 215, 299
- Пытин* Александр Николаевич (1833—1904), литературовед — 43, 271
- Радищев* Александр Николаевич (1749—1802), писатель и философ — 124
- Райвид* Вольф Берович, врач — 148
- Рамзес* (Рамсес) II, египетский фараон (в 1290—1224 до н. э.) — 142, 229, 244
- Ранненкампф* (Ренненкампф) Константин Карлович (1826—1897), статс-секретарь, сенатор, главноуправляющий императорской канцелярией (1889—1896) — 169
- Распутин* (наст. фам. Новых) Григорий Ефимович (1864/1865, по др. данным — 1872—1916), крестьянин Тобольской губернии, считался целителем и прорицателем, пользовался большим доверием у Александры Федоровны и Николая II из-за болезни наследника, убит монархистами — 56, 85, 125
- Рафаэль Санти* (1483—1520), итальянский живописец и архитектор — 15, 225, 236
- Рачинский* Сергей Александрович (1833—1902), деятель народного просвещения, до 1867 г. — профессор ботаники Московского университета — 40, 270
- Ренников* (наст. фам. Селитренников) Андрей Митрофанович (1882—1957), фельетонист, сотрудник газеты “Новое время” — 41, 42, 242
- Родичев* Федор Измайлович (1853—1932), земский деятель, юрист, один из лидеров партии кадетов, с 1919 г. — в эмиграции — 41, 250

- Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — 14, 18, 19, 27, 31, 35, 36, 39, 40, 42, 47, 50, 60, 66, 68, 78—80, 85, 88, 106, 108, 111, 114, 119, 126, 146, 148, 149, 160, 194, 196, 197, 199, 234, 245, 247, 274, 275, 310, 317, 326, 328, 329, 331—333, 337
- Розанов Василий Васильевич (Вася)* (1899—1918), сын писателя — 154, 189, 251
- Розанов Николай Васильевич* (1847—1894), брат писателя — 21, 30, 189
- Розанова Варвара Васильевна (Варя)* (1898—1943), дочь писателя — 120
- Розанова Вера Васильевна (Вера)* (1896—1920), дочь писателя — 148, 165, 189
- Розанова Надя* (1892—1893), дочь писателя — 149
- Розанова Надежда Васильевна (Надя)* (1900—1956), дочь писателя — 36, 189, 251
- Розанова Татьяна Васильевна (Таня)* (1895—1975), дочь писателя — 36, 189, 252
- Роман Мстиславич* (ум. в 1205), князь Новгородский (1168—1169), Владимиро-Волынский (с 1170), Галицкий (с 1199) — 289
- Ромер Владимир Эмильевич* (1840—1907), политический деятель — 233
- Ротшильд*, глава банкирского дома — 97, 219
- Руне* (Рупе), знакомые Розанова по Симбирску — 20
- Русанов Николай Сергеевич* (1859—1939), журналист, публицист, умер в эмиграции — 103
- Рцы*, псевдоним Ивана Федоровича Романова (1861—1913), писателя, публициста, друга Розанова — 54, 105, 149, 150
- Рысаков Николай Иванович* (1861—1881), народоволец, после покушения на Александра II казнен — 130
- Рюрик* (ум. ок. 879), по летописному преданию, предводитель варяжского военного отряда, обосновавшегося в Новгороде — 242, 273
- Салтыков-Щедрин* (наст. фам. Салтыков, псевд. Н. Щедрин) Михаил Евграфович (1826—1889), писатель-сатирик, публицист, редактор-издатель журнала “Отечественные записки” — 26, 30, 152, 271
- Саяшен*, корреспондент Розанова на Кавказе — 44
- Седельников Тимофей Иванович* (1876—1930?), землемер, журналист, депутат I Государственной думы, после 1917 г. — на административной работе — 175
- Серафим Саровский* (Прохор Сидорович (Исидорович) Мошнин) (1759/1760—1833), православный подвижник — 174, 210, 284
- Сергий Радонежский* (Варфоломей Кириллович) (1314/1321—1392), православный подвижник, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря — 284
- Сети II*, египетский фараон из XIX династии (ок. 1210 — ок. 1205 до н. э.) — 142
- Синеус*, брат Рюрика, правивший, согласно преданию, в Белоозере — 242, 273
- Скабичевский Александр Михайлович* (1838—1910), литературовед, историк литературы, критик — 270
- Скальковский Константин Аполлонович* (1843—1906), административный деятель, писатель, публицист, горный инженер — 103
- Скворцов Василий Михайлович* (1859—1932), чиновник синода, публицист, редактор-издатель ряда церковных изданий — 51
- Скотт Вальтер* (1771—1832), английский писатель — 11

- Славянинский* Иван Иванович, учитель в Ельце — 293
- Сократ* (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ — 109, 224, 229
- Соллертинский* Сергей Александрович (1846—1920), протоиерей, богослов, профессор Петербургской духовной академии — 119
- Соловьев* Александр Константинович (1846—1879), народник, покушавшийся на Александра II, казнен — 130
- Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, поэт, публицист — 95, 128, 131, 192, 204
- Соловьев* Сергей Михайлович (1820—1879), историк — 43, 100, 130, 280
- Соломон*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — ок. 926 до н. э.) — 96, 137, 182, 210
- Сопоцько* Михаил Аркадьевич, публицист — 18
- Спенсер* Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 219, 273
- Стасова* Надежда Васильевна (1822—1895), деятельница народного образования, участвовала в организации воскресных школ, Высших женских курсов — 91
- Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист, общественный деятель, редактор-издатель журнала “Вестник Европы” — 271
- Стоппнер* Борис Григорьевич (1871—1967), философ и переводчик — 59
- Стоюнина* (урожд. Тихменева) Мария Николаевна (1846—1940), директриса основанной ею частной гимназии — 323
- Страхов* Николай Николаевич (1828—1896), философ, публицист, литературный критик — 43, 54, 59, 280
- Струве* Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, философ, историк, публицист, общественно-политический деятель, после 1920 г. — в эмиграции — 119, 141
- Стукачева* Варя, курсистка, автор письма к Розанову — 59
- Субботин* Сергей Тимофеевич, приходской священник в Зарайске — 334, 335
- Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист и издатель, с 1876 г. выпускал газету “Новое время”, в которой с 1899 г. сотрудничал Розанов — 43, 44, 47, 53, 105, 156, 169
- Суворин* Борис Алексеевич (1879—1940), сын А. С. Суворина, владелец и издатель газеты “Вечернее время” (до 1917 г.) — 47
- Суворин* Михаил Алексеевич (1860—1936), сын А. С. Суворина, редактор-издатель журнала “Лукоморье” — 42
- Суворов* Александр Васильевич (1730—1800), полководец, генералиссимус (1799) — 77, 78, 119, 145, 299
- Суслов* Владимир Васильевич (1858—1921), архитектор, автор трудов по древнерусскому зодчеству — 12, 28
- Сухомлинов* Владимир Александрович (1848—1926), военный министр (1909—1915), в 1916 г. арестован и в 1917-м приговорен к пожизненному заключению из-за неподготовленности армии к войне, в 1918 г. освобожден по возрасту, эмигрировал — 41, 207
- Сю* Эжен (наст. имя Мари Жозеф) (1804—1857), французский писатель — 61
- Тамерлан* (Тимур) (1336—1405), среднеазиатский эмир (с 1370), полководец — 145

- Тарквиний Гордый*, согласно преданию, последний древнеримский царь (534/533—510/509 до н. э.) — 45
- Тартаковер* Маруся, подруга Розановой Веры — 189
- Татьяна Николаевна* (1897—1918), дочь императора Николая II — 244
- Тацит* (ок. 58 — ок. 117), римский историк — 141
- Тернавцев* Валентин Александрович (1866—1940), богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, религиозный писатель — 186
- Тигранов* Фаддей Яковлевич, литературный критик и музыковед — 33, 54, 111, 120, 121, 133, 134, 137
- Тимирязев* Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель, исследовал физиологию растений — 64
- Толстой* Лев Николаевич (1828—1910), писатель и мыслитель — 24, 47, 54, 96, 131, 133, 134, 166—168, 204, 205, 215, 216, 300, 301, 312
- Трейхмюллер* (Тейхмюллер) Густав (1832—1888), немецкий философ — 50, 140
- Тригони* Михаил Николаевич (1850—1917), народоволец, вел пропаганду среди офицеров, приговорен к двадцати годам каторги, в 1902 г. освобожден — 130, 131
- Трувор*, брат Рюрика, правивший, согласно преданию, в Изборске — 242, 273
- Тузов* И. Л., книготорговец, владелец книжного магазина — 39
- Туган-Барановская*, тяжелобольная, лечившаяся в Германии, подверглась там издевательствам, когда началась война — 277
- Тураев* Борис Александрович (1868—1920), востоковед — 249
- Тургенев* Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 168, 301, 303
- Тутмес* (Тутмос I), египетский фараон (в 1514—1501 до н. э.) — 244
- Тыркова* (в замужестве Вильямс) Ариадна Владимировна (1869—1962), писательница, публицистка (псевд. А. Вергежский), член ЦК партии кадетов, после 1919 г. — в эмиграции — 231
- Тэн* Ипполит (1828—1893), французский философ, социолог искусства, историк — 31
- Тютчев* Федор Иванович (1803—1873), поэт, публицист, дипломат — 31, 83, 280, 309
- Устьинский* Александр Петрович (1854/1855—1922), протоиерей из Новгорода, друг Розанова и его многолетний корреспондент — 218
- Утин* Исаак Осипович (1812—1876), купец 1-й гильдии, банкир — 95
- Федоров* Николай Федорович (1828—1903), мыслитель-утопист — 334
- Фейербах* Людвиг (1804—1872), немецкий философ — 316
- Феофан*, епископ, религиозный писатель, автор книги о сочинении Ермы “Пастырь” (1898) — 182
- Фет* (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892), поэт — 46
- Фигнер* Вера Николаевна (1852—1942), революционная народница, писательница — 41, 130, 207, 219
- Филарет* (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), церковный деятель, митрополит Московский (с 1826), богослов, религиозный философ, историк, проповедник — 93, 194, 241
- Филиппов* Третий Иванович (1825—1899), директор Государственного контроля, публицист, общественный деятель, знаток церкви — 75

- Философов** Дмитрий Владимирович (1872—1940), критик, публицист — 75, 219
- Фихте** Иоганн Готлиб (1762—1814), немецкий философ и общественный деятель — 266
- Флоренский** Павел Александрович (1882—1937), православный священник, философ, ученый, инженер, репрессирован — 105, 107, 150, 181, 193, 250
- Фон-Визин** (Фонвизин) Денис Иванович (1744/1745—1792), писатель и социально-политический мыслитель — 124, 132
- Фохт** Карл (1817—1895), немецкий философ и естествоиспытатель — 168, 312, 316
- Франциск Ассизский** (наст. имя и фам. Джованни Бернардоне) (1181/1182—1226), итальянский проповедник, религиозный поэт — 74, 90
- Фридрих II Великий** (1712—1786), прусский король (с 1740) из династии Гогенцоллернов, полководец — 244
- Ховский**, посетитель редакции “Новое время” из провинции — 51
- Хомяков** Алексей Степанович (1804—1860), философ, писатель, поэт, публицист, один из идеологов славянофильства — 269, 270, 280, 298
- Хохлова** (в замужестве Баранова) Лидия Доментьевна (1900—1991), подруга Розановой Надежды — 189
- Хрисанф** (Владимир Николаевич Ретивцев) (1832—1883), религиозный писатель, историк религии — 192
- Храповицкий** — см. Антоний
- Цветков** Сергей Алексеевич (1888—1964), историк литературы, друг и библиограф Розанова — 149, 150
- Цвингли** Ульрих (1484—1531), деятель Реформации в Швейцарии — 283
- Цезарь** Гай Юлий (102/100—44 до н. э.), римский диктатор, полководец, писатель — 109, 153, 244
- Цеппелин** Фердинанд (1838—1917), немецкий конструктор дирижаблей — 279
- Циципинат** Луций Квинкций (V в. до н. э.), римский политический деятель, считался образцом скромности и верности долгу — 151
- Цицерон** Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель — 210
- Чаадаев** Петр Яковлевич (1794—1856), мыслитель и публицист — 124, 132
- Чайковский** Петр Ильич (1840—1893), композитор — 25
- Чарторыжский** (Чарторыский) Адам Ежи (Адам Адамович) (1770—1861), польский и русский политический деятель, в 1831 г. лишен княжеского титула и дворянства за участие в восстании — 290
- Чернышевский** Николай Гаврилович (1828—1889), писатель, публицист, критик, философ, общественный деятель — 25, 30, 40, 42, 129, 141, 168, 270, 273, 315
- Чехов** Антон Павлович (1860—1904), писатель — 53, 124, 168—170
- Шагинян** Маризтта Сергеевна (1888—1982), писательница, критик — 46
- Шамай Старший**, иудаистский законоучитель (50—20 до н. э.) — 92, 93
- Шампольон** Жан Франсуа (1790—1832), французский египтолог — 221

- Шарапов* Сергей Федорович (1855—1911), экономист, публицист, издатель — 59
- Шацман* Лейзар, корреспондент Розанова — 243
- Шварц* Бертольд (ок. 1310—1384), немецкий монах, который считается изобретателем пороха — 10
- Шейн* Павел Васильевич (1826—1900), фольклорист, этнограф — 97
- Шекспир* Уильям (1564—1616), английский драматург и поэт — 110, 294
- Шелгунов* Николай Васильевич (1824—1891), публицист, литературный критик, общественный деятель — 270
- Шеллинг* Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), немецкий философ — 266, 312
- Шиллер* Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 266, 278, 294, 315, 325
- Шлейден* Маттиас Якоб (1804—1881), немецкий ботаник — 270
- Шлоссер* Фридрих Кристоф (1776—1861), немецкий историк — 42, 174
- Шнеерзон* (Шнеерсон), один из создателей хасидизма — 246
- Шопенгауэр* Артур (1788—1860), немецкий философ — 50
- Шперк* Федор Эдуардович (1872, по др. данным, 1870—1897), философ, поэт, критик, друг Розанова — 54
- Шпильгаген* Фридрих (1829—1911), немецкий писатель — 242
- Штирнер* Макс (наст. имя и фам. Каспар Шмидт) (1806—1856), немецкий философ, обосновывал идеи эгоцентризма — 316
- Штраус* Давид Фридрих (1808—1874), немецкий теолог и философ — 312
- Шувалов*, лейб-гвардеец конного полка, героически погибший в начале Первой мировой войны — 327
- Щеглов* (наст. имя и фам. Иван Леонтьевич Леонтьев) (1856—1911), писатель — 169
- Щедрин* — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Щербов* Иван Павлович (1873—1925), преподаватель Петербургской духовной семинарии — 193, 210
- Эврипид* (Еврипид) (ок. 480—406 до н. э.), древнегреческий поэт-драматург — 252
- Эльзевиры* (XVI—XVII вв.), семья нидерландских издателей и типографов, “эльзевирами” стали называть выпускаемые ими малоформатные издания — 74
- Эмбах*, нашумевшее дело французской наследницы миллионного состояния — 231
- Энгельгардт* Николай Александрович (1867—1942), писатель, публицист, критик — 311, 312, 314
- Энгельс* Фридрих (1820—1895), немецкий мыслитель и политический деятель, соратник К. Маркса — 314
- Эфрон* Савелий Константинович (Шель Хаимович) (1849—1926), писатель, мемуарист — 94
- Ювенал* Децим Юний (ок. 60 — ок. 127), римский поэт-сатирик — 141
- Ющинский* Андрей (ум. в 1911), подросток, убийство которого вызвало судебный процесс Бейлиса — 159
- Ярослав Осмомысл* (ум. в 1187), князь Галицкий — 289

СОДЕРЖАНИЕ

Последние листья. 1916 год	5
Последние листья. 1917 год	237
Война 1914 года и русское возрождение	253
На улицах Петербурга	255
Войны как великое воспитание	266
Забытые и ныне оправданные (Поминки по славянофилам)	269
Русское церковное воспитание и германские зверства	281
Обращение Верховного Главнокомандующего о Польше и о Чер- вонной Руси	288
Судьба Польши и слово Верховного Главнокомандующего	290
Немцы у себя и у нас	304
Департаментские немцы	308
Испорченный человек (Возражение Н. А. Энгельгардту)	311
К разрушению Реймского собора	314
Из армии и возле армии	316
КОММЕНТАРИИ	343
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	363

Василий
Васильевич
Розанов

Собрание сочинений

Последние листья

В оформлении книги использованы
фрагменты рисунков английского
художника О. Бёрдсли (1872—1898)
и рисунки античных художников

Заведующий редакцией
М. М. Беляев

Ведущий редактор
П. П. Апрышко

Редактор
Ж. П. Крючкова

Оформление художника
Т. С. Грудиной

Художественный редактор
О. Н. Зайцева

Технический редактор
Е. Ю. Куликова

Корректор
Т. А. Шабалина

ЛР № 010273 от 10.12.97.
Сдано в набор 18.01.2000.
Подписано в печать 09.06.2000.
Формат 60 × 84¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 25,30.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1735.

Электронный оригинал-макет
подготовлен в издательстве.

Издательство "Республика"
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма
"Красный пролетарий".
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “РЕСПУБЛИКА”

Выпускает

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В. В. РОЗАНОВА

В 1994—2000 гг.

вышли следующие тома:

- Т. 1 — Среди художников**
- Т. 2 — Мимолетное**
- Т. 3 — В темных религиозных лучах**
- Т. 4 — О писательстве и писателях**
- Т. 5 — Около церковных стен**
- Т. 6 — В мире неясного и нерешенного**
- Т. 7 — Легенда о Великом инквизиторе
Ф. М. Достоевского**
- Т. 8 — Когда начальство ушло...**
- Т. 9 — Сахарна**
- Т. 10 — Во дворе язычников**
- Т. 11 — Последние листья**

Подготовлены к выпуску:

- Т. 12 — Апокалипсис нашего времени (полный текст)**
- Т. 13 — Литературные изгнанники**
- Т. 14 — Семейный вопрос в России**
- Т. 15 — Листва**